КУЛЬТУРА НАЦЫЯ №31, красавік 2023 ISSN 2562-950

Часопіс "Культура. Нацыя"

Выданьне Беларускага інстытута навукі і мастацтва ў Канадзе

Вольга Ермалаева-Франко, "Гуканьне вясны"

Атава, Канада

- Пра часопіс!

Дарагія сябры!

Часопіс **“КУЛЬТУРА. НАЦЫЯ”** заснаваны як незалежнае перыядычнае выданьне, прызначанае для абмеркаваньня праблем беларускай культуры і нацыянальнага будаўніцтва.

Часопіс заснаваны ў 2012 годзе і напачатку меў назву “САКАВІК” (пад гэтай назвай выйшлі першыя шэсць нумароў). З 2018 года выходзіць два разы на год, да гэтага час выходзіў раз на квартал. З кастрычніка 2020 года часопіс набыў статус выданьня Беларускага інстытута навукі і мастацтва ў Канадзе (БІНІМ, Канада). Часопіс ***“КУЛЬТУРА. НАЦЫЯ”*** *публікуецца на вэб-старонцы www.sakavik.net*

Часопіс зьмяшчае арыгінальныя аналітычныя артыкулы, эсэ, а таксама абгрунтаваныя дыскусіі і каментары па гісторыі, мове, літаратуры, сацыялогіі, традыцыях і іншых пытаньнях, маючых дачыненьне да развіцьця беларускай нацыі і нацыянальнага будаўніцтва. Беларуская Мова – асноўная мова часопіса, але магчымы публікацыі і на іншых мовах. Запрашаем да супрацоўніцтва ўсіх зацікаўленых.

Свае матэрыялы дасылайце на:

Рэдакцыя часопіса:

Заснавальнік і рэдактар Пётра Мурзёнак

Сябры рэдакцыі Наталія Баркар

Юрась Грыбоўскі

Вольга Іпатава

Аляксандр Каралькевіч

Сяргей Панізьнік

Ігар Пракаповіч

Юрась Рапецкі

Галіна Туміловіч

Атава, Канада

Зьмест 31-га нумара часопіса *(стар. 3-4)*

На вокладцы часопіса – гравюра Вольгі Ермалаевай-Франко “Гуканне вясны”.

Прыемнага чытаньня

Пётра Мурзёнак, галоўны рэдактар часопіса

30 красавіка 2023 года, Атава

Наступны 32-мы нумар часопіса выйдзе ў лістападзе 2023 года

Слова рэдактара

Пётра Мурзёнак: “Вяртаючыся да Чарнобыля”

Пачаў пісаць прадмому да амаль гатовага 31-га нумара часопіса “Культура. Нацыя” менавіта 26 красавіка, у дзень калі ў 1986 годзе адбылася вялікая экалагічная катастрофа, якая стала яшчэ адным месіджам для чалавецтва пра наступныя “фукусімы” і холад пасляядзернай вайны. Сапраўды, прайшло 37 год з дня катастрофы, якая здарылася ў суботу. А ўжо на другі дзень пасля яе, калі многія супрацоўнікі Акадэміі навук Беларусі (але яшчэ не ўсё насельніцтва) ведалі пра яе, я па выхадзе з працы ў Інстытуце фізіялогіі НАН Беларусі, адчуў на сваёй скуры ліпкія кроплі атрутнага радыяцыйнага дажджу і дзяржаўнага злачыннага маўчання пра аварыю. Далей былі візіты ў Чарнобыль і даследаванні эфектаў малых доз радыяцыі на жывыя арганізмы, якія праводзіліся і ў маім аддзеле прыкладной фізіялогіі.

Аднак, сёння расце ўжо другое пакаленне беларусаў і украінцаў - нацыі, якія найбольш пацярпелі ад яе наступстваў, і чым далей, тым болей гэта праблема адыходзіць на задні план. Шмат чаго змянілася вакол Беларусі і далей у свеце, аднак, незаўважна значных істотных змен у самой краіне, дзе ўжо 29-ты год правіць дракон - у выглядзе “суседскага парсючка”, які выпадкова забег у наш агародчык і псуе, і топча там усё жывое - пасаджанае і нажытае беларускае.

Рэгулярнымі хвалямі каціліся адны за аднымі выбары ў прэзідэнты Беларусі за гэтыя гады – безнадзейныя - ды ўсё ж кожны раз з надзеяй. А раптам!?! Ды дракон усё больш упіваўся ў сваю ахвяру – у беларускі народ, які да гэтага часу ідзе з саўковай вяроўкай на шыі, накінутай Лукашэнкам - сатрапам каланіяльнай Расіі, у беларускі народ, які да гэтага часу ў значнай большасці не можа ўявіць сваё існаванне без “братэрскай імперскай Расіі”.

Аднак, гэта ж не адзіная прычына нашых няшчасцяў. Нерашучасць “памяркоўнага народа” можа працягвацца яшчэ доўга, хаця - вось жа украінцы - цярпелі-цярпелі, аднак, рашыліся. Чаму так магло здарыцца ва Украіне, а не ў Беларусі? Таму, што ва Украіне ў апошнія дзесяцігоддзі ўсталёўваліся свабода думкі (1), дэмакратыя (2), і разумная ўрэшце эліта (3). У Беларусі ж, дзякуючы дракону, няма ні першага, ні другога. Што тычыцца нацыянальнай эліты (3), то яна ніяк не прыме да розуму, што трэба яднацца і працаваць разам. Да безумоўнага, на мой погляд, Нацыянальнага лідэра, Святланы Ціханоўскай, не хочуць далучацца былыя лідэры, якія знаходзяцца сёння на волі, але прайграўшыя па розных прычынах раней. Нават маючы заслужаны

аўтарытэт з мінулага, яны не здольныя зрабіць такі крок з-за палітычнай блізарукасці, амбіцый, ці зайздрасці. Таму, ня маючы цэльную эліту, перамогі нам трэба яшчэ чакаць і чакаць. І толькі святло, якое ідзе з поўдня, з Украіны, дае надзею, што ў Беларусь могуць прыйсці змены - як і раней - пад уплывам знешніх сіл і абставін.

Пацверджаннем таму ёсць падзеі 1918 года, калі была абвешчана незалежнасць Беларускай народнай рэспублікі (БНР). БНР праіснавала толькі адзін год і былі не толькі аб’ектыўныя для таго прычыны, але і суб’ектыўныя, якія вынікалі з розных падыходаў і ідэй нацыянальнага будаўніцтва, а не з адзінай нацыянальнай ідэі, якую магчыма можна было б рэалізаваць нават у тых складаных умовах. Урокі тыя не былі вывучаны ні ў 2006, ні ў 2010, ні ў 2020 гадах. На жаль!

Тым не менш факел, запалены ў 1918 годзе гарыць, і пад ім мы адзначаем ужо 105-я ўгодкі ўтварэння БНР, і не пакідаем надзеі, што ідэалы БНР калі-небудзь рэалізуюцца. Таму і святкуем! У гэтым нумары, паважаныя чытачы, вы таксама знойдзеце матэрыялы, прысвечаныя 25-му сакавіка 1918 года (П.Мурзёнак, А. Логвін).

Як і раней, часопіс публікуе матэрыялы непасрэдна звязаныя з культурай і традыцыямі беларускай нацыі. М. Кенька прысвяціў артыкул беларускаму паэту У.Дубоўку - як перакладчыку, і даслаў таксама свае пераклады расказаў К.Чапэка. Т. Кенько даслала багаты матэрыял, прысвечаны Нацыянальнаму мастацкаму музею Беларусі, як яго калекцыям, сармацкаму жывапісу, так і творчасці асобных мастакоў (Брюллов, Куинджи, Пукирев). Серыя артыкулаў, прысвечаных музею, пададзена ў арыгінальным фармаце – у выглядзе падарожжа па залах. Таксама серыю артыкулаў нам даслаў А. Сімакоў, даследчык беларуска-індзейскіх сувязяў (у Канадзе пад тэрмінам “індзейцы” маюцца на ўвазе прадстаўнікі “першых нацый\First Nations”, *рэд.*). На гэты раз яго артыкулы прысвечаны дзейнасці протаіерэя М. Грынкевіча і беларуска-індзейскай кампаратывістыцы.

У гэтым нумары часопіса мы працягваем тэму Першай сусьветнай вайны – на гэты раз артыкулам Т. Кенько, у якім даецца пералік многіх кніг сусьветнай літаратуры пра вайну стогадовай даўнасці. Часткова, гэта зроблена для таго, каб пазнаёміць беларускага чытача з літаратурай (прозай, вершамі), прысвечанай малавядомай і далёкай вайне, а па другое, правесці аналогію з вайной сучаснай, якая адбываецца на нашых вачах. Гэтай жа тэме прысвечаны і другі артыкул Т. Кенько пра ваенныя вершы, якія пісаліся рускімі і беларускімі паэтамі (З.Бядуля, А.Куляшоў), непасрэднымі ўдзельнікамі Першай сусьветнай вайны.

Рэдакцыя змясціла ў нумары невялікі, але шчыры верш Л.Карповіча, філатэліста і беларускага патрыёта, напісаны ім непасрэдна па сканчэнні міжнароднай

канферэнцыі “Беларуская нацыя вачыма дыяспары і суайчыннікаў” (Атава, 12.11.2022).

І як заўсёды мы маем багата матэрыялаў ад нашага вельмі актыўнага і паважанага аўтара, паэта і грамадскага дзеяча – С. Панізьніка. Яго матэрыялы размешчаны ў розных рубрыках часопіса, што толькі падкрэслівае шырокі кругагляд і інтарэс аўтара да беларускіх традыцый, фальклору, яго цёплую і шчырую павагу да людзей, з кім б ён не сустракаўся. Тут, яго ўспаміны пра хроснага бацьку, Л.І.Кураша, шчырыя вясеннія віншаванні з хрысьціянскімі сьвятамі, Вербніцай і Вялікаднем, з адпаведнымі гэтым святам вершаванымі народнымі мудрасцямі (“У бяседзе – суседзі”), запісы пра духоўную веліч землякоў і скарбы маўлення на міёрска-дзісненскім мацерыку (“Згукі роднага Прыдзвіння”). Узгадваючы магілёўскі перыяд свайго жыцця, калі сп.Панізьнік вучыўся на фельчара, ён падае не толькі свае “студэнцкія” вершы, але і некалькі сваіх малюнкаў!!! І нарэшце, С.Панізьнік дапоўніў у гэтым нумары распачатую ім раней рубрыку “Каляндар памятных дат”, дзе ён у вершах ці ў прозе адзначае ў сваім календары творцаў, якія маюць у гэтым 2023 годзе важныя даты.

Рэдакцыя вельмі ўдзячна ўсім аўтарам артыкулаў, а таксама сп.Вользе Ермалаевай-Франко, мастачцы і грамадскаму дзеячу, якая даслала сваю гравюру “Гуканне вясны”, змешчаную на першай старонцы часопіса.

Рэдакцыя спадзяецца, што чытачам спадабаюцца матэрыялы 31-га нумара, як і папярэдніх ТРЫЦЦАЦІ нумароў часопіса “Культура. Нацыя”, выйшаўшых за 10 год яго дзейнасці (2013-2022). Будаўніцтва нацыі пачынаецца з сябе, з маленькіх кропелек і цаглінак, якія ўтвараюць ручайкі і рэкі, падмуркі і будынкі.

Editorial

Piotra Murzionak: "Returning to Chernobyl"

I started writing the preface to the almost finished 31st issue of the magazine "Culture. Nation" precisely on April 26, the day when a great environmental disaster occurred in 1986, which became another message for humanity about the next "fukushima" and the cold of the post-nuclear war. Indeed, 37 years have passed since the disaster that happened on Saturday. Already on the second day after it, when many employees of the National Academy of Sciences of Belarus (but not the whole population) knew about it, after leaving work at the Institute of Physiology of the National Academy of Sciences of Belarus, I felt on my skin sticky drops of poisonous radiation rain and the state's criminal silence about an accident. Then there were visits to Chernobyl and studies of the effects of small doses of radiation on living organisms, which were also carried out in my department of applied physiology.

However, today the second generation of Belarusians and Ukrainians is growing up - the nations that suffered the most from its consequences, and the further it goes, the more this problem recedes into the background. Many things have changed around Belarus and further in the world, however, significant changes have not been noticed in the country itself, where a dragon has ruled for 29 years already – a dragon in the form of a "neighbor's pig", who accidentally ran into our garden and spoils and tramples all living Belarusian things there.

Elections for the president of Belarus have been held in regular waves during many campaigns - hopeless and yet each time with hope. Might be!? Suddenly!?! However, the dragon feasted more and more on its victim - the Belarusian people, who are still walking with a soviet rope around their necks, thrown by Lukashenka - the satrap of colonial Russia, the Belarusian people, who until now, in their majority, cannot imagine their existence without "fraternal and imperial Russia".

However, this is not the only reason for our misfortunes. The indecisiveness of the "moderate people" can continue for a long time, although - here are the Ukrainians – they were patient, however, they made up their minds. Why could this happen in Ukraine and not in Belarus? Because freedom of thought (1), democracy (2), and finally a reasonable elite (3) were established in Ukraine in recent decades. In Belarus, thanks to the dragon, there is neither the first nor the second. As for the national elite (3), it doesn’t understand yet that it is necessary to unite and work together. Former leaders who are free today, but

who lost for various reasons earlier, do not want to join the unconditional, in my opinion, National leader Svjatlana Tsikhanouskaja. Even with the well-deserved authority from the past, they are unable to take such a step because of political myopia, ambition, or envy. Therefore, not having a solid elite, we still must wait and wait for victory. And only the light coming from the south, from Ukraine, gives a hope that changes can come to Belarus - as before - under the influence of external forces and circumstances.

This is confirmed by the events of 1918, when the independence of the Belarusian Democratic Republic (BNR) was declared. BNR existed for only one year and were not only objective for that reason, but also subjective, resulting from different approaches and ideas of national building, and not resulting from a single national idea that could possibly be implemented even in those complex conditions. Those lessons were not learned in 2006, 2010, or 2020. Unfortunately!

Nevertheless, the torch lit in 1918 burns, and under it we celebrate the 105th anniversary of the BNR, and we do not give up hope that the ideals of the BNR will ever be realized. That's why we celebrate! In this issue, dear readers, you will also find materials dedicated to March 25, 1918 (P. Murzionak, A. Logvina).

As before, the magazine publishes materials directly related to the culture and traditions of the Belarusian nation. M. Kenka dedicated the article to Belarusian poet U. Dubovka - as a translator and sent us translations of K. Chapek's stories. T. Kenko sent rich material dedicated to the National Art Museum of Belarus, both its collections, Sarmatian painting, and the work of individual artists (Bryullov, Kuindzhi, Pukirev). A series of articles devoted to the museum is presented in the original format - in the form of a journey through the halls. Also, a series of articles was sent to us by A. Simakou, a researcher of Belarusian-Indian relations (in Canada, the term "Indians" refers to representatives of the "First Nations", *ed.*). This time, these articles are devoted to the activities of Archpriest M. Grinkevich and Belarusian-Indian comparative studies.

In this issue of the magazine, we continue the theme of the First World War - this time with an article by T. Kenko, which lists many books of world literature about the war of a hundred years ago. Partly, this is done to acquaint the Belarusian reader with literature (prose, poems) dedicated to a little-known and distant war, and secondly, to draw an analogy with the modern war that is happening before our eyes. T. Kenko's second article is devoted to the same topic, about war poems written by Russian and Belarusian poets (Z. Byadulya, A. Kulyashov), who were direct participants in the First World War.

The editors included in the issue a small but sincere poem by L. Karpovich, a philatelist and Belarusian patriot, written by him directly after the end of the international conference

"Belarusian nation through the eyes of the diaspora and compatriots" (Ottawa, November 12, 2022).

And as always, we have a lot of materials from our very active and respected author, poet and public figure - S. Paniznyk. The materials are placed in different sections, which only emphasizes the author's broad outlook and interest in Belarusian traditions, folklore, his warm and sincere respect for people whomever he meets. Here, his memories of his godfather, L. I. Kurash, sincere spring congratulations on the Christian holidays, Verbnitsa and Easter, with poems of folk wisdom corresponding to these holidays ("Neighbors are at the Meeting"), notes on the spiritual greatness of the countrymen and treasures of speech on to the Miorska-Diesna mainland ("Sounds of the Native Calling"). Recalling the Magiljou period of his life, when Mr. Paniznik was studying to be a paramedic, he presents not only his "student" poems, but also some of his drawings!!! And finally, S.Paniznik added the column "Calendar of Memorable Dates", which he started in previous issues, where he notes in his calendar, in poems or in prose, creators who have important dates in this year.

The editors are very grateful to all the authors of the articles, as well as Ms. Volha Yermalaeva-Franko, an artist and public figure, who sent her engraving "The Sound of Spring\Gukanne vjasny", placed on the first page of the magazine.

The editors hope that the readers will like the materials of the 31st issue, as well as the previous THIRTY issues of the magazine "Kultura. Nation", released during TEN years of its activity (2013-2022). The building of a nation begins with itself, with small drops and bricks that will form streams and rivers, foundations, and buildings.

Артыкулы

Да 105-й гадавіны Беларускай Народнай Рэспублікі

Пётра Мурзёнак “**Гістарычная роль БНР і важныя факты з яе жыцця**”

Анатацыя. Па выніках працы І-га Ўсебеларускага з’езда былі зацверджаны тры гістарычныя дакументы, называемые Устаўнымі граматамі, у якіх Выканаўчы Камітэт Рады: абвясціў сябе часовай уладай на Беларусі для кіраваньня краем (І), абвясціў Беларусь Народнай Рэспублікай, БНР (ІІ), і абвясціў БНР незалежнаю і вольнаю дзяржавай. Гістарычная роля абвяшчэння незалежнасці БНР заключаецца ў тым, што яно ўпершыню адчыніла акно для беларускай дзяржаўнасці ў сучасны перыяд. Прааналізаваны некаторыя ўрокі з дзейнасці БНР. Выказаны пажаданні перамогі народу Украіны у вайне з агрэсіўнай Расіяй і надзея на тое, што беларускія людзі дамогуцца змен да лепшага жыцьця ў Беларусі – да ўсталявання дэмакратыі ў краіне, да павагі правоў чалавека, да стварэньня сапраўнай нацыянальнай дзяржавы.
Даклад зроблены на свяце “Дзень Волі-2023” у Атаве, 19 сакавіка 2023 года

Дарагія сябры! Шчыра віншую вас са 105-мі угодкамі абвяшчэння незалежнасці Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР) і жадаю вам усяго найлепшага. Мяне папрасілі выступіць з кароткай прамовай прысвечанай гэтай важнай у жыцці беларускага народа даце. Сваю прамову я назваў “**Гістарычная роль БНР і важныя факты з яе жыцця”.** Напачатку свайго выступлення, дазвольце прачытаць на дзвюх мовах, беларускай і англійскай, свой верш, прысвечаны гэтай падзеі. Ён называецца “НА САКАВІК”.

НА САКАВІК	***TO SAKAVIK***
Прыйшла чарговая вясна І з ёю Сакавік вызвольны. У промнях сонечнага дня Ён песціць мару долі вольнай. Праз пакаленьні і іспыт Нясе Ён для людзей надзею – Пасля ахвярнай барацьбы У краі не гудзець завеям. Ён прыйдзе ў родную зямлю, Каб расквяціцца ў мілым краі, Каб шчыра мовіў беларус “Люблю айчыну вольную, душой яе прымаю! З табой навекі, Беларусь!!!”	*Another spring is cheerfully coming.* *Along with SAKAVIK’ affair.* *The day of hope* *is getting closer sunny,* *and cherishes our freedom shares.* *Through generations’ resistance* *It saved a torch of liberation.* *While sacrifices give a chance -* *“No blizzards ever to our nation”.* *The freedom follows native land* *to bloom her gardens in despair,* *to all of us might proudly stand* *“Live Belarus! With you forever!”* *14.03.2012 – 7.03.2023, Атава*

Гістарычная роля абвяшчэння незалежнасці БНР заключаецца ў тым, што яно ўпершыню адчыніла акно для беларускай дзяржаўнасці ў сучасны перыяд. Абвяшчэнне незалежнасці БНР было вынікам працы I-га Ўсебеларускага з'езда, які праходзіў з 5 па 17 снежня 1917 года ў Мінску. Ён быў арганізаваны Вялікай Беларускай Радай – у складзе якой былі пераважна нацыянальна-свядомыя сілы, і Беларускім Абласным Камітэтам, створаным падчас 2-га Усерасійскага з'езда сялян ў Санкт-Пецярбургу, і ў складзе якога былі дэлегаты беларускіх правінцый, а таксама прадстаўнікі арміі і флота. Большасць дэлегатаў (больш за 90%) прадстаўлялі беларусы паветаў, паветаў, зямельных камітэтаў, настаўніцкіх арганізацый і інш.

У цэлым, можна сказаць, што 1872 дэлегаты, зарэгістраваныя на з'ездзе, прадстаўлялі шырокую палітру думак і палітычных напрамкаў. Такая разнастайнасць суправаджалася значнымі дэбатамі адносна вызначэння напрамку нацыянальнага будаўніцтва. Аднак, паводле К. Езавітава, адметнага беларускага нацыянальнага дзеяча, усе абмяркоўваеыя падыходы на з'ездзе былі звязаны з рознымі варыянтамі дзяржаўнай аўтаноміі Беларусі ў складзе Расійскай дэмакратычнай рэспублікі (напрыклад, вобласць у складзе Расійскай Федэрацыі, адна з расійскіх рэспублік, аўтаномнае кіраванне або поўнае далучэнне да Расіі).[1]

17 снежня 1917 г. з'езду удалося выпрацаваць кампрамісны тэкст рэзалюцыі аб самавызначэнні Беларусі, а затым асноватворную пастанову аб арганізацыі краёвай улады — Усебеларускага Савета рабочых, сялянскіх і салдацкіх дэпутатаў, які павінен быў кіраваць у Беларусі да склікання Устаноўчага Беларускага Сойму. На самім з'ездзе, абвяшчэння незалежнасці Беларусі не адбылося, бо ў ноч на 18 снежня 1917 г. бальшавікі ўварваліся ў залу суда, разагналі з'езд і арыштавалі членаў Прэзідыума і некаторых дэлегатаў. Аднак, ужо на наступны дзень Выканаўчы камітэт рады з'езда сабраўся ў паўлегальным стане і працягваў пачатую на з'ездзе працу. Вынікам яго сталіся тры гістарычныя дакументы, называемые Устаўнымі граматамі.

Устаўная грамата, дата прыняцця	**Прынятае рашэнне**
Першая 21 лютага 1918 года	Выканаўчы Камітэт Рады першага Усебеларускага Зьезду, папоўнены прадстаўнікамі рэвалюцыйнай дэмакратыі нацыянальных меншасьцяў, зьдзяйсьняючы мэты Зьезду, **абвяшчае сябе часовай** уладай на Беларусі для кіраваньня краем і

[1] Konstantin Ezavitau, "Pershy Usebelaruski zjezd," *Belaruskaja minuushchyna*, no. 1, (1993): 25–29.

	скліканьня, як можна хутчэй, Усебеларускага Установучага Сойму.[2]
Другая 9 сакавіка 1918 года	Беларусь у рубяжох расьсяленьня і лічэбнай перавагі беларускага народу **абвяшчаецца Народнай Рэспублікай.**
Трэцяя 25 сакавіка 1918 года	Цяпер мы, Рада Беларускай Народнай Рэспублікі, ськідаем з роднага краю апошняе ярмо дзяржаўнай залежнасьці, якое гвалтам накінулі расейскія цары на наш вольны і незалежны край. Ад гэтага часу Беларуская Народная Рэспубліка **абвяшчаецца незалежнаю і вольнаю. дзяржавай**. Самі народы Беларусі ў васобе Устаноўчага Сойму пастановяць аб будучых дзяржаўных зьвязях Беларусі.[3]

Гістарычная сіла прынятых дакументаў заключаецца, на мой погляд, у наступным:

па-першае, яна ў самой дэкларацыі стварэння Беларускай Народнай Рэспублікі і ў абвяшчэнні яе незалежнасці;

па-другое, Ураду (сакратарыяту) БНР, нягледзячы на працу ва ўмовах нямецкай акупацыі, за адзін 1918 год удалося шмат зрабіць для развіцьця адукацыі-школьніцтва і беларускай культуры; у дадатак, БНР выдавала пашпарты; мела дзяржаўную пячатку і дзяржаўныя сімвалы - бел-чырвона-белы сцяг і герб «Пагоня»; утрымлівала фінансава (г.зн. выплачывала зарплату і арэндавала адпаведныя памяшканні) дыпламатычныя і консульскія місіі у шэрагу краін (Баўгарыя, Грузія, Латвія, Літоўская Рэспубліка, Германія, Украіна, Чэхія, і інш.);

па-трэцяе, менавіта дзякуючы існаваньню БНР і яе ўраду, які дзейнічаў пачынаючы з 1919 года за мяжой, бальшавікі пайшлі на стварэньне БССР. Другое абвяшчэнне беларускай дзяржаўнасці - Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Беларусь (БССР) адбылося 1 студзеня 1919 года, у Смаленску, на канферэнцыі Расійскай камуністычнай партыі [бальшавікоў, РКП(б)] Паўночна-Заходняй вобласці;

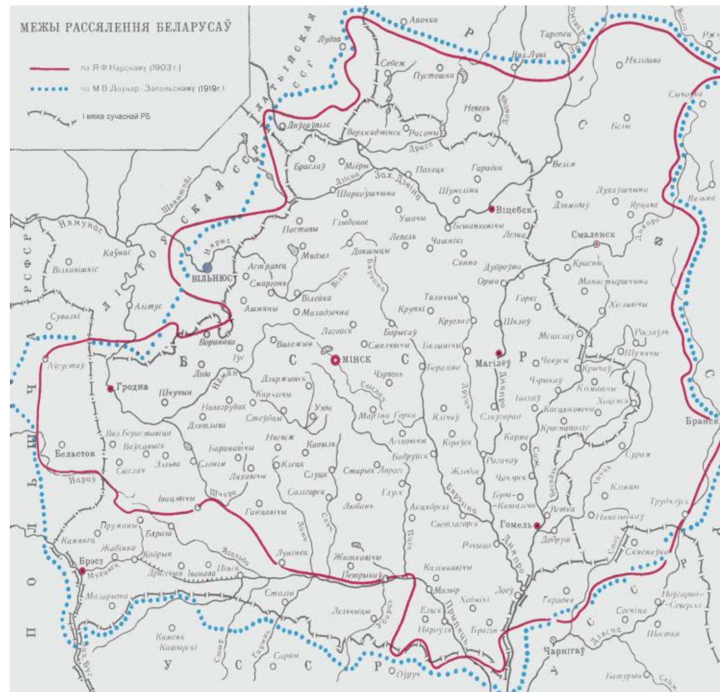
---

[2] *Archivy Belaruskaj Narodnaj Respubliki (BNR)*, ed. S. Shupa, Tom 1, Kniha 1–2, (Minsk, 1998), 48–49. The functions of the BNS were assigned as follows: Chairman and Secretary of Foreign Affairs – Jazep Varonka. The Secretariat had fourteen secretaries who represented a variety of national organizations, among them: the BSH – P. Badunova, T. Hryb, A. Karabach, P. Krecheusky, A. Smolich, K. Ezavitau; social-revolutionaries – G. Belkind, Ja. Bjalevich, P. Zlobin, V. Makrejeu, U. Redzka; M. Gutman (Jewish party), I. Serada (non-partisan), L. Zajats (popular socialist).

[3] As of March 25, 1918, the BNR Rada consisted of 77 members: 36 members were elected at the First All-Belarusian Congress, six from the Vilnja' Belarusian Council, 15 from the national minorities (Russian, Polish, Jewish), 10 from regional districts (zemstva), 10 from the cities.

чацвёртае, як сказана у Другой Устаўной грамаце, былі вызначаны межы рэгіёнаў з большасцю беларускага насельніцтва, што пацверджана яшчэ раз у Трэцяй Устаўной грамаце: “Беларуская Народная Рэспубліка павінна абняць усе землі, дзе жыве і мае лічбенную перавагу беларускі народ, а ласьне: Магілёўшчыну, беларускія часьці Меншчыны, Гродненшчыны (з Гродняй, Беластокам і інш.), Віленшчыны, Віцебшчыны, Смаленшчыны, Чарнігаўшчыны і сумежных часьцяў суседніх губэрняў, заселеных беларусамі.”

Характэрна, што вызначэнне межаў Беларусі базавалася на выніках працы даследчыкаў Беларусі, і гэтыя межы маюць сваю актульнасць па сёняшні дзень.

Межы пражывання этнічных беларусаў, паводле даследаванняў этнографаў Я.Ф.Карскага (1903 г., суцэльная лінія) і М.В.Доўнар-Запольскага (1919 г., пункцір), значна выходзяць за межы сучаснай тэрыторыі Беларусі (перарывістая лінія), дзе пражывала значная колькасць этнічных беларусаў - Вільня (Літва), Даўгаўпілс (Латвія), Беласток (Польшча), Невель, Себеж, Смаленск (Расія).

Урокі з дзейнасці БНР

1. Дзейнасць чатырох урадаў БНР у 1918 годзе праходзіла ва ўмовах нямецкай акупацыі і нямецкія ўлады не спрыялі стварэнню нацыянальнай арміі, паліцыі, судовай ці фінансавай сістэм, без якіх цяжка ўявіць існаванне рэальна дзеючай дзяржавы.

2. Паводле мірнага дагавора, падпісанага Расіяй, Германіяй, Аўстра-Венгрыяй, Балгарыяй і Турцыяй у Брэст-Літоўску 3 сакавіка 1918 г., Беларусь была падзелена на дзве часткі паміж Германіяй і Расіяй без абмеркавання яе статусу. Прадстаўнікоў БНР у Берасце не запрасілі. Згодна з Брэст-Літоўскім дагаворам ад Расіі адышлі Курляндыя, Літва, Лівонія і Эстляндыя. Украінская Народная Рэспубліка і Фінляндскае Каралеўства былі прызнаныя незалежнымі дзяржавамі.[4] Тое ж самае паўтарылася ў Рызе (1920) і Парыжы (1921), на канферэнцыі дзе моцныя дзяржавы вырашалі лёс маленькіх дзяржаў, і дзе інтарэсы беларусаў ніхто не прадстаўляў.

3. У 1918 г. Рада БНР перажыла шэраг палітычных крызісаў. Менш чым за год было чатыры ўрады.[5] Прычын такіх частых змен было некалькі: супярэчнасці лідэраў нацыянальна-дэмакратычнага руху ў адносінах да Расіі і Польшчы; адсутнасць істотнай падтрымкі з боку насельніцтва; і адсутнасць дакладных планаў адносна нацыяналізацыі зямлі. Прапольская палітыка ўрада Луцкевіча выклікала крызіс у Радзе БНР; апошняя была расколата на дзве часткі 13 снежня 1919 г. у Мінску. У пачатку 1920 г. існавалі дзве Рады БНР – Найвышэйшая (на чале з Язэпам Лёсікам) і Народная (Пётра Крэчэўскі) і два ўрады БНР з А. Луцкевічам і В. Ластоўскім, адпаведна. У далейшым, асабліва пасля 1925 года, актыўная дзейнасць Рады БНР паступова змяншалася. Мы рады адзначыць, што Рада БНР праягвае справу і ў нашы дні, дзе як лідар, сп.Івонка Сурвіла жыве і працуе разам з намі ў Атаве.

4. Стварэнне Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Беларусь (БССР) і ўключэнне яе ў склад СССР было працягам каланіяльнай палітыкі Расіі, якая распачалася з захопу Расійскай імперыяй Рэчы Паспалітай ў 1895 годзе; у склад РП на той час уваходзіла ВКЛ, дзе 9 з 10 правінцый былі беларускімі.

5. Пасля змены перыяда нацыянальнай ідэнтыфікацыі ў СССР у 30-я гады мінулага стагоддзя на будаўніцтва камунізма і сусветную рэвалюцыю амаль усе носьбіты беларускай нацыянальнай ідэі былі закатаваны\забіты падчас рэпрэсій уключаючы выбітных дзеячаў БНР, якія засталіся працаваць у савецкай сістэме: сфрод іх, старшыні Рады БНР, Іван Серада, Язэп Лёсік, кіраўнікі ўрадаў БНР – Раман Скірмунт, Антон Луцкевіч, Вацлаў Ластоўскі, Аляксандр Цвікевіч.

[4] For comparison, we provide the date of declaration of independence from our neighbors while the future fate of each of these countries had their own no less complex histories than Belarus: Ukraine – June 10, 1917, Moldova – January 24, 1918, Lithuania – February 16, 1918, Estonia – February 24, 1918, Latvia – November 18, 1918, Georgia – May 26, 1918, Poland – November 11, 1918 (the day of the end of WWI).

Для параўнання падаем дату абвяшчэння незалежнасці у нашых суседзяў, а далейшы лёс кожнай з гэтых краінаў меў сваю не менш складаную гісторыю, чым Беларусь: Украіна – 10 чэрвеня 1917 г., Малдова – 24 студзеня 1918 г., Літва – люты. 16.05.1918, Эстонія – 24.02.1918, Латвія – 18.11.1918, Грузія – 26.05.1918, Польшча – 11.11.1918 (дзень заканчэння 1-й сусветнай вайны).

[5] Dorota Mikhalyuk, “Chatyry urady BNR na miznarodnaj arene u 1918–1920 (peraklad z polskaj M. Zapartyki), *Arche,* March 18, 2013, https://news.arche.by/by/page/science/historya-navuka/11096.

Паважаныя сябры! Безумоўна, будучае Беларусі залежыць ад людзей, якія жывуць як на радзіме, так і далёка за яе межамі. Мы выказваем нашу павагу і да тых, хто сёння ў няволі, у засценках гнуснага рэжыма. Мы таксама зычым перамогу Украіне. Тое, што мы тут сёньня сабраліся на свята, сведчыць аб незгаснасці ідэй 25 сакавіка і адлюстроўвае нашу салідарнасць і наш гонар за ўсіх людзей, якія дамагаюцца змен да лепшага жыцьця ў Беларусі – да ўсталявання дэмакратыі ў краіне, да павагі правоў чалавека, да стварэньня сапраўнай нацыянальнай дзяржавы.
Дзякую! Слава героям! Жыве Беларусь!

Presentation in English

Piotra Murzionak: "Historical role of the BNR and important facts from its life"

Belarusian Institute of Arts and Sciences, Canada

Dear friends! I sincerely congratulate you on the 105th anniversary of the declaration of independence of the Belarusian Democratic Republic and wish you all the best. I was asked to make a short speech dedicated to this important date in the life of the Belarusian people. The title of my speech is "Historical role of the BNR and important facts from its life". At the beginning, let me to read my poem "***TO SAKAVIK"*** dedicated to this event written in Belarusian and translated recently to English.

НА САКАВІК	***TO SAKAVIK***
Прыйшла чарговая вясна І з ёю Сакавік вызвольны. У промнях сонечнага дня Ён песціць мару долі вольнай. Праз пакаленьні і іспыт Нясе Ён для людзей надзею – Пасля ахвярнай барацьбы У краі не гудзець завеям. Ён прыйдзе ў родную зямлю, Каб расквяціцца ў мілым краі, Каб шчыра мовіў беларус "Люблю айчыну вольную, душой яе прымаю! З табой навекі, Беларусь!!"	*Another spring is cheerfully coming.* *Along with SAKAVIK' affair.* *The day of hope* *is getting closer sunny,* *and cherishes our freedom shares.* *Through generations' resistance* *It saved a torch of liberation.* *While sacrifices give a chance -* *"No blizzards ever to our nation".* *The freedom follows native land* *to bloom her gardens in despair,* *to all of us might proudly stand* *"Live Belarus! With you forever!"* *14 сакавіка 2012 - 7 сакавіка 2023 года, Атава*

The historical role of the declaration of independence of the BNR is that it opened a window for Belarusian statehood in the modern period for the first time. The declaration of independence of the BNR was the result of the work of the 1st All-Belarusian Congress,

which was held from December 5 to 17, 1917 in Minsk. It was organized by the Great Belarusian Council, which consisted mainly of nationally conscious forces, and the Belarusian Regional Committee, created during the 2nd All-Russian Congress of Peasants in St. Petersburg, which included delegates from Belarusian provinces, as well as representatives of the army and the fleet. Most delegates (more than 90%) represented Belarusians from counties, districts, land committees, teachers' organizations, etc.

In general, it can be said that the 1,872 delegates registered at the congress represented a wide range of thoughts and political directions. Such diversity was accompanied by considerable debate regarding the direction of nation-building. However, according to K. Yezavitov, a distinguished Belarusian national figure, all the approaches discussed at the congress were related to various options for the state autonomy of Belarus within the Russian Democratic Republic (for example, a region within the Russian Federation, one of the Russian republics, autonomous administration, or full accession to Russia).

On December 17, 1917, the congress managed to work out a compromise text of the resolution on self-determination of Belarus, and then a fundamental resolution on the organization of the regional government - the All-Belarusian Council of Workers', Peasants' and Soldiers' Deputies, which was to rule in Belarus until the convocation of the Constituent Belarusian Diet. At the congress itself, the declaration of independence of Belarus did not take place, because on the night of December 18, 1917, the Bolsheviks broke into the courtroom, dispersed the Congress and arrested members of the Presidium and some delegates. However, the very next day, the Executive Committee of the congress met in a semi-legal state and continued the work begun at the congress. It resulted in three historical documents called the Charters.

Incorporation, date of adoption	**Decision made**
The FIRST **February 21, 1918**	The Executive Committee of the Council of the first All-Belarusian Congress, filled with representatives of the revolutionary democracy of national minorities, fulfilling the goals of the Congress, **declares itself a temporary authority in Belarus** to manage the region and convene the All-Belarusian Constituent Diet as soon as possible.
The SECOND **March 9, 1918**	**Belarus is declared a Democratic Republic** within the limits of settlement and the numerical superiority of the Belarusian people
The THIRD **March 25, 1918**	Now we, the Council of the BNR, throw off from our native land the last yoke of state dependence, which the Russian tsars forcibly imposed on our free and independent land. From now on, **the Belarusian Democratic Republic is declared independent and free state**. The people of Belarus themselves, in the name of the Constituent Diet, will decide on the future state relations of Belarus.

The historical strength of the adopted documents lies, in my opinion, in the following:

Firstly, it is in the very declaration of the creation of the BNR and in the declaration of its independence.

secondly, the Government (Secretariat) of the BNR, despite working under the conditions of German occupation, managed to do a lot for the development of education and Belarusian culture in one year of 1918; in addition, the BNR issued passports; had the state seal and state symbols - white-red-white flag and coat of arms "Chase"; financially supported (i.e. paid salaries and rented appropriate premises) diplomatic and consular missions in a number of countries (Bulgaria, Georgia, Latvia, the Republic of Lithuania, Germany, Ukraine, the Czech Republic, a.o.);

thirdly, it was thanks to the existence of the BNR and its government, which had been operating abroad since 1919, that the Bolsheviks set about creating the BSSR on January 1, 1919, in Smolensk, at the conference of the Russian Communist Party [Bolsheviks, RCP(b)] of the North-West Region;

fourth, as stated in the Second Constitutional Charter, the borders of the regions with the majority of the Belarusian population were determined, which was confirmed once again in the Third Constitutional Charter.

It is noteworthy that the definition of the borders of Belarus was based on the results of the work of Belarusian researchers, and these borders are still relevant today. According to the studies of ethnographers Y.F. Karski and M.V. Dounar-Zapolskyi, the boundaries of the residence of ethnic Belarusians significantly extend beyond the borders of the modern territory of Belarus (dashed line), where a significant number of ethnic Belarusians lived.

Lessons from the BNR

1. The activities of the four governments of the BNR in 1918 took place under the conditions of German occupation, and the German authorities did not contribute to the creation of a national army, police, judicial or financial systems, without which it is difficult to imagine the existence of a truly functioning state.

2. According to the peace treaty signed by Russia, Germany, Austria-Hungary, Bulgaria and Turkey in Brest-Litovsk on March 3, 1918, Belarus was divided into two parts between Germany and Russia without discussing its status. BNR representatives were not invited to Brest. According to the Treaty of Brest-Lithuania, Courland, Lithuania, Livonia and Estonia left Russia. The Ukrainian People's Republic and the Kingdom of Finland were recognized as independent states. The same thing happened again in Riga (1920) and Paris

(1921), at a conference where strong states decided the fate of small states, and where no one represented the interests of Belarusians.

3. In 1918, the Council of the BNR experienced a number of political crises. There were four governments in less than a year. There were several reasons for such frequent changes: the contradictions of the leaders of the national-democratic movement in relation to Russia and Poland; lack of significant support from the population; and the lack of clear plans regarding land nationalization. The pro-Polish policy of Lutskevich's government caused a crisis in the Council of the BNR; the latter was split into two parts on December 13, 1919 in Minsk. At the beginning of 1920, there were two Councils of the BNR - the Supreme Council (headed by Yazep Ljosik) and the People's Council (Pyotr Krecheuski) and two governments of the BNR with A. Lutskevich and V. Lastovsky, respectively. In the future, especially after 1925, the active activity of the Council of the BNR gradually decreased. We are glad to note that the Council of the BNR is still working today under leadership of Ms. Ivonka Survila who lives and works with us in Ottawa.

4. The creation of the Belarusian Soviet Socialist Republic (BSSR) and its incorporation into the USSR was a continuation of Russia's colonial policy, which began with the Russian Empire's seizure of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1895; at that time, the the Polish-Lithuanian Commonwealth the Grand Duchy of Lithuania, where 9 out of 10 provinces were Belarusian.

5. After the change of the period of national identification in the USSR in the 30s of the last century to the construction of communism and the world revolution, almost all bearers of the Belarusian national idea were tortured/killed during the repressions, including prominent figures of the Belarusian People's Republic who remained working in the Soviet system: among them, the chairman Councilors of the BNR, Ivan Serada, Yazep Lesik, heads of governments of the BNR - Roman Skirmunt, Anton Lutskevich, Vaclav Lastovsky, Alexander Tsvikevich.

Dear friends! Undoubtedly, the future of Belarus depends on people who live both in the homeland and far beyond its borders. We also express our respect to those who are in captivity today, in the dungeons of a vile regime. We also wish the victory to Ukraine.

The fact that we have gathered here today for the holiday testifies to the irreducibility of the ideas of March 25 and reflects our solidarity and our pride for all people who are striving for changes for a better life in Belarus - for the establishment of democracy in the country, for respect for human rights, for the creation of a real national state.

Thank you! Glory to Ukraine! Long Live Belarus! Жыве Беларусь!

Пётра Мурзёнак "Историческая роль БНР и важные факты из ее жизни". *К 105-летию Беларусской Народной Республики*

(веб-журнал “Культура. Нация”, вып. 31, апрель 2023, 11-20, www.sakavik.net)

Аннотация. По результатам работы I-го Всебелорусского съезда (5-17 декабря 1918 года) были утверждены три исторических документа, именуемые Конституционными (Уставными) Грамотами, в которых Исполнительный комитет съезда: объявил себя временным руководящим органом в Беларуси (I), объявил Беларусь Народной Республикой, БНР (II), и объявил БНР независимым и свободным государством. Историческая роль провозглашения независимости БНР заключается в том, что оно впервые открыло окно для беларусской государственности в современный период. Анализируются некоторые уроки деятельности БНР. Были высказаны пожелания победы народу Украины в войне с агрессивной Россией и надежда на то, что беларусский народ добьется перемен для лучшей жизни в Беларуси – установления демократии в стране, соблюдения прав человека, создание настоящего национального государства.
Доклад сделан на празднике «День Воли-2023» в Оттаве, 19 марта 2023 года.

Piotra Murzionak: “Historical role of the BNR and important facts from its life”. *To the 105th anniversary of the Belarusian People's Republic*

(webzine “Kultura.Natsyja”, issue 31, April 2023, 11-20, www.sakavik.net)

Abstract. According to the results of the work of the 1st All-Belarusian Congress, three historical documents, called Constitutional Charters, were approved, in which the Executive Committee of the Congress: declared itself a temporary authority in Belarus to manage the country (I), declared Belarus as People's Republic, BNR (II), and declared the BNR an independent and free state. The historical role of the declaration of independence of the BNR is that it opened a window for Belarusian statehood in the modern period for the first time. Some lessons from the activities of the BNR are analyzed. Wishes were expressed for the victory of the people of Ukraine in the war with aggressive Russia and the hope that the Belarusian people will achieve changes for a better life in Belarus - for the establishment of democracy in the country, for respect for human rights, for the creation of a real national state.

The report was made at the "Freedom Day-2023" in Ottawa on March 19, 2023.

Міхась Кенька: Дубоўка – перакладчык ***(па матэрыялах з архіва)***

Анатацыя. Беларускі паэт, празаік і крытык Уладзімір Мікалаевіч Дубоўка (1901 - 1976) плённа займаўся і мастацкім перакладам. Ён ведаў англійскую, польскую, украінскую і рускую мовы, перакладаў пераважна з арыгіналаў. Аўтар артыкула пазнаёміўся ў архіве У. Дубоўкі, які захоўваецца ў адддзеле рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі Акадэміі навук Рэспублікі Беларусь, з рукапісамі яго перакладаў. Яго назіранні і ляглі ў аснову артыкула.

Пра Дубоўку-перакладчыка напісана не так ужо і многа. Між тым, ён стаяў ля вытокаў беларускага перакладу, многа зрабіў для яго развіцця. Першы яго пераклад (верш Д. Г. Байрана "На дзень разбурэння Ерузаліму Цітам") з'явіўся ў друку яшчэ ў 1922 годз. У фондзе Дубоўкі, які захоўваецца ў аддзеле рэдкіх кніг Цэнтральнай навуковай бібліятэкі Акадэміі навук Рэспублікі Беларусь, маецца досыць многа рукапісаў перакладзеных ім твораў. Аўтару гэтых радкоў пашчасціла пазнаёміцца з імі. Сярод іх аказаліся пераклады з англійскай мовы: санеты В. Шэкспіра, паэмы і вершы Д. Г.Байрана, верш Р. Бернса; з польскай: вершы У. Сыракомлі і Я. Аношкі; з рускай: вершы А. Пушкіна, В. Брусава, С. Ясеніна; з украінскай: вершы У. Сасюры і М. Рыльскага.

Сярод рукапісаў ёсць і творы, перакладзеныя Дубоўкам з моў, якіх ён не ведаў, па падрадкоўніку: вершы Ду Фу, А. Наваі, асобныя творы кітайскіх і японскіх аўтараў. Дубоўка рыхтаваў і падрадкоўнікі некаторых сваіх вершаў для выдання іх на рускай мове. І што самае цікавае: ён зрабіў пераклады пяці ўласных вершаў ("На родных прасторах", "Чакае ля берагу човен мяне", Восень", "Верас", "Знаў я шчасце") на англійскую мову. Для чаго гэта рабілася невядома.

Дубоўка цікавіўся тым, як былі перакладзены на рускую мову ягоныя вершы, і, відаць, не заўсёды быў імі задаволены. Сярод рукапісаў ёсць лісток, на якім выпісаны верш "О Беларусь, мая шыпшына", перакладзены Сямёнам Бацвіннікам, а ніжэй некалькі варыянтаў перакладу, зробленых Дубоўкам. Вось як выглядаў пераклад першай страфы, выкананы С. Бацвіннікам:

О Беларусь, лесная роза,
Зелёный лист, багровый цвет!
Тебя сломить не смогут грозы,
Не зарастёшь полынью, нет.

Гэты верш, відаць, быў асабліва дарагі Дубоўку. Спачатку ён паспрабаваў правіць яго, закрэсліў "лесная роза" і надпісаў зверху "ты словно роза", а "багровый"

пераправіў на "багряный". Але потым і гэта яму не спадабалася. Пачаў перакладаць сам сябе:

О Беларусь, простор родимый,
В венке зелёном алый цвет!
Тебя ни бури ни сломили,
Не заросла полынью ты.

Наколькі можна здагадацца, Дубоўка паспрабаваў перакласці гранічна блізка да арыгіналу, але ў апошняй страфе не удалося падабраць рыфму. Тады быў створаны новы варыянт:

О Беларусь, в венке зелёном,
Шипоповника пурпурный цвет!
Ты в грозных бурях устояла.
Неугасим и твой рассвет.

На гэты раз прапала рыфма ў другім радку. Але асабліва не спадабалася Дубоўку тое, што не стала "полыни". Ён нават тройчы напісаў гэтае слова на палях рукапісу. І, мусіць, зразумеўшы, што аўтапераклад патрабуе ад аўтара большых ахвяр, чым проста пераклад, бо даводзіцца аддаваць нешта сваё, дарагое, з чым зрадніўся, Дубоўка не стаў рабіць новых спроб.

Больш настойлівым, і гэта добра прасочваецца па рукапісах, ён быў у сваіх перастварэннях з англійскай мовы. У рукапісах ёсць ад трох да пяці варыянтаў перакладаў санетаў В. Шэкспіра, вершаў Д. Байрана. Маюцца на ўвазе, варыянты, цалкам перароблены, а колькі яшчэ ёсць пераробак асобных строф, радкоў, слоў! Вось толькі адзін прыклад, пераклад надзвычай папулярнага 66-га санета В. Шэкспіра. Асабліва доўга працаваў Дубоўка над першымі чатырма радкамі. Вось як ішла праца над імі. Так выглядае арыгінал:

Tired with all these, for restful death. I cry,
As, to behold desert a beggar born,
And needy nothing trimm'd in jollity,
And purest faith unhappily forsworn…

А ў перакадчыка спачатку нарадзіліся такія радкі:

Знябыўся я. Памерці б нават рад,
Каб не глядзець на ўсю няпраўду ў свеце,
Дзе кпіць з людзей і здзекуецца кат,
Дзе ў рызманы адзеты праўды дзеці.

Трэці і чацверты радкі тут жа правяцца:

Дзе над людзямі здекуецца кат.
А дзеці праўды ў рызманы адзеты.

Але Дубоўка не задаволены. Мабыць таму, што адчувае некаторую ненатуральнасць выразаў, "кніжнасць" выказвання. Спрабуе перакласці іначай:

Знябыўся я … Сустрэць мне лепей смерць,
Чым бачыць вартасць у жабрачым стане,
І здзек маны над шчырасцю цярпець,
І над сумленнем крыўды панаваннне.

І тут нешта не тое. Яшчэ адзін варыянт:

Знябыўся я… Сустрэць мне лепей смерць,
Чым бачыць вокал крыўды панаванне,
І здзек пустой нікчэмнасці цярпець,
І чыстых духам бачыць жабраванне.

Тут нарадзіліся ўжо два радкі, блізкія да канчатковага варыянту, трэці і чацверты (якія ў крыху відазмененым выглядзе пазней стане другім). Але Дубоўка зноў вяртаецца да першых радкоў:

Стаміўся я… Сустрэць мне лепей смерць,
Чым бачыць бедакоў на жабраванні.

Ужо бліжэй да натуральнасці, але яшчэ не зусім. Новы варыянт дае, нарэшце, добры "запеў" у першым радку, але працяг зноў не атрымліваецца, у ім ёсць нават пропуск:

Стамлёны ўсім, я рад сустрэць бы смерць,
Чым бачыць жабраванне,
І здзек пустой нікчэмнасці цярпець,
І як ад крыўды праўда ў свеце гіне.

Нарэшце Дубоўка вяртаецца да некаторых знаходак у ранейшых варыянтах, "пераплаўляе" іх, і вось нараджаецца самы натуральны, канчатковы варыянт:

Стамлёны ўсім, я лепш сустрэў бы смерць,
Чым занядбаных бачыць жабраванне,
І здзек пустапарожнасці цярпець,
І найчысцейшай праўды зняважэнне.

Гэты санет перакладаўся і рускімі паэтамі. Вось тое ж чатырохрадкоў'е ў перакладзе С. Маршака:

Зову я смерть. Мне видеть невтерпёж
Достоинство, что просит подаянье,

Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в раскошном одеянье.

А гэта пераклад Б. Пастарнака:

Измучась всем, я умереть хочу,
Тоска смотреть, как мается бедняк,
И как шутя живётся богачу,
И доверять, и попадать впросак…

Нават гэты невялікі прыклад і то дазваляе зазірнуць у лабараторыю майстра-перакладчыка. Ён сведчыць аб тым, наколькі патрабавальна ставіўся Дубоўка да сваёй працы па пераўвасабленню арыгінала. Даследчыкам адкрыецца яшчэ шмат новага пры далейшым супастаўленні ўсіх варыянтаў дубоўкавых перакладаў.

Акрамя саміх тэкстаў, варыянтаў, пераробак ёсць у архіве У. Дубоўкі і шэраг "спадарожных" матэрыялаў, якія даюць магчымасць зразумець многія з'явы, што садзейнічалі ягонай працы перакладчыка, передвызначалі выбар аўтараў і твораў. Вось як у лісце да В. Палікарпава ад 13.4.1967 паэт тлумачыць, чаму ён пераклаў верш С. Ясеніна "Персідскі матыў" (надрукаваны ў газеце "Савецкая Беларусь" 25 кастрычніка 1925 г.): "Думаю, што прычына адна -- пашана да памяці такога цудоўнага паэта, якога я ведаў асабіста, не аднойчы слухаў чытанне ягоных вершаў. Ён прыходзіў часта ў наш інстытут"…

А вось падобнае сведчанне (з нататкі "Успамін пра Сасюру") цікавасці да паэзіі У. Сасюры і яго самога: "У сакавіку 1924 года я ўпершыню прыехаў у Харкаў (на шаўчэнкаўскае свята), дзе асабіста пазнаёміўся бадай з усімі украінскімі паэтамі і пісьменнікамі, у тым ліку і з Уладзімірам Мікалаевічам. Спадабаліся мне ягоныя вершы, спадабаўся ён сам, як чалавек"… Там жа У. Дубоўка згадвае, што вельмі любіў вершы М. Рыльскага, многія з іх ведаў напамяць. Прачытаеш гэта, і становіцца зразумелым, чаму ў Дубоўкі з'явіліся пераклады вершаў Сасюры, Тычыны, Брусава, Асеева, Пракоф'ева.

А вось радкі з ліста, дзе выказваецца захапленне вершамі У. Сыракомлі: "…яны проста шэдэўры. Асабліва пра негра. Ды і другі як бы сёння напісаны. А кажуць, што гісторыя не паўтараецца." Ці не лепшае тут пацвярджэнне таму, што не толькі асабістыя схільнасці да паэзіі сучаснікаў, але і сугучнасць паэзіі мінулых дзён падзеям сучаснасці пабуджала Дубоўку перакладаць Шылера, Сыракомлю, уплятаць іх радкі ў свае вершы. Ды так, што следчыя не паверылі ў тое, што крамольныя радкі пра турму, вязня належаць не яму, што яны перакладзены…

Праца Дубоўкі-перакладчыка - гэта пэўны этап у развіцці і станаўленні беларускага мастацкага перакладу.

Михась Кенька: Дубовка - переводчик *(по материалам архива)*
(веб-журнал “Культура. Нация”, вып. 31, апрель 2023, 21-25, www.sakavik.net)

Резюме. Беларусский поэт, прозаик и критик Владимир Николаевич Дубовка (1901 - 1976) также плодотворно занимался художественным переводом. Знал английский, польский, украинский и русский языки, переводил в основном с оригиналов. Автор статьи ознакомился с рукописями его переводов в архиве В.Н. Дубовки, который хранится в отделе редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук Республики Беларусь. Эти наблюдения легли в основу статьи.

Mihas Kenka: Dubouka - translator *(based on materials from the archive)*
(webzine “Kultura.Natsyja”, issue 31, April 2023, 21-25, www.sakavik.net)

Abstract. Belarusian poet, novelist and critic Uladzimir Mikalaevich Dubouka (1901 - 1976) was also fruitfully engaged in literary translation. He knew English, Polish, Ukrainian, and Russian languages, translated mainly from the originals. The author of the article got acquainted with the manuscripts of his translations in the archive of U. Dubouka, which is kept in the department of rare books and manuscripts of the Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus. These observations formed the basis of the article.

Татьяна Кенько: Аннотация к серии статей, посвящённых Национальному художественному музею Беларуси

(веб-журнал "Культура. Нация", вып. 31, апрель 2023, 26-117, www.sakavik.net)

Аннотация. В серии статей освещается история национального художественного музея в Минске, роль Е.В.Аладовой в его создании, а также вы станете участником путешествия по залам музея, включая первую и вторую коллекцию картин, портреты из Гродно и Несвижа (сарматская живопись), и плзнакомитесь с известнейшими полотнами таких художников как К.Брюллов, В.Пукирев, А. Куинджи.

Татьяна Кенько: Путешествие в Национальный художественный музей Беларуси. Первая коллекция

Дом, который вы видите, находится на одной из старейших улиц города. До революции 1917 года она называлась Подгорной. В 1919 году, после кратковременного визита в Минск Свердлова[6], улицу назвали его именем, а в 1922 году стала улицей Карла Маркса. За 200 с лишним лет существования на ней случилось много событий. Есть здесь и дома с занимательной биографией. О них можно узнать во время экскурсий, которые проводят в этой части города. Но сейчас нас интересует только один дом под №29. С 1899 года в нем находилось здание женской Мариинской гимназии, принадлежавшей «ведомству, учрежденному императрицей Марией Федоровной»[7]. И ежедневно к его подъезду спешили 560 девочек и девушек. Кстати, в числе выпускниц гимназии были знаменитые

[6] С Минском Свердлова связывает участие в Первом Всебелорусском съезде Советов в феврале 1919 года.

[7] В 1913 году в Минске были две мужские и пять женских гимназий, два училища, коммерческое училище, две женские прогимназии и духовная семинария. Из них одна мужская и три женские гимназии, а также одно училище и прогимназии были частными.

минчанки: народные артистки Беларуси Лидия Ржецкая и Вера Полло, лауреат множества орденов, народная артистка СССР Стефания Станюта, уникальная певица Ирма Яузем, исполнявшая песни народов мира на 50 языках[8]. После революции здание передали Высшей Коммунистической сельскохозяйственной школе, а в 1939 году – только что созданной картинной галереи БССР.

Надо отметить, что попытки создать художественные музеи в республике уже были. В начале 1920-ых годов в Витебском народном художественном училище существовал музей живописной культуры, который должен был знакомить учеников с новейшими течениями в живописи и их представителями. Многое для музея привёз Казимир Малевич. Но! – не смогли предоставить необходимое помещение, штатов, хотя работы сторонники Малевича пытались спасти, – рассказывает заместитель директора по науке Витебского краеведческого музея Валерий Шишанов. – Вера Ермолаева вывезла две работы в Петроград для коллекции создававшегося в то время музея художественной культуры. Затем также неоднократно приезжали из Петрограда, чтобы забрать какое-то количество работ. И надо сказать, что та часть, которая была вывезена в те годы в Петроград, сохранилась и сейчас является украшением коллекции Русского музея. Позже, уже в 1930-ых годах, в Витебске существовала галерея Юделя Пэна, но она, по-видимому, комплектовалась только работами самого художника. Так, 10 декабря 1939 года «Советская Белоруссия» сообщает: – Витебская картинная галерея Ю.М. Пэна пополнилась новыми работами художника, прежде не выставлявшимися. Среди них «Женский портрет» (1888 г.), автопортрет (1932 г.) и другие.

Вы спросите, почему художественный музей в столице Белоруссии был образован только в 1939 году? Ведь проблема создания самостоятельного художественного музея поднималась белорусскими скульпторами Азгуром, Бразером, Грубе, Карпенко еще в 1932 году. Но вопрос не был решен до 1937 года, пока при Институте литературы, искусства и языковедения Академии Наук БССР не создали специальную группу по организации республиканской картинной галереи. Прошло еще 2 года, и, наконец, 24 января 1939 года вышло постановление Совнаркома БССР о положительном решении данного вопроса. Уже через две недели в новое учреждение было передано более 400 произведений искусства из государственного социально-исторического музея: портреты, натюрморты, пейзажи. Местом их размещения и стал дом бывшей гимназии. А 9 марта у галереи появился и директор – Николай Петрович Михолап.

[8] В числе учениц Яузем были Жанна Бичевская и Алла Пугачева.

Родился он в Минске 28 апреля 1886 года в семье железнодорожника. Еще во время учебы в церковно-приходской школе и городском училище с увлечением занимался рисованием. В 1905 году поступил в Петербургское училище технического рисования барона Штиглица[9], где вначале серьезно изучал графику у известного художника Матэ, затем керамику – у Густава Шкилтера – ученика Родена. Помимо занятий активно посещал белорусский кружок молодежи, где подружился с Янкой Купалой, стал оформителем первой постановки «Павлинки», изучал в публичной библиотеке имени Салтыкова Щедрина белорусские узоры на слуцких поясах и керамике[10].

Его дипломной работой стала фаянсовая скульптура «Зубр», которую он выполнил в 1913 году, после посещения Беловежской пущи и знакомства с поэмой Гусовского «Песнь о зубре». Его зубр с низко опущенной головой словно движется на противника. Сегодня все знают, что зубр – символ Беларуси. Но мало кому известно, что именно Михолап первым почувствовал и воплотил его силу и мощь в скульптуре, а созданный им зубр стал эмблемой МАЗа.

После окончания учебы работал в керамических мастерских, преподавал в Витебском Народном художественном училище, руководил гончарно-керамическим

[9] С 1953 по 1994 год академия именовалась Ленинградским высшим художественно-промышленным училищем имени В. И. Мухиной, В 1994 году преобразовано в Санкт-Петербургскую государственную художественно-промышленную академию. 27 декабря 2006 года академии вновь присвоено имя А. Л. Штиглица.

[10] Исследовательница его творчества Н.М.Усова считает, что орнаментный узор – вытинанку на обложки стихов «Вянок» Максима Богдановича – мог создать Михалап (издатель сборника Вацлав Ластовский писал, что приобрел этот рисунок на аукционе у «безвестного ученика училища Штиглица»).

отделением. Участвовал в организации международной выставки в Париже, где показал себя хорошим организатором. Поэтому, именно он, несмотря на то, что был беспартийным, назначен директором картинной галереи.

Он активно включился в новую работу. организовывал экспедиции по сбору произведений искусства, разбирал и формировал коллекции. Уже к июню в 15 перестроенных в залы классах, разместились более 300 произведений искусства. 30 белорусских икон было собрано сотрудниками музея в результате поездок по Минской, Витебской и Могилевской областям. Из Эрмитажа поступила большая коллекция гравюр и экспонаты декоративно-прикладного искусства, мебель «Синей спальни» Александра II из Зимнего дворца. Музей изобразительных искусств имени Пушкина передал полотна европейских мастеров.

После воссоединения земель Западной Беларуси с БССР в 1939 году Михолап приложил все усилия, чтобы произведения из национализированных панских замков и усадеб не отправились в российские запасники, а пополнили коллекцию минского музея. Особой заслугой Николая Петровича стало поступление в фонд галереи коллекции слуцких поясов[11], французских гобеленов XVIII века и произведения портретной живописи XVI—XIX веков собранных Радзивиллами в Несвижском замке.

В начале 1941 года фонды галереи насчитывали 2711 произведений, из которых 400 находились в экспозиции. Он планировал провести кропотливую работу по созданию каталога музейной коллекции. Но…

Этому богатому собранию музея в Минске не суждено было долгое существование. Уже в самом начале Великой Отечественной войны оно бесследно исчезло. 22 июня Минск подвергся бомбежке. Михолап и сотрудники музея начали спешно готовить коллекцию к эвакуации, но вывезти ее не было возможности.

Единственный грузовик музея конфисковали для эвакуации партархива, а водитель – призван в армию. Как известно немцы заняли Минск на 7 день войны. По воспоминаниям замдиректора Аладовой несколько картин взяли на сохранения

[11] Историю слуцких поясов можно прочитать в статье «Восстановление утраченного : этнографическое расследование наследия белорусской шляхты» в журнале «Мосты нашей памяти» БП 2016 -№5

художники Тихонович и Дучиц. В начале хотели вывезти слуцкие пояса, обмотав на себе. Но если бы их останавили, то посчитали бы мародерами и расстреляли на месте. Единственное что можно было сделать – спрятать слуцкие пояса в дрова на дворе. 26 июня музей закрыли на ключ и поспешили на последний поезд. Они верили заявлениям радиопропаганды, что сдача городов врагу дело лишь несколько дней и война скоро закончится победой. Была твердая уверенность, что они вернуться в ближайшее время…

Обвинения в пропаже фондов галереи в июне 1941 года пали именно на голову директора галереи, поэтому после освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков в 1944 году, на должность директора галереи был назначен другой сотрудник – Аладова Елена Васильевна, а Михолап стал руководителем республиканской художественной промышленности. Он вернулся к своей прежней до назначения директором галереи деятельности – художника-практика в области промышленного дизайна, проектировал малые архитектурные формы – лепку фасадов домов, решётки и т. д. И сегодня мачты фонарей, установленные на центральных улицах Минска, Гомеля и Витебска украшают «фартуки» с изображением узора слуцкого пояса, сделанные по проекту художника. Внёс значительный вклад в разработку технологии керамических материалов, в создание эталонов, керамических форм, в организацию фарфорофаянсового производства, разрабатывал новые виды глазури. Много усилий приложил для появления и организации первых лет работы Минского фарфорового завода. Уникальная коллекция гончарных изделий, собранная Николаем Михолапом во время исследовательских этнографических поездок по Белоруссии, сейчас хранится в Музее древнебелорусской культуры. Он ушел из жизни в 1979 году, в возрасте 93 лет.

А что же случилось с оставленными произведениями искусства? 28 июня в Минск вошли немцы. Сразу после оккупации помещение музея сделали гостиницей для

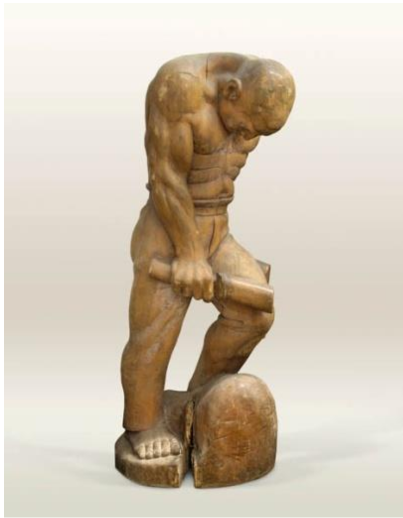
офицеров. И, уже через несколько дней, картины небольших форматов были вырезаны из рам и оказались в чемоданах «квартирантов». Все что можно было погрузить в машины – скульптуру, произведения народных мастеров еще до августа отправилось в Германию. Гипсовые скульптуры советских чиновников уничтожались. Вильгельм Кубе жаловался Альфреду Розенбергу, что Минск лишился миллионных ценностей, так как «ценные полотна, мебель XVIII-XIX вв., вазы, изделия из мрамора, часы и т. д. СС отдаёт на разграбление вермахту». И тут еще вскоре оккупированный Минск посетили Ганс Поссе и Каетан Мюльман. Поссе – директор Дрезденской галереи и лицо, уполномоченное по созданию личного музея Гитлера на его родине, в Линце. Мюльман – лицо, уполномоченное по учёту культурных и художественных ценностей на восточных землях. Следом прибыли представители общества «Наследие», которое возглавлял Гиммлер. Кубе докладывал: «Сегодня я, наконец, после долгих поисков обнаружил остатки произведений искусства в Минске и смог обеспечить их сохранность. Минск имел большую и отчасти очень ценную коллекцию картин, произведений искусства, которые почти все были вывезены из города… Большинство картин упаковано и отправлено в рейх… Речь идет о миллионных ценностях». Около 170 наилучших произведений русского и западноевропейского искусства конфисковали и отправили в Рейх и в Кёнигсберг. Уже в сентябре первое собрание картинной галереи было практически потеряно или уничтожено.

С первых дней освобождения Белоруссии встал вопрос об обновлении государственной галереи, новым директором которой была назначена Елена Васильевна Аладова. Обновление – громкое слово. Из всей довоенной коллекции в Беларусь вернулась лишь небольшая часть произведений, находившихся накануне войны на выставках в Москве и Ленинграде (например, бюст князя П. А. Румянцева-Задунайского работы Ф. Шубина) и найденных советскими солдатами в конце войны в городах Восточной Пруссии **(коллекция портретов из Несвижа)**. Некоторые работы были обнаружены в Минске («Шахтер с лампочкой» Н. Касаткина, «Осень» И. Левитана, «Утро весны» В. Кудревича). В помещении музея обнаружили лишь 3 деревянные скульптуры Грубе и искалеченный мраморный Меркурий дель Неро.

Джузеппе дель Неро. Ок. 1780 – после 1860. Италия. Меркурий со свирелью. 1843 г. Мрамор. 170x60x60Одно из немногих сохранившихся из довоенной коллекции произведений музея – скульптура «Меркурий со свирелью» каррарского резчика Джузеппе дель Неро – портретиста и автора аллегорических композиций. Композиция является

копией знаменитой статуи датского скульптора Бертеля Торвальдсена 1818 года, хранящейся в настоящее время в Музее Торвальдсена в Копенгагене. Работа датчанина снискала особую популярность среди любителей искусства. Это заставило самого скульптора выполнить ряд авторских повторений, а также породило целый ряд копий, которые, за невозможностью владеть оригиналом, охотно приобретались для своих коллекций европейскими собирателями. Именно к числу последних и относится скульптура из музея, ранее входившая в коллекцию графа Федора Ивановича Паскевича в Гомеле. В 1939 году среди других экспонатов статуя была передана в минскую Картинную галерею. По счастливой случайности скульптура избежала вывоза оккупантами во время Великой Отечественной войны, простояв в разрушенном помещении галереи. До сих пор она хранит следы увечий, нанесенных ей в это страшное время.

Скульптура Александра Васильевича Грубе “Труд. Тачечник” 1928 года создавалась художником специально для третьей Всебелорусской художественной выставки, посвященной теме труда. Автор, который в то время был одной из центральных фигур белорусского искусства в Минске, имел большую популярность и известность. В те годы он был председателем Всебелорусского объединения художников. Александр Грубе окончил Петербургский университет, но в искусстве был любителем. Творчество скульптора развивалось под влиянием известного русского скульптора Ивана Шадра. В своих работах Грубе стремился отразить современные представления о решении пластического образа: монументальность, выразительность, типажность, обобщенность.

Скульптура «Труд. Тачечник» пример подобного воплощения. Автор создает свою работу из цельного ствола дерева. Это своего рода обращение к традициям белорусской деревянной скульптуры, которая существовала с XII века и достигла своего расцвета в XVIII.

Сам образ скульптура – это человек, занимающийся тяжелым физическим трудом – трактуется очень условно. Это не портрет конкретного человека. Анатомия, одежда, детали гипертрофируются – огромные руки, ноги, одежда, самой тачки нет, есть только её детали. Делается это с целью большей выразительности самой темы: человек совершает попытку сдвинуть очень тяжелый предмет. Главной задачей становится физическое усилие, напряжение всех мышц, внутренняя сила, мощь человека. Трудно предположить из какого времени сам персонаж. Это может быть и

средневековье, и современность. Подобная трактовка была очень характерна для искусства 1920-х годов, когда образ превращается в символ. А для белорусской скульптуры творчество Александра Грубе стало символом искусства 1920-х годов.

После освобождения Минска галерея получила четыре комнаты в доме профсоюзов на площади Свободы. В августе 1945 года галерея приобрела полотна Бориса Кустодиева, Василия Поленова, Карла Брюллова и Исаака Левитана. Государственный музей имени А. С. Пушкина передал несколько картин западноевропейских мастеров, Государственный Российский музей — три пейзажа Архипа Куинджи, пейзаж Алексея Боголюбова и парадный портрет императрицы Екатерины II. На бывшем Архиерейском подворье в Минске были найдены чудом уцелевшие иконы – в том числе и шедевры белорусской иконописи «Рождество Богородицы» Петра Евсеевича из Голынца 1649 г., «Параскева» и «Вознесение» XVI века.

С этих работ начинается новый этап в истории музея. В том, что он смог возродится после войны и буквально за два десятилетия занял почетное четвертое место в ряду художественных музеев СССР, полностью заслуга заслуженного деятеля искусств Беларуси, директора галереи с 1944 года Елены Васильевны Аладовой. Елена Васильевна Аладова, начинавшая работать под руководством Михолапа в картинной галерее, продолжила его дело как директор и создала ту самую, некогда грезившуюся ее предшественнику, подлинную галерею искусства — Государственный, а ныне Национальный художественный музей. Михолап проторил тропинку – Аладова к цели проложила дорогу.

Но об этом читайте в следующих статьях.

P.S. В XX веке имя и деятельность по созданию галереи Николая Прокопьевича, несправедливо обвиненного в гибели первой коллекции, игнорировалось во всех документах. И лишь через 25 лет, в 2003 году в музей из собраний родственников, других музеев страны поступили несколько его произведений, проведена первая! персональная выставка и научная конференция. В новом помещении музея установлен его бюст скульптора С. Горбуновой, как дань памяти деятельности первого директора. О Николае Прокофьевиче Михолапе подробнее можно прочитать в книге Усавой Н.М[12]. Мікалай Міхалап – Мінск, 2015. – (Славутыя мастакі з Беларусі), а также статьи "Национальный художественный музей празднует юбилей» (там же воспоминания внука) // https://www.sb.by/articles/uzory-slutskikh-poyasov.html; Екатерина Мухина Екатерина Николай Михолап: керамист, преподаватель, коллекционер //https://planetabelarus.by/publications/nikolay-mikholap-keramist-prepodavatel-kollektsioner/

Экскурсию провела Татьяна Кенько

[12] Надежда Михайловна Усова– ведущий научный ***сотрудник НХМ Минска, автор статей о музее и художниках, картины которых находятся в музее.***

 ISSN 2562-950

Татьяна Кенько: Путешествие в Национальный художественный музей Беларуси. Вторая коллекция[13]

3 июля 1944 года в ходе операции «Багратион» советские войска освободили Минск от вражеских захватчиков. С первых дней освобождения Белоруссии встал вопрос об обновлении государственной галереи, новым директором которой была назначена Елена Васильевна Аладова. Обновление – громкое слово.

Из всей довоенной коллекции, насчитывающей 2711 работ, в республику вернулась лишь небольшая часть произведений, находившихся накануне войны на выставках в Москве и Ленинграде (например, бюст князя П. А. Румянцева-Задунайского работы Ф. Шубина) и найденных советскими солдатами в конце войны в городах Восточной Пруссии **(**коллекция портретов из Несвижа**)**. Некоторые работы были обнаружены в Минске («Шахтер с лампочкой» Н. Касаткина, «Осень» И. Левитана, «Утро весны» В. Кудревича). В помещении музея обнаружили лишь 3 деревянные скульптуры Грубе и искалеченный мраморный Меркурий дель Неро.

[13] Продолжение. Начало читайте в статье «Музей. Первая коллекция»

Помня про утраченные в годы войны экспонаты, Аладова задалась целью сделать музей, который по богатству коллекции не уступал бы музеям Москвы и Ленинграда. И все ее неутомимая энергия была направлена на это.

После освобождения Минска галерея получила четыре комнаты в доме профсоюзов на площади Свободы. Но уже в феврале 1945 года вагоны с первыми произведениями для галереи отправились из Москвы в Минск… Среди них были полотна Бориса Кустодиева, Василия Поленова, Карла Брюллова и Исаака Левитана. Государственный музей имени А. С. Пушкина передал несколько картин западноевропейских мастеров.

Через несколько лет фонды галереи значительно увеличились. Правительство БССР активно финансировало пополнение коллекции музея. В 1946 году в фондах значилось 317 произведений. А осенью 1947 года постоянная экспозиции уже разместились на всем втором этаже дома профсоюза. Но и это выделенное помещение не могло вместить коллекцию, и встал вопрос о строительстве специального здания для музея.

Строительство здания по проекту архитектора Михаила Ивановича Бакланова началось в 1951 году. Представьте: город лежит в руинах, а правительство решает, что городу, людям после войны нужны праздник и зрелища. Поэтому практически одновременно начинают строить стадион, цирк и музей. Но то, что в Минске начали возводить художественный музей, – это в первую очередь заслуга Аладовой. И тут еще важным фактом является то, что это было первое в СССР здание, построенное специально для художественного музея. Заметьте, не галереи, а музея! Потому что в 1957 году художественная галерея была переименована в государственный художественный музей БССР. И число экспонатов, разместившиеся в его огромных залах, по количеству не уступало довоенной коллекции.

Став директором главного храма искусства республики, Елена Васильевна с 1946 года организовывала научные экспедиции по поиску памятников древнебелорусского и народного творчества. Ее задачей было найти и взять на учет произведения искусства, которые находились в заброшенных зданиях костелах и церквях. Например, на бывшем Архиерейском подворье в Минске были найдены чудом уцелевшие иконы – в том числе и шедевры белорусской иконописи «Параскева» и «Вознесение» I века и «Рождество Богородицы» Петра Евсеевича из Голынца 1649 г.

«Рождество Богородицы» – единственная икона в экспозиции музея, подписанная автором или фундатором: «Року Бжого 1649 Петр Евсеевич из Голынца». В

архивных документах было обнаружено имя жителя Могилева Зурасты Петра Евсеевича, с которым сегодня связывают происхождение иконы. Каждая деталь этой работы продумана и тщательно исполнена: подушки, вышитые белорусским орнаментом, маленькая резная колыбелька, ваза с цветами. Арочный проем на заднем плане украшает золоченый растительный орнамент, схожий с узорами итальянских тканей и графических рисунков XVII века.

Икона «Рождество Богородицы» до и после реставрации

В 1950 -1980 годах состоялось более 100 таких экспедиций, в ходе которых удалось спасти более 2000 произведений живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, старопечатных книг и манускриптов. Все они хранятся в фондах музея. Многие из них находились в ужасном состоянии и нуждались в реставрации.

Она «вытащила» из Кальварии[14] работу Яна Дамеля, которой мы теперь гордимся. Представьте, она нашла грязную тряпку, на которой непонятно что было изображено. Никто не понимал, что это. Но она прочла у Владислава Сырокомли[15],

[14] В Великом Княжестве Литовском и Речи Посполитой существовал обычай воздвигать в живописных местах на взгорке так называемые «кальварийские» костелы (от латинского «Calva» - череп, то есть место, где распяли Иисуса. **Крестовоздвиженский костел на кальварийском кладбище в Минске** в советские времена был единственным действующим костелом Минска.

[15] Владислав Сырокомля – настоящее имя Людвик Владислав Кондратович – классик белорускoй и польской литературы середины XIX века, краевед, историк литературы. Его балладу «Почтальон»

что на этой «тряпке» должна быть работа Яна Дамеля «Моление о чаше». Это известный сюжет из евангелия Луки, на писали полотна многие известные художники.

В последнюю ночь перед арестом Иисус Христос пришел вознести молитву в Гефсиманский сад, уже зная, что ждет его утром. Он опусился на колени рядом с большим камнем и обращаясь в молитве к Отцу, говорит: *«Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты».* Слово «чаша» употребляется тоже в переносном значении, обозначая совокупность предстоящих страданий. А «испить из чаши» в данном случае значит «не отступить и до конца испытать мучения». И перед Иисусом стоит выбор – принять физические муки или отказаться от них. Кубок в руках ангела это самая чаша. В Западной Европе чашу изображали именно в виде кубка. Христос спокоен. Он принял решение и готов «не отступить и до конца испытать страдания».

Благодаря настойчивости Аладовой полотно, хоть и доведенное до состояния тряпки в храме, было помещено в хранилище музея. И вот к 2017 году, когда Минску было 950 лет, нужно было сделать подарок городу, полотно решили отреставрировали и оно стало частью доступной зрителям экспозиции.

Ян Кши́штоф Да́мель – белорусский художник первой половины XIX века. В феврале 1815 года Дамель стал фигурантом дела о подделке денежных банкнот. Вина художника была в том, что он присылал другу художнику Цейзику в Слуцкий

перевел на русский язык Леонид Трефолев под названием «Когда я на почте служил ямщиком…». Она стала русской народной песней.

повет бумагу, из которой тот и создавал фальшивые ассигнации. Дело в том, что Наполеон вез в Россию 34 воза поддельных банкнот. И когда Цейзика изобличили, тот заявил, что подделывал купюры, дабы ослабить Российскую империю. Положение Дамеля ещё и тем, что в университете начались гонения на профессоров, которые в 1812 году выступили на стороне Наполеона. Дамель также связывал с «императором французов» надежды на восстановление независимости ВКЛ. 15 августа 1812 года, в день рождения французского императора, в Вильно устраивали большие торжества, и Дамель стал их художником-оформителем. Он успел нарисовать картину, как французские войска входят в Вильно летом, и начал, так и не закончив, как те же войска отступают зимой…

А через 3 года он был доставлен в Минск, где находился под стражей, а в 1820 году был отправлен в Сибирь. До 1822 года Дамель проживал в Тобольске. Побывал в эти годы в Иркутске, Томске, Енисейске. Расписывал в Сибири католические храмы и рисовал прекрасные сибирские пейзажи. Вскоре на творчество и весёлый характер художника обратил внимание правитель Сибири — генерал-губернатор граф Михаил Сперанский, который содействовал досрочному возвращению Дамеля на родину.

После возвращения из ссылки Дамель вплоть до своей смерти в 1840 году проживал не в Вильно, а в Минске. Здесь у художника были хорошие друзья. В том числе Юрий Кобылинский, секретарь Минского дворянского депутатского собрания. Знаменитая Кальварийская брама возведена им в память умершей жены, а

спроектировал ее Дамель. Кобылинский предоставляет другу жилье – в доме, где нынче находится галерея Михаила Савицкого. Ян живет на третьем мансардном этаже. Когда несколько лет назад в доме проводилась реставрация, нашлись старые фрески. Тут же предположили, что это – работа Яна Дамеля!

Похоронен художник в крипте костёла на минском Кальварийском кладбище. Вместо памятника над его могилой была повешена картина «Моление спасителя» («Моление о чаше»), которую художник считал лучшим своим произведением. В середине 1980-х годов картина благодаря поискам Аладовой попала в Национальный художественный музей. Беларуси.

В 2017 году белорусские реставраторы Александр Лагунович-Черепко и Екатерина Грачева после кропотливой пятилетней работы восстановили картину. При реставрации открылись изображения трех учеников Христа, которых заснули во время молитвы. Но увидеть их можно увидеть только при правильном освещении, например от фонарика. И это не дефект, не лак потемнел от времени. Дамель осознано *показал, что темнота охватила учеников, и они спят, а перед самим Иисусом из-за света, который исходит от ангела, она как бы расступается*.

Елена Аладова не была кабинетным руководителем. Получив подаренные из музеев картины, она обратилась также к частным коллекционерам, искала их адреса. Это были хозяева коллекций еще дореволюционных времен и состарившиеся собиратели или их наследники обычно уступали ту или иную картину настойчивой гостье. С оплатой проблем не было. Елена Васильевна смогла убедить членов правительства выделять необходимые средства для приобретения новых экспонатов. А когда не хватало денег, докладывала из своей зарплаты или гонораров мужа, который, смеясь говорил «Я сочиняю работаю на леночкин музей».

Большая часть коллекционеров жили в Москве или Ленинграде. После нескольких покупок картин появилась легенда, что Аладова, ездит «с огромным чемоданом, полным денег». Ей начали писать коллекционеры со всех уголков СССР. И по воспоминаниям скульптора Ивана Якимовича Мисько, который часто сопровождал ее, они путешествовали по всей стране[16]. Со многими коллекционерами она

[16] Мне нередко приходилось ее сопровождать, – вспоминает скульптор Иван Мисько. – В те годы я делал первые шаги в творчестве, работая в музее художником-оформителем. Именно Елена Васильевна посоветовала мне поступать в театрально-художественный институт. Так я и сделал. Много лет спустя Иван Якимович Мисько стал автором мемориальной доски, посвященной памяти наставницы. Свою работу скульптор подарил музею, и теперь ее можно видеть на фасаде главного корпуса.

дружила и неоднократно общалась. Тесная дружба связывала Елену Васильевну с Лидией Андреевной Руслановой.

Так как в коллекции музея находится не один десяток произведений искусства, полученных от этой удивительной женщины, необходимо подробней рассказать ее биографию. Старшее поколение, конечно, знает ее имя, а возможно и слышало песни в ее исполнении. Но наверно и те, кому за 70-80 лет не совсем хорошо знают ее биографию. Судьба и самой певицы, и ее коллекции удивительна и трагична.

Родилась Агаша Лейкина-Горшенина еще до революции, в 1900 году в Саратовской губернии. Отец работал грузчиком, в 1904 году его призвали в армию, и он погиб на японской войне. Мать была больна и вскоре скончалось. Трое маленьких детей остались сиротами. В памяти маленькой Агаши остались воспоминания о бабушке – необыкновенной певуньи, с которой она ходила по свадьбам, слушала и запоминала песни. А пели тогда на селе очень много: от утренней до вечерней зорьки на полевых работах, и на гуляниях. Чтобы выжить, маленькая сирота просила милостыню и веселила народ частушками. Жена одного чиновника обратила внимание на талантливую девочку и устроила ее в лучший в Саратове приют. Но так как крестьянских детей туда не принимали, пришлось ей сделать фиктивные документы с новой фамилией, новым именем и отчеством: Русланова Лидия Андреевна. В приюте на ее способности обратил внимание церковный регент и дал ей первые уроки музыкальной грамоты.

Во время гражданской войны она уже как профессиональная певица выступала перед красноармейцами. А потом переехала в Москву, где вскоре завоевала всесоюзную известность и славу. У нее была собственная манера исполнения, концертный образ и уникальный репертуар. Огромными тиражами выходили пластинки с ее песнями, под концерты отдавались лучшие залы, голос ее постоянно звучал на радио. Росла слава певицы и ее гонорары. Ее квартира находилась в Лаврушинском переулке рядом с Третьяковкой галереей. Посещения музея способствовали появлению интереса к коллекционированию картин. В консультанты она выбирает Игоря Грабаря, не просто талантливого художника, реставратора и историка искусств, а попечителя Третьяковской галереи. Русланова иногда говорила о своем умении видеть шедевры: «Я не профессор, но подлинник от копии всегда отличить смогу». Ее огромная квартира в Лаврушинском переулке (рядом с «Третьяковкой») была заполнена картинами и произведениями искусства как настоящий музей.

Во время Великой Отечественной войны Русланова снова оказалась в составе концертной бригады, выступающей на передовой, дала 1120 концертов. За ее деньги

для фронта были приобретены две батареи «катюш». В 1945 году она пела для бойцов советской армии в Берлине у рейхстага, оставив на нем свой автограф. И сам Жуков прикрепил там на ее платье орден «Отечественной войны».

Но в 1948 году Русланову арестовали по обвинению по делу «заговора военных». Она была этапирована в ГУЛАГ как жена генерала Владимира Крюкова – друга и соратника Жукова в 1949 году по делу «заговора военных». Поскольку Русланова могла «поднять шум на всю страну», ее тоже арестовали. Генерал Владимир Крюков получил 25 лет, а Лидия Русланова 10 лет лагерей. Все деньги и имущество конфисковали.

Картины поступили в государственную закупочную комиссию, часть продали, остальные распределили между музеями, большая часть попала в Третьяковскую галерею. Русланова пробыла в лагерях 6 лет. После смерти Сталина ее освободили. Но картины – 132 из ее прекрасной коллекции –Третьяковский музей посчитал, что Русланова уже не вернется на свободу, поэтому были оформлена на баланс музея. Поэтому ей пришлось через суд забирать свою коллекцию. И какие-то вещи ей не отдали. Тогда она стала на принципиальную позицию: ничего не продавать Третьяковке. И тут появляется Аладова. Заслышав, что Руслановой вернули коллекцию, Елена Васильевна тут же напросилась в гости. Первое, что она покупает – портрет графа Матвея Виельгорского кисти Карла Брюллова[17], на которую когда-то любовался Пушкин. И сразу же вслед за ним – портрет Федора Толстого работы Сергея Зарянко, уроженца Могилевской губернии. Пытается договориться о покупке холстов Ивана Шишкина, неоднократно бывавшего на Полесье и в Беловежской Пуще. Русланова любила портреты и жанровые сценки второй половины XIX века братьев Константина и Владимира Маковских. А из наследия Абрама Архипова купила картину «В больнице». Ее сюжет (несчастные крестьяне, которые ждут приема у земского врача) мог напомнить о бедном детстве художника.

Сейчас в залах русского искусства выставлено 29 полотен из ее коллекции, а всего НХМ приобрел у артистки 43 картины. Еще 4 принадлежавшие ей когда-то картины, Елена Васильевна в начале 1960-х передала в музеи Пинска и Витебска.

[17] Подробнее о картине и авторе – читайте в статье «О чем может рассказать портрет великого Карла»

Л.А. Русланова и И.Н. Паньшина
Экскурсия и выставка о коллекции Руслановой

Когда в 1960-х Русланова приезжала с концертами в Минск, она всегда приходила в экспозицию русской живописи нашего музея, спрашивала: «Как там мои детки поживают, как вы их разместили?» Елена Аладова, зная о ее приезде, выставляла побольше холстов, чтобы порадовать певицу. Это ведь была встреча с картинами из ее дома. В 2019, в рамках года, посвященного 80-летнему юбилею, в музее проводилась выставка картин из коллекции Лидии Руслановой. На столике, подаренном Лидией Андреевной, стоял старинный патефон, и в зале под звуки песен артистки, Надежда Михайловна Усова – заместитель директора по научной работе *НХМ* рассказывала про судьбу певицы и коллекционера.

Покупая картины у коллекционеров, Аладова в первую очередь «охотилась» за произведениями русских живописцев, которые либо бывали в Беларуси, либо являлись уроженцами этих мест, то есть в биографии, которых был «белорусский след». Для этого проводилась огромная исследовательская работа. Она обратилась к помощи Сендера Палееса[18]. Этот уникальный ученый мечтал составить

[18] Подробнее об ученом читайте в статье Ирины Завадской «Восемь столетий белорусского искусства в уникальной картотеке Сендера Палееса все еще ждут исследователей» //СБ - 2017 - 11 ноября или https://www.sb.by/articles/rukopisi-zhdut.html

библиографический словарь белорусских художников с XII по XX век. У него была огромная картотека. (Когда собранные им карточки с данными однажды взвесили – курсор зафиксировал 56 кг). Елена Аладова заключила с ним договор на предоставление 600 имен художников, связанных с Беларусью, и платила ему за каждую карточку. По его картотеке целенаправленно шла закупка полотен белорусских художников. Так были приобретены коллекции Хруцкого, Бялыницкого-Бирули, работы Зарянко, Горавского, только Жуковского – 40 работ, и это же подвиг! Все художники – Шишкин, который бывал в Беларуси, Репин, у которого была дача под Витебском[19], – все это старательно закупалось.

Однажды у московского коллекционера она обнаружила дипломную картину Василия Сурикова. Перед покупкой полотно требовалось оценить на комиссии в Третьяковской галереи. Председателем комиссии был Владимир Кеменов, который писал диссертацию по творчеству Сурикова. Он отказал Аладовой, а сотрудники Третьяковки заплатили владельце картины большую сумму.

Картина оказалась в Третьяковской галерее, а для Минска отдали работу – антагониста Сурикова – Генрика Семирадского «Доверие Александра Македонского к врачу Филиппу», за которую автор в свое время получил золотую медаль Академии Художеств. Полководца Александра Македонского в походах сопровождал врач Филипп. Во время войны с персидским царем Дарием Македонский искупаться в

[19] О белорусском периоде жизни И.Е. Репина можно прочитать в статье «Приглшение в гости к Илье Репину в Беларусь: Библиовизит в Здравнево»

горной реке и серьезно простудился, что вызвало беспокойство и панику в армии. Врачи медлили, опасались дать неправильное лекарство, чтобы тем самым не отправить Александра в могилу. Лишь Филипп взялся приготовить зелье от лихорадки. В это время к больному царю прибыл гонец от его соратника Пармениона, который в письме утверждал, что врач подкуплен врагами из Персии и собирается отравить правителя. В итоге Александр передал этот донос Филиппу и демонстративно выпил приготовленный врачом напиток при нем, показывая, что даже в такой ситуации доверяет другу. Этот поступок Македонского вошел в историю как пример отваги, благородства и уверенности в дружбе. Вскоре Александр поправился и вновь повел за собой войска.

Но Аладова была крайне огорчена, так как за «Суриковым она долго охотилась», а к Семирадскому была равнодушна. Прошло несколько лет и обнаружилось, что хоть Генрих и родился в Харькове, но его родители были из Новогрудской губернии, Тетя была автором знаменитой книги «Гаспадыня Літоўская», а сам Генрих часто приезжал под Минск и тут нашел свою суженную, женился. Получается, что художник имеет белорусские корни, а Аладова приобрела картину не зная, что Семирадский имеет отношение к Беларуси.

И, тем не менее, номером один в приобретении было русское искусство. А почему? Потому что музей должен был получить высокую категорию, категория зависела от уровня картины, а в те годы в первую очередь ценилось русское искусство, которое считалось вершиной. Если в коллекции музея было много работ русских художников, музей получал высокую категорию, и, соответственно, зарплаты сотрудников и финансирование было выше. О том, как Елена Васильевна убеждала владельцев расстаться с картинами, по сей день ходят легенды. Не случайно коллеги из других музеев говорили: «Где Аладова пройдет, остальным делать нечего». Некоторые работы она добывала хитростью. Например, портрет Екатерины Второй кисти, как тогда считали, Рокотова. С одной стороны, Екатерина II для Беларуси далеко не положительная героиня. Но в советские времена она считалась великой императрицей. «Екатерину» она «вырвала» интересным способом: зашла в Русский музей, увидела ее на реставрационном столе

и восхитилась портретом. А замдиректора Русского музея был ее однокурсником. Директор в тот самый день оказался в командировке – значит, у замдиректора было право подписи. И она говорит: «Отдайте!» Он взял и подписал приказ о передаче этого портрета музею в Минске. Она быстро упаковала работу, села в поезд и в тот же день выехала в Минск. На следующий день директор Русского музея вернулся из командировки – был жуткий скандал. Но ему сказали: «Аладова уже на подъезде к Минску, что ж вы, будете скандал такой устраивать?» И Екатерина получила прописку в Минске.

У этого портрета два автора Рослин и Рокотов. Федор Степанович Рокотов писал Екатерину в 1763 году для коронации, и его работа очень понравилась заказчице. Спустя 13 лет другого известного живописца – Александра Рослина пригласили для исполнения еще одного парадного портрета императрицы. Художник написал ее такой, какой она была в свои 48 лет – грузной женщины с двумя подбородками. Естественно, такое изображение ей не понравилось, по ее оценке «физиономия на портрете пошлая, как у шведской кухарки». Она приказала оставить детали обстановки и костюм, а лицо переписать в рокотовской манере. Теперь миловидное, нежное лицо навевает мысли о лирическом видении – то есть такой, какой Екатерина видела себя.

К поездкам Елена Васильевна готовилась заранее и основательно. Сын – Вальмен Николаевич вспоминает, что мама была замечательной кулинаркой. «Готовила она обеды по знаменитой книге Елены Молоховец и с удовольствием торговалась на базаре. Каждый раз она устраивала там настоящий спектакль, деревенские тетки ждали ее с нетерпением. Это, кстати, было у нее от матери, кулинарки и хлебосолки, в свое время очень известной в среде белорусской интеллигенции. Елена Васильевна многому у нее научилась. Министерство культуры, кстати, иногда этим пользовалось. Всех важных гостей непременно вели к ней в гости. Хотя в повседневной жизни проще нас не питался, наверное, никто. К тем банкам варенья, что она готовила в качестве «сувениров» для московских коллекционеров, нам и приближаться было нельзя. Все это было «для дела»! Перед поездкой в Москву или Ленинград покупала на рынке окорок, зажаривала его, готовила фирменное варенье из брусники и груш и… отправлялась в гости – «за картинами».

30 лет с лишним она колесила по просторам Советского Союза и сопредельных государств, приобретая для нашей страны шедевры русской и белорусской живописи. В архиве Елены Васильевны сохранились письма Игоря Грабаря, Ольги Кончаловской, Александра Грубе, Михаила Керзина, Марии Максаковой, Веры Мухиной, Витольда Бялыницкого-Бирули, Надежды Ходасевич-Леже. Елена Васильевна состояла на посту директора Национального художественного музея вплоть до 1977 года, после чего передала бразды правления своему преемнику Карачуну Юрию Александровичу и вышла на пенсию, во время которой работала консультантом музея, и ушла из жизни в возрасте 79 лет.

При деятельности в должности директора Юрий Александрович Карачун за 20 лет собрал значительную коллекцию современного белорусского искусства, превратил музей в крупный музейный комплекс с филиалами по всей Белоруссии: районная картинная галерея в Гуринах под Мозырем, Музей народного искусства в Раубичах, Музей Бялыницкого-Бирули в Могилёве, архитектурный комплекс XVI—XVIII веков в Гольшанах, Дворцово-парковый комплекс XV—XX веков в Мире. Организовал планомерную реставрацию Мирского замка, сам работал над экспозицией замка, и всё сделал для обретения им статуса филиала музея[20].

Провозглашение независимости Беларуси после распада СССР изменило статус музея и его культурную политику. В 1993 году постановлением Совета Министров Республики Беларусь Государственному художественному музею был придан высокий статус Национального художественного музея Республики Беларусь.

С 1998 года директором музея является заслуженный деятель искусств Беларуси Владимир Иванович Прокопцов. Под его руководством музей вступил в XXI век с перспективами дальнейшего развития и превращения в крупнейший в республике

[20] В 2000 году *замковый комплекс «Мир»* был, включен в список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО

выставочный комплекс со значительным исследовательским потенциалом и реставрационной базой. Владимир Иванович является не только генеральным директором Национального художественного музея Республики Беларусь, а кроме того членом комиссии Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО.

Уже в конце XX века в старом здании музея стало тесно. Экспозиционные залы первого этажа приходилось приспосабливать под хранилища. Из-за недостатка экспозиционных площадей музей вынужден был показывать взял под личный контроль вопросы его дальнейшего развития. В 1999 году в соответствии с распоряжением Президента Республики Беларусь "О комплексном развитии Национального художественного музея Республики Беларусь" было начато строительство музейного квартала. С реконструкций ближайших к музею зданий под нужды НХМ.

И вот 17 декабря 2021 года открылись еще два корпуса музейного квартала. На улице К. Маркса, 24, теперь прописался еще один выставочный корпус, 3-й и 4-й этажи которого будут занимать временные экспозиции. На 2-м находятся административные помещения и кабинеты сотрудников, на 1-м — касса, гардероб, пост охраны и арт-магазин. Корпус на улице Кирова, 25, стал вотчиной реставраторов, здесь разместилось 14 мастерских, часть помещений заняла научная библиотека музея и 8 фондохранилищ. Завершился важный этап создания музейного квартала.

Так что дорогие читатели и зрители дело за нами. Приходите смотреть расширенную постоянную экспозицию и многочисленные выставки, слушать интересные лекции и наслаждаться. Ведь

Любой музей есть память о веках.
Творенья от начала мирозданья,
Любое человечества созданье
В картинах, письменах, стихах.
Сегодня день торжественен и строг.
Открыта дверь, музей гостей встречает,

В стенах своих входящих привечает,
Лишь стоит преступить его порог.
Не принято здесь громко говорить,
И строгие глядят с портретов лица,
Ты понимаешь: стоило родиться,
Чтобы узнать, как мастер мог творить.

А наше путешествие в историю национального художественного музея завершается. Правда, со следующего номера мы начинаем мы продолжим экскурсию, с целью познакомить вас, дорогие читатели с некоторому шедеврами музея. В цикле «Рассказы о шедеврах национального художественного музея Беларуси».

Историю создания коллекции рассказала Татьяна Кенько.

КУЛЬТУРА НАЦЫЯ №31, красавік 2023 ISSN 2562-950

Татьяна Кенько: ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЗАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ БЕЛАРУСИ

О ЧЕМ МОЖЕТ РАССКАЗАТЬ ПОРТРЕТ ВЕЛИКОГО КАРЛА

Библиодосье[21]

В XVIII веке, спасаясь от религиозных гонений, гугеноты Франции покидали страну. Одни ехали в Новый свет, другие двигались на Восток. В 1773 году Георг Брюлло был приглашен лепщиком на императорский фарфоровый завод, и вместе с семьей добрался до далекой России, ставшей Родиной для потомков. Его внук – Павел Иванович, виртуозный мастер резьбы по дереву, отличный живописец серебром и золотом по стеклу, преподавал в Академии Художеств.

Он стал и первым учителем для своих детей. Карл – третий сын – родился в декабре 1799 года очень болезненным. До семи лет он почти не вставал с постели. Отец, однако, был к нему так же требователен, как и к другим своим сыновьям. Едва малыш научился держать в руках карандаш, ему стали подсовывать бумагу и

[21] Первая картина, которую Елена Васильевна Аладова купила из богатой коллекции Лидии Андреевны Руслановой был портрет графа Матвея Виельгорского кисти Карла Брюллова.

заставляли срисовывать лошадок, а затем делать копии с гравюр. До тех пор, пока положенный урок не был выполнен, Карлу не давали завтракать. Брюллов признавался позже, что самое раннее его воспоминание состоит в том, что он рисует, рисует, рисует. Эта школа, пройденная под суровым надзором отца, была едва ли не главной в его жизни. Отсюда шло его виртуозное владение техникой рисунка и отточенное художественное мастерство. В октябре 1809 г. десятилетний Карл был принят в число учеников Академии художеств. Он пробыл здесь двенадцать лет – шесть в Воспитательном училище и шесть в собственно Академии. Учился он легко.

Первый его самостоятельный рисунок – «Гений искусства» – был оставлен в классе как «оригинал» для копирования (изображенная на этом рисунке фигура была впоследствии воспроизведена на академической медали).

Картину, принесшую ему малую золотую медаль, – «Нарцисс» – можно увидеть в Государственном Русском музее. Стоит вглядеться в эту картину, чтобы понять характер Брюллова. Она наполнена грустным назиданием. Пренебрег любовью нимфы гордый Нарцисс. За это и расплачивается. Перед нами момент совершения наказания по приказу богов. Крылатый Эрот только что выстрелил в героя, юноша беззаветно влюбился в свое собственное отражение. Художник изобразил героя полным сил и отлично сложенным. Вьющиеся волосы, правильные черты лица – непременные атрибуты живописи классицизма. Выразительные жесты, скромно проявляющиеся эмоции, взгляд сосредоточен на отражении. Оторваться от него Нарцисс уже не сможет. Улетающий Эрот бросает печальный взгляд на героя, с одной стороны – сочувствуя, с другой – осуждая.

Все действие картины помещено автором в темный, почти черный лес, который как мрачная декорация, создает атмосферу картины. Природа откликается на страдания героя. Лицу юноши из древнего мифа, влюбившегося в собственное отражение, художник придал черты своего лица. Быть может, эта чистая влюбленность в себя, в свое искусство, в свое волшебное мастерство и сделала Брюллова таким, каким мы знаем его теперь.

Золотая медаль при выпуске из Академии давала право на заграничную командировку с пенсионом, но из-за революции в Неаполе и Пьемонте отъезд

задержали на 2 года. Вместе с Карлом отправился его брат Александр, впоследствии ставший известным архитектором. Именно тогда Александр I и повелел прибавить к их фамилии последнюю букву, чтобы придать ей русское звучание. Ведь по уставу общество могло покровительствовать только отечественным талантам.

В 1822 году братья Брюлловы побывали в Дрездене, Мюнхене, затем отправились в Италию. Венеция, Падуя, Виченца, Верона, Мантуя, Болонья, Флоренция — все эти города, изобиловавшие великолепными памятниками искусства. Целые дни Карл проводил в музеях у картин великих мастеров. Особенно восхищал его Рафаэль. И в 1824 году он решился копировать его «Афинскую школу» — грандиозное полотно, в котором более 40 героев. Работал Брюллов вдохновенно и истово. Считается, он — единственный из живописцев сделал копию с фрески в натуральную величину. 5 мая 1828 года в Станцы (зал) Рафаэля, где заканчивал свой труд русский художник, зашел Стендаль, гостивший тогда в Риме. Работа Брюллова поразила французского писателя, хотя в книге «Прогулки по Риму» он упрекнул мастера: «Копия эта, по-моему, была бы превосходна, если бы художник не позволял себе иногда восстанавливать то, что время уничтожило в произведении Рафаэля, и даже некоторые детали, которых Рафаэль не хотел изображать на картине, рассматриваемой с расстояния 7 или 8 шагов».

Эту «творческую вольность» заметили и российские критики, увидев холст в Петербурге, но от упреков наоборот, воздержались. «Брюллов в ней не только сохранил все красоты подлинника, но отыскал или, лучше сказать, разгадал и то, что похитило у него время», – подчеркивал журнал «Отечественные записки». Труд Брюллова был щедро вознагражден. Сверх 10 тысяч рублей, назначенных русским посольством, Николай I, повелел заплатить еще 5 тысяч и пожаловал орден Владимира IV степени – небывалый согласно табели о рангах, случай для «художника 14 класса».

Брюллов много путешествовал. А так как он любил быть душой компании, то часто находил себе интересных попутчиков. С Анатолием Демидовым, сыном русского посла во Флоренции, он побывал на развалинах Помпеи. В 1828 году спящий более полутора тысяч лет Везувий внезапно проснулся и задымился, выбросив в небо высокий столб пепла и дыма. По склонам медленно потекли тёмно-красные потоки лавы, а от грозного подземного гула в домах Неаполя задрожали все оконные стёкла. Слухи об извержении тотчас долетели до Рима, и все, кто мог, бросились в Неаполь – поглядеть на извержение Везувия, вспомнив заодно и о судьбе античных городов Помпеи, Геркуланума и Стабии, погребённых под слоем вулканического пепла. И предприимчивый Джованни Пачини даже написал оперу «Последний день Помпеи», которая с успехом шла в театрах Неаполя.

Вид улиц мертвого города, похороненного под пеплом, отпечатки тел врасплох застигнутых смертью людей, сохранившиеся дома с пережившей семнадцать веков утварью, – все это взбудоражило воображение Брюллова. И он рассказал своему спутнику о возникшем под впечатлением увиденного замысле будущей картины.

Молодой Демидов владел не менее пылким воображением, и, кроме того, еще и деньгами. Он был младшим в знаменитом и неслыханно богатом роду уральских горнозаводчиков, всегда отличавшихся размахом и широтой натуры. Выслушав Брюллова, он тут же заказал ему картину.

Биография Анатолия Демидова стоит того, чтобы о ней написать несколько строк. Можно было бы многое рассказать об этом человеке, внесшем полмиллиона рублей на основание крупнейшей в стране богадельни («Демидовский дом призрения трудящихся» в Петербурге) и публиковавшем свои обширные статьи о России во французском еженедельнике «Журналь де Деба».

Спустя 12 лет после прогулки по Помпеям, он женился на племяннице Наполеона, принцессе Матильде. А затем купил, как говорится, «на корню» маленькое княжество Сан-Донато близ Флоренции, содержал там собственную гвардию числом 6 тысяч человек и титуловался «князем Сан-Донато», чем, вероятно, исполнил заветную мечту рода, ведшего начало от тульского оружейника петровских времен.

Но вернемся к Брюллову. Он с жаром принялся за работу. Снова едет в Помпею и Геркуланум (город, названный в честь Геркулеса, более знакомого нам по греческому имени – Геракл). Изучает раскопанные археологами в XVIII веке вещи, читает труды античных авторов. Особенно поразило его описание очевидца катастрофы – историка и писателя Плиния Младшего, бывшего свидетелем катастрофы: *«Уже в течение многих дней ощущалось землетрясение. В эту ночь, однако, оно настолько усилилось, что, казалось, все не только движется, но и опрокидывается... Падали уже куски пемзы и черные, обожженные,*

растрескавшиеся от огня камни… Между тем по Везувию во многих местах широко разлилось пламя, и высоко поднялся огонь от пожаров, которые своим блеском и светом разогнали ночную темноту… Дома качались от частых продолжительных толчков: казалось, что они сдвинулись со своих мест и ходуном ходят взад и вперед. Здания вокруг тряслись… Мы видели, как море втягивается в себя же; земля, сотрясаясь, как бы отталкивала от себя. Берег, несомненно, выдвигался вперед; много морских животных застряло на сухом песке. С другой стороны в черной страшной грозовой туче вспыхивали и перебегали огненные зигзаги, и она раскалывалась длинными полосами пламени, похожими на молнии, но большими... Стал падать пепел, пока еще редкий; оглянувшись, я увидел, как на нас надвигается густой мрак, который, подобно потоку, разливался вслед за нами по земле… Наступила темнота, не такая, как в безлунную или облачную ночь, а какая бывает в закрытом помещении, когда потушен огонь. Слышны были женские вопли, детский писк и крики мужчин; одни звали родителей, другие детей, третьи жен или мужей, силясь распознать их по голосам. Некоторые в страхе перед смертью молились. Многие воздевали руки к богам, но большинство утверждало, что богов больше нет, и что для мира настала последняя вечная ночь».

Это описание стало для мастера основой картины – он стремился следовать Плинию не только в деталях, но и в воссоздании самого духа и атмосферы события. Самого историка он изобразил в правой части картины, склонившимся над упавшей матерью. Подготовительная работа длилась около 5 лет. Нетерпеливый Демидов готов был даже отказаться от заказа. Наконец решение созрело. И огромное (длиной 631 см и высотою 456 см), содержащие свыше 30 человеческих фигур полотно было написано как бы на одном дыхании – менее чем за год.

Еще задолго до окончания работы в Риме начали говорить о дивной работе русского художника. Когда же двери его мастерской широко распахнулись для публики и, когда потом картина была выставлена в Милане, итальянцы пришли в неописуемый восторг. С самой эпохи Возрождения ни один художник не был в Италии объектом такого всеобщего поклонения, как Карл Брюллов.

При встречах на улицах всякий снимал перед ним шляпу, при его появлении в театрах все вставали; у дверей дома, где он жил, или ресторации, где он обедал, всегда собиралось много людей, чтобы приветствовать его. Газеты и журналы прославляли Брюллова как гения, равного величайшим живописцам всех времен, поэты воспевали его в стихах, о картине писались целые трактаты. Холст уже готовили в дорогу, но английские художники, попросили русского коллегу, задержаться с отправкой на один день Старый и больной Вальтер Скотт специально приехал из Шотландии, чтобы посмотреть на полотно. Несколько часов он сидел перед картиной, не шевелясь, потом неуклюже встал, подошёл к Брюллову и крепко обхватил его левой рукой – после апоплексического удара правая рука безвольно висела на перевязи. «Спасибо, мой друг!» – воскликнул Скотт. – «Я ожидал увидеть исторический роман, но увидел гораздо больше – целую эпопею.

Что же изображено на картине? Пылающий в отдалении Везувий, из недр которого растекаются по всем направлениям реки огненной лавы. Свет от них так силен, что ближайшие к вулкану здания кажутся как бы уже горящими. Ищут спасения несчастные горожане, гонимые пожаром и падающим пеплом. Это целая трагедия людского ужаса и страданий. Сколько разнообразных лиц и положений, сколько красок в этих лицах! В час грозных испытаний каждый проявляет свой характер. В центре полотна находится распростертая фигура убитой молодой женщины, как будто именно ею Брюллов хотел символизировать гибнущий античный мир (намек на такое истолкование встречался уже в отзывах современников). Знатное семейство удалялось на колеснице, надеялось спастись поспешным бегством. Но, увы, – поздно: смерть настигла их на самом пути. Испуганные кони сотрясают бразды, вожжи рвутся, колесницы надламывается, и сидевшая в них женщина повергается наземь и гибнет. Рядом с несчастной лежат разные украшения и драгоценные предметы, которые она взяла с собой в последний путь. А необузданные кони дальше несут ее супруга – тоже на верную гибель, и тщетно старается удержаться он в колеснице. К безжизненному телу матери тянется ребенок...

Вот мужественный воин и его юный брат спешат укрыть от неизбежной гибели престарелого отца, который силится отстранить ужасный призрак смерти, рукой заслоняясь от низвергающегося на него пепла. Юноша, спасая мать, упрашивает ее

продолжать путь. Матрона судорожно обнимает дочерей. Всадник тщетно пытается совладать с обезумевшей лошадью. Жених держит на руках мертвую невесту.

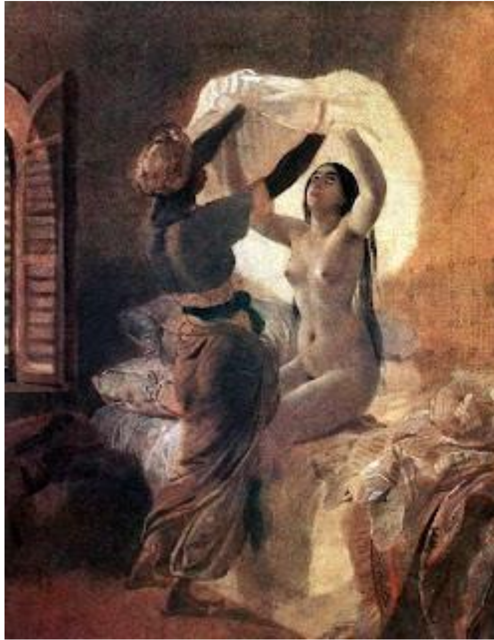

Здесь и языческий жрец, и христианский священник с кадилом, в толпе бегущих мы видим и живописца, поддерживающего на голове ящик с красками и кистями – автопортрет самого Брюллова. С высоты падают статуи богов, героев, императоров, как бы символизируя крушение мира. После показа во Франции картину доставили в Петербург, где ее ожидал триумф. Пушкин, увидев «Помпею», пишет следующие строки:

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко развилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспаленным прахом
Толпами стар и млад бежит из града вон.

Баратынский произнес экспромт:

Звезда прекрасной новой славы
Твоей рукою зажжена.
Искусства мирные трофеи
Ты внес в отеческую сень,
И был «Последний день Помпеи» —
Для русской кисти первый день!

Сам художник, однако, не спешил на родину. Не торопясь – через Грецию и Турцию, подолгу задерживаясь в Афинах и Константинополе, возвращаться он в Россию. Пребывание в этих странах вызвало появление «восточного» цикла в творчестве Брюллова: «Турчанка», «Восточные бани», «Сцена в гареме», «Любовное свидание в Турции». К композиции «По велению Аллаха раз в год меняется рубаха» он возвращался неоднократно вплоть до последних дней своей жизни. Однако не один из эскизов не был завершен. В нашем музее есть неоконченный вариант знаменитой «Одалистки» из Миланского музея под названием «По установлению Аллаха раз в год меняется рубаха». При всей своей «экзотичности» это жанровая сценка, приближающаяся к поискам реализма середины века. Блестящий рисовальщик, Брюллов великолепно изображает обнаженное тело и точно воспроизводит будничную позу служанки. Картина очень хороша по живописи, передающей приятную прохладу помещения, которую подчеркивает жаркий свет, струящийся в распахнутые ставни.

Наконец, художник приезжает на родину, сначала в Москву, затем в Петербург. Знаменитого живописца принимает Николай I. И, как и Пушкину, милостиво заявляет: «Я желал бы, чтобы все, что напишешь, ты приносил ко мне». Но напрасно Николай ожидал, когда, польщенный царской лаской художник отблагодарит его панегирическим портретом… Наконец, царь сам назначил время сеанса позирования и даже снизошел до приезда в его мастерскую. Но чтобы дать художнику высоту своего величия и помучить его ожиданием, немного задержался. Результат был самым непредвиденным. Как рассказывал ученик Брюллова Железнов, художник «воспользовался этим, взял шляпу и ушел со двора, приказав сказать государю, если он приедет: «Карл Павлович ожидал ваше величество, но, зная, что вы никогда не опаздываете, заключил, что вы отложили сеанс до другого времени». Спустя около 20 минут после назначенного времени государь пришел в мастерскую в сопровождении Григоровича, изумился, что не застал Брюллова дома и, выслушав объяснение дела, сказал Григоровичу: «Какой нетерпеливый мужчина». После этого, разумеется, о портрете никогда не было более разговоров» Сам Брюллов сознавался

ученикам, что «ему легче было восстановить против себя государя и вынести его гнев, чем писать его портрет». Он не мог портретировать тех, к кому не лежала душа.

Зато он создавал замечательные портреты друзей и своих знакомых. В музее есть небольшой набросок портрета действительного статского советника, скрипача-любителя Николая Дмитриевича Алфераки. На обороте портрета надпись: *«Рисовалъ Карлъ Павловичъ Брюлловъ 1842-га. Ав. 15-га В одинъ съансъ нельзя было сдълать и черты лица моего такъ верно переданныхъ полотну Великимъ Художникомъ… и добрымъ моимъ приятелемъ, да храниться дътьми моими изъ рода въ родъ. Николай Алфераки»*. Увы, о персонаже картины известно немного. Его отец сражался в годы русско-турецкой войны (1768 - 1774) в русской армии и в конце XVIII в. получил землю под Таганрогом. Сам Николай Дмитриевич воспитывался в Благородном пансионе при Московском Университете. Окончил этико-философский факультет Харьковского университета. Большую часть жизни прожил в Петербурге, где находился на государственной службе.

Н. Д. Алфераки – человек разносторонне одаренный, любитель и знаток живописи, писатель, талантливый скрипач. Был секретарем Академии художеств, дружил с братьями Брюлловыми, хорошо знаком с М.С.Щепкиным, И.Ф. Мамонтовым – отцом Саввы Ивановича Мамонтова. Приехав в Таганрог, построил особняк, где ныне располагается краеведческий музей и даже через 150 лет является одной из главных достопримечательностей города. Его дом украшали картины Брюллова, и Айвазовского. В 1842 году Брюллов писал его портрет, но провел всего один сеанс и написал только голову.

О герое второго портрета – хорошего знакомого Карла Павловича – Матвее Юрьевиче Виельгорском, который фигурирует во всех альбомах и каталогах музея, после некоторого поиска представление получилось более обширное и стоит того, чтобы о нем и его родных сказали более подробно.

Отец Матвея Юрьевича в энциклопедии назван поляком, перешедшим после присоединения Речи Посполитой к России на русскую службу. В Белорусской энциклопедии о роде Виельгорских нет ни строчки. Однако известно, что граф

Михаил Федорович, который имел сына по имени Юрий, был литовским великим кухмистром[22]. Судя по датам жизни, он и есть дед нашего героя.

Имена Виельгородских имеются также в «Списке участников восстания 1863 года». Среди дворян Витебской губернии Себержского уезда значатся Михаил и Мечеслав. Оба отправлены на каторжные работы с лишением прав состояния (имения Дедино и фольварка). Так что белорусские корни, по мнению автора этой статьи, явно имеются.

Но вернемся к Юрию Михайловичу. Итак, польский генерал-поручик в 1794 году переезжает в Санкт-Петербург, вступает в брак с Софьей Дмитриевной Матюшкиной – родственницей Романовых и в 1804 году назначается действительным статским советником. Современники отмечают, что он «отличался просвещенным умом, страстью к изящным искусствам и литературе и, будучи сам прекрасным музыкантом, оказывал покровительство артистам», был основателем Петербургского филармонического общества, как скрипач возглавлял домашний квартет, в котором играли его сыновья. (Из шести его сыновей нам известны сведения о Матвее – герое портрета Брюллова и его старшем брате – Михаиле). Деятельность домашнего квартета приняла регулярный характер во время пребывания семьи в Риге в 1804-1807 годах, где они были вынуждены остановиться по пути во Францию в связи с военными действиями в Европе. Затем юноши продолжили обучение в Париже и через 2 года вернулись в Петербург.

Молодые люди поселились на углу Михайловской площади (ныне площади Искусств) и Итальянской улицы по соседству с Михайловским дворцом, который современное поколение знает как Русский музей. «Маленький храм изящных искусств» – так назвал дом Виельгорских замечательный французский композитор Гектор Берлиоз, часто бывавший в нем. Назвал так не случайно. Братья были известнейшими в Петербурге, да, пожалуй, и в Европе, музыкантами, просветителями и меценатами. Их друзья – деятели искусства – любили посещать салон Виельгорских или как называли его петербуржцы «многостороннюю академию искусств».

---

[22] Кухмистр великий литовский – должность в ВКЛ. Следил за лесами, в которых охотился великий князь, распоряжался охотой. Изначально заведовал придворной кухней и поварами. В торжественных случаях ассистировал за столом великому князю, рассказывая о подававшихся блюдах. Руководил стольником, подстолием, кравчим, чашником, подчашим и пивничим. Должность почетная. Ее занимали представители знатных родов: Ян Нарбут, Франтишек Ксаверий и Ян Огинские, Николай Сапега и другие.

Надо сказать, что уже в первой половине XIX века в Петербурге появилось много салонов. Обычно салон принадлежал одной семье, а главой приемов были хозяин или хозяйка дома. На таких светских приемах происходило культурное общение: гости обменивались новостями, читали стихи, музицировали, ставили спектакли, танцевали. Число гостей при этом могло быть от 5 до 500 – если встреча происходила во дворце с концертным залом. Салоны привлекали новизной впечатлений, неожиданностью встреч. Здесь царила атмосфера «праздника жизни». Особое место занимали художественные салоны, где главную роль играло искусство. Известны салоны Е. А. Карамзиной, А. Ф. Львова, А. О. Смирновой. Салон Виельгорских особенно привлекал представителей искусства. В нем задолго до Филармонического и Русского музыкального общества звучала музыка Бетховена, Мендельсона, Шумана. А сами хозяева дома – гостеприимные и радушные братья Виельгорские – с удовольствием ее исполняли.

Михаил Юрьевич был ярким представителем типа «нового» русского барина. Полноватый, но весьма подвижный господин, необыкновенно обаятельный и мягкий в манерах. Его неуемный нрав, общительность, природная доброта вызывали непременную симпатию и любовь у всех, кто его знал. Даже когда ему перевалило за 50 – по меркам того времени – старик, он был юн душой, полон энергии, во все вникал и всем интересовался. Глинка писал о нём: «Увлекается, как юноша первыми впечатлениями». Плетнев: «Готов прогулять целую ночь с молодежью». И не сразу приходило в голову, что этот весельчак в гостиной и за столом, этот утончённый остряк и забывчивый чудак, любитель хороших вин и карт, фанат игры на биллиарде, что этот европейски образованный человек, говоривший со своими иностранными гостями на их родном языке, а также знаток латинского, древнегреческого и древнееврейского, дока в медицине и кулинарии, знаток Талмуда и естествознания, короче:

«Энциклопедии всесветной
Он сокращённый был и щегольской формат...»

– как сказал о нём П. Вяземский, – что он – важный вельможа, занимавший «совершенно выходящее из ряда общего положение при дворе», так признавался его зять, граф Владимир Соллогуб[23].

Здесь было упомянуто слово «зять». Но прежде чем говорить о детях, надо сказать о женах. Луиза Карловна, урожденная принцесса Бирон, была дочерью старшего брата известного фаворита Анны Иоанновны. Она рано лишилась родителей и воспитывалась в Смольном институте, после окончания которого, взята, в 1810

[23] Владимир Александрович Соллогуб – известный в XIX веке прозаик, драматург, поэт и мемуарист из литовского рода Соллогубов.

году ко двору императрицы Марии Федоровны и включена в штат ее фрейлин. В 1816 году она вступила в брак с Михаилом, ранее женатым на ее сестре Екатерине и за три года перед этим овдовевшим. (Об Екатерине Карловне в литературе упоминается редко. Известно лишь, что она послужила прототипом для супруги князя Андрея Болконского в «Войне и мире»). Второй брак Михаила, как незаконный, был совершен тайно, без разрешения на то императрицы, как это полагалось по статусу фрейлины. Свадьба навлекла на них неудовольствие двора, и молодым пришлось скрываться в своем Курском поместье. Годы, проведённые в сельском уединении, не прошли даром для композитора Виельгорского. Здесь его любовь к музыке и просветительское призвание раскрылись во всём блеске и силе. В Фатеевке были написаны две симфонии, Air Varie для виолончели с оркестром, несколько кантат, духовных хоров, романсов. Энтузиазм Виельгорских увлёк их соседей Барятинских, Чернышевых, Тепловых, Норовых, – владельцев крепостных симфонических оркестров, приглашавших отличных скрипачей и дирижёров из вольнонаёмных.

Новый император Николай I вернул семье монаршее благоволение и поспешил осыпать Виельгорских милостями. Государственная служба, общение с журналистами, издателями, дирижёрами, светские обязанности оставляли Михаилу всё меньше времени для сочинения музыки. Работа над оперой «Цыгане», либретто которой при участии Пушкина написал он сам, растянулась более чем на 20 лет. Между тем его романсы пользовались популярностью того времени, не забыты и сегодня. «Любила я», «Старый муж», «Черная шаль» на слова Пушкина, «Мне грустно» (по Лермонтову), «Бывало» (по Мятлеву) вошли в репертуар многих известных вокалистов (например, Полины Виардо), а два из них переложил для фортепьяно Лист. Он неплохо играл на альте и блестяще на фортепьяно: его игра на этом инструменте вызывала восторг Листа.

Шуман говорил о нем: «самый гениальный дилетант, каких я когда-либо знал». Сегодня слово дилетант равнозначно «не профессионалу», носит несколько пренебрежительный характер. В словаре Даля читаем: «Дилетант (итал.) – охотник, любитель, человек, занимающийся музыкой, искусством, художеством, не по промыслу, а по склонности, по охоте, для забавы». К сожалению, карьера артиста неприлична была для человека «высокого положения в обществе». Вспомним, как долго Михаил Глинка просил у отца разрешения заняться музыкой как профессией. Михаил Юрьевич на это не решился. Его опера «Цыгане» не была поставлена «по той причине, что... это неприлично сану папы», – вспоминал позже сын Михаила Юрьевича, Иосиф. «Если б он не стоял так высоко по рождению своему и месту в обществе, он снискал бы

европейскую известность заслугами своими по музыке», – писал о нём композитор Александр Серов[24].

Однако и как знаток и ценитель музыки Виельгорский был непревзойдён. «Русские музыканты считают его высшим авторитетом для оценки своих произведений» (А. Рубинштейн). «Один, быть может, из самых глубоких музыкантов в Европе» (В. Одоевский). А вот и мнение скупого на похвалы Глинки: «Я считаю графа одним из наилучших музыкантов, каких я только встречал». Матвей Юрьевич был младшим. Как и старший брат, он занимал высокое положение при дворе, участвовал в военных действиях 1812 года и заграничных походах. Тоже обладал большим музыкальным дарованием, виртуозно играл на виолончели. Декабрист Михаил Лунин, один из блестящих исполнителей Бетховена, так вспоминает об игре Матвея Юрьевича: «Матвей послал за своим инструментом и стал играть. Вот это была музыка. Мы не знали, где мы, на небе или на земле: мы забыли обо всем на свете». Современники недаром считали его «первым виолончелистом России». Писал пьесы для струнных инструментов. Принимал активное участие в учреждении русского музыкального общества. У него была редчайшая коллекция струнных инструментов: пять из них – работы Страдивари и ценнейшая нотная библиотека, которую он завещал санкт-петербургской консерватории.

Соллогуб писал, что младший брат был тоже человек умный и добрый, но гораздо сдержаннее и серьезней Михаила, труднее шел на сближение, друзей выбирал «с разбором». Среди последних была Полина Виардо, с которой у Матвея Юрьевича была многолетняя оживленная доверительная переписка. (Кстати, именно Карл Брюллов создал портрет знаменитой певицы, который стал хрестоматийным и публикуется во всех ее биографических книгах). После неудавшейся попытки женитьбы он навсегда отказался от мысли обзавестись семьей, и помогал старшему брату в воспитании его пятерых детей. Михаилу Юрьевичу не свойственен был

[24] Александр Николаевич Серов – известный русский композитор и музыкальный критик. Автор опер «Юдифь», «Рогнеда», «Вражья сила». Отец художника Валентина Серова.

практицизм, он был анекдотически рассеян, и Матвей Юрьевич вел хозяйственные и финансовые дела семьи.

Здесь уже говорилось, что Берлиоз назвал дом на Михайловской площади «маленьким министерством изящных искусств», другие прозвали его «Ноевым ковчегом». И вот за что. В течение нескольких десятилетий этот дом был один из самых известных не только в Петербурге, но едва не в целой половине Европы. В дом Виельгорских стремились и потому, что быть принятым здесь значило начать путь к известности, но также и потому, что здесь всякий гость, всякий талант всегда принят был с расположением и благожелательностью. Иностранные артисты, например, почитали за долг явиться прежде всего к Виельгорским. Авдотья Яковлевна Панаева вспоминала: «Все знаменитые концертанты, приезжавшие давать концерты в Петербург, сперва играли на их музыкальных вечерах, а потом уже давали публичные концерты».

И тут пора вспомнить и о «совершенно из ряда общего» положении Михаила Юрьевича при дворе. Очевидно, что граф не мог не пользоваться поддержкой двора. Она, конечно же, была, причём вполне конкретная. Вот что пишет Григорович, служивший тогда в администрации Большого театра и часто бывавший у Виельгорских: «Он [Виельгорский] получал... от министерства двора известную сумму для покровительства и поддержки иностранных артистов, приезжавших в Петербург». Иначе говоря, граф Виельгорский был не только любителем-энтузиастом, но в известном смысле являлся проводником культурной политики двора. Вряд ли «известная сумма» была слишком значительна, И Михаил, и Матвей и без того были необыкновенно богаты – важен был факт, который, видимо, афишировался.

До конца жизни Виельгорские не уставали привечать у себя все мало-мальски известные таланты, отечественные и зарубежные. Заглянув к ним поутру с визитом, можно было увидеть в углу гостиной примостившегося за столиком, в халате и домашних туфлях Листа, усердно пишущего что-то или раскладывающего пасьянс (был большой любитель карт вообще). А в другой раз можно было застать хозяина дома за чашкой кофе и оживлённой беседой с Берлиозом. Он всюду успевал, этот сибарит и вельможа – и проследить репетицию к вечернему концерту, и побывать на обеде у какого-нибудь посланника, и поиграть в карты в Зимнем, а вернувшись домой, и «сняв свой мундир и звёзды», отужинать дома с гостями, потом сразиться в биллиард «с каким-нибудь затрапезным Самсоновым». «Его всегда приглашали приятели, когда какой-нибудь из них пробовал какое-нибудь необыкновенное кушанье или вино». Вместе с тем, он был «рассеянности баснословной. Бывало, пригласив к себе на... обед весь... дипломатический корпус,

совершенно позабывал об этом и отправлялся обедать в клуб, а на другой день ездил извиняться».

Случайно обнаружив между нот на фортепиано у Грибоедова несколько листков со стихами «Горе от ума», он «носился с ними повсюду» и, таким образом, первый способствовал известности комедии. Виельгорский рассказал Пушкину, с которым «близко приятельствовал» и даже был крестным отцом его дочери Натальи, содержание странного сна майора Батурина: конная статуя Петра I съезжала со своей скалы и тяжело скакала к Каменному острову, где отдыхал Александр I. Этот любопытный анекдот[25], взволновавший поэта, послужил толчком к созданию «Медного всадника».

Приёмы у Виельгорских носили особый отпечаток. «У них редко танцевали, – пишет Соллогуб, – но почти каждую неделю на половине самого графа, то есть, в его отдельном помещении, устраивались концерты, в которых принимали участие все находившиеся в то время в Петербурге знаменитости». Полной противоположностью Михаилу Юрьевичу была его супруга, Луиза Карловна, женщина строгая и «гордости недоступной», хотя добрая и набожная. Михаил Юрьевич очень любил её, и это был странный союз. На половине Луизы Карловны господствовали нормы светского этикета. Современники писали о ее высоких семейных добродетелях, о суровом нраве и возраставшей с годами отстранённости от дел супруга. Обширная переписка с Жуковским и Гоголем изобилует теософскими и нравственно-педагогическими темами. Ее кончина в феврале 1854 г. привлекла внимание двора. Тютчев писал о церемонии отпевания графини, которая «в последний раз собрала вокруг себя самое блестящее петербургское общество. Были четверо великих князей, весь дипломатический корпус, главные сановники и артисты в полном составе».

Если приёмы Луизы Карловны привлекали в её роскошные покои цвет придворного общества, то у ее мужа бывали и всякого рода «неизвестные людишки», которыми граф, «как истый барин никогда не брезгал и был один из первых и самых любимых русских меценатов», – писал В. Соллогуб. Имея в покровителях самого царя, он в чём-то повторял своего далёкого римского предшественника, современника и приближённого императора Августа.

Меценатство в России в те годы – это не только **просветительство** (что является главной целью меценатства); это ещё и **покровительство**, чем и привлекало оно мятущихся, вечно неприкаянных артистов, художников, поэтов. Впрочем, таким меценатство было именно в конце XVIII – начале XIX веков.

[25] В России XVIII—XIX вв. слово «анекдот» имело несколько иное значение – это могла быть просто занимательная история о каком-нибудь известном человеке, необязательно с задачей его высмеять.

Меценатство второй половины X1X и начала XX – это нечто иное. Тут в роли покровителей искусства выступали по большей части купцы и богатые промышленники. «Купеческое» меценатство оказалось сильно замешано на благотворительности. Во сколько удивительных начинаний были вложены деньги богатеев-любителей! Мы знаем теперь про частную оперу Саввы Мамонтова, Художественный театр, созданный при поддержке Саввы Морозова, картинную галерею Павла Третьякова, книжное издательство братьев Сабашниковых. Однако это меценатство было лишено покровительства. Морозов или Мамонтов могли помочь человеку материально, но далеко не всегда могли также дать ему положение в обществе или осветить дорогу в искусство. Это были скорее черты **меценатства «первой волны»**.

Поэтому меценатство первой половины XIX века – это салон, это связи и знакомства, это обмен идеями, литературные вечера и музыкальные концерты. Меценат этого времени – прежде всего крупная личность, это «светоч» общества, высокообразованный человек и нередко сам – человек искусства. Благотворительность еще не была в «почете», вернее, не являлось главным в деле. Обычным способом помощи художнику был заказ на картину или музыкальное произведение. Демидов, как уже говорилось выше, заказал Брюллову «Последний день Помпеи».

К чести Вильегорских надо сказать, что они являли совершенно удивительные примеры и благотворительности. Помогли материально братьям Рубинштейн. Глинка в «Записках» довольно прозрачно намекает на то, что Михаилу Юрьевичу он обязан постановкой «Ивана Сусанина» на сцене Большого театра в Петербурге, а также успехом ее и во многом своей популярностью в музыкальных кругах. Знаменитый журнал «Телеграф» – тоже его «детище». Вяземский рассказывает, как Виельгорский буквально уговорил Николая Полевого издавать журнал; и надо полагать, что финансовая поддержка обеспечивалась при этом графом. В 1824 году был выкуплен из крепостных талантливый скрипач И. Семенов, а в 1838 вместе с Жуковским организована операция по вызволению из крепостных Тараса Шевченко. В автобиографии Тарас Шевченко так рассказывает о своём выкупе из крепостной неволи: *«В 1837 году Сошенко представил меня конференц-секретарю Академии художеств В. Григоровичу с просьбой – освободить меня от злой моей судьбы. Григорович передал эту просьбу В.А. Жуковскому. Тот предварительно сторговался с моим помещиком и просил К.П. Брюллова нарисовать с него, Жуковского, портрет, чтобы разыграть его в лотерею в царской семье. Великий Брюллов сразу согласился, и вскоре портрет Жуковского был у него готов. Жуковский при участии графа М.Ю. Виельгорского устроили*

лотерею на 2500 рублей ассигнациями, и этой ценой была куплена моя свобода года 1838-го, апреля 22-го ».

Итак, Виельгорский принимал активное участие в судьбе знаменитого поэта и художника. Вот только какой из братьев? По характеру братьев и роли, которые они играли в обществе в рассказе Шевченко и, естественно, в решении его судьбы можно предположить, что это был Михаил. Однако, в самой подробной монографии о Карле Брюллове Э. Ацаркиной приводится «Заметка о портрете Жуковского», опубликованная Н. Д. Быковым в «Русской старине» за 1877 год, в которой сообщалось: «После всего испытанного и испробованного (то есть обращений к помещику, владельцу Шевченко) К. П. Брюллов ставит на мольберт холст и говорит В. А. Жуковскому: «Садись я напишу твой портрет – разыграй его при дворе, собери по билетам 5000 рублей (ассигнациями) и отдай помещику, Шевченко будет свободен». При этом М. Ю. Виельгорский (которого Брюллов писал портрет) одобрил предложение: сказано, сделано, хотя и не очень быстро… Прежде взятия портрета, покойный М. Ю. Виельгорский заказал мне сделать копию за 1000 руб. ассигнациями. Копия была очень удачна и хороша».

Исходя из этого сообщения, речь идет о Матвее Юрьевиче – герое портрета Брюллова из нашего Минского музея. Итак, взглянем еще раз на работу Великого Карла, как называл его Шевченко. Портрет написан в Италии в 1828 году. Тяжелый занавес приоткрывает вид на дымящийся Везувий. Классические для романтизма красный цвет халата, подбитого голубым шелком, приподнято-театральная поза музыканта, торжественным жестом проводящего смычком по струнам виолончели. Но сквозь каноны условности жанра прорывается живое чувство вдохновения. Сдвинув брови, сжав губы, Матвей Виельгорский внимает звукам виолончели. В выражении его лица, которую подчеркивает туго стянутый на шее платок, серьезность человека, умудренного жизненным опытом.

Брюллов остался удовлетворен работой, о чем сообщил своему брату Федору: «Я уже написал портрет графа Вильегорского, сего редкого гения в музыке, масляными красками; [портрет] коленный в рост с виолончелей; вышел не дурен». Высокую оценку дал также ему и сам Виельгорский. «Мат. Юрьевич приехал, говорит, что портрет его, которой Карл написал, есть Совершенство, что это неисчерпаемый гений», – писал Федор брату Александру.

Вот, пожалуй, и все, что хотелось рассказать о великом русском художнике и о человеке, облик которого мы можем видеть в нашем музее и о котором из этого рассказа мы узнали что-то новое для себя.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЗАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ БЕЛАРУСИ

Татьяна Кенько: Второе рождение портретов из Несвижа и Гродно, или сарматская живопись в Национальном художественном музее Беларуси: библиодосье

В предыдущей статье мы беседовали о судьбе Матвеея Виельгорского – героя портрета Карла Брюллова. Это было первое приобретения Елены Васильевны Аладовой из коллекции Лидии Андреевны Руслановой. На этот раз приглашаем вас, дорогие читатели, перейти из залов экспозиции русской живописи в залы белорусского искусства. Поднимаемся по красивой лестнице, и почти сразу глаз выхватывает длинный ряд портретов в старинной одежде. Это портреты магнатов XVI-середины XVIII века. Некоторые называют их произведениями сарматской живописи.

Позвольте, может возразить читатель. Насколько известно из курса истории **сарматы** – кочевой народ древнего мира и никакого отношения к Беларуси не имеет. Да, на первый взгляд, это действительно разные времена и несовместимые народы. Но давайте разберемся.

Энциклопедия истории Беларуси дает следующее определение сарматам: *Общее название племен северного Причерноморья в 3 век до н.э. – 4 веке н.э. Вместе со скифами входили в западную группу родственных ираноязычных племен, были близкие по языку и обычаями. Предки сарматов занимали степи Поволжья и Прикаспия. Согласно сведениям отца истории Геродота, в VII-III столетии до н.э. сарматы (савроматы) произошли от связи скифов с амазонками. Они «говорят на скифском языке, но издревне искаженном». При этом Геродот подчеркивал значительную роль женщин в общественной жизни. В III-II столетии до н.э. сарматы перешли Дон, и завладели Скифией, которую стали называть Сарматией… Страбон*[26] *утверждал, что сарматы первоначально вели кочевой образ жизни и воевали с государствами Закавказья, Римской империей, городами греческой Ольвии, заставляя их платить дань. Но были и оседлые сарматы, которые занимались земледелием.*

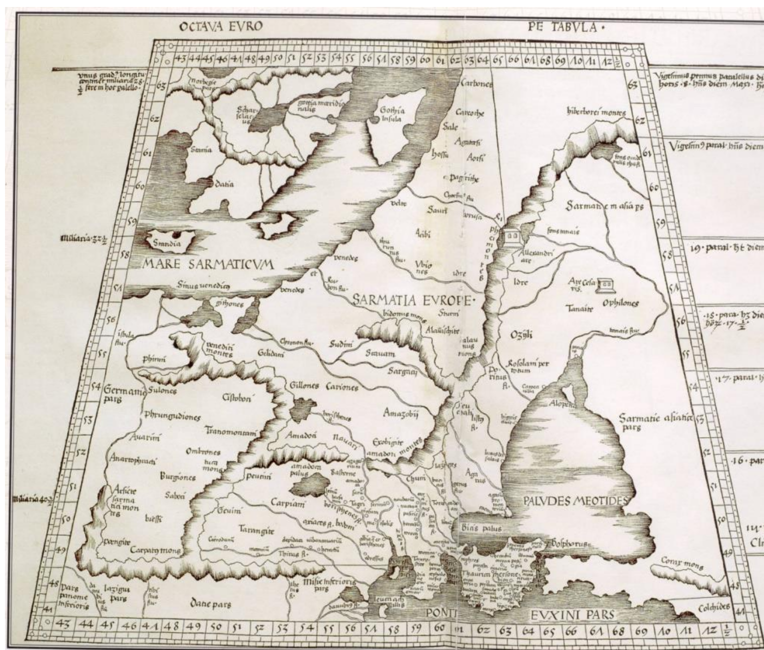
Ко времени Рождества Христова скифы сохранили свои облик только местами, сарматы же заняли их место и не только приняли культуру прежних народов, но и внесли в нее свои специфические оттенки.

Если рассмотреть карту, составленную Птоломеем[27], то видно, что на севере земля ограничена Сарматским океаном, на западе – Сарматийскими горами. Птолемей проводит границы обитания вдоль Азовского моря, реки Дона и отсюда дальше на Север. Таким образом, в состав Птолемеевой Сарматии входили некоторые части Пруссии и Речи Посполитой по реке Висле, северо-восточная полоса Галиции, вся Европейская Россия до центральных ее губерний, со включением значительной частью Кавказа. Некоторые из городов Сарматии, перечисляемых Птолемеем, могут быть с большею или меньшею точностью зафиксированы на современной карте. Метрополь, на Борисфене, стоял, вероятнее всего на месте нынешнего Киева.

[26] Страбон – знаменитый географ древнего мира родился около 63 г. до Р.Х., умер около 23 г. по Р.Х.).

[27] Кла́вдий Птолеме́й – позднеэллинистический астроном, астролог, математик, механик, оптик, теоретик музыки и географ. Жил и работал в Александрии Египетской, где проводил астрономические наблюдения.

 №31, красавік 2023 ISSN 2562-950

Историк Садовский приурочивает Карродун ко впадению Збруча в Днестр, Ерект, Вивантиварий, Клепидаву, Метоний – к Тирасполю, Бендерам, Ямполю и Могилеву Подольскому. На Припяти лежали города Ниосс, Сабрах и Леин; тот же ученый предлагает такую локализацию их: Чернобыль, Мозырь и местность к Западу от Пинска.

Сарматы не исчезли бесследно. По мнению академика Соболевского, они даже передали названия больших рек нашим предкам славянам, а именно: Днестр, раньше Дънестр – сарматское Danastr или Danaistr, Днепр – Дънепр – Danaper, Дон (вода), названия многих других речек являются переводом с сарматского.

В середине XVI века польские гуманисты высказали теорию о том, что шляхта происходит от сарматов, древнего степного народа, известного из греческой и римской этнографии. А в XVII веке этот тезис стал основой идеологии белорусской и польской знати – шляхты – сарматизма. Согласно ей

аристократия считалась потомками сарматов, а простонародье – потомками славян и литвинов). Шляхта была сословием воюющих господ, противопоставлявших себя простолюдинам. Истинный шляхтич готов был умереть с голоду, но не опозорить себя физическим трудом. Представители шляхты отличались так называемым «гонором» (честью и чувством собственного достоинства, от латинского *honor* – «честь») и храбростью.

Важнейшая дата – 1573 год. Именно тогда шляхта начинает выбирать короля прямым голосованием. Королевская власть неминуемо слабеет, государственное и общественное устройство меняется. Исследователь сарматизма Лариса Тананаева пишет, что правление Речи Посполитой – это смесь монархии, аристократии и демократии. Шляхта становится господствующим классом. Что важно, ее очень много, больше, чем дворян во многих других странах. С каждым годом шляхтичи завоевывают все больше гражданских прав. И ожесточенно их охраняют. Даже король воспринимался как равный. Этот период вошёл в историю как «золотая вольность». Шляхту отличало уважение к чужому мнению, выраженное в том, что каждый из заседающих обладал правом вето, то есть решения должны были приниматься при всеобщем согласии. В дальнейшем этот момент повлиял на идеал польского бунтаря-повстанца. Шляхта оставляла себе право на мятеж (рокош). Сарматисты себя противопоставляли как раболепной деспотичной Азии, так и буржуазной Европе. Категория «Отечество» — центральная в идеологии сарматизма.

В XVII веке Речь Посполитая пожила мирно 32 года. То есть две трети столетия шляхта воевала – с русскими, шведами, турками, а внутри страны – с казаками Богдана Хмельницкого… Непрекращающаяся война становилась психологией. Сражение за сражением формировали в людях определенный набор качеств: удаль и бесстрашие, готовность сражаться и умирать, а также лихачество, нетерпимость, стойкое чувство безнаказанности.

Сармату приличествует быть рыцарем и воином, хорошим сельским хозяином-магнатом, человеком с образованием и с интересом к миру. Основными занятиями блюстителей «сарматских традиций» были: война, охота, полонез. Протестантская трудовая этика была чужда сарматскому идеалу. Развит был также галантный обычай целования женской руки, поскольку статус женщины был высок, что указывало на миф о сарматских амазонках.

Сарматская идеология оказала существенное влияние на культурные процессы XVI–XVIII веков. Были сформированы жанры литературы, изобразительного, театрального искусства, элементы политической культуры, позволившие создать

единую шляхетскую культуру, отличающуюся от культуры знати Западной Европы: условно «восточный» стиль парадной одежды, чуб, особые манеры и так далее.

В искусствоведении появился специальный термин «сарматский портрет», и на протяжении XVI и XVIII веков представители шляхты желали, чтобы художники изображали их «сарматами». Лариса Тананаева пишет: *«Человек на портретах не столько изображается, сколько обозначается, он лишь условный знак». Портреты подобны, видно, что их писали по одной схеме. И глядя на изображение «сарматов», можно предположить, чем жил «сарматский народ», каковы его идеалы и ценности, что за люди были наши шляхтичи».*

Художники и литераторы брали за образец сарматизма в одежде, бытовой архитектуре и элементах декора детали османской и персидской культуры. К отличительным особенностям портрета можно отнести специфические атрибуты: шляхтич изображался в полный рост. При этом тела людей, и особенно лица, как бы застыли. Позы неестественные: разве можно так стоять, так держать голову? Лица плоскостные. В своем торжественном оцепенении они напоминают иконы. И это не случайно – техника во многом та же.

Основными атрибутами сарматского стиля в декоре являлись восточное оружие (сабля, колчан, круглая тарча-щит[28], балдахин. Художники искусно прописывали одежду: она объемная, реалистичная, детали и цвет работают на то, чтобы «рассказать» о платье как можно больше. Здесь доминируют расшитые золотом и серебром широкие пояса[29] и восточные халаты-кунтуши.

Историк Владислав Лозиньский отмечал, *«Речь Посполитая держалась не на личности, как считалось. Она держалась на семье. Клановое сознание плюс желание «отрастить корни» и связать себя аж с легендарными сарматами в сумме дали культ галереи предков. Представим множество сарматских портретов в одном зале. За счет схожей стилистики все вместе они образовывали портрет рода – сильного и легендарного. Роды же складывались в особое сословие. Получалось могучее генеалогическое древо господ с мощным корнем и множеством устремлённых в небо ветвей».* А так как портреты предназначались для формирования коллективной памяти о шляхетском роде, его связях с другими

[28] **Щит–тарч**, один из ведущих боевых европейских рыцарских щитов, широко применяемый как рыцарством Западной Европы, так и рыцарством центральной и восточной Европы, в том числе рыцарством ВКЛ и Короне Польской. Кроме всего прочего, тарч (французский Экю) по настоящее время является атрибутом геральдического представления родов, государств и организаций.

[29]Они получили название слуцкие по месту их изготовления. Подробнее об истории слуцких поясов можно прочитать в статье «Восстановление утраченного: этнографическое расследование наследия белорусской шляхты» в сборнике «Мосты нашей памяти» БП 2016 -№5

родами, то на полотнах присутствовали детали, рассказывающие об изображенных персонах. Гетман изображался с гетманской булавой, а канцлер – с печатью. В цвете доминировал красный. На изображениях встречается сопроводительный текст и гербы. Ведь при наличии герба можно было только с одним конем да мечом чувствовать себя равным магнату. С их помощью картина превращалась в документ, призванный рассказать о происхождении, статусе и, соответственно, об исключительных правах. Особой разновидностью сарматского портрета был так называемый «труменный портрет» – надгробные изображения лица умершего, имеющие сходство со знаменитыми «фаюмскими портретами»[30].

Портреты собирались и выставлялись в специальных залах для свидетельства о благородстве своего происхождения. А чтобы подчеркнуть свою влиятельность, помещали также изображения представителей породненных с ними фамилий. Например, после женитьбы известной театральной деятельницы XVIII века Францишки Уршули Вишневецкой с одним из владельцев Несвижа Махаилом Казимиром по прозвищу Рыбанька в радзивилловском дворце появился зал Вишневецких.

Таким образом, познакомившись с некоторыми особенностями данного вида живописи, мы можем вернуться к сарматским портретам в залах НХМ Беларуси. **Хотя, пока, нет. Сначала история их появлении и приобретения музеем.**

В рассматриваемый период XVI-XVIII столетий одним из крупнейших культурных и политических центров княжества Литовского, а потом и Речи Посполитой был город **Несвиж**. Краевед Клавдия Яковлевна Шишигина-Потоцкая приводит легенду о происхождении названия города: *Когда-то давно все земли вдоль реки Уша были покрыты густыми непроходимыми зарослями леса. Здесь никогда не ступала нога человека. На исследования края отправился литвинский князь, имя которого осталось неизвестным. Вместе с отрядом верных воинов изучал он местность, заодно охотясь на диких зверей. Охота оказалась удачной. Пришвартованные у реки ладьи наполнялись свежим мясом, тушами убитых животных. Князь же, будучи первоклассным стрелком, сумел подстрелить огромных размеров медведя, для которого места в лодке уже не оставалось. Было решено оставить животное, вернуться в другой раз за ним. Слуги долго искали место, где лежала добыча. К*

[30] Фаюмские портреты создавались для ритуала погребения в Древнем Египте во времена римского владычества I—III веков нашей эры. Портрет заменял традиционную погребальную маску на мумии. Портреты выполнены в технике энкаустики (от греческого слова ἐγκαίω — выжигаю), очень распространённой в то время. Это восковая живопись расплавленными красками, которую отличает объёмистость мазка. Картины, выполненные этим способом, отличает редкая свежесть цвета и они удивительно долговечны. Первая находка в Фаюмском оазисе в 1887 году закрепила за ними название фаюмские.

тому времени медведь уже был несвежим, поэтому тушу не стали тащить с собой. В тех давних времен место, где нашли медведя, именовали Несвиж. Прошли годы, на этой территории возникло поселение первых славянских племён, получившее аналогичное название.

Знаменитый русский учёный В. Семёнов-Тян-Шанский опубликовал исследовательскую работу «Россия. Полное географическое описание земель нашего отечества», состояшую из множества отдельных томов. В девятом томе есть другая удивительная история про образование Несвижа: *В древние времена на этом месте располагалась огромная гора. Склоны простирались на такое большое расстояние, что трудно было разглядеть местность за ней. Жители окрестных деревень называли эту гору «Невидимой» – Nieswiez gory. Спустя какое-то время в прилежащей местности произошло крупное наводнение, размывшее гигантскую гору на семь отдельных холмов. Новый город, где обосновались переселенцы, стали именовать в честь горы.*

По мнению других историков-исследователей, Несвиж строился у истоков реки Уша. Поселение было прекрасно укреплено. Этому способствовали и большие болота-трясины, и *многочисленные защитники-воины, которых называли вижами. Вижей было много – «несть числа». От слияния этих коротких слов «несть вижей» и стали называть город-крепость.*

Автор многочисленных топоминических словарей В. А. Жучкевич объясняет слово «Несвиж» просто, без всякой таинственности. *Когда-то густые заросли кустов около воды называли свидью. Около города-крепости таких кустов не было. – Не свидь.*

В начале XVI века Несвиж перешел во владение рода магнатов Радзивиллов. **Радзивиллы** считаются первым родом в Великом Княжестве Литовском, которому был дарован княжеский титул Священной Римской Империи. Это означало самый высший почитаемый сан Рима. В качестве родового герба были избраны трубы, а в качестве девиза была избрана фраза «Нам советует Бог».

(герб «трубы» на въездных воротах замка)

Существует легенда о происхождении известного рода и возникновении его названия. *Корни его выходят от родоначальника Дорспрунга. Считается, что в свое время он добрался из Рима на территорию современной Литвы, где основал поселение под названием Новый Рим (Рамнова).* Правда, эта часть легенды документально никем не подтверждена. Скорее всего, ее придумали сами Радзивиллы, дабы возвеличить свою значимость и максимально причаститься к древнеримскому происхождению. *Далее история гласит о том, что одним из прямых наследников Дорспрунга языческий жрец Криво-Кривейше полюбил красавицу литвинку, которая родила ему младенца – мальчика. Вскорости мать младенца умерла, а оставлять на своем попечении и растить мальчика жрец не мог. Поэтому он решил его определить в хорошую семью. Для этого он выбрал богатого купца Наримунта, который давно мечтал о наследнике. Жрец нагадал в скором времени прибавления в семействе. И когда Наримунт отправился на охоту, Криво-Кривейше подложил на его пути младенца в красиво украшенной корзине. Со своей свитой и собаками купец обнаружил в чаще леса плачущего мальчика в люльке на дереве. Когда Наримунт похвастался жрецу, тот наказал ему растить ребенка как своего родного и всячески о нем заботиться. Назвали юнца Лиздейка, что на литовском означало «найденный в гнезде».*

Мальчик быстро рос, удивляя всех смышленостью, и даже мог толковать события. Однажды к нему и обратился за разъяснением увиденного сна князь Гедимин. Он рассказал о том, что увидел во сне могучего волка, который протяжно выл на

протяжении длительного времени. По мнению Лиздейки, это означало необходимость на этом месте (в долине Святого Рога) основать селение. Его было решено назвать Вильня.

Из-за своих здравых и рассудительных советов Лиздейка и получил прозвище радзивил – что по-белорусски означает «радзіць» (советовать). Его потомки также пользовались этим прозвищем. Оно и прижилось к роду, в последующем став его фамилией.

А за ценные советы князь приказал отмерить Лиздзейке столько земли, пока будет слышна охотничья труба. Так появился родовой герб Радзивиллов «Трубы» и обширные земли. Так начинается биография знаменитой династии, насчитывающей 448 *фамилий.*[31]

Радзивиллы имели огромные площади земли, получали миллионные доходы, влияли на судьбы тысяч людей. Одним из основателей рода Радзивиллов считается Ян Бородатый. В 1547 году, благодаря деятельности Николаю Радзивиллу Черному, Радзивиллам присваивается титул «князя Священной Римской империи». Несвиж, к этому моменту уже резиденция именитой семьи, в 1586 город получает статус ординации. Это значит, что Несвиж всецело переходит от одного владельца к другому только по наследству, от отца к старшему сыну – Николаю Радзивиллу Сиротке.

При нем Несвиж буквально расцветает: деревянный город в корне преображается, вместо старых построек вырастают каменные строения; улицы приобретают квартальную планировку, причем эта система сохранилась и сейчас. Жители города получают большую свободу от налогов, развивается торговля и ремесленничество; открываются школа, баня, госпиталь и парикмахерская, цеха, позже, в XVIII веке – мануфактуры и мастерская художественного литья, типография. Именно в ней Симон Будный первым издает белорусскоязычные книги. В XVI-XVII столетиях в Несвиже уделяется большое внимание к процессу познанию и открытиям: изучают древние языки, богословие и естественные науки. Создается первый в Беларуси стационарный театр. В 1563 году выходит первая газета ВКЛ «Навіны грозные, а жалостлівые…». В XVIII столетии Несвиж гордился крупнейшим в Европе театром балета.

Все XVII столетие Несвижский замок считался самым совершенным укреплением Беларуси, выдержавшим немало атак. Только в 1706 году его удалось взять штурмом

---

[31] Легенду о Лиздзейке описал в поэме «Пан Тадеуш» Адам Мицкевич.

войскам Карла XII. Шведы взорвали оборонительные бастионы, а имущество разграбили.

Спустя десятилетие местные зодчие начали восстанавливать родовое гнездо Радзивилллов. Под руководством архитектора Ждановича к середине XVIII века замок был отстроен заново. Отдельно расположенные корпуса были объединены в одно целое с большим внутренним двором, добавлена дворцовая часовня. После обновления он был похож на светский дворец, оборонительные черты отошли на второй план.

О роскоши и богатстве интерьеров, а также несметных сокровищах Радзивиллов ходили легенды. Согласно преданию, в тайниках замка хранилась родовая сокровищница на сотни пудов ценностей, которая пополнялась на протяжении многих веков. Владельцы не имели права ни продать, ни вывезти ее с территории Несвижа даже в самые грозные военные времена. Помимо ценных коллекций оружия, картин, книг и бриллиантов, в сокровищнице хранилась бесценная коллекция – 12 апостолов из чистого золота и серебра, усыпанных драгоценными

камнями. По одной из версий, их приказал отлить Михаил Казимир Радзивилл, который нашел татарское золото в начале XVI века. Говорят, именно благодаря этому золоту удалось восстановить замок. Грабители не раз пытались похитить золотых апостолов. Поэтому настоящие статуи были надежно спрятаны, а в Голубом зале выставлены искусные копии из воска, украшенные фальшивыми камнями. Со

временем рядом с апостолами поставили и восковые фигуры тех грабителей, которые пытались их украсть. Так появилась первая в мире коллекция восковых фигур.

Могущество Радзивиллов пало с приходом Наполеона. Последний несвижский князь Доминик Радзивилл присоединился к французам в 1812 году, в одном из сражений 1813 года был смертельно ранен и умер[32]. Дальнейшие смены владельцев, грабежи, вывоз коллекций и архивных материалов, войны и восстания привели к разорению Несвижского замка. С этого времени замком управляли представители немецкой линии Радзивиллов из Берлина.

Особую ценность составляла и картинная галерея, основанная еще Николаем Радзивиллом Сироткой[33] в конце XVI века. Представление о том, что представляла эта галерея, дают заметки известного белорусского поэта Владислава Сырокомли[34],

[32] Подробнее о Доминике Радзивилл можно узнать из статьи Константина Матусевича «*Князь Доминик Радзивилл» // http://www.3dway.org/node/5887*

[33] Согласно легенде, прозвище «Сиротка» Николай Христофор получил в раннем детстве. Однажды король Сигизмунд Август, заехал по приглашению в несвижский замок, встретил в одной из комнат дворца оставленного без присмотра ребёнка, он приласкал ребёнка приговаривая: «Ах, ты мой бедный всеми забытый сиротка!».

[34] Владислав Сырокомля – поэт, историк и краевед, его настоящее имя – Людвик Владислав Кондратович. Начал писать в 15 лет, издавал небольшие сборники «гавенд», стихотворных баллад, также писал «образки», сценки из народной жизни. Одна из его баллад «Почтальон», написана под впечатлением рассказанного ямщиком в корчме под Мирским замком, тоже имением Радзивиллов. На русский язык ее перевел поэт Леонид Трефолев под названием «Когда я на почте служил

который в 1833 году поступил в школу при Несвижском доминиканском монастыре, а с 1840 по 1844 годы служил в канцелярии Несвижского замка. Там, кстати, и появились его первые стихи. *Так вот в книге «**Путешествия по моим былым окрестностям**» он утверждал, что в первой половине XVII века в Несвиже мог побывать Рембрандт. Его сюда пригласили якобы для того, чтобы он посоветовал, как лучше организовать несвижскую картинную галерею, которая начала складываться в 1600 году. Кроме того, в разных источниках указывается, что знаменитый голландец написал в радзивилловской резиденции несколько полотен. Однако в каталогах картин Несвижского замка творения выдающегося художника не упоминаются. Скорей всего пребывание Рембрандта в Несвиже всего лишь домысел, одна из красивых легенд старинного замка. Хотя коллекция картин была огромная. В архивном списке 1779 года Сырокомля насчитал 984 произведения на полотне и дереве, но когда он приступил к работе, от них не осталось и половины. Пропал портрет Ивана Грозного, «черты которого мы бы так хотели увидеть». Не было и портрета крестьянина-долгожителя из деревни Чучевичи, прожившего более 140 лет.*

Залы и комнаты пышного прежде дворца утратили первоначальное назначение. Дело дошло до того, что рядом с архивом и библиотекой один из предприимчивых дворовых держал кроликов. Прежде старинные портреты висели на стенах, украшенных богатыми коврами и огромными зеркалами. Но от этих украшений не осталось и следа. Уцелевшие полотна были свалены в зале на третьем этаже, будто в насмешку помпезно названном картинной галереей. «Сердце сжимается», – писал поэт, глядя на произведения живописи, имеющие огромное художественное и историческое значение. Отдельные полотна находились па краю гибели. Окна галереи были разбиты, и ветер свободно гулял по комнатам. При каждом его порыве с полотен осыпалась краска. А ведь это были произведения, как утверждал Сырокомля, ценные либо из-за кисти художника, либо как памятники старины, либо как портреты исторических личностей. Последние были тогда наполовину испорчены, но еще пригодны для осмотра. Вместо 984 полотен, в 1857 году насчитывалось только 211 наименований.

Последние именитые владельцы покинули замок в 1939 году, когда началось воссоединение Западной Беларуси с БССР. Предметы интерьера, посуду, старинные

ямщиком». Позже эти стихи стали считаться русской народной песней. В своих произведениях Сырокомля активно откликался на протекающие явления в жизни, в том числе политические. За свою деятельность он состоял под негласным надзором властей. Умер в возрасте 38 лет. На его похороны в Вильне собрались по разным сведениям от 6 до 20 тысяч человек. Это была фактически национально-патриотическая антиправительственная манифестация.

костюмы, которые хозяева замка не вывезли с собой за границу, передали в театры в качестве реквизита. В фонд, только что созданной художественной галереи республики,[35] из Несвижского замка поступили коллекции слуцких поясов, французских гобеленов XVIII века и остатки произведений портретной живописи XVI-XIX веков, собранных Радзивиллами. Однако, во время войны практически все собранные произведения искусства галереи были разграблены и вывезены в неизвестном направлении. Лишь редкие шедевры удалось вернуть. К счастью, в конце войны в Восточной Пруссии советские солдаты обнаружили несколько портретов из Несвижа. Полотна после длительного скитания по Европе в солдатских немецких рюкзаках находились в плачевном состоянии – без подрамников, загрязненные, с многочисленными повреждениями красочного слоя. После возвращения в Минск все они нуждались в тщательной длительной реставрации.

Реставрационные работы, проведенные в 1962 году над 16 полотнами, которые находились в состоянии «клинической смерти» показали, что все они представляют значительную историческую и художественную ценность и являются летописью своего времени. Работы под реставрацией портретов были продолжены и в результате огромного, поистине титанического труда не только белорусских, но и российских специалистов. Результатом их трудов стала замечательная выставка в 1981 году в художественном музее Минска под названием «Второе рождение портретов из Несвижа и Гродно». Посетители ее увидели 41 возрожденное полотно.

А теперь обратимся, наконец, к некоторым полотнам в большом зале белорусской живописи национального художественного музея Беларуси.

[35] Историю создания музея можно прочитать в статье «Путешествие в Национальный художественный музей Беларуси. Первая коллекция».

При создании портретной галереи в Несвиже Николаем Радзивиллом Сироткой первым номером значился портрет гетмана великого литовского[36] **Юрия Радзивилла бородатого** (1480-1541). Он же и начинает ряд персоналий в минском художественном музее. Как и все представители рода Радзивиллов по мужской линии, имел прозвища: за многочисленные победы над врагами его стали называть **«Геркулесом» и «Виктором»** – от латинского слова «победитель». Первый воинский опыт Юрий-Геркулес получил в битвах с татарами в 1511-1512 годах, затем воевал с Московской державой и Тевтонским орденом. Он оказался талантливым военачальником и победил в 30 сражениях, любое из которых могло оказаться последним. Юрий Радзивилл изображен как воинственный муж, готовый защитить отечество, – в полный рост и в рыцарских доспехах с мечом. Рядом на столике задрапированным красной тканью лежит шлем и булава – символ гетманской власти.

Один из богатейших магнатов ВКЛ, он владел усадьбами Свирь, Михалишки, Жупраны, Баруны, Геранёны в Ошмянском повете, Индура, Котра, Табола в Гродненском повете, Жырмуны, Докудово, Селец и Збляны в Лидским повете, Вселюб и Липск в Новогрудском повете, Вязынь, Налибоки, Камень Хорецкий в Минском повете. Был тестем польского короля Сигизмунда I Августа, а его дочь Барбара стала польской королевой[37].

По особенностям написания портрета Юрия Бородатого относят к немецкой живописи. Искусствоведы считают автором портрета Лукаса Кранаха Старшего[38]. Тем более, что в описях Несвижского замка числятся некоторые произведения этого крупнейшего художника Возрождения.

[36] Гетман великий литовский – с XV до конца XVIII века командовал наемным войском Великого княжества Литовского. После создания Речи Посполитой – один из двух высших военных руководителей.

[37] Брак Барбары с Великим Князем Литовским и Королем Польским Сигизмундом II Августом и преждевременная смерть королевы послужили основой легенд о трагической любви и стали важной частью истории. **После ее смерти по просьбе Сигизмунда с портрета Барбары Радзивилл была написана всемирно известная икона Матери Божьей Остробрамской.** При жизни ей посвящали стихи и слагали легенды, а после смерти ее образ вдохновлял литераторов, драматургов и кинорежиссеров разных стран. Ей посвящены драмы польских драматургов Францишека Венжика (1811) и Алоиза Фелинского (1823), литовских драматургов Йонаса Гринюса (1948), Юозаса Грушаса (1971), поэмы «Чорная панна Нясвіжа» белорусов Алексея Дударева и Раисы Боровиковой, проза Юрия Татаринова. Белорусской поэтессой и либреттистом Татьяной Мушинской создано либретто исторического балета «Барбара Радзивилл». В Вильнюсе в 1979 году установлен памятник Барбаре Радзивилл работы Владаса Вильджюнаса.

[38] Лу́кас Кра́нах Ста́рший (1472-1553) — известный немецкий живописец и график эпохи Ренессанса

 ISSN 2562-950

Портрет еще одного **Юрия Радзивилла, чаще упоминается под именем Ежи**. Сын Николая Радзивилла Черного, покровителя кальвинизма в Речи Посполитой. Обучался в кальвинистских школах в Вильне, Несвиже, потом в Лейпциге. Вместе с братом Николаем Христофором Радзивиллом «Сироткой» участвовал в делегации, отправленной во Францию к избранному королем Генриху Валуа. Являясь человеком образованным и влиятельным, в 25 лет он получил звание Епископа Виленского, а уже в 27 лет был провозглашен **первым в белорусской истории кардиналом.** Принимал участие в двух конклавах по избранию Папы Римского, в 1590 и 1591 годах. Его самого тоже выдвигали на это почетное звание, однако стать Папой Римским ему не удалось: помешал или молодой возраст, или отсутствие своевременной политической поддержки короля Речи Посполитой.

На родине способствовал созданию Виленского университета и в дальнейшем выступал в роли его благодетеля, был фундатором Виленской семинарии, храмов и коллегиумов; но при этом активно сражался с Реформацией и ввел цензуру печати. Жизнь его закончилась трагично: он отправился в паломничество в Рим в честь юбилейного для христианства 1600 года, но по дороге сильно заболел и согласно преданию, умер на руках у Папы Римского Климента VIII. Похоронен он в иезуитском костеле Иль Джезу в Риме. На нем обрывается одна из ветвей династии, ибо кардинал как лицо духовное не имел собственных детей.

Портрет Юрия Радзивилла был написан в конце XVI века. На нем Юрий изображен в кардинальском облачении: белое роккетто, красные моццета и берет, в правой руке белый платок, а на безымянном пальце левой руки епископский перстень. В 1900 году в вавельском кафедральном соборе Святых Станислава и Вацлава ему был установлен памятник работы скульптора Пиюса Велёнского.

Выше уже упоминалось, что в коллекции Радзивиллов были портреты не только представителей рода, но и, чтобы подчеркнуть свою влиятельность, в других залах помещали изображения представителей породненных с ними фамилий. Среди произведени, написанных в сарматском стиле, выделяется портрет **Михаила Борисовича, великого князя Тверского** (1453-1505). Казалось бы, какое отношение он имеет к династии несвежских вельмож? Однако имеет. Поэтому надо немного рассказать о нем.

Родился Михаил осенью 1453 года. А в 1461 году умирает его отец, и он садится на великом княжении тверском в неполных 8 лет. И суждено ему стать последним тверским князем. Это было время, когда московский князь Иван III, который, кстати, женатый на сестре Михаила, собирал под власть Москвы русские земли. Тверской князь дважды помогал родственнику во время ее походов на Великий Новгород. Но после захвата Новгородского княжества пришла очередь и Твери. Чтобы сохранить независимость, Михаил Борисович обращается за помощью к Литве. Он заключил договор с Казимиром, королем Польским и Литовским. Тот обещал помощь. Однако, его гонец с грамотами был перехвачен москвичами. Иван, узнав про этот договор, двинул войска на Тверь и присоединил ее к своему государству. Михаил Борисович, «видя свое изнеможение», взял казну и с

малой дружиной покинув Тверь, направился в Литву, где ему пожаловали земли и села в Слонимском и Слуцком поветах. Согласно преданию, его дочь от второго брака вышла замуж за одного из Радзивиллов. В свое время в Несвижском замке был портрет женщины в русском платье.

Михаил, как тверской князь, вел свой род от легендарных Рюриковичей. Породнившись с ним, Радзивиллы смогли в дальнейшем получить титул князей. Сам Михаил Борисович умер в 1505 году. Искусствоведы относят время создания портрета к концу XVI- началу XVII века. Значит, он был написан после его смерти, с какого-то прижизненного оригинала.

Альбрехта Станислава Радзивилла справедливо называли «Защитником Прав», так как Альбрехт учился в университетах Вюрцбурга и Лувена, знал несколько иностранных языков и был успешным дипломатом. Он много путешествовал по Западной Европе, сопровождая королевича Владислава Сигизмунда Вазу. Как и водилось у путешественников того времени, он писал путевые заметки и оставил после себя богатое эпистолярное наследие: дневники и письма.

В 28 лет Альбрехт получил должность Канцлера Великого Литовского, сменив на посту Льва Сапегу, и занимал этот важный пост до самой смерти. Как и его предшественник, он выступал за соблюдение прав и свобод Великого Княжества Литовского в составе Речи Посполитой.

На портрете, который приписывают художнику из круга Питера Данкерса[39], Альбрехт Станислав изображен в полный рост в интерьере с двухцветным полом, красной завесой и столом, на котором лежат листы бумаги. Возможно, это отсылка к его многочисленным дневникам и путевым заметкам. На бумаге расположилась печать – символ власти великого канцлера. Герой одет в монохромный комплект: куртка, белая рубашка с расшитым воротником и манжетами, короткий плащ и штаны. Правой рукой он опирается на любимую трость из индийского дерева, которую всегда брал с собой в путешествия.

[39] Питер Данкерс (1605, Amsterdam - 9 August 1661)– голландский художник, много лет, работавший в Варшаве, Гданьске, Вильно.

Януш XI Радзивилл[40] – виленский воевода, великий гетман литовский, правнук Яна Радзивилла бородатого, племянник святой Софии Слуцкой. Учился в кальвинисткой Слуцкой гимназии, Лейпцигском, Альтдорфском и Лейденском университетах. Неудивительно, что с таким образованием он довольно быстро стал дипломатом: послом Речи Посполитой в Англии и Нидерландах. Очень ценил независимость Великого Княжества Литовского и во всем ставил ее в приоритет. Ещё в юности в Вильне в присутствии монарха бросил польским сенаторам: «Придет время, – паны-поляки к дверям не попадут: через окна их выбрасывать будем». Владел обширными имениями, финансировал кальвинистские храмы и школы в Великом княжестве Литовском, именно в его честь получила свое название знаменитая Радзивилловская летопись[41].

Во главе 7-тысячной армии Януш Радзивилл в 1649 году под Лоевом разбил 15-тысячное запорожское войско Михаила Кричевского, затем в 1651 захватил Киев. В 1654–1667 году шла война Речи Посполитой с Московией – самая кровопролитная в

[40] В НХМ находятся 2 его портрета. Первый авторства Даниэля Шульца польского живописца эпохи барокко. И это не все его портреты. Известен юношеский портрет, кисти Давида Байи, и более поздний, написанный Бартоломеем Штробелем.

[41] Название Радзивилловского списка происходит от имени Януша Радзивилла, владевшего списком в XVII веке. В 1671 году один из наследников воеводы, князь Богуслав, подарил список библиотеке Кёнигсбергского университета. В 1697 году, во время визита Петра I в Восточную Пруссию, список показывают царю. Он немедленно приказывает сделать копию списка – этот экземпляр известен под названием «Кёнигсбергского списка», с 1728 года он хранится в Библиотеке Петербургской академии наук.

истории Беларуси. Радзивилл активно участвовал в первых боях, был ранен, но смог сбежать в Кейданы, где заключил унию со шведским королем, по которой Великое Княжество Литовское выходило из Речи Посполитой и вступало в федеративный союз со Швецией. Но литовские магнаты отказались поддержать его идею, а сам гетман вскоре скончался. Некоторые историки полагают, что его отравили. Януш Радзивилл стал одним из персонажей романа Генрика Сенкевича «Потоп».

На портрете Даниэля Шульца Януш Радзивилл предстает в традиционных шляхетских одеяниях: подпоясанном жупане и делии[42]. Рядом на столе лежит корона – отсылка к княжескому происхождению, и гетманская булава – символ высокой воинской должности. Правой рукой Януш указывает на рыцарские доспехи у основания стола, напоминающие о его подвигах[43].Автор второго портрета Бартоломей Стробель[44].

Януш Радзивилл был очень набожным человеком: исповедовал кальвинизм, финансировал обучение протестантской молодежи в европейских университетах и поддерживал местные приходы. Однако это не помешало ему жениться на католичке Катажине Потоцкой, а после ее смерти повести к алтарю православную Марию Лупу и увековечить их в одном портрете кисти виленского художника Иоганна Шретера.

Этот портрет особенный: одна из изображенных женщин была мертва на момент создания полотна. Можно предположить, что моделью в черном была первая жена **Катажина Потоцкая**, ведь традиционно черный – траурный цвет, но автор картины решил отойти от символизма: в мрачном одеянии позировала живая **Мария**. Януш

[42] Делия – мужская одежда Речи Посполитой, из шерсти, хлопка или бархата и отделывалась мехом. Похожая на плащ, имела короткие свободные рукава и застегивалась на груди металлическими пуговицами. Делия имела восточное происхождение, а само слово пришло в страну в середине XVI века из Турции.

[43] В статье «Как изменился Национальный художественный музей: 8 фактов к 80-летию» рассказывается и иллюстрируется процесс реставрации его портрета // https://www.sb.by/articles/kruglaya-data-nachudmuzei.html

[44] Бартоломей Стробель (1591−1647 г.) — придворный портретист при Карле Австрийском, Сигизмунде III и Фердинанде II. В НХМ Минска есть еще один портрет его кисти – Владислава Доминика Заславского Острожского

полюбил Катажину с первой встречи. Они поженились в 1638 году в Варшаве – и этот брак по любви способствовал дальнейшему сближению и укреплению отношений Януша с католической шляхтой. Говорят, что Радзивилл настолько проникся верой супруги, что даже заменял кальвинистов на государственных должностях католиками. Однако вместе Януш и Катажина прожили всего несколько лет: молодая жена умерла в 1642 году.

Второй женой стала Мария Лупу, дочь молдавского князя. Посвататься к православной княжне овдовевшему Янушу Радзивиллу предложил король Речи Посполитой Владислав IV. И здесь мужчина попал под влияние невесты: венчание происходило по православному обряду в румынском городе Яссы в 1645 году.

Портрет был написан через год после свадьбы Януша Радзивилла и Марии Лупу. Перед художником стояла сложная задача: расположить фигуры так, чтобы ни одна не доминировала. Для этого Шретер помещает Марию на первый план, но в темном платье, а Катажину – на второй, но в ярко-красном. Таким образом, фигуры уравновешены. Сохранились сведения о существовании тройного портрета Януша Радзивилла вместе с Катериной Потоцкой и Марией Лупу, но само полотно найдено не было.

Рассказывать обо всех портретах, поступивших в музей из Несвежа, не позволяет формат статьи, но о **трех полотнах из Гродно,** сказать необходимо, так как это еще одна не менее интересная история находки сарматских портретов. В XVII веке портреты создавались не только во дворцах знати, но и началось создание специальных портретов меценатов костелов и монастырей. Эти изображения размещались на стенах храмов и содержали кроме фигуры человека дар, принесенный им в пользу храма.

Как известно в годы советской власти религия была вне закона. Храмы закрывались, а нередко взрывались. Если помещение церквей или костелов передавалось для каких-то организаций, то старинные фрески соскабливались или закрашивались, иконы выбрасывались или сжигались, а в лучшем случае убирались подальше с глаз – в подвалы или на колокольни. Став директором музея, Аладова стала изучать документы, сохранившихся культовых сооружений и организовывала экспедиции, если в документах были данные о возможности наличия в храмах исторических ценностей[45]. В 1966 году была организована 8 экспедиция. Ее цель – посещение

[45] Подробнее читайте в статье «Путешествие в Национальный художественный музей Беларуси. Вторая коллекция.»

костёла Благовещения Пресвятой Девы Марии и монастыря бригиток, построенный в Гродно в 1634-1642 годах. Этот монастырь можно считать воплощением красивого чувства родительской любви. Архитектура ансамбля очень оригинальна, поэтому комплекс сохранился до нашего времени.

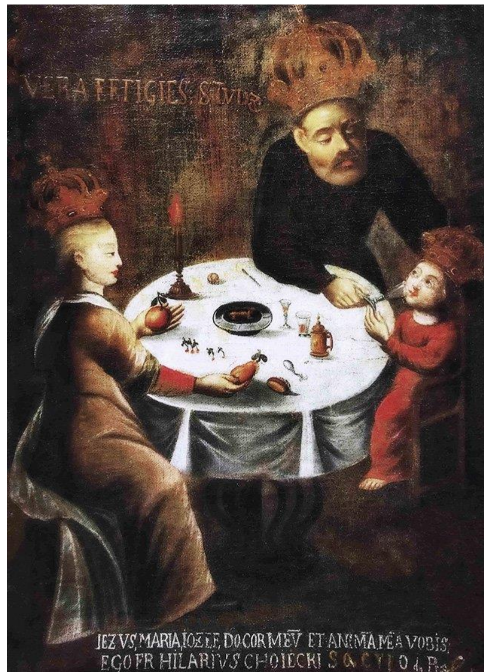
Основателями монастыря считаются надворный маршалок[46] Великого княжества Литовского **Кшиштоф Веселовский** и его жена **Александра Мариана из рода Собеских**, которые в 1634 году пригласили в Гродно орден бригиток[47] и подарили

[46] Маршалок следил за соблюдением правил придворного церемониала и занимался судопроизводством. С XV века маршалок уже стал министром двора.

[47] Орден святой Бригитты – католический монашеский орден, основанный святой Бригиттой Шведской в 1378 году. По замыслу святой Бригитты орден должен был состоять из 60 сестёр и 25 братьев причем братья вели пастырскую и проповедническую деятельность и за стенами монастырей, в то время, как сёстры жили в строгом затворе. С XVII века существует как чисто женский. В гродненский монастырь принимали девушек-сирот из дворянских и магнатских семей, обычное их количество было около 20-30 человек.

ему несколько земельных участков в самом городе и фольварки[48] в Гродненском и Волковысском поветах. Причиной такого решения стала смерть в 19 лет их приёмной дочери **Гризельды Сапеги. О**на перед смертью просила родителей построить в Гродно монастырь и похоронить ее в нем.

Первые 8 сестер-бригиток прибыли в Гродно из Люблина в 1634 году. А через два года на средства Веселовского был поставлено сначала деревянное, а потом и каменное здание костела по проекту итальянского архитектора Бенедетто Моли в стиле раннего барроко.

А живописец Гилярий Хаецкий написал картину «Святое семейство». Считается, что ней изображены члены семьи Веселовских. Но кроме этой картины большие, во весь рост три портрета Веселовских – триптих, который первоначально был оформлен в цельную раму и висел в столовой монастыря, а затем портреты перенесли на почетное место в костел, а еще позже разъедили.

Гризельда Сапега, дочь Яна Водынского и Софии Собесской, жена Великого Маршалка Литовского Яна Станислава Сапеги, изображена стоящей в полный рост на традиционном для сарматской живописи черно-красном фоне, как и портретах ее приемных родителей. Девушка одета в серебристое и черное с золотыми узорами

[48] Фольварк – хутор, усадьба, обособленное поселение, принадлежащее одному владельцу, помещичье хозяйство.

платья, украшенные жабо и нитями большого жемчуга, на гладких темных волосах Гризельды – чепец, обшитый драгоценными камнями, в левой руке она держит белый платок, правой опирается на книгу.

Глава семьи Кшиштоф стоит в полный рост на фоне интерьера с колонной и тканевыми драпировками, одет в золотистый жупан и черную делию, на ногах у мужчины высокие желтые сапоги. В правой руке он держит маршальский жезл, украшенный драгоценными камнями и монограммой ST – Sigismundus Tertius – король Речи Посполитой Сигизмунд III Ваза, левая рука опирается на эфес шпаги. После смерти Кшиштофа в 1637 году, тело его тоже поместили в крипту храма.

А горюющая вдова вступила в основанный их семьей монастырь монахинь бригиток и стала его настоятельницей. И на портрете Александра Марианна изображена в последний период жизни – сидящей в кресле в черном платье с белыми манжетами и меховым головным убором, а в руке она держит розарий – католические четки, рядом на столе, как и у дочери, лежит книга. Такой набор указывает на ее сдержанность и религиозность. Она умерла в 1645 или 1650 годах и последней была посещена в их усыпальницу или, но мнению некоторых искусствоведов – мавзолей.

Но в XX веке, после войны их останки были вывезены, а куда – неизвестно. Сохранилась лишь часть надгробных плит.

В 1950 годах монастырский комплекс стал собственностью города, монашек изгнали, в здании обустроили детский сад, а через некоторое время бывшие монастырские покои оборудовали под психоневрологический диспансер. В 1966 году, изучив архивные материалы, сюда приехали сотрудники музея Аладова и Герасимович, у которого после фронта была только одна рука. Проглядели все. Нашли скульптуры, резьбу, фрески. Портретов не было. Елена Владимировна, вернувшись в Минск, снова обратилась к документам.

Приехали второй раз. Обыскали чердак, ничего нет. Кто-то вспомнил про склеп, заваленный за столетие мусором. Его уже пытались очистить, но одного из служителей церкви укусила бешеная крыса. С тех пор туда никто не спускался. Аладова, узнав, что там есть подвал, взяла лопату, еле протиснулась в узкую щель (Петр Николаевич Герасимович с одной рукой здесь был бесполезен) и стала выкапывать мусор. Через некоторое время она наткнулась на входную дверь в

подвал, видно было, что туда никто не ходил. Проход был очень узкий. Она буквально заползла туда. Там среди хлама и нашлись полотна, в ужасном состоянии. Это была настоящая победа, вошедшая в историю не на одно столетие. Все работы Аладова привезла в Минск и отправила на реставрацию в Ленинград. Ими занимались 15 лет сотрудники Русского музея. В результате их титанического труда минский музей имеет в своей коллекции три превосходных портрета.

А что же случилось дальше с монастырем? В 1990 году храм был возвращен верующим, вскоре возобновил деятельность и весь монастырь. Усилиями монахинь из Назарета, а также настоятеля храма ксендза Антония Гремзы в подвальных помещениях костела сделали ремонт и был создан музей. Ныне в нем выставлены реликвии святых, а также около 30 старинных икон и картин, отдельные из которых датируются XVII и XVIII веками, хоругви и различная церковная утварь, литургическое одеяние, антикварные книги, предметы быта и интерьера, фотографии. Все это может увидеть любой житель Гродно или любой житель планеты Земля.

Библиодосье собрано и рассказано Татьяной Кенько

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЗАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ БЕЛАРУСИ

Татьяна Кенько: Там пышная свадьба была

Рассказ об одном шедевре Национального художественного музея.

У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была,
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была.

На ней было белое платье,
Венок был приколот из роз,
Она на святое распятье
Смотрела сквозь радугу слёз.

Горели венчальные свечи,
Невеста стояла бледна,
Священнику клятвенной речи
Сказать не хотела она.

Когда ей священник на палец
Одел золотое кольцо,
Из глаз её горькие слёзы
Ручьём потекли на лицо.

Я слышал, в толпе говорили,
Жених неприглядный такой,
Напрасно девицу сгубили,
И вышел я вслед за толпой.

В статье «Путешествие в национальный художественный музей Беларуси. Вторая коллекция» мы говорили, о том, как после войны Елена Васильевна Аладова, создавая коллекцию произведений искусства для художественного музея Минска, обращалась к частным коллекционерам. Это были хозяева собраний еще дореволюционных времен и состарившиеся собиратели или их наследники обычно уступали ту или иную картину настойчивой гостье. Среди приобретенных таким способом произведений была копия известного полотна Василия Владимировича Пукирева «Неравный брак».

Выставленная на академической выставке 1863 года картина «Неравный брак» выделялась из всех представленных работ необычайным для бытового сюжета большим размером и исполнением. За нее Академия Художеств наградила автора званием профессора. И еще до того, как она была представлена публике, ее купил в свое собрание друг художника Александр Борисовский, у которого, в свою очередь, в 1871 году за 1500 рублей полотно выкупил Павел Третьяков. Сейчас картина экспонируется в Третьяковской галерее.

Однако среди искусствоведов было известно, что существовала еще копия картины. И ее в 1949 году Аладова купила у Анны Владимировны Дуровой-Садовской, дочери знаменитого циркового артиста Владимира Дурова. Доводом к покупке стал тот факт, что ее автор – Пукирев, хоть и родился в небольшом селе Тульской губернии, но живописи учился у одного иконописца в Могилевской губернии, а лишь затем, благодаря счастливой случайности, попал в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. А Елена Васильевна старалась приобрести для столичного музея Беларуси в первую очередь произведения белорусских авторов или тех, кто как то был связан с ней[49].

Как это произошло, она пишет в своих воспоминаниях: *«… я увидела эту картину в московском Уголке цирковой династии Дуровых в большом парадном зале, сыром и неубранном. Она была в очень плохом состоянии, большой слой пыли и грязи, изображение едва проступало, будто через пелену тумана. Но даже и в*

[49] Для этого проводилась огромная исследовательская работа. Она обратилась к помощи Сендера Палееса. Этот уникальный ученый мечтал составить библиографический словарь белорусских художников с XII по XX век. У него была огромная картотека. (Когда собранные им карточки с данными однажды взвесили – курсор зафиксировал 56 кг). Елена Аладова заключила с ним договор на предоставление 600 имен художников, связанных с Беларусью, и платила ему за каждую карточку. По его картотеке целенаправленно шла закупка полотен художников. Так были приобретены коллекции Хруцкого, Бялыницкого-Бирули, работы Зарянко, Горавского, только Жуковского – 40 работ, и это же подвиг! Все художники – Шишкин, который бывал в Беларуси, Репин, у которого была дача под Витебском, – все это старательно закупалось.

потускневшем полотне была видна рука мастера. Видно, подумала я, писал эту копию какой-то талантливый ученик Пукирева, возможно, под наблюдением учителя. Но в литературе о ней ничего не встречала. Словом, загорелась желанием ее приобрести. Но присмотревшись внимательней к полотну, моя интуиция вдруг подсказала, что на копию эта картина мало тянула: слишком «подозрительной» была сила мастерства!... и я решила, не откладывая дела в долгий ящик, показать ее в Третьяковке, чтобы сравнить ее там с оригиналом картины…
Тут же договорилась с реставраторами, которые, несмотря на выходной день, мигом примчались в экспозиционный зал. Ребята аккуратно очистили полотно от пыли и грязи и поставили рядом с оригиналом… И что же мы увидели? По колориту наша картина была несколько иная, коричневато-золотистая и при этом орнамент на ризе священника был другой! А Третьяковская – серо-серебристая. Стало понятно – «дуровский вариант» – авторское повторение! После этого ее забрали в реставрационную мастерскую, тщательно промыли и обнаружили подпись художника и дату: произведение было написано в 1875 году, на 13 лет позже оригинала».

Позже нашли статью в еженедельном иллюстрированном журнале, издававшемся в Петербурге «Живописное обозрение» № 42 за 1875 год, где автор статьи классифицирует картину «Копия с картины профессора Пукирева». Там же дается ее воспроизведение. Для кого именно по чьему заказу писалась эта картина до сих пор неизвестно. Зная, что в 1874 году умер его старый друг С. М. Варенцов, можно предположить, что таким образом художник хотел отдать дань памяти тому, чья личная драма, по иронии судьбы, стала началом его славы. Почти 60 лет об этой картине ничего не было известно. Итак, благодаря замечательной интуиции Елены Васильевны, авторская копия картины стала еще одним шедевром национального художественного музея Минска.

Но вернемся в 1863 год. На другой день после открытия выставки, мало кому известный художник становится знаменитостью. Даже те, кто яростно нападают на Пукирева, не могут не признать, что он талантлив. Отовсюду сыплются заказы. Художник получает возможность оборудовать мастерскую. Он едет за границу, он полон творческих планов.

Но счастлив ли он? Не подтачивает ли его здоровье какой-то тайный недуг? Взгляните на его картину «В мастерской художника». Она написана в 1865 году. Пукирев похож и не похож он на красавца шафера из «Неравного брака». Стал старше, обрюзг. Нет, дела у него, во всяком случае внешне, идут хорошо.

Растет живописное мастерство, мужает его талант. Усталость от работы? Нет. Художник работает успешно. Правда, ему не удается вновь создать такой шедевр, как «Неравный брак», но не так уж мало было им создано за это время ярких творений.

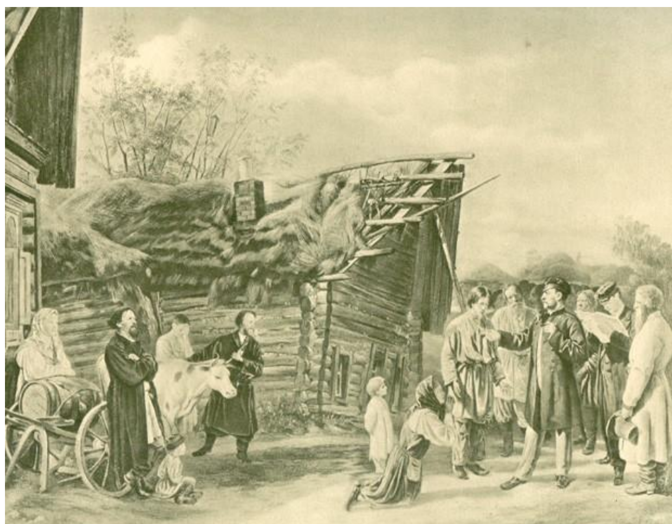
Вот «Прием приданого по росписи». Молодой, но многообещающий подлец дотошно принимает по списку каждую тряпку. Он «раскрылся» только сейчас, недаром, очевидно, так потупилась, глядя на трясущегося скрягу, «молодая», — видно, раньше он представлялся ей совсем другим.

Вот «Дьячок рассказывает о страшном суде»— не без юмора сделанная жанровая сценка: витийствует в крестьянской избе дьячок, пугая православных муками ада. Так, кажется, и слышишь его елейный голос: «Заботьтесь о себе, о своем спасении. И не думайте о том, как улучшить жизнь на земле! Терпите и страдайте, молитесь и

надейтесь — и вы найдете счастье и покой на небесах». И прижался к мамке босоногий крестьянский мальчишка — страсти-то какие, пострашнее, чем про бабу-ягу и про лешего! Пригорюнилась, сидя за столом, пожилая крестьянка. И с недоверием слушает дьячка пожилой крестьянин.

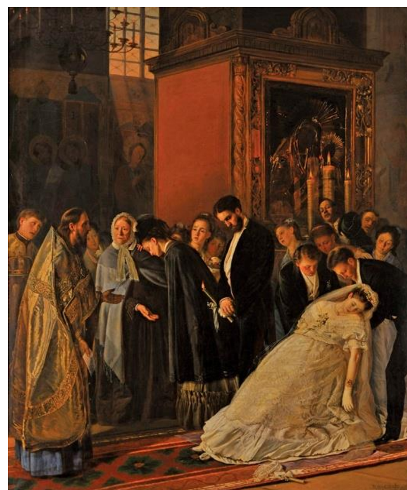

Вот «Сбор руги». Бедная, убогая русская покосившиеся от ветхости, с крытой соломой изба. Осень уже позолотила деревья, кое-где обнажились ветви, набегают тучи — впереди долгая и тоскливая зима, и далеко не у всех жителей хватит хлеба до следующего урожая. А тут еще объезжает деревушку местный священник; его церковь «ружная», она не имеет своей земли, и притч обязаны содержать крестьяне. Уже почти полна «доброхотными даяниями» его таратайка. Но остались должники. И вот, на коленях молит старая крестьянка подождать, не забирать за недоимки последнюю кормилицу буренку. Но никакие слезы не могут разжалобить приказчика.

Вот «Строение железной дороги»— одна из первых в русской живописи картин, посвященных труду рабочих. И снова тема женской судьбы: «Ревность жены» (судя по силуэту за стеклом не напрасная), «Прерванное венчание» или «Двоеженец»...

№31, красавік 2023 **ISSN 2562-950**

Его влекли к себе социальные сюжеты, у него были интересные замыслы... Он *уехал в Европу, после возвращения преподавал, но* в 1873 году тяжело заболел – мучили «сильные приливы крови к голове» – и пришлось оставить работу, лишь изредка создавая иллюстрации к русской классике – «Мёртвым душам» Н. В. Гоголя и «Запискам охотника» И. С. Тургенева. *Чтобы хоть как-то прокормиться, он даже распродавал свою коллекцию работ других художников. В забытьи не был, но дела у него в конце жизни обстояли совсем плохо.* У него нет своего угла, и он живет за Дорогомиловской заставой, в деревушке Давыдовке, потом переезжает в Замоскворечье, в самый бедный район — в Бабий городок. Последнее его пристанище — дом священника Сахарова у Боже- домки. Он умирает 13 июня 1890 года в возрасте 57 лет. Проводить его в последний путь на Ваганьковском кладбище пришли лишь несколько друзей, и бедняцкие похороны его они взяли на свой счет — иначе не на что было бы предать земле его прах.

Есть музыканты, прославившиеся благодаря одной песне, и есть художники, которых мы знаем по одной картине. И одна картина, один единственный шедевр – это тоже высочайшее мастерство. Это тот пример, когда художник делает что-то такое, что будет поражать людей ещё долгие годы. *К их числу относится Пукирев. Да, он широко известен только одной своей работой – «Неравным браком», за которую сразу же получил звание профессора живописи в Академии художеств. Больше ничего выдающегося сделать не смог и себя не превзошел. Наверное, поэтому в 1875-м, спустя 13 лет, он создает копию «Неравного брака». Повторить то, что перевернуло его судьбу. А возможно, ему просто хотелось заработать. Это, кстати, не было чем-то зазорным. Например, в минском национальном художественном музее есть картина Василия Максимова «Все в прошлом», которую он повторил 30 раз, потому что эти авторские копии*

у него отрывали буквально с руками. Но давайте вернемся к картине «Неравный брак».

…В тесноватом и полутемном пространстве церкви падающим, вероятно, из окна светом выхвачены три колоритные фигуры на переднем плане, за ними толпятся приглашенные участники церемонии. Венчается раб Божий имярек рабе Божией такой-то! Свадьба… Свадьбой традиционно заканчивается большинство добрых сказок, сказочные герои любят друг друга, живут долго и счастливо…

А на этой картине изображены жених и невеста, глядя на которых, невозможно представить, что они будут счастливы: слишком печальна невеста, слишком стар жених, слишком странно видеть столь почтенного господина рядом с юной очаровательной девушкой. В центре композиции престарелый чиновник во фраке с орденом, богатый, знатный с орденским крестом Владимира II степени на шее и слева на груди соответствовшей этому ордену звездой. Этот орден давался за 35-летнюю беспорочную службу и предполагал получение личного дворянства и 300 рублей единовременно ежегодной пенсии[50]. То есть, на первый взгляд, выгодный жених. Но автор придал ему намеренно неприятную внешность: глубокие морщины на лице, дряблая кожа, плотно зажатый воротник. Все говорит о том, что чиновник – черствый человек. Он равнодушен к слезам девушки. Держа в левой руке свечу, старик с брезгливым видом поглядывает на юную невесту и, не разжимая губ, шепотом выражает свое недовольство. Ведь ее поведение перед аналоем может вызвать в обществе компрометирующие его толки. Не случайно, так ехидно поглядывают на них свидетели у стены.

А вот молодая невеста – полная противоположность жениху. У нее округлые черты, овальное лицо, маленькие губы, светло-каштановые волосы с шелковистым блеском, нежная, бархатистая и совсем молодая кожа. На ней надето дорогое кружевное свадебное платье с прозрачной вуалью. Золотистые волосы и платье украшают прелестные цветы. Невеста бесподобна! Она выглядит особенно трепетно и очаровательно. Если бы не одно НО. Она не желает этого брака и не рада. Девушка бледна, покорно потупила заплаканные глаза и протягивает изящную ручку священнику в золоченой ризе, готовому надеть на палец красавицы кольцо и связать узами брака с будущим владельцем ее души и тела, которому по возрасту, она годится во внучки. Сразу видно, что согласилась на обряд явно не по своей воле и от

---

[50] В провинциальных Москве и Пскове в середине XIX века на рубль можно было купить одну живую курицу и получить сдачу в 30 копеек. За рубль продавали 40 яиц, столько же стоили 2,5 кг говядины, несколько килограммов речной рыбы, она стоила от 25 до 60 копеек. Килограмм масла тоже стоил один рубль. Такая же цена была у килограмма мыла и килограмма свечей. Еще на рубль можно было приобрести воз соломы. В столичном Петербурге цены были немного выше.

этого не в силах сдержать слезы. Ситуация стара как мир: бесприданницу, возможно, сироту, по сути, продают, словно рабыню, бесстрастно покупающему невинность и красоту богатому сластолюбцу.

Такие ситуации бывали часто. Анну Керн, например (ту самую, про которую мы знаем из строк Пушкина: «Я помню чудное мгновение»), родители выдали за генерала Ермолая Федоровича Керна, которому на тот момент было уже 52 года. Невесте – всего шестнадцать. Объяснение в любви было по-военному коротким. Генерал Керн спросил Анну: – Не противен ли я вам? – Нет, – ответила Анна и выбежала из комнаты. После первой брачной ночи она написала в своем дневнике: «Его невозможно любить – мне даже не дано утешения уважать его; скажу прямо – я почти ненавижу его»[51].

За спиной невесты, скрестив руки, в упор и с неприязнью рассматривает профиль ее «избранника сердца» молодой темноволосый красавец с бородкой, похоже, шафер или же отвергнутый поклонник. Если сравнить его лицо и прическу с автопортретом Пукирева[52], сходство обнаружится несомненное. За происходящим наблюдают гости, собравшиеся за спинами «молодоженов». Всего на полотне можно увидеть одиннадцать человек. Часть из них – это реальные люди, жившие в одно время с Пукиревым.

[51] Керн Анна Петровна (1800-1879). Личная жизнь Анны Петровны вначале сложилась неудачно. Ее детство было омрачено взбалмошным и деспотичным отцом – Петром Марковичем Полторацким. По его настоянию она была семнадцати лет выдана замуж за пятидесятидвухлетнего бригадного генерала Е. Ф. Керна — грубого, малообразованного солдафона, во многом похожего на грибоедовского Скалозуба. Вскоре она оставила мужа и лишь после его смерти в 1841 году связала свою судьбу с человеком, которого любила с юности. Была счастлива, хотя и жила в бедности.

[52] Три автопортрета. Слева – портрет в картине «В мастерской художника», справа – в картине «Неравный брак».

Среди них интересны два женских прямо таки мистических персонажа – две старухи с венками на голове. Одна стоит за женихом, другая за священником. Вроде бы, ничего необычного. Ну, пришли старые женщины на свадьбу посмотреть. Может они сестры жениха. Но напрашивается вопрос: к чему они в таких же венках, как и у невесты. А на одной даже белое платье есть. Как это? Еще одна женщина в белом на свадьбе? Смотрим внимательнее на платье старухи. Вот тебе раз! Да это и не платье вовсе, больше на простыню похоже. А точнее, погребальный саван. Фигура второй невесты за спиной священника выглядит ещё более странно, ведь это не по ритуальному протоколу обряда. Рядом со священником гостям делать нечего, если они, конечно, не из другого мира пришли. Итак, у нас получается, что на свадьбе сразу три невесты. Две из них мертвые – скорей всего жены – смотрят на мужа.

Картина произвела огромное впечатление на современников. Владимир Васильевич Стасов считал, что полотно Пукирева – одна из самых капитальных, но вместе с тем и самых трагических картин русской школы. Илья Ефимович Репин заметил, что Пукирев «много крови испортил не одному старому генералу», а историк Николай Иванович Костомаров признался друзьям, что, увидев картину, отказался от намерения жениться на молодой девушке. Всех зрителей взволновала новая и современная тема «жених – покупатель, невеста – товар», то есть власть денег и отношение автора к ней – тема неравного брака[53]. За год до написания картины, в

[53] Тему неравного брака поднимал еще Петр I, издавший специальный указ о возрасте мужчин вступающих в брак: мужчинам – не раньше 20 лет, женщинам – не раньше 17, а гардемаринам – не раньше 25 лет. Ибо молодые люди должны были послужить Отечеству и только будучи в серьезном возрасте им разрешалось жениться. «Офицеры, состоящие на действительной военной службе во всех без исключения регулярных войсках, военных управлениях, учреждениях и заведениях, могут вступать в брак не ранее 23 лет». Существовал и верхний возрастной порог. 60 лет по церковным законам был наибольший возраст для вступления в брак. Гражданские законы не запрещали такие союзы, но лицам старше 60 лет для венчания требовалось разрешение священноначалия, к примеру, епархиального архиерея. Но для тех, кто достиг 80 лет, такие исключения из общих правил

феврале 1861 года даже вышел Указ Священного Синода, осуждавший браки с большой разницей в возрасте. Пукирев пишет свою картину в 1862, и, вполне вероятно, период написания работы связан с выходом Указа. В обществе в это время были популярны произведения «Бесприданница», «Дубровский», «Гроза». Владимир Алексеевич Гиляровский в своей книге «Москва и москвичи» замечает, что престарелые генералы, увидев работу Пукирева, один за другим стали отказываться от женитьбы на молодых невестах. Зрители же прозвали картину «Кощей с невестой». Редкие произведение могут похвастаться, что как то изменили судьбу Отечества.

Пукирев внес в картину еще одну новую тенденцию: мало кто из мастеров жанровых сцен писал персонажей в натуральную величину (исключение составляли античные герои). А вот он рискнул сделать свое полотно более реальным и шокирующим зрителей, пробудить дремлющее общественное сознание и воззвать к разуму. Детали картины прописаны ярко, рельефно и беспристрастно, что придает картине зрительный объем: герои, словно живые, до которых можно дотронуться.

Основой работы над картиной Пукиревым стала история несчастной любви Сергея Варенцова – друга художника. В 1861 году, то есть за год до создания картины, состоялось обручение одного богатого фабриканта, уже достаточно пожилого, и молоденькой девушки из бедной семьи, некой С. Н. Рыбниковой. Пукирев знал об этом обручении от своего ученика Варенцова. По рассказу последнего, он и Рыбникова любили друг друга, но по распоряжению отца девушка вышла замуж не за любимого человека, а за богача, на долю же ее возлюбленного выпала роль шафера на этой свадьбе.

Причем муж был старше ее (правда, вовсе не с такой разницей, как изображено на полотне, всего в тринадцать лет). Но для двадцатипятилетнего друга художника его более удачливый тридцативосьмилетний соперник, не исключено, всерьез казался пенсионером. Якобы поэтому Пукирев его таким и изобразил – стариком, укравшим

категорически воспрещались. Московское епархиальное начальство объясняло этот запрет так: «Брак от Бога установлен ради умножения рода человеческого, чего от имеющего свыше 80 лет надеяться весьма отчаянно, и в такие лета не плотоугодия следует устраивать, но о спасении души своей попечительствовать надлежит».

у молодого парня возлюбленную. Жених – образ сборный – для него позировали повар в доме Сергея Варенцова, парочка князей, и будущий муж Варенцовой.

Первоначально, в роли шафера за спиной девушки Пукирев изобразил Варенцова, но последний, к этому времени, уже успокоился, собирался жениться на другой, и не хотел, чтобы зрители картины видели в нем неудачника[54]. Тогда Пукирев переписал на его место себя, тем более, что и он пережил подобную трагедию – был влюблен в сестру Варенцова Прасковью и сделал ей предложение. Но родители решили осчастливить ее по своему – и нашли ей кандидата в мужья – очень богатого купца. Об этом вспоминал Н. А. Мудрогель – старейший работник Третьяковской галереи, взятый на службу ещё самим Третьяковым: «На картине Пукирева «Неравный брак» в роли шафера за невестой художник изобразил себя… И вообще, вся картина, как я знаю, является отголоском личной драмы художника: невеста с картины должна была стать его женой и не стала, богатый и знатный старик сгубил её жизнь». Так, полотно на самом деле стало автобиографичным, а молодой живописец своим творчеством, похоже, сумел предсказать нерадостную судьбу возлюбленной. Брак оказался неудачным. Муж, хоть и был княжеского рода, но часто болел и вскоре умер, а жена закончила дни в богадельне.

В 2002 году, в Третьяковскую галерею попал рисунок 1907 года работы известного московского художника и педагога Владимира Дмитриевича Сухова. Карандашный портрет пожилой женщины был подписан самим автором: «Прасковья Матвеевна Варенцова, с которой 44 года назад художник В. В. Пукирев написал свою известную картину «Неравный брак». Госпожа Варенцова живет в Москве, в Мазуринской богадельне».

А Пукирев, как уже указывалось выше, так и не женился, пил, умер в бедности и забвении.

Библиодосье составлено Татьяной Кенько

[54] Его изображение осталось на предварительном этюде картины, который находится в челябинском музее изобразительных искусств.

P.S. Поэт Геннадий Солодилов *под впечатлением картины написал* экфрасис[55]

Бледна, едва дыша, потупив очи,
Держа свечу дрожащею рукой,
Стоит невеста. Чист и непорочен
Прелестный лик. С подавленной тоской
Протянута рука навстречу року
В обличье обручального кольца,
Готового сковать её без сроку
Веригами постылого венца
Со сластолюбцем – сморщенным Кащеем,
Обласканным судьбою и царём;
Сияет крест Владимира на шее,
И чин, и власть, и деньги – все при нём.
Сейчас священник, в ризу облачённый,
Надев кольцо на полудетский перст,
Захлопнет дверцу клетки золочёной.
Бедняжка! В ней нести тебе свой крест.
Твой милый здесь же, близко – за тобою,
Но вам не быть с ним мужем и женой.
Как много вас, униженных судьбою,
С немилыми обходят аналой!

[55] описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте.

Татьяна Кенько: “БЕРЕЗОВАЯ РОЩА” И “НОЧЬ НАД ДНЕПРОМ” АРХИПА ИВАНОВИЧА КУИНДЖИ

Он был коренаст, ходил вразвалку, уверенной тяжеловесной походкой. Его «голова Зевса» – вьющиеся кольцами темные волосы, пышная борода, орлиный нос, необычайно живой взгляд выпуклых, черных с поволокой глаз производила большое впечатление на окружающих.

Архип Иванович Куинджи родился в 1842 г. на окраине Мариуполя в семье бедного греческого сапожника.

Портрет В. Васнецова

Фамилию получил по прозвищу деда – Куюмджи. По-татарски это слово означало «золотых дел мастер». Неверно транскрибированная на русский она превратилась в Куинджи. В семье говорили по-татарски. Сам Куинджи считал себя русским, а предками называл причерноморских греков, которые сохранили свою культуру и придерживались православной веры.

Шести лет он осиротел, пас гусей, служил у подрядчика по приемке кирпича, был домашним слугой у мариупольского хлеботорговца, ретушером у одесского фотографа. Мальчик переходил от одного хозяина к другому, осваивал разные работы. Но одна привязанность оставалась неизменной – страсть к рисованию. Рисовал на чем придется – на обрывках бумаги, в приходских книгах, на стенах. Эта страсть привела его в Феодосию – к Айвазовскому. У знаменитого художника он пробыл несколько месяцев, затем великий маринист уехал за границу, а юноша вернулся в Мариуполь, чтобы оттуда пешком по чумацкому тракту отправиться в Петербург, намереваясь поступить в Академию Художеств.

Но разве можно выдержать экзамен, не имея никакой подготовки? Нанялся опять в ретушеры и вскоре постиг тайны фотографического искусства. Мало было в столице фотографов, выполнявших снимки искуснее его. Позже

умение ретуши поможет ему овладеешь искусством светотени. На следующий год опять подал документы, и опять провалился на экзаменах по рисунку. Так повторялось несколько лет. Но он уже писал свои картины. И в 1869 г. подал на академическую выставку полотно **“Татарская сакля в Крыму”,** за которую получил звание неклассного художника. Так называли живописцев, имеющих право лишь на частные уроки. Взамен этого он просил разрешения посещать занятия в Академии в качестве вольнослушателя. Но время учебы запоздало. Ему исполнилось 26 лет, и стены академии оказались тесными для него. Академическая система образования была чужда тому, кто привык идти своим путем. Поэтому вскоре Куинджи перестал ходить и на общеобразовательные лекции, и вечерние курсы рисования. Илья Репин, с которым он познакомился в Академии, напишет в своей книге “Далекое близкое”: *“Он варварски не признавал никаких традиций…считая это все устарелым, верил только в личные воззрения на искусство и до всего доходил собственным умом”.* Даже влияние Айвазовского, которое так сильно в ранних работах “Сакля” и “Буря на море при солнечном закате”, продолжалось не долго.

В 1875 г. он обвенчался с Верой Кетчерджи-Шаповоловой, которую полюбил еще на юге, и они отправились в свадебное путешествие на Валаам. Осенняя буря на Ладожском озере потопила корабль, и новобрачные еле успели спастись на лодке.

Утонули краски и мольберт, но пейзаж “На острове Валаам” все же был создан и явился новым словом в творчестве художника. Голая гранитная почва, едва прикрытая низкорослыми мхами, чахлые тоненькие, общипанные ветром деревца – сосна и береза, мелкая заболоченная речка и сине-черная мгла нависших туч. Казалось, картина должна оставлять унылое безрадостное впечатление. Однако все пришли в восхищение от ее удивительного серебристого тона. Близка к ней по содержанию и картина “Чумацкий тракт в Мариуполе”.

Юг. Необъятная, без конца и края степь и над ней бездонное серебристо-серое небо, словно завешенное легкой пеленой облаков. Под моросящим дождем, утопая в грязи, томительно медленно тянутся обозы, вырисовываясь темными силуэтами в туманной мгле. Их вереница, извиваясь вдоль дороги, растянулась по всей степи, подчеркивая ее размах, и, кажется, путь обоза будет нескончаем. Художник хорошо запомнил и этот тракт, и тяжелую долю погонщиков волов, и долгие ночные беседы по дороге за знаниями.

В этих и других работах 70-х гг. (**“Степь”, “Забытая деревня”**) он показал себя мастером, стремящимся к обобщениям в передаче природы, ее просторов, общего характера. Но при этом он упрощает, синтезирует пейзажный мотив, показывает общую идею крупным планом, без детальной проработки. В результате убедительность образов, созданных художником, такова, что зритель невольно забывает о частностях, увлеченный силой общего впечатления. Это метод работы отличал Куинджи от его собратьев художников-передвижников. Один из его учеников, Аркадий Рылов вспоминает: *“Картину следует писать “от себя”, – утверждал Куинджи, – не связывая свободное творчество с этюдами. Писать наизусть, на основании знаний, приобретенных в этюде. В картине должно быть*

“внутреннее”, то есть мысль, художественное содержание. Композиция, техника должны быть подчинены этому “внутреннему”. Ничто не должно отвлекать зрителя от главной мысли”. Кстати, Айвазовский тоже писал “по памяти”.

Илья Репин в уже цитируемой книге “Далекое близкое” писал: *“Два типа гениев различаем мы в искусствах всякой эпохи. Первый гений— новатор, дающий начало новому виду искусства; он обладает свойством изобретателя и часто остается непризнанным. Это натура в высшей степени самобытная, с большими крайностями; он открывает эпоху. Второй гений — завершитель всесторонне использованного направления; натура, способная выразить, в возможной полноте своего искусства, свое время; к оценке его накопляется большая подготовка — он ясен. Он заканчивает эпоху до полной невозможности продолжать работать в том же роде после него. Гении – завершители своих эпох – всем известны по своей мировой славе, – их немного. Я остановлюсь на Карле Брюллове, который блестяще завершил весь цикл европейского идеализма,*

№31, красавік 2023 ISSN 2562-950

воспитанного великим Ренессансом искусства. Его триумф — Рим, Париж, Вена, Берлин. Это был расцвет академий: они были на высоте задачи — оценить великое в культуре искусства. Наша Академия художеств шла об руку со всею Европою.

Куинджи по своим свойствам есть гений первого рода. Свет — очарование, и сила света, его иллюзия были его целью. Конечно, вся суть этого явления заключалась в самом Куинджи, в его феноменальности, личной, врожденной оригинальности. Он слушал только своего гения-демона.

Общее настроение интеллигенции того времени, особенно под влиянием проповедей Стасова, жаждало во всем новых откровений; время было бурное, как перед рождением луны в воздухе. И в нашем искусстве ощущалось страстное желание нового вида, новой дороги. Старая — с гением-завершителем К. Брюлловым — была пройдена и развенчана даже. Настроение ожидания созрело. И в половине семидесятых годов, как серп молодого месяца, впервые заблестел на нашем небе новый гений. Его гений мог работать только над чем-нибудь еще неизвестным человечеству, не грезившимся никаким художникам до него".

На V выставке передвижников в 1876 г. появилась ошеломившая всех картина **"Украинская ночь".** Газеты писали, что этот пейзаж Куинджи "убил" все остальные пейзажи выставки. И такое впечатление действительно было — столь необычной, но и правдивой, смотрелась работа художника с ее темно-синим глубоким небом, стройными тополями и лунным светом на стенах хат, с величавым покоем и неподвижностью южной ночи, с одиноким огоньком в окошке. Для современников его работы были откровением, в них ценили индивидуальность и новизну. Но, несмотря, на то, что в ту пору гражданственность, идейность были главным мерилом достоинств, картины

Куинджи ценили и за другое. Лидер передвижников Крамской говорил, что, глядя на его пейзажи, *“я могу сделаться лучше, добрее, здоровее”*.

“Украинская ночь” не только принесла художнику настоящий успех, но и определила дальнейший его путь. Критики поражались умением художника усиливать краски натуры, контрастно сопоставлять освещенные и затемненные участки. Появился даже термин “куинджевское пятно”.

Экспонирующаяся на VIII передвижной выставке “Березовая роща” стала ее украшением. В этой работе природа предстает праздничной, преображенной. “Березовая роща” восхищала белизной и стройностью деревьев, которые светились в лучах солнца. Пленяла свободным расположением деревьев, свежей зеленью, обилием света. Художник “срезал” рамой верхушки берез переднего плана, как бы давая нам возможность смотреть на них с близкого расстояния. Их стволы так ощутимо объемны, что чудится можно руками охватить, обойти вокруг. Но и свет в этой картине играл значительную, если не определяющую, роль. В картине почти нет светотеневых переходов. Напротив, игра тени и света подчеркнута резко, со вспыхивающими солнечными зайчиками.

Вот как вспоминал о производимом на публику эффекте архитектор К. Быковский: *“Вы входите в темную обширную комнату, слабый свет едва проникает при входе, но глубина помещения потонула в ночном мраке. В этой глубине, вдали — за силуэтами голов зрителей — ярко светился, подобно транспаранту, блестящий цветной прямоугольник. На нем сразу выделяются горящие ярким светом стволы берез. Перед вами что-то совсем не похожее на картину. Наталкиваясь в темноте на зрителей, вы продвигаетесь вперед до преграды...”* А вот мнение Рылова: *“Березовая роща” — какая странная композиция,*

какая упрощенность форм и красок! Краски сочные, душистые, точно пропитаны березовым соком...”.

“Куинджи ввел моду на березу”, – считал художник Игорь Грабарь. Совершенно новаторское решение картины “Березовая роща”, близкое к кинематографу и фотографии, так потрясло современников, что многие живописцы действительно стали писать рощи. Позже художник неоднократно повторит тему “Рощи”. И один из вариантов в 1954 г. попадет в наш музей.

А пока нам предстоит очутиться на улицах Санкт-Петербурга. Весной 1880 г. на Большой Морской улице можно было видеть необыкновенное зрелище. Вся проезжая часть улицы была полностью запружена каретами и пролетками извозчиков, вдоль домов двигалась очень длинная очередь, тянувшаяся от Невского проспекта к зданию выставочного помещения Общества поощрения художников. Люди стояли часами. И только затем, чтобы увидеть одну-единственную картину **“Лунная ночь на Днепре”**.

Других картин в этом зале не было. Такого не случалось со времен “Последнего дня Помпеи” Брюллова. И таких споров тоже не было давно. Спорили об увиденном все. И те, кто был специалистом и законодателем в художественной критики, и самые обыкновенные зрители. Картина вызвала очень много мнений.

Поэт Яков Полонский говорит о ней почти белыми стихами: *“Что это такое? Картина или действительность? В золотой раме или в открытое окно видели мы этот месяц, эти облака, эту даль, эту поэтическую, тихую, величавую ночь?”* Впечатление от картины было сильным. Многие, глядя на картину, вспоминали Н. Гоголя: *“Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи. Всмотритесь в нее. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Земля вся в серебряном свете... Весь ландшафт спит. А вверху все дышит, все, дивно, все торжественно... Как очарованное, дремлет на возвышении село. Еще белее, еще лучше блестят при месяце толпы хат; еще ослепительнее вырезываются из мрака низкие их стены. Все тихо”.*

Куинджи запечатлел тот самый пейзаж, что словесно был описан Гоголем. Он показал его как бы с высоты, усилив ощущение необъятной шири и грандиозности. Живописцу удалось так неотразимо передать загадочное мерцание и волшебную силу лунного свет, что публике казалось, что сияние исходит непосредственно от самого холста. А корреспондент одной из газет с негодованием писал: “*И чего это люди сходят с ума? Куинджи взял развел лунную краску и все это совсем просто нарисовал, как и всякий другой рисует…*”. А художник Орловский долго “работал” над раскрытием секрета Куинджи и “открыл”, что тот пишет на цветном стекле, а сзади холст искусственно освещен новым изобретением – электрической лампочкой.

Автор этих строк может добавить, что лет 60 тому назад, стояла, как ей казалась, в самом темном углу Русского музея, с восторгом и недоуменьем – как можно было такую красоту засунуть в столь неудобное место над лестницей… Потом подошла группа. И все последующие годы я вспоминала врезавшиеся в память слова экскурсовода: “Вы, стоявшие перед этой картиной сегодня, счастливее тех, кто придет сюда завтра, потому, что с каждым днем и часом, картина теряет свои краски”. Два года назад после реставрации и расширения здания Росси я вновь посетила залы Русского музея. “Лунная ночь” переехала на новое, более достойное ее место и вновь трудно было уйти от волшебной притягательной силы этого полотна.

Миру уже был хорошо известен один живописец-экспериментатор. Ученый химик Леонардо да Винчи победил знаменитого художника Леонардо. Из всего наследства гения XV века до наших дней сохранились лишь 16 работ. В большинстве случаев причиной их гибели стали опыты самого маэстро. Краска,

создаваемая им, давала великолепный эффект, но была недолговечной. Случалось, что творения разрушались еще при жизни Леонардо.

Архип Иванович Куинджи тоже постоянно экспериментировал с красками и побеждал всех в различии малейших изменений цветовых и световых соотношений. Создавая это полотно, он применил сложный живописный прием. Теплый красноватый тон земли он противопоставил холодно-серебристым оттенкам и тем самым углубил пространство, а мелкие темные мазки в освещенных местах создали ощущение вибрирующего света. Своим фосфоресцированием художник превратил традиционный мотив с луной в редкостный, многозначительный; притягательный и таинственный. Публику приводила в восторг иллюзия натурального лунного света, и люди, по словам Репина, в "*молитвенной тишине*", стоявшие перед полотном, уходили из зала со слезами на глазах: *"Так действовали поэтические чары художника на них, и они жили в такие минуты лучшими чувствами души и наслаждались райским блаженством искусства живописи"*.

Великий князь Константин Константинович, купивший картину еще до организации выставки, не захотел расстаться с полотном, даже отправляясь в кругосветное путешествие. Тургенев, находившийся в это время в Париже (в январе 1881 г.), пришел в ужас от этой мысли, о чем возмущенно писал писателю Д. В. Григоровичу: "*Нет никакого сомнения, что картина... вернется совершенно погубленной, благодаря соленым испарениям воздуха...*". Он специально посетил великого князя, пока его фрегат стоял в порту, и уговаривал того оставить картину в Париже на выставке. Положительного результата, увы, не добился.

Влажный, пропитанный солью морской воздух, конечно, отрицательно повлиял на состав красок, и пейзаж стал темнеть. Но лунная рябь на реке и сияние самой луны переданы с такой силой, что, глядя на картину даже сейчас, зрители немедленно подпадают под ее очарование.

В нашем музее находится уменьшенное авторское повторение этой картины, находящейся в Русском музее. А всего в НХБ в Минске, по каталогу 1997 года есть 6 картин: «Ночь над Днепром», «Дерево», «Березовая роща», «Море», **«В тумане»,** «Север».

В 1882 году, когда Куинджи исполнилось сорок лет и наступил расцвет сил и таланта, слава его поднялась не небывалую высоту, он принял неожиданное для всех решение – прекратил свою официальную творческую деятельность. Куинджи как художника не стало, он перестал выставлять свои работы.

"У меня спрашивают, – говорил Куинджи, – почему это я бросил выставляться. Ну, так это вот так: художнику надо выступать на выставках, пока у него, как у певца, голос есть. А как только голос спадет – надо уходить, не показываться, чтоб не осмеяли. Вот я стал Архипом Ивановичем, всем известным, ну, это хорошо, а потом увидел, что больше так не сумею сделать, что голос стал как будто спадать. Ну, вот и скажут: был Куинджи и не стало Куинджи! Так вот я же не хочу так, а чтоб навсегда остался один Куинджи

...Я всегда буду писать. Ведь я же художник, без этого нельзя. Я могу думать только с кистью в руке, и куда же я дену то, что стоит передо мной в воображении? Куда я от него уйду? Оно же мне не даст жить и спать, пока не изложу его на холсте".

В 1892—1897 гг. он преподавал в Петербургской Академий художеств. Среди его учеников были уже цитируемый здесь Аркадий Рылов, наш белорус Фердинанд Рущиц, Николай Рерих, первая известная картина которого "Гонец. Восстал род на род" словно перекликается с "Лунной ночью". О том, какую роль играл Куинджи в жизни молодежи хорошо рассказал организатор передвижных товарищеских выставок Яков Данилович Минченков. Предоставим ему слово:

"В дни моих дежурств на выставке Архип Иванович часто заходил ко мне, усаживался крепко, так, что трещал под ним стул, неизменно протягивал за папиросой руку и, утопая в клубах дыма, который выпускал неуклюже, как не умеющий курить, уходил в воспоминания и строил новые планы.

У него сложилась такая идея: в капиталистическом обществе играют роль средства, и вся беда в неправильном их распределении. Бороться со всяким злом можно только деньгами. Поэтому надо накопить деньги и распределять их разумно, чем и можно лечить общественные язвы.

И вот Куинджи решает прежде всего разбогатеть. Успех его картин и довольно крупный от них заработок дают ему возможность начать осуществлять свою идею.

Когда накопил он около двадцати тысяч, решил купить себе дом. Выбрал на Петербургской стороне продававшийся двор, где все было запущено и полуразрушено. После совета с женой, через банк купил дом и стал приводить его в порядок. Человек он был практический, изобретательный, привел все постройки в исправный до неузнаваемости вид. Кончилось тем, что дом он продал чуть ли не в три раза дороже, чем купил.

Он приобретает опыт, становится до некоторой степени богачом и пускается в спекуляцию, которой нисколько не стесняется. У него — цель оправдывает средства.

А какая цель? Он говорит: "Это, что же такое? Если я богат, то мне все возможно: и есть, и пить, и учиться, а вот если денег нет, то значит – будь голоден, болей, и учиться нельзя, как было со мной. Но я добился своего, а другие погибают. Так это же не так, это же надо исправить, это вот так, чтоб денег много было и дать их тем, кто нуждается, кто болен, кто учиться хочет".

И вот он собирает капитал. Покупает, перепродает и зарабатывает на картинах, продаваемых на выставках по высоким ценам. Себе на прожитие он оставляет ничтожною сумму, тратит только на квартиру и мастерскую, а на стол и остальное по 50 копеек в день на себя и жену. Когда у них составились большие средства, он едет в Крым, поселяется там с женой в шалаше и приобретает громадный участок земли, впоследствии миллионной стоимости. На этот участке поселяет своих учеников. Талантливых посылает за границу, больных на курорты, на лечение, и вообще старается выручить из беды всякого нуждающегося. Вносит в Академию 100000 рублей с тем, чтобы проценты с них шли на уплату премий за лучшие ученические работы…

В Академии Куинджи пробыл недолго. Когда происходили студенческие волнения, он приходил на собрания студентов и, хотя повел их на работу, но достаточно было того, что Куинджи пользовался авторитетом среди забастовавших студентов, что он руководил ими, чтобы и его причислить к лагерю протестующих и наказать. Куинджи был подвергнут домашнему аресту и уволен из состава профессоров, но оставлен членом Академии. Президент Академии князь Владимир, подавая при встрече руку членам Академии, обходил опального Куинджи. И только через несколько лет вызвал к себе Куинджи и извинился перед ним…

Слабостью Куинджи была любовь к птицам. Ежедневно, в двенадцать часов, когда ударяла пушка в Петропавловской крепости, казалось, все птицы города летели на крышу дома, где жил Куинджи. На крышу выходил Архип Иванович с разным зерном и кормил птиц. Он подбирал больных и замерзших воробьев, галок, ворон, обогревал в комнате, лечил и ухаживал за больными. Говорят, что какой-то птице, заболевшей дифтеритом, он вставлял перышко в горло и тем спас от смерти. Жаловался на жену: "Вот моя старуха говорит: с тобой, Архип Иванович, вот что будет — приедет за тобой карета, скажут, там вот на дороге ворона замерзает, спасай. И повезут тебя, только не к вороне, а в дом умалишенных".

Карикатурист Щербов изобразил в карикатуре Куинджи с клизмой, которую он приготовляется ставить вороне на крыше дома.

— Это он, Щербов, знаете как? — говорил Архип Иванович. — Подкупил дворника и из слухового окна соседнего дома зарисовал меня на крыше. Дворнику два рубля дал, а можно было и за пятьдесят копеек. И как же так — вороне? Да это же никак невозможно, и на крыше... Это же она улетит".

Но у этого веселого, впечатлительного, отзывчивого человека, горячо переживающего свои и чужие беды, оказалось надорванное сердце.

- Посмотрите, какие мускулы. – говорил он навещающим его в дни болезни друзьям, - грудь какая! Я еще богатырь, а нет сердца".

Перед смертью он вскочил, заторопился куда-то, выбежал в переднюю – и упал.

По завещанию все его состояние переходило Обществу художников (именовавшемуся потом Куинжевским) для объединения художников и оказания им всяческой помощи. Жене была оставлена небольшая пенсия – 600 рублей в год.

За гробом Куинджи шло много незнакомых передвижникам людей, получаемых от него помощь, что никому не было известно, а над домом кружились осиротелые птицы”.

Художник умер в 1910 г. И только тогда его мастерская была открыта для постороннего глаза. Свои работы показывал только один раз близким друзьям — Д. Менделееву с женой и М. Боткину и узкому кругу учеников. Большинство из того, что он создал после этого, зрители увидели только после его смерти. Ни одна из созданных за эти 32 года работ не датирована. Его ученики и исследователи его творчества лишь приблизительно могли соотнести время создания полотен с периодом написания уже известных полотен. Вот почему один из его шести пейзажей нашего музея – “Березовая роща” в каталоге и альбоме “Государственный художественный музей БССР” за 1976 год фигурирует как написанный в 1870-нач. 1880 гг., а уже в переиздании того же альбома 1979 и 1990 гг. поставлена новая дата – 1901 г. Известно, что тогда художник единственный раз раскрыл мастерскую друзьям. Куинджи многие свои полотна варьировал, добиваясь полного эффекта в передаче света и пространства. “Ночь на Днепре” - уменьшенная копия известной картины из Русского музея. “Север” и “Березовая роща” - варианты пейзажей, купленных в 1979 г. П. Третьяковым. Пейзажи попали в Беларусь в 1950-1954 гг. из частных коллекций. Последним хозяином этого варианта “Березовой рощи” был Владимир Иванович Павлов - сын известного физиолога.

Картина эта очень популярна, находится в постоянной экспозиции и репродуцируется во всех альбомах музея. Увы, состояние полотна в последние годы оставляло желать лучшего. Реставрация в 1967 г. вместо помощи принесла только вред, изменила первоначальный облик. По инструкции того времени все погрешности на холсте заливались лаком. С тех пор “Березовая роща” висела в зале этаким коричневым зеркалом, почти задохнувшаяся под панцирем из олифы. Необходимость новой реставрации была очевидна. Но из-за сложности работы и отсутствия необходимых материалов белорусские специалисты за нее не брались.

Возвращение полотна к жизни стало возможным летом 2003 г. По проекту “Щедевры Третьяковской галереи в Национальном музее Беларуси” помимо организации самой выставки предусматривалось проведение концертов, пресс-конференций и мастер-класса по реставрации с участием ведущих специалистов

Третьяковки Андреея Голубенко и Екатерины Волковой. Тогда то, и пришла пора "Березовой рощи". Полотно буквально пальпировали. Убрали грунтовку и последующие "записи". Используя новые технологии, провели восстановление авторской живописи. И в результате ежедневной 12-часовой работы настоящий Куинджи предстал в день закрытия выставки Третьяковской галереи перед минскими зрителями на своем постоянном месте.

Когда "Березовая роща" первого варианта впервые появилась на выставке все по словам Репина "*так и ахнули! И было от чего*…". Зрители 2003 года тоже испытали подобное чувства. Глядя на возвращенное к жизни полотно, поневоле вспоминаешь слова Тургенева: *"Внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно изменялась смотря потому, светило ли солнце или закрылось облаком; она озарялась вся, словно вдруг в ней все улыбнулось: тонкие стволы не слишком частых берез внезапно приняли нежный отблеск белого шелка… сквозь радостно шумевшую листву сквозило и как бы искрилось ярко-голубое небо…*". Ну что еще можно добавить к этим строкам? Только собственные впечатления от увиденного "подлинного Куинджи".

Tatyana Kenko: Journey to the National Art Museum of Belarus ***(web-magazine "Culture. Nation", issue 31, April 2023, 26-117, www.sakavik.net)***

Abstract. The series of articles covers the history of the National Art Museum in Minsk, the role of E.V.Aladova in its creation, then you will also become a member of the journey through the halls of the museum, including the first and second collection of paintings, portraits from Grodno and Njasvizh (Sarmatian painting), and get acquainted with the most famous paintings by such artists as K. Bryullov, V. Pukirev, A. Kuindzhi.

Таццяна Кенько: Падарожжа ў Нацыянальны мастацкі музей Беларусі ***(вэб-часопіс "Культура. Нацыя", вып. 31, красавік 2023, 26-117, www.sakavik.net)***

Анатацыя. У серыі артыкулаў асвятляецца гісторыя нацыянальнага мастацкага музея ў Мінску, роля Е.В.Аладавай у яго стварэнні, а таксама вы станеце ўдзельнікам падарожжа па залах музея, уключаючы першую і другую калекцыю карцін, партрэты з Гродна і Нясвіжа (сармацкі жывапіс), і пазнаёміцеся з вядомымі палотнамі такіх мастакоў як К.Брулоў, У.Пукіраў, А. Куінджы.

Сяргей Панізьнік: П А В У Ч А Н Н І – П А Р А Д Ы *(нататкі пра хроснага бацьку)*

<u>*Пакідайце Словы на дабрыдзень!*</u>

Добрым людзям служыць,
- каб у здароўі ім жыць!

- * - * -

І зноў Лявонпаль ля Дзвіны разбудзім,
каб раніцай, пастукаўшы у грудзі,
суседзям пра сябе напамінаць,
бяседныя іскрынкі гартаваць…
У Мёры, Дрыса, Друя будуць знаць:
мы тут былі, тут ёсць і заўтра будзем!
Айчыну-Бацькаўшчыну не забудзем!

Покліч

для падзякі майму хроснаму бацьку Курашу Льву Іванавічу (20.Х!.1894—17.Х!.1973), лекару Лявонпальскай участковай бальніцы – ад імя навучэнца фельчарскага аддзялення Магілёўскага медыцынскага вучылішча, аўтара малюнка 1961 года: “Амар Хайям (18.У.1048—14.ХІІ.1131)—персідскі філосаф, астраном, астролаг, нацыянальны паэт Ірана”.

Я, Сяргей Панізьнік, нарадзіўся 10 мая 1942 года на тэрыторыі Остланда. У тыя часы акупацыйныя ўладары, самаахова, паліцыя сачылі за партызанскай зонай… Рашучы бацька Сцяпан запрог каня і адправіўся ў Лявонпальскую царкву Сьвятой Тройцы на кшчэнне народжанага сына Сяргея.

Прамінуўшы вёску Смулькі,рэчку Волту, на якой стаяў млын Юзіка Пяткевіча, ён нечакана ўбачыў мужчыну, які нёс з млына невялікі мяшок з мукою. Паводле народнага звычаю -- чалавека, які сустрэўся па дарозе ў царкву для кшчэння,просяць быць хросным бацькам. Кураш Леў Іванавіч, урач Лявонпальскай участковай бальніцы, адразу згадзіўся, бо часта спатыкаўся з Панізьнікам Сцяпанам.

Знайшліся дакументы, дзе ёсць і такія пазнакі: у канцы мая 1942 года Леў Іванавіч Кураш стаў “воспрыемнікам” хроснай падзеі. Прысутнічалі пры гэтым протаірэй Гермалай Сурвіла, псаломшчык Пётра Хрышчановіч. На вялікі жаль, мне толькі адзін раз давялося прывітацца з хросным бацькам, калі наведаў цётку Лесцініху з маёй далёкай радні. Сядзіба Кураша стаяла побач, і ён асмеліўся пазваць

мяне і падзкаваць за тое, што ў раённай газеце прачытаў мой артыкул ва ўшанаванне Льва Іванавіча.

Калі гаспадара прыгожага дома не стала, я наведваў яго родзічаў, прасіў перадаць у Музей Радзімазнаўства некаторыя рэчы,каб сталі каштоўнымі экспанатамі музея, заснаванага мной пры Цэнтры культуры і адпачынку ў Лявонпалі 26.XI. 1999 года. Мне дазвалялі. О, колькі сапраўдных скарбаў было на гарышчы дома… Я вельмі ўдзячны дачцы Кураша Марыі Львоўне Дзьякавай, з якой сустракаўся і ў Лявонпалі, і ў Мінску на вуліцы Веры Харужай. Стараннямі яе сям"і пры ўваходзе на Лявонпальскія могілкі можна ўбачыць помнік на месцы пахавання Кураша Льва Іванавіча.

Каля помніка я праходзіў і з роднай сястрою Нінай. Яна мне расказала пра трагічныя падзеі. Яе сястрыца Валя пражыла паўгода, памерла ў канцы 1938 г. А сястрыцы Лізы, народжанай ў 1939-м, не стала праз няпоўныя два гады. Для паратунку прасілі Кураша паспагадаць. Бацька пачуў пра пасяўную ў калгасе. Каня не далі. І лекар не змог дапамагчы: у яго ровар канфіскавалі. А калі бацька выпрасіў каня, Лізу павезлі, але каля мельніцы ў Смульках памерла. Сястра Ніна была ў роспачы. І ў яе пачаўся дыфтэрыт, пакуты ад удушша. Рухавы бацька рознымі спосабамі дамогся каня. Завезлі Ніну ў Лявонпальскую лякарню. Кураш ратаваў яе жыццё. Ніна прыпамінала тыя ўколы, увагу, супакаенні... А пражыла яна ад 21.Х!.1933 года да 11.!Х. 2019 года.

І як мне было не ўстрапянуцца, што ў Лявонпалі жыў такі ратаўнік, які лячыў не толькі звыклымі сродкамі, а чароўнымі лекамі сваёй шчырай душы, натхненнем сэрца. Вось чаму пасля заканчэння Лявонпальскай школы я апынуўся ў Магілёве, каб вывучыцца на фельчара, каб ну хоць чуць-чуць быць падобным на хроснага бацьку Кураша Льва Іванавіча.

Сяргей Панізьнік. 2023 г.

Siarhei Paniznik: Advice (pavuchanni) ***(notes about the godfather) (webzine "Kultura.Natsyja", issue 31, April 2023, 118-119, www.sakavik.net)***
S. Paniznik remembers his godfather L. I. Kurash, a doctor at the Ljavonpal district hospital, who inspired him later to study as a paramedic in Mogilev medical school.

Сергей Панизник: Советы-наставления ***(заметки о крестном отце)*** **(веб-журнал «Культура.Нация»,** ***вып. 31, апрель 2023, 118-119,*** **www.sakavik.net)**
С. Панизник вспоминает своего крёстного отца Л. И. Кураша, врача Лявонпальской районной больницы, который впоследствии вдохновил его учиться на фельдшера в Могилевском медицинском училище.

Сяргей Панізьнік: З Магілёўскіх крыніц *(аўтарскія вершы і малюнкі!)*

І горад вырас, як з зямлі, яго Магілёвам назвалі…

Збіраць пачнем зярно к зярняці,
Былое ў думках ускрашаць…
Янка Купала

Анатацыя. Сяргей Панізьнік – знакаміты беларускі паэт і грамадскі дзеяч дзеліцца сваімі вершамі і сваімі малюнкамі, створанымі падчас яго вучобы на фельчарскім аддзяленні старэйшага ў Беларусі Магілёўскага медыцынскага вучылішча, 26.IX.1959 – IУ.1962.

Развітанне – і сустрэча

Ад’язджаю, ад’язджаю
З роднай хаты ўдаль.
Думка думку нараджае,-
Будзе з новым ураджаем
Ля дняпроўскіх хваль.
Чую рэльсаў ляскатанне.
Паравозны дым
Не знікае і ў тумане.
Вецер моцны развітанне
Рве штуршком адным.
Эх! Бывай, Дзвіна-Даўгава!
Бачу я Дняпро:
Мчыць прыгожа, велічава…
Горад злева, горад справа,-
Сходжу на перон.
Я прывёз табе разгоны
З роднеькіх палёў.
Ты прымі мае паклоны:
Буду я табой натхнённы,
Горды Магілёў*.

** 1267 г. - згадваецца легендарны магілёўскі замак.*
1526 г. – атрыманы правы горада.

Верасень 1959

Закаханая вясна

А пад гарой Дняпровы хвалі
З вясны да восені шумяць…
Янка Купала “Магіла льва”, 1913 г.

Па-вясенняму важны таполі:
Сок зямлі напаўняе кару.
Сіняй хваляй разносяцца ў полі
Туманы: лоб уткнулі ў гару…

У арэшніку вельмі спакойна
Вожык вочы прыжмурыў: вясна…
Задаволены хлопча: шпакоўню
Змайстраваў ён! Шчабеча яна!

А вясна ў Падніколле ляцела,-
Каб там птушкі гняздзечкі вілі.
І за Пашкавам бачыць хацела,
Як засеяны збожжам палі.

Зноў пралеска у парку праб’ецца,
Шчупакі паплывуць праз трысцё…
І ў каханне маё увальецца
Узвясененае жыццё.

Май 1960 г.

Поўня юнацтва

Годнай паходкаю лета прыгожае
Зноў адыходзіць ад нас.
Сумам напоўніцца думка трывожная:
Любуж папоўніць запас?

Поўня юнацтва: тут восень багатая,
Квецень раздольнай вясны…
Вокліч сяброўкі сэрцайка кратае:
- Знойдзеш ты след мой лясны?

Жнівень 1960 г.

Малітва

Божа мой мілы,
Дай Ты мне сілы
Гэту іржу перажыць.
Ведаю, Божа:
Лячыць дапаможаш.
Будзем Табой даражыць.
Збор наш багаты…
Ёсць і прылады,
Сіла ў руках і ў нагах.
Служым вам, людзі!
Медыкам будзе
Бог вас прыгадваць і ў снах.

Верасень 1960 г. в. Ржаўка, Васькавіцкі р-н

Песня юных сяброў

Песня юных сяброў
І ў Пячэрску гучыць.
Песню чуе Дняпро,
Кручы, долы, руччы…

Узлятае прыпеў
Над Дзвіною маёй,
Над мясцінаю той,
Дзе радню я займеў.

Песня дружыць усіх.
Хто спявае – сваты!
…Будзе ведаць жаніх,
Куды едуць сваты.

4 снежня 1960 г.

Сустрэча

Зноў у горадзе Ясенін!*
- Малады госць, не стары,
Пераходзь з парога ў сені:
Досыць мерзнуць на двары.
Мне не дзіва, што знямогся:
Столькі пройдзена дарог!
Гэта добра, што знайшоўся, -
Кінуў патаемы стог…
Так было: прапаў хлапчына…
Не ўдалося адшукаць…
Ад чаго была прычына
Па аколіцах блукаць?
Спадзяюся: на прадвесні
/ Толькі з кім – не гавары… /
І мяне захочуць весьці
Твае вершы-ўладары!

** У 1914 – 1915 г.г. Сяргей Ясенін праводзіў службу ваенным санітарам у Магілёве.   Зак. 11 студзеня 1962 г.*

Песня салдата

“Салдацкая лірычная”. Музыка Іллі Пятрова-Кумінскага

Сонечным, сонечным сполахам
зззяюць мне зоры.
Ранішніх росаў
я слухаю срэбраны звон.
Маці-Радзіма!
Салдат твой стаіць у дазоры,
Варту нясе
ў ціхім шэлесце, шэлесце крон.

Радасна мірнае сонца
над борам усходзіць,
Просіцца песня,
ой, просіцца песня з грудзей.

Хай жа пад сонцам
      да родных чаромхаў даходзіць, -
Там і сустрэне
      найлепшую з лепшых людзей.

Ласкаю вёснаў
      і край расцвіце мой дняпроўскі.
Верыць каханая
      ў шчасце расквечаных дзён.
Песня салдацкая
      дзявочую песню паўторыць:
Песня кахання -
      надзейны ў жыцці паштальён.

Люты 1962 г.

На вялікі маршррут
/ На Дзень выпуску ў медвучылішчы /

Колькі трэба нам жыць яшчэ,
Колькі песняў злажыць!
   Мы вясёлымі жыццямі
   Будзем так даражыць,
Каб навек не нацешыцца
І вясной дарагой,
   І ліловымі сцежкамі,
   І зімовай смугой.

Разам з буславым клёкатам
Нараджай, сэрца, кліч.
   І для службы ў далёкія
   Ты дарогі нас кліч.
Толькі словы халодныя
Мы пакінем лепш тут...
   Нам – у рэйсы паходныя,
   На вялікі маршрут!

27 лютага 1962 г.

На кручах Дняпра

Паспрабуй ты стрымай
Той ружовы разліў,

Дзе пралескавы май
На пагорках разліў
Квецень вішняў і сліў.

І на кручах Дняпра
Усю ноч напралёт
Нас шукала зара,
Прабівала пралёт
Праз ружовы сумёт.

Над срабрыстай расой
І па кронах густых,
Над шчаслівай вясной,
Над дзявочай касой
Пралятаў мой уздых.

1962 г.

Над Падніколлем

In poetis non Homero
*soli lokus est!**

Вясна! Вучылішча ў заснежжы.
Спыняемся над Падніколлем.
У слаўным сённяшнім каледжы
І мы сядзелі на прыколе.
Паўсотня зімаў легла грузам.
Выпускнікі сляды згубілі.
Як добра, што Сярожка Гузаў
Напомніў нам, каго любілі…
Былі Латоцкая, Сяргееў,
А з імі Марчанка, Папова…
З нас, вязьняў келляў-калізеяў
Кавалася жыцця падкова.
Камусьці dentur tales dozes…**
Было замнога: перабралі...
…Цярпеў, каб не скрывілі позу,
і мой Columna vertebralis***.
Браценнікава, дзе Ханеўскі?
Хто з Мармузевічам няхмурым
Уздыме медыкаў падлесак
З дрыгвы лацінскай рэцэптуры?

Для нас дыягназ сёння: - Sanus!****
Вясна – наўздым! Вясна – марцуе!
І нос не трэба мазаць салам,
Бо кожны эрытрацыт гарцуе!
Юркевіч, Тарвід і Мядзюха,
Капуснікава – мілы кактус!
З Сяргеем шэпчам вам на вуха:
- Нам трэба, каб не лезла скруха
І ў spiritus ratifikatus… *****
Напомніце пра os frontalis,
Os bazis, os okcipitalis,******
Пра тое, што завецца Cor…
Мы выйдзем, выпускнікі, на танец, -
І загучыць дняпроўскі хор!
Хай акушэрачка з медбратам
Успомняць клятву Гіпакрата:
"Людзей здароўе – наш дазор!"
І станем мы вясны набатам
Ад Падніколля – аж да зор!

Падніколле – Падміколле. Свята-Мікольскі храм быў узведзены ў 1522 г.

Люты—сакавік 2012 г. Магілёў, Мінск.

Напрыканцы лютага 2012 г. супрацоўніца каледжа Кацярына Іванаўна Высоцкая запрасіла былую старасту фельчарскага аддзялення Людмілу Браценнікаву, Сяргея Гузава, Эдуарда Язвінскага, мяне на шчырую бяседу ў нашай вучэльні над гістарычным Падніколлем.

* Не толькі Гамэру ёсць места сярод паэтаў.
** Даць такіх дозаў…
*** Слуп пазванковы.
**** Здаровы!
***** Якасны спірт.
****** Косці чэрапа.

Post skriptum

Векавыя Княжыцы

Мне бажніца і бальніца
На шляху акажуцца, -

Векавыя Княжыцы
Вершамі спавяжуцца.
Там Антоній Падуанскі*
І Матэвушаў Васіль*
Ажылі ад Божай ласкі:
На Лахве – спрадвеку шчіль!
Слаўны Богуш-Сестранцэвіч*
Асвячаў тут веры шпіль.
Павел Масленнікаў* кіль
Прыбярог: збіраў тут краскі…
Хто наведаў Княжыцы, -
Стырнавым акажацца,
Бо Дняпром узважыцца,
Паўтарыўшы казку-быль.

----

*Антоній Падуанскі / 15.08.1195 – 13.07.1231 / -- каталіцкі святар, прапаведнік.
*Станіслаў Іванавіч Богуш-Сестранцэвіч /3.09.1731—1.12.1826/ - рэлігійны дзеяч, літаратар, навуковец. Асвяціў касцёл св. Мікалая/Антонія Падуанскага у Княжыцах у 1790 г.
*Павел Васільевіч Масленнікаў /14.02.1914—6.09.1995/ - народны мастак Беларусі.
*Матэвушаў Васіль Іванавіч /6.03.1915—6.03.1974/ - паэт, грамадскі дзеяч.
*1501 год – першая згадка пра Княжыцы.

С. Панізьнік - 112-ы выпуск Магілёўскага медыцынскага вучылішча, фельчарскае аддзяленне. 26.ІХ.1959 – ІУ.1962

Сяргей Панізьнік: У Магілёве, 1959 – 1962

За Лахвою белыя чаромхі пеняць бераг квеценю густой.
Над Лахвою шызыя чароты гутараць з вясенняю вадой.
О, Лахва аздоблена вянкамі, зноў бялеюць, як апошні снег.
Можа стане, што й майму чаканню прыплыве адзін з іх па вясне.
Княжыцы, красавік 1962 года

А ў чаканні Сяргей, сын Сцяпана і Ганны Панізьнікаў, народжаны 10.У.1942 года ў вёсцы Бабышкі (зараз Міёрскі р-н Віцебскай вобл.). Вучыўся ў школах вёсак Латышы, Паташня, у мястэчку Лявонпаль. Хросным бацькам быў лявонпальскі хвельчар, таму паступіў на фельчарскае аддзяленне Магілёўскага медыцынскага вучылішча (IX.1959 - IУ.1962). Працаваў у Княжыцкай участковай бальніцы, адкуль быў прызваны на салдацкую службу фельчарам артпалка 120-й гвардзейскай дывізіі. У 1963 г. трапіў на падрыхтоўчыя экзамены для паступлення на вучобы ў Львоўскае ваенна-палітычнае вучылішча, на факультэт журналістыкі. У 1967 г. лейтэнантам стаў служыць у той жа самай 120-й гвардзейскай дывізіі.

Але і да сённяшняга дня былая вучэльня павітух, сённяшні медкаледж – з непагаснымі іскрынкамі над незабыўным Падміколлем. Захаваліся малюнкі магілёўскіх вуліц, берагоў Дняпра, старажытных камяніц. Пячэрскі лесапарк… Нас рыхтавалі да 112-га выпуска медвучылішча. І я не толькі вучыўся пісаць рэцэпты, ставіць дыягназ… Мяне вучылі і маляваць. Засталіся ў архіве малюнкі наваколля горада. Вось малюнак, які нагадвае наведанне вёскі Пашкава 21.У.1960. Уразіла там брацкая магіла савецкіх воінаў: загігнуў там 61 савецкі салдат.

З верасня 1960 г. мы праводзілі стажыроўку, збор ураджаю ў в.Ржаўка (Васюковіцкі р-н). Дата малюнка 20.У. 1960 г.

На малюнку 15.У.1960 г. – дарога ў Любуж. Там быў аздараўленчы лагер. Дазнаўся, што ў 1600 г. там былі манахі Спаскага манастыра. У 1713 г. створаны фальварак. А ў Х!Х ст. там з'явілася латышская калонія. У Любужскім лесапарку я наведваў два дзіцячыя аздараўленчыя лагеры, дэндрарый.

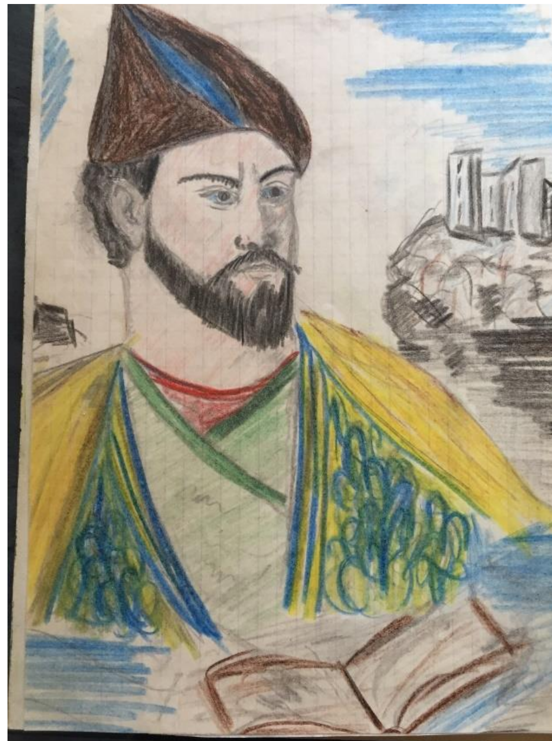
Запомнілася: 12 красавіка 1961 г. - мы на дэманстрацыі: Гагарын у космасе!

In poetis non Homero soli lokus est! –
Dentur tales dozes!
Не толькі Гамэру ёсць месца сярод паэтаў!
Даць такіх дозаў!

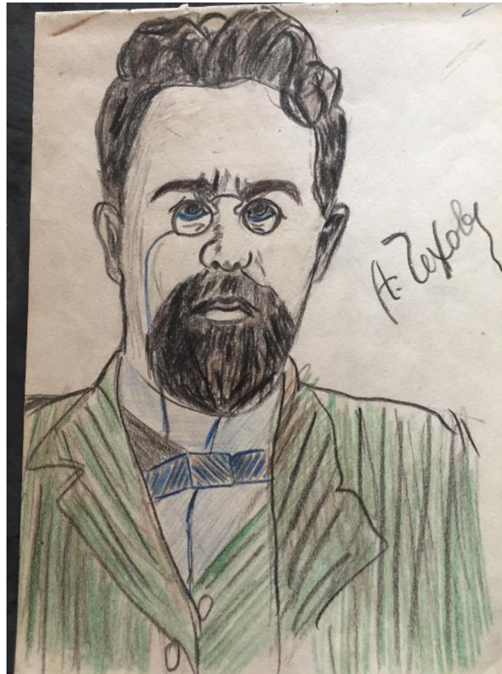
Мне педагогі падказвалі, на якія тэмы трэба ствараць малюнкі: каб высвечвалася патрэба медыцыны. Ну вось, стварыў я партрэт Гіпакрата (каля 460 г. да н. э. – каля 377 г. да н. э.). Гэта старажытнагрэчаскі філосаф, лекар, “бацька медыцыны” Малюнак 19.XI.1960 г.

Наступнымі былі:

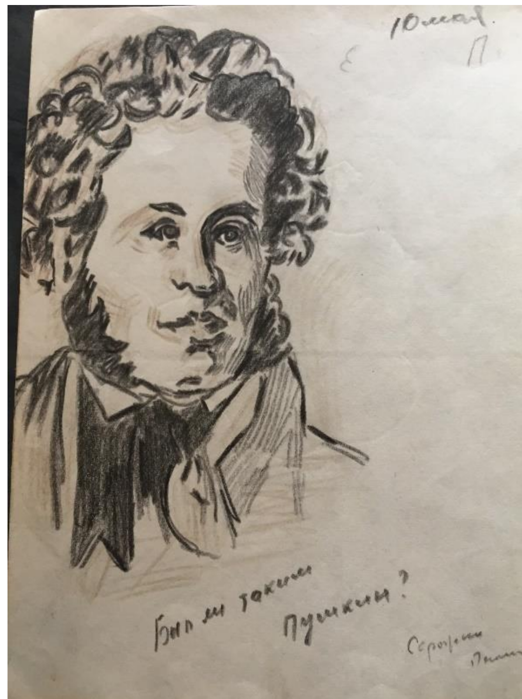
– Авіцэна: Абу Алі Хусейн ібн Абдулах ібн аль-Хасан ібн Алі ібн Сіна (22.УІІІ.980—21.УІ.1037) – персідскі вучоны, філосаф, лекар.
- Амар Хайям (18.У.1048—14.ХІІ.1131) – персідскі філосаф, матэматык, астраном, нацыянальны паэт Ірана. Малюнак Х1.1961 г.
- Робэрт Бёрнс (25.01.1759—21.У!!.1796)—шатладскі паэт, фалькларыст.
- Гюстаў Флабэр (12.Х!!.1821 – 8.У.1880) – французскі пісьменнік. Яго бацька быў хірургам, дачка – лекарам.

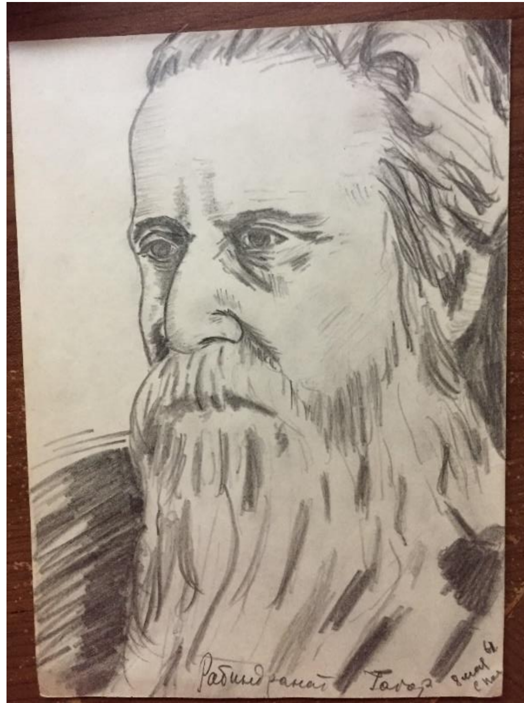
Амар Хайям (18.У.1048—14.ХІІ.1131) – персідскі філосаф, матэматык, астраном, нацыянальны паэт Ірана. Малюнак Х1.1961

Чэхаў Антон Паўлавіч (29.01.1860—15.УІІ.1904) – рускі пісьменнік з адукацыяй лекара, грамадскі актывіст у сферы дабрадзейнасці. *Малюнак ч/б 19.УІІІ.1962 г.*

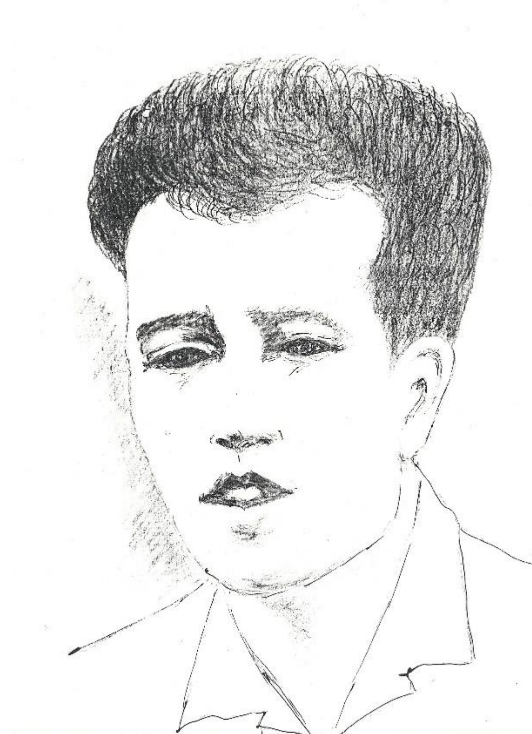
Пушкін Аляксандр Сяргеевіч (6.УІ.1799 – 10.02.1837) – геніяльны рускі паэт, празаік, драматург. Раптоўна памёр ад ранення на дуэлі. *Малюнак 10.У.1961.*

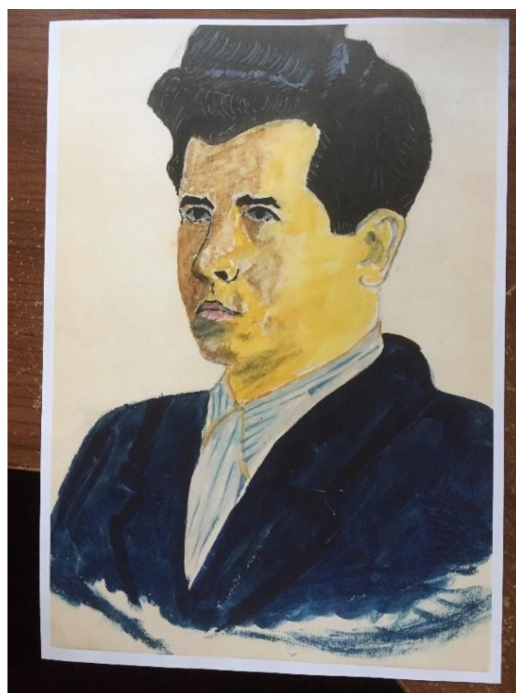
Рабіндранат Тагор. *На маім малюнку 8.У.1961* – партрэт індыйскага пісьменніка, паэта, кампазітара, мастака, грамадскага дзеяча, лаўрэята Нобелеўскай прэміі па літаратуры (1913), аўтара гімна Бангладэш (прыняты да выканання ў 1972 г.). У 2018 г. гімн Рабіндраната Тагора (7.У.1861 -7.УІІІ.1941) быў перакладзены на беларускую мову Сяргеем Грахоўскім, Алесем Разанавым, Язэпам Семяжонам, Галінай Шаранговіч. Прапанову ад Алеся Мікалаевіча Карлюкевіча на перастварэнне тэксту прыняў і я.

Далёкае – блізкім ствараецца ў працы,
І будзе чужое нам роднелькім звацца…

Сяргей-лекар 112-га выпуска Магілёўскага медыцынскага вучылішча з *Магілёўскім шоўкам* Васіля Матэвушава, на чыім зборніку пазначаны аўтограф: *Сяргею Панізніку ў знак шчырага спаткання … 30/ІХ—61*.

Сяргей Панізьнік. *Малюнак Галіны Загурскай*

Аўтапартрэт. *Магілёў, 1960*

Siarhei Paniznik: And the city grew as if from the ground, it was called Mahiljou...
(webzine "Kultura.Natsyja", issue 31, April 2023, 120-134, www.sakavik.net)

S. Paniznik - a famous Belarusian poet and public figure shares his poems and his drawings, created during his studies (26.IX.1959 - 19.1962) at the paramedic department of the oldest medical school in Belarus, Mogilev Medical School.

Сергей Панизник: И город вырос, как из земли, который Могилёвом назвали...
(веб-журнал "Культура. Нация", вып. 31, апрель 2023, 120-134, www.sakavik.net)

С. Панизник - известный белорусский поэт и общественный деятель делится своими стихами и своими рисунками, созданными во время учебы (26.IX.1959 - 19.1962) на фельдшерском отделении старейшего медицинского в Беларуси Могилевского медицинского училища.

Аляксандр Сімакоў: Протаіерэй Мікалай Грынкевіч: «зямляцкае» акружэнне ў Сан-Францыска, неапублікаваныя дакументы, новыя звесткі пра позні перыяд жыцця

Анатацыя: Ураджэнец Гомельшчыны Мікалай Грынкевіч, святар, таямніца канца жыцця якога не раскрытая, разглядаецца тут у аспектах зямляцкіх сувязей (асобы, звязныя з Магілёўскай і суседнімі губернямі), праблем антрапанімікі, высвятлення падзей апошняга года ў Сан-Францыска і позніх гадоў жыцця, самыя апошнія звесткі пра якія атрыманы ў 2021 г. Упершыню публікуюцца цалкам фармулярны спіс 1907 г. і паведамленне з пералікам вучняў і настаўнікаў пры пачатку заняткаў у царкоўнай школе ў 1888 г. Акцэнтуецца ўвага на неразгаданых момантах і новых тэматычных узаемасувязях.

Ключавыя словы: Зямляцкія матывы ў жыццяпісе, Алеуцкая і Аляскінская епархія, царкоўная школа ў Сан-Францыска, духоўныя вучылішчы (Гомель, Арэнбург, Бялёў), Туркестанская епархія.

Мікалая Сцяпанавіча Грынкевіча яшчэ няма ў беларускіх універсальных і галіновых энцыклапедыях, пра яго не было асобнага артыкула ў «Православной энциклопедии», але толькі з-за недахопу інфармацыі пра яго на час выхаду адпаведных даведачных выданняў. Наяўныя цяпер звесткі сведчаць пра значнасць асобы гэтага, найперш, педагога, які ўнёс дастаткова прыкметны ўклад у сацыяльную і духоўную гісторыю, пра што можна меркаваць і па пробных артыкулах у нашым праекце яго персанальнай энцыклапедыі[56].

Біяграфія Мікалая Грынкевіча ўпісваецца нават у авантурны жанр, эпізоды яе можна было б сустрэць у новых (гіпатэтычных) кнігах з серыі «Палымяныя рэвалюцыянеры» і дапрацаваных версіях даведніка «Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнна- і царкоўнаслужыцелі Беларусі» (Л. Маракоў не ўключыў яго ў том з-за адсутнасці звестак – як і ў нас да 2021 г.), дзякуючы блізкаму знаёмству[57] з доктарам Руселем і факту яго ссылкі савецкімі органамі. З пісьменнікаў, па розных крытэрыях

---

[56] А. Сімакоў, *Матэрыялы да «Грынкевічаўскай энцыклапедыі»,* [в:] А. Ф. Потапов, *Истоки: становление православия и других религиозных общин на Рогачевщине. 4,* Издатель Печенко А. Г., Минск 2014, с. 157-168.

[57] *Doctor Russel about Nikolai Grinkevich.* Trans. from the Rus. by T. Emmons, [у:] *Веснік БІТ,* 2015, 15 сак., № 15.

– праз агульных знаёмых, не дакладныя, але супадзенні ў месцазнаходжанні, розныя акалічнасці, дух і пафас яго жыцця і дзейнасці, – да Грынкевіча, настаўніка геаграфіі прынамсі ў верасні 1888 г., найбольш блізкія М. Булгакаў, Э. Р. Бэраўз, Ж. Верн, Э. Л. Войніч, У. Дзюба, У. Караленка, У. Караткевіч, У. Крастоўскі, Дж. Лондан, М. Ляскоў, Махтумкулі, П. Мельнікаў-Пячэрскі, М. Памялоўскі, Г. Струнская, С. Сцяпняк-Краўчынскі, Г. Сянкевіч, Л. Талстой, М. Твэн, М. Чарнышэўскі, А. Чэхаў, В. Шаламаў.

Постаць Грынкевіча мае і рэгіянальнае значэнне, і міжнароднае. Яго жыццяпіс уцягвае прадстаўнікоў многіх краін і нацыянальнасцей. Сяло Рэпкі як месца нараджэння, якое знаходзім у яго атэстаце[58] і фармулярным спісе[59], прадвызначыла і месца яго навучання ў Гомельскім духоўным вучылішчы (яшчэ да нязначнага аддалення яго ад сабора, палаца і парка – на другі канец вуліцы Мільённай, цяпер Білецкага). Вядомыя версіі фармулярнага спіса, складзеныя і дапоўненыя ў Сан-Францыска, Арэнбургу і Бялёве, але згадваецца і цытуецца ў многіх нашых артыкулах[60] толькі апошняя перад пераходам святара ў іншую ведамасную сістэму – вайсковую (Ташкенцкі кадэцкі корпус).

На працягу вывучэння біяграфіі Грынкевіча мы выкарысталі шэраг неапублікаваных тэкстаў з дзяржаўных архіваў[61]. Два дакументы, якія публікуем цяпер, выпісаны ў РДГА А. А. Баўкалам у сувязі з нашымі запытамі і дасланы ім у электронных паведамленнях: фармулярны спіс – 16.10.2009 г., спісы вучняў і настаўнікаў школы

---

[58] *Аттестат (Гринкевич Николай Стефанович),* Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 277, оп. 1, д. 309, л. 67.

[59] *Формулярный список о службе смотрителя Белевского духовного училища протоиерея Николая Гринкевича. 1903-1907,* РГИА, ф. 796, оп. 436, д. 1939.

[60] А. Сімакоў, *Грынкевічы ад Рагачоўшчыны да Прыамур'я, Аляскі і Нью-Ёрка, [*у:] *Час* (Jackson Heights, NY). 2011, № 9 (май), с. 8; і інш.

[61] А. Сімакоў, *Ён дбаў пра адукацыю дзяцей індзейцаў: айцец Мікалай Грынкевіч у чатырох светах,* [у:] А. Ф. Патапаў, *Вытокі: станаўленне праваслаўя і іншых рэлігійных абшчын на Рагачоўшчыне. Кн. 2.* Рагачоў 2009, с. 143-149; А. В. Сімакоў, *Перспективы даследавання службы Мікалая Грынкевіча ў Алеуцкай і Аляскінскай епархіі,* [в:] *I Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792-1852): историка, археографа, археолога: материалы научно-практической конференции, Минск: Минская духовная академия, 17 мая 2017 г.* Издательство Минской духовной академии, Минск 2018, с. 268-279; А. Сімакоў, *У імкненні служыць Алясцы: новае пра Мікалая Грынкевіча,* [у:] А. Патапаў, *Вытокі. Станаўленне праваслаўя і іншых рэлігійных абшчын на Рагачоўшчыне – 3,* Печанко А. Г., Мінск 2012, с. 111-121; і інш.

– 10.10.2015 г. З іх толькі дакумент па школе мы мелі магчымасць праверыць і выправіць пазней па выяве.

«Зямляцкае акружэнне» Грынкевіча ў Сан-Францыска, якое мы разглядаем, – суседнія з Магілёўскай губерні і адносна блізкія мясцовасці ў іншых частках Беларусі і сумежных краінах.

Магілёўская. Мы можам меркаваць, што нататку «Пра школу»[62] Грынкевіч напісаў у немалой ступені з жадання падтрымаць доктара-земляка М. Руселя[63]. Генеральны консул У. Арцімовіч не быў ураджэнцам, але пра яго карані і сваякоў у Магілёўскай і Гродзенскай губернях сведчыць нават яго прозвішча[64].

Мінская. А. С. Мартыша памылкова звязвалі з Піншчынай з-за блізкасці валынскіх Мульчыц, дзе ён быў настаяцелем. Яго сын Васіль[65] як галоўны праваслаўны капелан польскай арміі неаднаразова бываў на тэрыторыі Заходняй Беларусі, у прыватнасці, у Брэсце і Чаравачыцкім прыходзе каля Кобрына (выявіў А. Л. Ільін (1956-2020), Гродне.

Кіеўская. Сюды пасля Аляскі прыехаў і тут памёр[66] наглядчык школы Я. Алексін[67]. Урач У. Паўліцкі быў з Валынскай губерні, але вучыўся ў Кіеве.

---

[62] [Н. Гринкевич], *[О школе]*, [в:] *Из жизни духовенства*, тип. «Жизни», Лондон 1902, с. 70-71; [Н. Гринкевич], *О школе*, [в:] Е. Е. Лазарев. *Гавайский сенатор и вожди русского православия епископ Владимир и К. П. Победоносцев*, M. Elpidine, libraire-éditeur, Carouge-Genève 1902, с. 57-58; [Н. Гринкевич], *О школе*, [в:] Н. Руссель, *Житие преосвященного Владимира, бывшего епископа Алеутского и Аляскинского, ныне викарного епископа Воронежского*, тип. П. Правдолюбова, Москва [Лондон] 1895, с. 15-16; N. Grinkevitch, *A proposito della scuola.* Trad. dal russo di S. Busatta, [in:] *Веснік БІТ*, 2014, 10 сак., № 14.

[63] *Doctor Russel about Nikolai Grinkevich.* Trans. from the Rus. by T. Emmons, [у:] *Веснік БІТ,* 2015, 15 сак., № 15.

[64] А. Сімакоў, *Тры пасажы з «Прогресса»: доктар Русель, консул Арцімовіч і рускія ў Сан-Францыска,* [у:] *Наша слова*, 2021, 5 мая, с. 7.

[65] А. Симаков, *Антиподы: два выезда за океан Василия Мартыша,* [w:] *Cerkiewny Wiestnik*, 2016, № 2, s. 47-55.

[66] A. Simakoŭ, *Savchenko in Alaska and San Francisco: a Belarusian, Creoles, Tlingit, [*in:] *Journal of the West*, 2020, № 4, p. 68.

[67] А. Сімакоў, *Царкоўная школа ў Сан-Францыска (1888-1892) у асобах,* [w:] *Cerkiewny Wiestnik*, 2018, № 4, s. 47, 49, 56, 57, 60, 62; *Alexine's foul dungeon, [*in:] *San Francisco Chronicle*, 1891, Jul 8, p. 3; *Alexine's pupils, [*in:] *San Francisco Chronicle*, 1891, Jul. 21, p. 7; *It was Corcorani*, [in:] *San Francisco Chronicle*, 1891, Jul. 29, p. 3; *The Alexine trial, [in:] San Francisco Chronicle*, 1891, Jul. 22, p. 3.

Смаленская. Вучня з Кадзьяка М. Саўчанку і яго бацьку Д. Саўчанку можна лічыць землякамі «апасродкавана»; Грынкевіч меў справу з сынам земляка – выхадца з Краснага[68], Дзям'янам, нават простым фармальным чынам – як справавод Аляскінскага духоўнага праўлення. Тлінкіт прынамсі па маці, Мікалай прыбыў у Сан-Францыска на параходзе «Берта» 27.08.1888 г. разам з епіскапам Уладзімірам (Сакалоўскім) у ліку 6 хлопчыкаў – «індзейцаў» (3) і «алеутаў».

Чарнігаўская. Радзіма ігумена Георгія (Чудноўскага)[69]. Брат В. і М. Мартышаў, Раман, – святар, пасля пачатку Першай сусветнай вайны – бежанец з Карошчына каля Брэста ў Сосніцы Чарнігаўскай губерні (такім чынам, з Мартышаў ён фізічна найбольш наблізіўся да радзімы Грынкевіча).

Латвія. А. Іосіф (Левін) у тэлеграме обер-пракурору К. П. Пабеданосцаву ў самым пачатку 1891 г.: «Епіскап хоча пасвяціць Грынкевіча ў святары на мой пост». Іераманах просіць спыніць гэты працэс[70]. Левін звязаны з Мітавай (Елгавай) – выпускнік гімназіі. Сябар Левіна, Г. Б. Байданоўскі (Boydonowski – можа быць журналісцкім скажэннем прозвішча Багданоўскі або яўрэйскага прозвішча Кайданоўскі (ад назвы н. п. у Беларусі), сведчыў пра Грынкевіча і яго канкурэнцыю з Левіным[71].

Польшча. У сан-францыскім эпізодзе Польшча ў сучасных межах выступае нават як краіна-лідар: умоўная назва, якая аб'ядноўвае асоб, сабраных новапрызначаным архірэем, які базіраваўся ў Холмскай духоўнай семінарыі, для ўзмацнення епархіі ў Амерыцы, – Холмская група[72]. Супольнасць для пераезду ў Сан-Францыска ўключыла ў першую чаргу ўраджэнцаў і жыхароў Холма, Люблінскай губерні і Варшавы, а таксама некалькіх сталых на той момант жыхароў сталіцы і іншых губерняў Расійскай імперыі і грэчаскага вострава Афон[73].

---

[68] А. В. Симаков, *Савченко на Аляске и в Сан-Франциско: белорус, креолы, тлинкиты,* [в:] *Славянский альманах,* 2019, № 3-4, с. 107-133; A. Simakoŭ, *Savchenko in Alaska and San Francisco: a Belarusian, Creoles, Tlingit,* [in:] *Journal of the West,* 2020, № 4, p. 53-69.

[69] А. Симаков, *Американская трагедия монаха с Афона: игумен Георгий (Чудновский) в Сан-Франциско и на Аляске,* [в:] *Cerkiewny Wiestnik,* 2020, № 3, s. 29-42.

[70] *Telegram from Priest Joseph Levin (San Francisco) to Mr. Pobedonostzeff, the Holy Synod (St. Petersburg) [received (illegible) 2, 3 or 5].01.1891,* РГИА, ф. 1574, оп. 2, д. 76, л. 11.

[71] *Father Levine gone,* [in:] *San Francisco Chronicle,* 1892, Jun. 2, p. 7.

[72] А. Сімакоў, *Холмская група: крыніца аптымізму,* [w:] *Cerkiewny Wiestnik,* 2017, № 2, s. 45-62.

[73] А. Симаков, *Американская трагедия монаха с Афона: игумен Георгий (Чудновский) в Сан-Франциско и на Аляске,* [в:] *Cerkiewny Wiestnik,* 2020, № 3, s. 29-42.

Звесткі з паведамлення епіскапа ад 18(30).09.1888 г. аб пачатку заняткаў у школе выкарыстаны намі ў шэрагу артыкулаў[74]. Тэкст не мае загалоўка. У пераліку настаўнікаў прыбраны кропкі, якія парушаюць уніфармізм.

«Учение в Церковной школе открыто было 1го Сентября н. ст. (20 Авг.) – после молебна в церкви и приличной случаю беседы. – Ученики разделены ныне по мере подготовки их на три класса:

<u>приготовительный</u>: 1) Николай Савчинко 2) Феодор Серебренников 3) Андрей Кавутк 4) Матфей Агач 5) Николай Павлов 6) Феодор Татаур 7) Николай Киштек 8) Александр Вениаминов 9) Роман Мартыш 10) Петр Димитриев 11) Тихон Сиротин 12) Некрещеный – Колинс;

<u>первый класс</u>:

13) Николай Бельков 14) Евтихий Корнелюк 15) Антон Сонецкий 16) Павел Зайченко;

третий класс:

17) Александр Вана 18) Антон Гумовский 19) Василий Кашеваров 20) Василий Мартыш 21) Борис Левин 22) Александр Бобовский 23) Николай Мартыш.

Учители: 1) Епископ Владимир: Священное Писание и всеобщую историю 2) Игумен Георгий: Св. История и Катихизис 3) Священник Дьяков: Церковный устав и славянский язык 4) Псаломщик Гринкевич: Географию 5) Диакон Мартыш – Св. Писание и Русский язык 6) Диакон Крючков: Математика и славянский язык 7) Диакон Соболев: Священ. Истор. Нов. Зав. и русский язык 8) Аллан: Английский язык 9) Дабович: Английский язык 10) Кедроливанский и 11) Кашеваров в Воскресной школе – Объяснения Евангелия, Апостола и Св. Истории.

Владимир Епископ Алеутский и Аляскинский

С. Франциско 1888 г. Сентябр. 18 / 30»[75].

---

[74] А. В. Сімакоў, *Аб назве багаслоўскага вучылішча ў Сан-Францыска,* [в:] *III Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852): историка, археографа, археолога: материалы научно-практической конференции, Минск: Минская духовная академия, 13 июня 2019 г.* Издательство Минской духовной академии, Минск 2021, с. 29-40; А. Сімакоў, *Холмская група: крыніца аптымізму,* [w:] *Cerkiewny Wiestnik*, 2017, № 2, s. 45-62; А. Сімакоў, *Царкоўная школа ў Сан-Францыска (1888-1892) у асобах,* [w:] *Cerkiewny Wiestnik*, 2018, № 4, s. 46-63.

[75] *[Списки учеников (1–23) и учителей (1–11) Церковной школы, Сан-Франциско, 18(30).09.1888]*, РГИА, ф. 1574, оп. 2, д. 129, л. 19.

Некаторыя з прозвішчаў вучняў маюць варыяцыі з памылкамі ў напісанні не толькі па-англійску, але і па-руску (напрыклад, правільна Савченко, Шеротин, Санецкий). Нам вядомая пакуль толькі адна публікацыя[76], у якой Грынкевіч расказвае пра аднаго са сваіх вучняў. Пры гэтым журналісты скажаюць прозвішчы абодвух. Варыябельнасць, часам анекдатычная, антрапаніміі і ідэнтыфікацыі асабліва паказальная ў выпадку з Какаранінымі-Коркаранам, паўкроўкам або паўкроўкамі. У падрабязным артыкуле[77], у якім школа іранічна абазначаецца як «"educational" department» царквы, Пол называецца спачатку больш-менш традыцыйна «Kokaranin» – як хлопчык, сын рускага і эскімоскі, які прыехаў два гады таму з Мікалаем Бяльковым (Bellkoff). Далей яны ідуць як «Corcoran» і «Bellknob», пасля чаго паўтараецца ранейшы «spelling». Прадстаўнік адказчыка заўважае, што ёсць яшчэ нейкі «Джон Доў». Але з боку істца пацвярджаецца, што экзэпліфікант «John Doe» адпавядае Какараніну. «Джэймс Коркаран» пры гэтым не з'яўляецца[78], хаця «James Corcoran» і «Kokaranier» у іншай публікацыі згаданыя для пацвярджэння сведчанняў адзін аднаго[79]. Гл. таксама форму «Какараманін» (Paul Kakoramanin)[80].

Адна з нашых здагадак адносна такой разнастайнасці варыянтаў прозвішча – «італьянскага», «нямецкага» і інш. – ініцыятыва ў зносінах з журналістамі самога вучня, гарэзы і жартаўніка, які быў, паводле Грынкевіча, галоўным рухавіком праблем у школе, уключаючы імітаванне галасоў хатніх птушак прама на ўроках[81].

Прымальная форма ў параўнанні з асноўнай сучаснай, Grinkevich, – Greenkevitch, якая сустракаецца ў газетах і даведніках па Сан-Францыска часцей за іншыя, верагодна, – тая, якую «рэкамендавалі» да ўжывання самі Мікалай і Аляксандра Грынкевічы. У адрозненні ад формы, якая скажае арыгінальнае прозвішча толькі

---

76 *It was Corcorani,* [in:] *San Francisco Chronicle,* 1891, Jul. 29, p. 3.

77 *Alexine's foul dungeon, [*in:] *San Francisco Chronicle,* 1891, Jul 8, p. 3.

78 *Alexine's foul dungeon, [*in:] *San Francisco Chronicle,* 1891, Jul 8, p. 3.

79 *The Alexine trial,* [in:] *San Francisco Chronicle,* 1891, Jul. 22, p. 3.

80 *Alexine's pupils, [*in:] *San Francisco Chronicle,* 1891, Jul. 21, p. 7.

81 *It was Corcorani,* [in:] *San Francisco Chronicle,* 1891, Jul. 29, p. 3.

перспектывай недакладнага вымаўлення «в», – Greenkewitch[82], іншыя дэфармуюць рускае зыходнае «Гринкевич»: Grenkavitch[83], Greencovitch[84].

У верасні 1895 г. Грынкевіч зацверджаны настаяцелем сабора, узведзены ў сан протаіерэя і пачаў выкладаць «ад 3 да 5 урокаў у тыдзень» Закон Божы ў суботняй школе прападобнага Сергія Раданежскага[85], якая кампенсавала хаця б часткова страту духоўнай школы для падрыхтоўкі клірыкаў. Такім чынам, прабыў на гэтых пазіцыях толькі каля аднаго навучальнага і клерыкальнага года 1895 / 96. Пра ад'езд а. Грынкевіча, які чакаўся на тым жа тыдні, пісала ў кароткім паведамленні газета «Сан-Францыска кронікл» 11.10.1896 г. (29.09 ст. ст.), у якім адзначалася «вернасць, з якой ён адміністраваў справы царквы пад кіраўніцтвам епіскапа Мікалая» (Зіёрава), за што «congregation» паднесла яму залаты крыж як «развітальны падарунак». «Фармулярны спіс аб службе наглядчыка Бялёўскага духоўнага вучылішча протаіерэя Мікалая Грынкевіча. 1903-1907» дае найбольш звестак менавіта пра сан-францыскі перыяд (вылучэнне тлустым шрыфтам дат наша):

«Гринкевич Николай Стефанович

Составлен **27 октября 1903.**

Род. **2 февраля 1864**.

Получает жалованья 1560 руб. и за настоятельство при училищной церкви 200 руб.

Обучался в Гомельском ДУ, Могилевской ДС и Санкт-Петербургской ДА, д. ст.

Назначен псаломщиком кафедрального собора Сан-Франциско **1888 февраля 17**.

Занимался преподаванием уроков в Богословском училище при кафедре с **1888 августа 1** до закрытия оного в **1892.**

Делопроизводитель Аляскинского Духовного Правления **1891 января 1**.

Определен священником к кафедральному собору Сан-Франциско **1891 января 3**.

---

[82] *Telegram from Priest Joseph Levin (San Francisco) to Mr. Pobedonostzeff, the Holy Synod (St. Petersburg) [received (illegible) 2, 3 or 5].01.1891,* РГИА, ф. 1574, оп. 2, д. 76, л. 11.

[83] *Father Levine gone, [*in:] *San Francisco Chronicle,* 1892, Jun. 2, p. 7.

[84] *It was Corcorani,* [in:] *San Francisco Chronicle,* 1891, Jul. 29, p. 3.

[85] *Формулярный список о службе смотрителя Белевского духовного училища протоиерея Николая Гринкевича. 1903-1907,* РГИА, ф. 796, оп. 436, д. 1939.

Рукоположен **1891 февраля 3**.

Назначен членом Аляскинского Духовного Правления **1891 февраля 17.**

Награжден набедренником (за усердие по службе) **1891 октября 13**.

Казначей Аляскинского Духовного Правления **1892 февраля 28.**

Золотой наперсный крест из Кабинета ЕИВ применительно к Высочайше утвержденному 1 мая 1820 определению Св. Синода (указ № 1494) **1892 апреля 13** (за 4-летнюю службу в Америке).

За энергию в деле сбора пожертвований в пользу пострадавших от неурожая в России выражена ему Архипастырская признательность **1892 сентября 10.**

За усердные труды по школе и церкви выражена Архипастырская благодарность **1893 мая 12.**

Скуфья **1893 сентября 12.**

Командирован на 3 месяца на Всемирную выставку в Чикаго для сбора пожертвований с **1893 сентября 26** по **1893 декабря 20**.

Переведен на протоиерейскую вакансию и. д. настоятеля кафедрального собора с обязательством вести казначейскую часть и часть делопроизводства без особого вознаграждения **1894 февраля 10**.

Вместо камилавки, к которой был представлен, преподано благословение Св. Синода **1894 мая 15**.

Утвержден настоятелем кафедрального собора **1895 сентября 23**.

Возведен в сан протоиерея **1895 сентября 25.**

Преподавал Закон Божий в субботней школе преподобного Сер. с **25 сентября 1895** от 3 до 5 уроков в неделю.

Утвержден в степени кандидата богословия **1896 июня 8**.

Уволен от службы в Алеутской епархии **1896 августа 1**.

Определением Св. Синода назначен смотрителем Оренбургского ДУ **1896 ноября 22.**

Назначен настоятелем церкви св. Феодора при ДУ **1897 марта 7**.

Состоял членом Комиссии по обсуждению дела о соединении 3 окружных церковно-свечных заводов Оренбургской епархии в один епархиальный **1897 марта 14**.

Камилавка **1898 мая 6.**

Окружным Духовно-Училищным съездом избран членом от правления Духовного Училища в строительную по постройке нового корпуса Оренбургского ДУ комиссию **1899 сентября 2**.

Производил следствие по делу благочинного 1 округа Оренбургской епархии **1899 июля 6**.

Назначен членом от духовенства в Комитет по управлению благотворительного учреждения С. и М. Ивановых в Оренбурге **1899 октября 29**.

Состоял членом комиссии для произведения испытаний лицам, кои, не получив полного семинарского и училищного образования, пожелали бы получить какую-либо священную должность в Оренбургской епархии с **5 ноября 1899** по **1 августа 1903**.

Орден св. Анны 3 ст. **1901 мая 6.**

Определением Св. Синода **23 августа 1903** № 7640 переведен смотрителем Белевского ДУ.

Определен настоятелем церкви св. Кукши при Белевском ДУ **1903 сентября 23**.

Послужной список **25 октября 1904**.

Жалованье по должности смотрителя за 2% вычетом 1528 руб. 80 коп.

Утвержден в должности постоянного члена Белевского Уездного отделения Тульского Епархиального Совета **1904 июля 23**.

Послужной список **27 октября 1905**.

Жалованье 1560 руб. по должности смотрителя и за настоятельство при училищной церкви 115 руб.

Послужной список **24 октября 1906**.

Жалованье с 2% вычетом 1528 руб. 80 коп. и за служение в училищной церкви 100 руб.

Послужной список **25 октября 1907**.

Жалованье с 2% вычетом 1528 руб. 80 коп. и за служение в училищной церкви 215 руб.

Благословение Св. Синода с грамотой **1907 мая 6**.

В отпуске был **6 июля – 6 августа 1898, 1-17 января 1901, 19 июля – 3 августа 1903, 12-19 июня 1906, 20-31 июля 1907**.

В семье у него: жена Александра Павловна, дочь протоиерея, дети: Сергей, род. **19 марта 1900**, Валентин, род. **26 июля 1906»[86]**.

Кара-калінскі эпізод[87], які стаў нам вядомы дзякуючы мадэратару сайта «Туркестанская Галгофа», прафесару ПСЦГУ К. Я. Азміцель у маі 2021 г. (яе электроннае паведамленне ад 18.05.2021), важны ў сувязі з нашым жаданнем паведамляць пра пошукі даты і месца смерці протаіерэя Грынкевіча. Непасрэдная прычына для пераезду Грынкевіча з Ташкента ў с. або пас. (аул) Кара-Кала на туркменска-іранскім памежжы становіцца яснай з ліста абнаўленчага епіскапа Мікалая (Аляксеевіча, гл. пра святара Віктара Коблава з такім жа імем па бацьку ў арэнбургскім лёсе Грынкевіча[88]) Коблава ў ДПУ[89] (крыніца тэксту дакумента – электроннае паведамленне К. Я. Азміцель ад 20.07.2021).

Грынкевіч быў дастаткова блізкі са славутым уладыкам (з каранямі ў Магілёўскай губерні) Лукой (Война-Ясянецкім). Іх імёны сустракаюцца на адной старонцы дакумента, у якім настаяцель Сергіеўскай царквы Грынкевіч 1.03.1927 г. (самая позняя вядомая нам дата яго жыцця) пацвердзіў запісы пра службу протаіерэя Д. Цярпігорава перад пераводам апошняга ў аднайменную царкву ў Самаркандзе[90]

---

[86] *Формулярный список о службе смотрителя Белевского духовного училища протоиерея Николая Гринкевича. 1903-1907,* РГИА, ф. 796, оп. 436, д. 1939.

[87] *Письма епископа Иннокентия из Кара-Кала (Туркмения). Апрель 1924 года*, [в:] С. А. Зегжда, *Александро-Невское братство: добрым примером, житием и словом,* Новости мира, [Набережные Челны] 2009, с. 106, 107-108, 115, 119; А. Симаков, *Заметка Николая Гринкевича «О школе» и дополняющие ее тексты,* [w:] *ΕΛΠΙΣ [Elpis],* 2021, № 23, s. 94; А. Сімакоў, *Рыбак на Сумбары, або Айцец Грынкевіч зноў сустрэўся з гваюлай? Мітрафорны протаіерэй у туркменскім ауле,* [у:] *Наша слова,* 2021, 5 жн., с. 7.

[88] О. В. Никифорова, *Архиепископ Владимир (Соколовский): последний настоятель московского Спасо-Андроникова монастыря,* Переход, Москва 2014, с. 185, 214.

[89] А. Сімакоў, *Рыбак на Сумбары, або Айцец Грынкевіч зноў сустрэўся з гваюлай? Мітрафорны протаіерэй у туркменскім ауле,* [у:] *Наша слова,* 2021, 5 жн., с. 7.

[90] *Послужной список прот. Дмитрия Терпигорева,* Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз), ф. Р-429, оп. 1, д. 28, л. 2.

(крыніца выявы дакумента – электроннае паведамленне К. Я. Азміцель ад 28.09.2021).

У Грынкевіча было шмат братоў, іншых сваякоў і цёзак па прозвішчы з духоўнага саслоўя, якія вучыліся ў ГДВ і / або служылі ў розных паветах у Беларусі. «Разрядный список воспитанников Могилевской духовной семинарии, составленный в педагогическом собрании Правления 16-го Июня 1884 года, после бывших годичных испытаний», апублікаваны ў «Могилевских епархиальных ведомостях», уключае імёны пяці Грынкевічаў, што адначасова вучыліся ў МагДС і былі пераведзены ў наступныя класы або скончылі яе: Аляксандр (2-гі клас), Фёдар (3), Павел (4), Дзмітрый (6), Мікалай (6). З іх мы не ведаем толькі імя па бацьку Паўла, а Аляксандр і Фёдар – Сцяпанавічы і верагодныя родныя браты Мікалая і Дзмітрыя Грынкевічаў. У Аляксандра асабліва вялікі спіс перамяшчэнняў па службе за параўнальна невялікі час (паводле «Памятнай кніжкі» губерні): Бабінавічы (радзіма сяброўкі і суаўтара Дж. Лондана Г. Струнскай) Аршанскага, Батунь і Бахань (родная вёска дзеда аўтара паведамлення ў Слаўгарадскім раёне, нежылая пасля аварыі на ЧАЭС) Быхаўскага, Восава Чэрыкаўскага, Заселле Клімавіцкага, Кулікова Мсціслаўскага, Плешчыцы Чавускага паветаў, Шклоў. У Заселлі (цяпер Шумяцкі раён Смаленскай вобласці) – яго апошняе вядомае месца службы перад рэвалюцыямі 1917 г., у той час як у Фёдара Сцяпанавіча – Горкі: судовы прыстаў Горацкага павета (у «…кніжках» з 1907 па 1916 г.; калі ён стаў прыставам, указвалася адукацыя: «дух. сем.» або «восп. в дух. сем.»).

Мала даследаваны сувязі Грынкевічаў, з якіх паходзіў У. Караткевіч, з іншымі грынкевічаўскімі галінамі. Сем'і бацькі Мікалая Сцяпана Фёдаравіча і прадзеда Караткевіча Ульяна Мікалаевіча перакрыжоўваюцца на Рагачоўшчыне. Фёдар і імя па бацьку ад яго ў пошуках па святарскіх сем'ях Грынкевічаў даюць мала вынікаў, у той час як Сцяпан – шмат. Напрыклад, Грынкевіч Ганна Сцяпанаўна – гэта стрыечная сястра маці Караткевіча. Адным з самых паўднёвых з месцаў службы Грынкевічаў была царква ў вёсцы Жалезнікі Гомельскага павета (Веткаўскі раён) – Стафан.

З многімі Грынкевічамі Магілёўшчыны, Віцебшчыны і Гомельшчыны, уключаючы брата Дзмітрыя, які пазней загадкава «знік» у Благавешчанску[91], Мікалай мог весці перапіску са звесткамі па «каліфарніяне» – г.зн. у перыяд яго жыцця ў Сан-

---

[91] А. Сімакоў, *Грынкевічы ад Рагачоўшчыны да Прыамур'я, Аляскі і Нью-Ёрка, [*у:] *Час* (Jackson Heights, NY). 2011, № 9 (май), с. 8.

Францыска. Вялікі рамантычны патэнцыял маюць падрабязнасці гісторыі ранняй смерці і знікнення прозвішча прадстаўнікоў сям'і жонкі Грынкевіча – Кедраліванскіх, асабліва Элізабет (Лізаветы), выкладчыка-філолага і аўтара дысертацыі «Прырода камедыі як праверaная камедыйнымі канцоўкамі» (Берклі, 1910).

Загадкі і разгадкі, звязаныя з вучнямі і калегамі-сувыхавальнікамі Грынкевіча, можна праілюстраваць прыкладамі, знойдзенымі параўнальна нядаўна. В. Мартыш перакрыжоўваецца на Валдаі з «нязменным» дырэктарам 2-й жаночай гімназіі з Сасноўца Мікалаем Мартышам – абодва ў бежанстве з гэтага горада ў Дамброўскім басейне. Хаця вядома, што «сан-францыскі» Мікалай Мартыш да і пасля Першай сусветнай вайны працаваў як законнік у розных месцах паўднёва-ўсходняй і паўднёва-цэнтральнай Польшчы, гэта не выключае змены характару яго заняткаў на педагагічны і лёсу бежанца. У 1937 г. ён выйшаў на пенсію з пасады віцэ-старшыні Акруговага суда ў Варшаве і прызначаны іпатэчным пісарам пры іпатэчным аддзеле Акруговага суда ў Кельцах; пасля заняцца Кельцаў Чырвонай Арміяй арыштоўваўся ў складзе групы юрыстаў СМЕРШам, але быў вызвалены; працягваў там займацца юрыдычнай практыкай і ў 1952 г.

Фігура Мікалая Грынкевіча арганічна ўпісалася ў навуковыя інтарэсы аўтара і як адзін з нямногіх прыкладаў працяглых кантактаў з карэннымі жыхарамі Амерыкі ў камернай прасторы – у рамках школьнага працэсу. Менавіта школы далі найбольш цікавы матэрыял па прамых беларуска-індзейскіх кантактах. Цікава параўнаць, хто з беларусаў быў педагогам індзейцаў у тым жа 19 ст. На Алясцы гэта Д. Транчук, К. Бабpоўскі, Ф. Петрашкевіч[92]. Кіраўнік Мэрылендскай місіі езуітаў Ф. Дзеражынскі апісаў наведванне ім летам 1827 г. «індзейскай семінарыі» (імя св. Рэжы – першая ў ЗША каталіцкая навучальная ўстанова для атрымання індзейцамі вышэйшай адукацыі) у штаце Місуры (Флорысант), на адкрыццё якой сам даваў згоду, – сярод вучняў былі сокі, аявы, а большасць – оседжы, якія асацыіруюцца з класічнымі прэрыйнымі індзейцамі.

[92] А. В. Симаков, *Савченко на Аляске и в Сан-Франциско: белорус, креолы, тлинкиты,* [в:] *Славянский альманах,* 2019, № 3-4, с. 118-119; A. Simakoŭ, *Savchenko in Alaska and San Francisco: a Belarusian, Creoles, Tlingit,* [in:] *Journal of the West,* 2020, № 4, p. 66.

Бібліяграфія:

Літаратура:

*Alexine's foul dungeon, [*in:] *San Francisco Chronicle*, 1891, Jul 8, p. 3.

*Alexine's pupils, [*in:] *San Francisco Chronicle*, 1891, Jul. 21, p. 7.

Doctor Russel about Nikolai Grinkevich. Trans. from the Rus. by T. Emmons, [у:] *Веснік БІТ,* 2015, 15 сак., № 15.

*Father Levine gone, [*in:] *San Francisco Chronicle,* 1892, Jun. 2, p. 7.

It was Corcorani, [in:] *San Francisco Chronicle,* 1891, Jul. 29, p. 3.

Grinkevitch N., *A proposito della scuola.* Trad. dal russo di S. Busatta, [in:] *Веснік БІТ,* 2014, 10 сак., № 14.

Simakoй A., *Savchenko in Alaska and San Francisco: a Belarusian, Creoles, Tlingit, [*in:] *Journal of the West.* 2020, № 4, p. 53-69.

The Alexine trial, [in:] San Francisco Chronicle, 1891, Jul. 22, p. 3.

[Гринкевич Н.], *[О школе]*, [в:] *Из жизни духовенства*, тип. «Жизни», Лондон 1902, с. 70-71.

[Гринкевич Н.], *О школе,* [в:] Лазарев Е. Е. *Гавайский сенатор и вожди русского православия епископ Владимир и К. П. Победоносцев,* M. Elpidine, libraire-éditeur, Carouge-Genève 1902, с. 57-58.

[Гринкевич Н.], *О школе,* [в:] Руссель Н., *Житие преосвященного Владимира, бывшего епископа Алеутского и Аляскинского, ныне викарного епископа Воронежского,* тип. П. Правдолюбова, Москва [Лондон] 1895, с. 15-16.

Никифорова О. В., *Архиепископ Владимир (Соколовский): последний настоятель московского Спасо-Андроникова монастыря,* Переход, Москва 2014.

Письма епископа Иннокентия из Кара-Кала (Туркмения). Апрель 1924 года, [в:] Загжда С. А., *Александро-Невское братство: добрым примером, житием и словом,* Новости мира, [Набережные Челны] 2009, с. 101-121.

Симаков А., *Американская трагедия монаха с Афона: игумен Георгий (Чудновский) в Сан-Франциско и на Аляске,* [в:] *Cerkiewny Wiestnik*, 2020, № 3, s. 29-42.

Симаков А., *Антиподы: два выезда за океан Василия Мартыша,* [w:] *Cerkiewny Wiestnik*, 2016, № 2, s. 47-55.

Симаков А., *Заметка Николая Гринкевича «О школе» и дополняющие ее тексты*, [w:] *ЕЛПIΣ [Elpis],* 2021, № 23, s. 89-95.

Симаков А. В., *Савченко на Аляске и в Сан-Франциско: белорус, креолы, тлинкиты,* [в:] *Славянский альманах,* 2019, № 3-4, с. 107-133.

Сімакоў А. В., *Аб назве багаслоўскага вучылішча ў Сан-Францыска,* [в:] *III Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852): историка, археографа, археолога: материалы научно-практической конференции, Минск: Минская духовная академия, 13 июня 2019 г.* Издательство Минской духовной академии, Минск 2021, с. 29-40.

Сімакоў А., *Грынкевічы ад Рагачоўшчыны да Прыамур'я, Аляскі і Нью-Ёрка, [*у:] *Час* (Jackson Heights, NY). 2011, № 9 (май), с. 8.

Сімакоў А., *Ён дбаў пра адукацыю дзяцей індзейцаў: айцец Мікалай Грынкевіч у чатырох светах,* [у:] *Патапаў А. Ф. Вытокі: станаўленне праваслаўя і іншых рэлігійных абшчын на Рагачоўшчыне. Кн. 2.* Рагачоў 2009, с. 143-149.

Сімакоў А., *Матэрыялы да «Грынкевічаўскай энцыклапедыі»,* [в:] Потапов А. Ф., *Истоки: становление православия и других религиозных общин на Рогачевщине. 4,* Издатель Печенко А. Г., Минск 2014, с. 157-168.

Сімакоў А. В., *Перспектывы даследавання службы Мікалая Грынкевіча ў Алеуцкай і Аляскінскай епархіі*, [в:] *I Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792-1852): историка, археографа, археолога: материалы научно-практической конференции, Минск: Минская духовная академия, 17 мая 2017 г.* Издательство Минской духовной академии, Минск 2018, с. 268-279.

Сімакоў А., *Рыбак на Сумбары, або Айцец Грынкевіч зноў сустрэўся з гваюлай? Мітрафорны протаіерэй у туркменскім ауле,* [у:] *Наша слова*, 2021, 5 жн., с. 7.

Сімакоў А., *Тры пасажы з «Прогресса»: доктар Русель, консул Арцімовіч і рускія ў Сан-Францыска,* [у:] *Наша слова*, 2021, 5 мая, с. 7.

Сімакоў А., *У імкненні служыць Алясцы: новае пра Мікалая Грынкевіча,* [у:] Патапаў, А. *Вытокі. Станаўленне праваслаўя і іншых рэлігійных абшчын на Рагачоўшчыне – 3,* Печанко А. Г., Мінск 2012, с. 111-121.

Сімакоў А., *Холмская група: крыніца аптымізму,* [w:] *Cerkiewny Wiestnik,* 2017, № 2, s. 45-62.

Сімакоў А., *Царкоўная школа ў Сан-Францыска (1888-1892) у асобах,* [w:] *Cerkiewny Wiestnik,* 2018, № 4, s. 46-63.

Архіўныя крыніцы:

Telegram from Priest Joseph Levin (San Francisco) to Mr. Pobedonostzeff, the Holy Synod (St. Petersburg) [received (illegible) 2, 3 or 5].01.1891, РГИА, ф. 1574, оп. 2, д. 76, л. 11.

Аттестат (Гринкевич Николай Стефанович), Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 277, оп. 1, д. 309, л. 67.

Послужной список прот. Дмитрия Терпигорева, Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз), ф. Р-429, оп. 1, д. 28, л. 1-2.

[Списки учеников (1–23) и учителей (1–11) Церковной школы, Сан-Франциско, 18(30).09.1888], РГИА, ф. 1574, оп. 2, д. 129, л. 19.

Формулярный список о службе смотрителя Белевского духовного училища протоиерея Николая Гринкевича. 1903-1907, РГИА, ф. 796, оп. 436, д. 1939.

Aliaksandr Simakou: Archpriest Nikolai Grinkevich: the «compatriot» environment in San Francisco, unpublished documents, new information about the late period of life *(webzine "Kultura.Natsyja", issue 31, April 2023, 135-150, www.sakavik.net)*

Abstract: A native of Gomel Voblasts, Nikolai Grinkevich, a priest with the unrevealed mystery of the end of his life, is considered here in the aspects of his compatriot ties (persons connected with the Mogilev and neighboring provinces), problems of anthroponymics, clarification of the events of the last year in San Francisco and his later years, the most recent information about which was received in 2021. The formulary list of 1907 and the memorandum listing the students and teachers at the beginning of classes at the church school in 1888 are published for the first time completely. The emphasis is on unsolved moments and new thematic connections.

Александр Симаков: Протоиерей Николай Гринкевич: «землячья» среда в Сан-Франциско, неопубликованные документы, новые сведения о позднем периоде жизни

(веб-журнал "Культура. Нация", вып. 31, апрель 2023, 135-150, www.sakavik.net)

Аннотация: Уроженец Гомельской области Николай Гринкевич, священник с нераскрытой тайной конца жизни, рассматривается здесь в аспектах его землячеких связей (лиц, связанных с Могилевской и соседними губерниями), проблем антропонимики, уточнения событий последнего года в Сан-Франциско и последних его лет, самые свежие сведения о которых получены в 2021 г. Формулярный список 1907 г. и меморандум списков учеников и учителей к началу занятий в церковной школе в 1888 г. публикуются впервые полностью. Акцент делается на нерешенных моментах и новых тематических связях.

Аляксандр Сімакоў: Нататка Мікалая Грынкевіча “Пра школу” і тэксты, што яе дапаўняюць

Aliaksandr Simakou / Аляксандр Сімакоў, Independent researcher (Belarus)

e-mail: baicri@tut.by; https://orcid.org/0000-0002-8437-4653

Анатацыя. Грынкевічаўскі даследчы і перакладчыцкі праект “Пра школу” (актыўная фаза ў 2014-2019 гг.) упершыню прадстаўляе корпус тэкстаў, які раскрывае неадназначную ролю клірыка Мікалая Грынкевіча. Відавочнымі прычынамі “змянення пазіцыі” гэтага псаломшчыка, пазней члена Аляскінскага духоўнага праўлення ў адносінах да праблем царкоўнай школы былі прытрымліванне руцінных правілаў і працэдур, службовае падпарадкаванне і імкненне захаваць становішча. Звальненне протаіерэя мы звязваем з апублікаваннем рэвалюцыянерамі яго крытычнай нататкі.

Ключавыя словы: праваслаўная багаслоўская адукацыя, царкоўная школа ў Сан-Францыска, канфлікты, этычны падыход

У дадзеным артыкуле мы спрабуем надаць навукова-практычнае значэнне праблеме сведчання псаломшчыка Мікалая Грынкевіча аб розных недахопах у функцыянаванні царкоўнай школы ў Сан-Францыска і меркаванай сувязі паміж дакументам, што намі вывучаецца, і звальненнем протаіерэя Грынкевіча з пасады настаяцеля сабора. У гэтым артыкуле (гл. рускамоўную версію, якая адрозніваецца кампаноўкай і меншай дэталізацыяй каментарыяў: Simakov, 2021) мы ўпершыню сабралі для публікацыі разам матэрыялы, якія складаюць корпус тэкстаў (даюцца ніжэй з нумарацыяй як "часткі" курсівам) нашага Грынкевічаўскага даследчага і перакладчыцкага праекта “Пра школу”. Пераклады і версіі транслітарацыі змяшчаліся ў электронным бюлетэні “Веснік БІТ”. На польскую пераведзены ч. 1-6 і 9.

З 1888 па 1892 г. клірык родам з Рагачоўскага павета штодзённа вучыў хлопчыкаў, што прыехалі з Аляскі і Расіі, і некалькіх, што былі з асноўнай часткі ЗША, у царкоўнай школе (багаслоўскім вучылішчы: Simakoŭ, 2021a) у Сан-Францыска. Вучнямі і настаўнікамі школы былі індзейцы, эскімосы, алеуты, крэолы, украінцы, рускія, былі прадстаўлены, паводле вядомых продкаў, як мінімум адной асобай сербы, англічане, амерыканцы, яўрэі, грэкі, немцы, ірландцы, бураты і іншыя. Асобную катэгорыю складаюць “блізкія да школы” – сваякі, клір на кафедры, урачы, прыхаджане з актыўнай пазіцыяй. З пункту гледжання прыцягнення цікавасці да

гісторыі царкоўнай школы, акрамя Беларусі, асаблівае значэнне мае роля прадстаўнікоў трох сучасных краін – не толькі Расіі і Украіны, але і Польшчы. Апошняя выступае нават як лідар: умоўная назва, якая аб'ядноўвае асоб, сабраных новапрызначаным архірэем, які базіраваўся ў Холмскай духоўнай семінарыі, для ўзмацнення епархіі ў Амерыцы, – Холмская група (Simakoŭ, 2017). Супольнасць для пераезду ў Сан-Францыска ўключыла ў першую чаргу ўраджэнцаў і жыхароў Холма, Люблінскай губерні і Варшавы, а таксама некалькіх жыхароў іншых губерняў і сталіцы, вострава Афон (Simakov, 2020).

У верасні 1895 г. Грынкевіч зацверджаны настаяцелем сабора, узведзены ў сан протаіерэя і пачаў выкладаць "ад 3 да 5 урокаў у тыдзень" Закон Божы ў суботняй школе прападобнага Сергія Раданежскага (Formulârnyj spisok, 1907), якая кампенсавала хаця б часткова страту духоўнай школы для падрыхтоўкі клірыкаў. Такім чынам, прабыў на гэтых перспектыўных пазіцыях дзіўна кароткі час каля аднаго навучальнага і клерыкальнага года 1895 / 96. Пра ад'езд а. Грынкевіча, які чакаўся на тым жа тыдні, пісала ў кароткім паведамленні газета "Сан-Францыска кронікл" 11.10.1896 г. (29.09 ст. ст.), у якім адзначалася "вернасць, з якой ён адміністраваў справы царквы пад кіраўніцтвам епіскапа Мікалая" (Зіёрава), за што "congregation" паднесла яму залаты крыж як "развітальны падарунак". "Зацверджаны ў ступені кандыдата багаслоўя 1896 чэрвеня 8. Звольнены ад службы ў Алеуцкай епархіі 1896 жніўня 1. Пастановай Св. Сінода прызначаны наглядчыкам Арэнбургскага ДВ 1896 лістапада 22".

Гісторыя жыцця Грынкевіча, у якой цэнтральнае месца займае напісанне і далейшае бытаванне нататкі "Пра школу" як рукапісу і публікацыі, можа быць павучальнай для святароў і іншых катэгорый спецыялістаў і грамадзян. Прычыны напісання нататкі не зусім ясныя, але, магчыма, Грынкевічам кіравалі маральны максімалізм маладога чалавека і свайго роду пратэставы настрой, пра што ён пазней пашкадаваў. Такім чынам, мы не ставім пытанне пра тое, якія фактары, што заахвоцілі яго напісаць нататку, былі вырашальнымі. Для гэтага няма дастатковай доказнай базы. У некаторай ступені магчымае да пастаноўкі пытанне, наколькі адказна Грынкевіч паставіўся да гэтага кроку, які, як мы мяркуем, шмат у чым вызначыў далейшы ход яго службы і перамяшчэнняў. Можна ўпэўнена здагадвацца, што мог прысутнічаць зямляцкі кампанент: сімпатыя да доктара Руселя, публікатара нататкі, як земляка магла быць фактарам.

З мноства момантаў, прапрацаваных у нашай манаграфіі аб царкоўнай школе, з прааналізаваных фактаў біяграфіі Грынкевіча (першым асобным артыкулам пра яго быў: Simakoŭ, 2009; у гэтай жа серыі кніг з'явіліся яшчэ дзве публікацыі: Simakoŭ, 2012; Simakou, 2014) мы вылучылі некаторыя, якія ўяўляюцца нам піянерскімі ва ўсведамленні феномену "Пра школу", які павінен прыцягваць увагу ў сувязі з

глабальнай ацэнкай этнічнага стэрэатыпу беларусаў. Напрыклад, мы шукалі прамыя і ўскосныя сувязі клірыка і яго незвычайнай гісторыі з вядомымі пісьменнікамі. Мы трактуем гэта як “дзіўныя прыгоды”, вартыя пяра М. Твэна, Л. Талстога, М. Ляскова, М. Памялоўскага. З пісьменнікаў, па розных крытэрыях – праз агульных знаёмых, не дакладныя, але супадзенні ў месцазнаходжанні, розныя акалічнасці, дух і пафас яго жыцця і дзейнасці, – да Грынкевіча найбольш блізкія таксама М. Булгакаў, Э. Р. Бэраўз, Ж. Верн, Э. Л. Войніч, У. Дзюба, У. Караленка, У. Караткевіч, У. Крастоўскі, Дж. Лондан, Махтумкулі, П. Мельнікаў-Пячэрскі, Г. Струнская, С. Сцяпняк-Краўчынскі, Г. Сянкевіч, М. Чарнышэўскі, А. Чэхаў, В. Шаламаў.

Нататка “Пра школу”, якая публікуецца прынамсі ў трох выданнях (у 1895 г., двойчы ў 1902 г.: Grinkevič, 1895, Grinkevič, 1902a, Grinkevič, 1902b), мае своеасаблівую “прадмову” самога доктара Руселя (да 1877 г. гэты беларус меў прозвішча Судзілоўскі) у яго брашуры. Выдавец кнігі Я. Я. Лазарава – М. К. Элпідзін – змясціў яго як дакумент № 1 у “Дадатках” з заўвагай, што папярэднічала: “Нататка, якая была паведамленая д-ру Руселю Грынкевічам, былым студэнтам Духоўнай Акадэміі, пасланым у Амерыку ў якасці псаломшчыка”. У самым канцы ўласна тэксту Лазарава, на тым жа развароце, згадваліся К. П. Пабеданосцаў з яго вядомай роллю ў гісторыі Расіі і Талстой, што ўжо быў адлучаны ад царквы. Русель спрабаваў выдаць значную па аб’ёме кнігу пра РПЦ і супрацьстаянне часткі сан-францыскай праваслаўнай абшчыны і епіскапа Уладзіміра (Сакалоўскага) з яго прыбліжанымі яшчэ да развязкі канфлікту з выездам архірэя з паніжэннем у Варонеж, але рэвалюцыйныя выдаўцы па не зусім зразумелай прычыне адкладвалі яе выданне: не англамоўная кніга, 47-старонкавая рускамоўная брашура з’явілася ў Лондане ў друкарні Фонду Вольнай рускай прэсы толькі ў 1895 г., калі аўтар ужо быў жыхаром Гавайскай рэспублікі.

1. **Мікалай Грынкевіч. Пра школу**

Наколькі поўны яе склад пры публікацыі, можна было б меркаваць па яе арыгінале, знаходжанне якога ў фондзе Руселя ў ДАРФ мы, аднак, пацвердзіць не можам. З усіх частак нашага перакладчыцкага праекта гэтая частка перакладзеная на найбольшую колькасць моў (адна з некалькіх атрыманых з розных краін версій англійскага перакладу: І. Варабей, Таронта (Grinkevich, 2014)). Верагодна, гэтую нататку меў на ўвазе нехта Г. Б. Байданоўскі (гл. ч. 8), які гаварыў пра змену пазіцыі Грынкевіча. Пры публікацыі “Пра школу” ў зборніку “З жыцця духавенства” (“Бібліятэка «Жизни»”, № 4, складальнік зборніка – сакратар Леніна У. Д. Бонч-Бруевіч) загаловак быў зняты. Першапачатковае “Жыціе праасвяшчэннага Уладзіміра…” ў ім даецца ў скарачэнні і з’яўляецца часткамі ІІ (“Апосталы праваслаўнага язычніцтва ў Паўночнай Амерыцы” – гістарычны экскурс) і ІІІ (у якой – уласна канфлікт з удзелам

епіскапа Уладзіміра) раздзела “Дзейнасць праваслаўнага духавенства за граніцай”. За “Жыціем…” ідзе маленькі заключны раздзел “Духоўнае вызваленне духоўнага саслоўя”. У брашуры 1895 г. расказ пра епіскапа і яго паводзіны пачынаецца з раздзела IV, прычым нататка Грынкевіча змяшчаецца ў яго пачатку практычна як першы дакумент, дакумент абвінавачвання.

“У школе 23 хлопчыкі. Яны падзелены на 3 класы. Класныя пакоі служаць разам з тым і заняткавымі. Пакоя для рэкрэацыйных гадзін няма ніякага. Усе класныя пакоі (спальня таксама) знаходзяцца ў сутарэнным паверху. Дзве з іх так слаба асветлены, што пасярэдзіне іх ужо нельга разабраць друкаванай кнігі. Вентыляцыі ніякай. Сырасць і смурод. Другі клас і сталовая змяшчаюцца ў адным і тым жа пакоі.

Васьмігадовыя хлопчыкі падлягаюць тым жа правілам і вядуць той жа лад жыцця, як і 15-гадовыя. Колькасць заняткаў іх такая: класных заняткаў з настаўнікамі 3 ½ гадзіны (ад 1 ½ да 5 папаўдні; падрыхтоўка ўрокаў 3 гадзіны (8-11 раніцы); спевы 2 гадзіны (11-12 раніцы і 5-6 вечара); царкоўная служба 2 гадзіны (6 ½ – 7 ½ раніцы) [толькі наш перакладчык на галандскую мову С. Марэль заўважыў памылку ў гэтым месцы статыстыкі заняткаў – "(6 ½ – 7 ½ раніцы)": царкоўная служба, у адпаведнасці з пададзеным часам, – адна, а не дзве гадзіны (электроннае паведамленне С. Марэля ад 19.05.2014): яго пераклад ч. 1: Grinkevitsj, 2014]. *Па суботах і святах працягласць службы да 6 гадзін у дзень. Па суботах і святах працягласць службы да 6 гадзін у дзень. Прымушаюць дзяцей насіць даўгія валасы, чаму вошы развяліся моцна...*

Епіскап прысвоіў сабе грошы хлопчыкаў, якія прыехалі з ім сюды. Ім усім (12 чалавек) былі выдадзены падарожныя, і ад падарожных у кожнага засталося не менш чым па 200 долараў. Некалькі чалавек з хлопчыкаў, што прыехалі, ужо сплаўлены ў Аляску, і ніводнаму з іх не далі грошай, нават каб купіць сабе якую-небудзь вопратку, нягледзячы на больш чым відавочныя патрэбы” (Russel', 1895, с. 15-16).

2. Доктар Русель пра Мікалая Грынкевіча

“Я мог некалькі недаверліва ставіцца да скаргаў служачых і свяшчэннаслужыцеляў, думаючы, што "крумкач крумкачу вока не выдзеўбе" і што, можа, у гэтых скаргах ёсць доля перабольшання, але я не мог заставацца абыякавым да скаргаў безабаронных дзяцей, над якімі новы епіскап праяўляў сваю архіпастырскую ўладу. Да мяне, між іншым, часта заходзіў нейкі Грынкевіч, які скончыў духоўную акадэмію [недакладнасць Руселя: не скончыў апошні год поўнага курса навучання, бо ад'езд групы адбыўся да яго заканчэння] *і быў пасланы ў Амерыку, у якасці псаломшчыка, у пакаранне за нецвярозыя паводзіны* [тут – адзінае вядомае нам сведчанне пра яго злоўжыванне спіртнымі напіткамі]. *Ён расказваў пра школьныя*

парадкі абуральныя рэчы, і яго словы цалкам пацвярджалі скаргі няшчасных хлопчыкаў. Я папрасіў яго выкласці пісьмова тое, што ён расказваў пра школьныя беспарадкі. Грынкевіч не адмовіў мне ў выкананні маёй просьбы [у арыгінале: "не отказал мне в исполнении моей просьбе"; у варыянце тэксту для мэт перакладу зменена, у адпаведнасці з агульнапрынятай граматыкай] *і напісаў ніжэйпададзеную нататку, якую я прыводжу даслоўна, бо яна вельмі добра характарызуе парадкі, заведзеныя Уладзімірам"* (Russel', 1895, с. 15).

3. Мікалай Русель. Дэанталогія ў Алеуцкай і Аляскінскай епархіі

Наступны фрагмент, які ідзе перад "уводзінамі" Руселя (гл. ч. 2), і ўласна нататка ўзаемна пацвярджаюць паведамленыя факты.

"Мне, як урачу, г.зн. чалавеку, да якога, знайшоўшы зручную прычыну, можна было звяртацца падначаленым епіскапа, не выклікаючы яго падазрэнняў, – прыйшлося, так бы мовіць, з першых рук пазнаёміцца з адмоўнымі бакамі яго характару. А паколькі беспрычынныя ганенні станавіліся агульнымі, закранаючы ўсіх асоб, што так ці інакш сутыкальныя з епіскапам і наклікалі на сябе яго незадаволенасць, г.зн. служачых, падначаленых, вучняў школы і г.д., то не праходзіла дня, каб хто-небудзь з іх не з'явіўся да мяне з горкімі нараканнямі на "новыя парадкі" і на незаслужаныя крыўды, што наносяцца новым епіскапам. Служачыя скардзіліся на тое, што ім няма на што жыць, бо Уладзімір без усякага на тое права і падставы зменшыў іх жалаванне напалову і на дзве траціны, скардзіліся на бессэнсоўныя прычэпкі, адзінай мэтай якіх было ператварыць службу ў нейкую катаргу!.. Выхаванцы скардзіліся на гнілую і недастатковую ежу, на цеснату і нязручнасці ў сырым сутарэнным паверсе, на тое, што іх заядаюць вошы, што іх замыкаюць на цэлыя ночы ў карцар, дзе іх грызуць пацукі, на тое, што ім з раніцы да вечара не даюць спакою, стамляючы службамі і ўрокамі. Справядлівасць іх скаргаў пацвярджалі іх змарнелыя, бледныя, залатушныя твары, абадраныя і брудныя касцюмы" (Russel', 1895, с. 14-15).

4. Дзям'ян Саўчанка. Ліст Аляскінскаму духоўнаму праўленню ад 17 (29) кастрычніка 1890 г.

Адным з вучняў Грынкевіча, які выкладаў геаграфію (гэты прадмет – прынамсі пэўны час пасля пачатку заняткаў у верасні 1888 г.), быў Мікалай Саўчанка з Кадзьяка на аднайменным востраве (акруга Аляска). Ён нарадзіўся 9.10.1877 г., ахрышчаны 16.10.1877 г. святаром Пятром Кашаваравым з псаломшчыкам М. П. Кашаваравым; хросныя: тлінкіт Сергій Кукс і Ірына Якушава. Сын беларуса Восіпа

Саўчанкі, якога дакументы Расійска-амерыканскай кампаніі выводзяць з Краснага Смаленскай губерні, – Дзям’ян – называе яго сваім сынам. Меў тлінкітаў сярод продкаў прынамсі па лініі маці, якая з’яўлялася выхаванкай або, паводле дакумента пра хрышчэнне Мікалая, прыёмнай дачкой Дзям’яна і адначасова пляменніцай яго жонкі-тлінкіткі Марыі Саўчанка. Прынамсі адзін дакумент ідэнтыфікуе маці Мікалая, маладую і ў момант смерці (6.03.1887, ад рожы) жанчыну, з ужываннем таго ж прозвішча – Агрыпіна Саўчанка (у іншых дакументах таксама называецца Аграфенай).

Двухмоўная першапублікацыя двух лістоў Д. Саўчанкі адбылася ў 2018 г. у “Краязнаўчай газеце”. Тэкст першага ў цяперашнім выглядзе адаптаваны да сучаснага правапісу, не перадае лексічную архаіку, характар пунктуацыі, тэхнічныя збоі, пабудову абзацаў арыгінала. Па-руску абодва лісты перададзены максімальна блізка да арыгіналаў (толькі без выкарыстання літар дарэформеннага алфавіту) (Simakov, 2019).

“Кадзьяк, кастрычніка 17 / 29 – 90. У Рускую эклезіястычную кансісторыю Аляскі, Сан-Францыска. Я, ніжэйпадпісаны, прашу вышэйзгаданае Духоўнае праўленне вызваліць на час ад яго высакароднага вучэння сына майго Мікалая Саўчанку на спатканне да яго бацькоў пры першым магчымым зручным выпадку, што будзе адбывацца, у Кадзьяк, Аляску. За што буду вельмі ўдзячны і ў чаканні [воожидание], *што сын мой Мік. Саўчанка задаволіць гэтае Духоўнае праўленне і больш епіскапа Уладзіміра Алеуцкага і Аляскінскага сваёй руплівасцю і любоўю да навукі яго ў будучы час. Пры гэтым з блаславеннем ад Яго Высокапраасвяшчэнства надзеі да задавальнення майго жадання застаюся ваш верны раб Дземіян Саўчанка”* (Simakoŭ, 2018a; у газеце надрукавана без дня па новым стылі).

5. Дзям’ян Саўчанка. Ліст Аляскінскаму духоўнаму праўленню ад 26 лістапада 1891 г.

У адрозненні ад першага, гэты ліст напісаны рукой малапісьменнага чалавека, што толькі часткова адлюстравана намі пры перакладзе з рускай мовы. Лёс бацькі і сына пасля гэтага ліста невядомы. Але прычыну жадання ўбачыць сына дома можна шукаць не толькі ў стане здароўя Дзям’яна, але і ў абстаноўцы ў школе, якая не магла не стаць вядомай аляскінцам – у не меншай ступені, чым чытачам газет у Сан-Францыска.

"Кадзьяк, лістапад 26, 1891, у Рускую эклезіястычную кансісторыю Аляскі, Сан-Францыска. Я, ніжэйпадпісаны, прашу згадаць маё Духоўнае праўленне вызваліць на час майго сына Мікалая ад занятку яго ўдзячнага вучэння на спатканне пры першым выпадку, што будзе адбывацца, у Кадзьяк. Калі ж ён пажадае назад зваротна, то я магу яго адправіць на сваю аснову. Зрабіце Божую ласку, праасвяшчэннейшы Уладыка. Я маю задавальненне ўбачыць майго сына Мікалая. Мы цяпер хварэем, бог ведае, што будзе. Дзімяян Саўчанікаў" (Simakoŭ, 2018a; таксама ў: Simakoŭ, 2018d). Арфаграфія і пунктуацыя выпраўлены, пераважна ў адпаведнасці з сучаснымі правіламі; падзел на сказы аптымізаваны; абзацы, асабліва няпэўныя тут, не вылучаны. У аляскінскай рускай мове гэтага дакумента мы можам заўважыць падабенства да беларускага "акання" і "якання".

6. Мікалай Саўчанка ў сан-францыскіх газетах 12 чэрвеня 1891 г.

Паводле наяўных звестак, Мікалай Саўчанка быў адзіным з вучняў школы, хто спрабаваў даць фізічны адпор гвалту (адказаць гвалтам на гвалт), абараняючы сваю годнасць, і хто пацярпеў ад педагогаў – наглядчыка школы Яўфімія Алексіна, звязанага паходжаннем і смерцю з Украінай, і яго памочніка Паўла Лігды, які нарадзіўся масквічом і немцам па маці, – асабліва моцна.

*"Нікалас Саўчынікаф расказаў пра бойку, якую ён меў незадоўга перад тым з Алексіным. Ён сказаў, што толькі "паглядзеў" на Алексіна, калі той стукнуў яму далонню па твары. Гэта раззлавала хлопца, і ён паспрабаваў стукнуць наглядчыка бутэлькай, але быў збіты з ног ударам сціснутага кулака Алексіна. Нікалас правёў два дні ў цямніцы, жывучы на хлебе і вадзе, за свае неадпаведныя паводзіны" (*A church scandal, 1891).

"Адзін з хлопчыкаў, па імені Нікалас Саўчынікаф, якому трынаццаць гадоў, і сірата, які быў прывезены сюды з Аляскі тры гады таму [на параходзе "Берта" 27.08.1888 г. епіскапам у ліку 6 хлопчыкаў – "індзейцаў" (3) і "алеутаў"], *заявіў, што Лігда груба напаў на яго і, схапіўшы з падлогі, затрымаў яго высока над сваёй галавой і потым шпурнуў яго на падлогу. Гэта быў толькі адзін прыклад шматлікіх нападаў такой жа прыроды"* (Boys treated like slaves, 1891).

7. Айцец Мікалай Грынкевіч сведчыць пра царкоўную школу і яе наглядчыка Яўфімія Алексіна ў судзе

Гэта прыведзеная цалкам нататка з газеты "Сан-Францыска кронікл" – справаздача з судовага пасяджэння. Пераблытанае імя Мікалая Грынкевіча – ён названы Полам

(Паўлам). Магчымая блытаніна з імёнамі і прозвішчам можа працягвацца і ў выпадку з хлопчыкам-завадатарам, які тут называецца Полам Каркарані. У газетах Сан-Францыска сустракаюцца і іншыя мудрагелістыя варыянты, якія аб'ядноўваюць элементы, характэрныя рускім, англа-ірландскім, нямецкім і італьянскім прозвішчам, у т.л. і ў прамым супастаўленні іх, г.зн. паказанні гэтых хлопчыкаў – “James Corcoran” і “Kokaranier” – узаемна пацвярджаюць адно аднаго ў адносінах да кепскага абыходжання, пабояў (The Alexine trial, 1891). Прозвішчы гучаць падобна, але гэта можа быць і адзін хлопчык, які памылкова названы двума рознымі імёнамі. У Alexine's pupils, 1891 з'яўляецца паўкроўка “Пол Какараманін” (Paul Kakoramanin). Зусім анекдатычна выглядае варыябельнасць антрапаніміі і ідэнтыфікацыі ў артыкуле, у якім школа іранічна абазначаецца як “"educational" department” царквы (Alexine's foul dungeon, 1891). Тут у выступленнях прадстаўнікоў абвінавачання і абароны Пол называецца спачатку (пракурорам Шэлам) больш-менш традыцыйна “Kokaranin” – як хлопчык, сын рускага і эскімоскі, які прыехаў два гады таму з Мікалаем Бяльковым (Bellkoff). Але ў пераказе слоў адваката (Эймса) гэтая пара – ужо “Corcoran” і “Bellknob”. Затым абвінавачанне з дапамогай журналістаў зноў паўтарае свой “spelling”. Прадстаўнік адказчыка заўважае, што ёсць яшчэ нейкі “Джон Доў”. Але з боку істца пацвярджаецца, што экзэпліфікант “John Doe” адпавядае Какараніну. Імя “Джэймс” пры гэтым не гучыць, але ў абедзвюх публікацыях, з якіх мы ўжо цытавалі (гл. ч. 6), у пераліку хлопчыкаў ёсць Джэймс Коркаран 13 гадоў, сын ірландца і крэолкі, і Пол Какаранін 10 гадоў. Калі гэта два хлопчыкі, то пра прозвішчы іх можна сказаць, што гэта могуць быць варыянты, магчыма, у выніку памылкі, аднаго і таго ж прозвішча.

Сцвярджэнне, што ўмовы ў царкоўнай школе і агульная абстаноўка ў праваслаўнай абшчыне ў Сан-Францыска былі значна лепш, чым у Пакроўскай царкве і ў цэлым у родным для сведкі Рэпкаўскім прыходзе Магілёўскай епархіі, у Гомельскім духоўным вучылішчы, у Магілёўскай духоўнай семінарыі і ў Санкт-Пецярбургскай духоўнай акадэміі з іх дамавымі цэрквамі, якія многія гады назіраў Грынкевіч, павінна заахвочваць даследчыкаў крытычна параўнаць адпаведныя прыходы і ўстановы.

“Айцец Пол Грынковіч [Greencovitch; адно з многіх скажэнняў асноўнай і найбольш частай у мясцовых газетах і даведніках формы "Greenkevitch", якую магла “рэкамендаваць” да ўжывання сама сям'я Грынкевічаў], *яшчэ адзін з прадстаўнікоў грэка-рускай царквы, быў дапытаны ў якасці сведкі абароны па справе Алексіна ўчора ўвечары. Ён сказаў, што адносіўся да розных цэркваў і школ на працягу многіх гадоў, і паведаміў, што з хлопчыкамі, звязанымі з установай, абыходзіліся значна лепш, чым дзе-небудзь яшчэ, дзе ён калі-небудзь быў. Сведка зазначыў, што хлопчык Пол Каркарані быў адным з самых гарэзлівых маладых людзей, якіх ён калі-небудзь сустракаў, і ён быў рухавіком усіх праблем, якія здарыліся ў школе. Ён быў вельмі*

камічным маладым хлопцам і для забавы імітаваў гукі хатніх птушак так, што гэта выклікала смех у іншых хлопчыкаў. Каркарані пісаў лісты, у якіх сцвярджаў, што з хлопчыкамі кепска абыходзіліся і яны прасілі дапамогі, а потым прымусіў астатніх хлопчыкаў падпісаць іх, каб дапячы настаўнікам. Айцец Грынковіч сказаў, што ён ніколі не бачыў Алексіна пад уздзеяннем спіртных напояў і што часта, калі Алексін караў хлопчыкаў, гэта было таму, што загадаў нейкі чалавек з больш высокімі паўнамоцтвамі.

Падчас судовага разбору Джон П. Эндрус, адзін са сведак справы, назваў аднаго з адвакатаў хлусам, і яму была прызначана мера стрымання ў выглядзе заключэння пад варту. Ён быў вызвалены пасля ўнясення закладу ў $10*”* (It was Corcorani, 1891).

8. Мікалай Грынкевіч змяніў пазіцыю адносна царкоўнай школы?

Іераманах Іосіф (Левін) – выхрыст і пратэжэ епіскапа Уладзіміра, які трапіў у яго няміласць з прычыны сваёй схільнасці да крытыкі. Куды ўрэшце пераехаў а. Іосіф – невядома, але пісалі пра тое, што ён знік з неаплачанымі даўгамі. Грынкевіч замяніў Левіна ў мясцовай іерархіі, стаўшы другой асобай у епархіі. Тэлеграма для інфармацыі обер-пракурору К. П. Пабеданосцаву з подпісам “Priest Joseph Levin” ад 2.01.1891 г.: “Епіскап хоча пасвяціць Грынкевіча ў святары на мой пост”. Іераманах просіць спыніць гэты працэс з-за незаконнасці яго звальнення епіскапам (Telegram, 1891). Менавіта імкненнем захаваць сваё становішча можна растлумачыць подпісы ў дакументах духоўнага праўлення (у якім спачатку стаў справаводам – “сакратаром епіскапа”, а пасля яго ад'езду – і скарбнікам), сведчанні на судзе а. Грынкевіча ў абарону епіскапа і іншых абвінавачаных у злоўжываннях і дэспатычным стылі.

“Г. Б. Байданоўскі [Boydonowski – магчыма, Багданоўскі або скажэнне яўрэйскага прозвішча Кайданоўскі (ад назвы н. п. у Беларусі)] *з вуліцы Керні, 331, які быў блізкім сябрам айца Левіна, расказвае зусім іншую гісторыю адносна ад’езду святара. Ён сцвярджае, што паводле загаду айца Грэнкавіча* [Grenkavitch] *і пана Арцімовіча* [паводле Руселя, католік, навернуты ў праваслаўе: S., 1892, № 15, с. 3) і па маці (Рымскія-Корсакавы) і па бацьку (беластоцкая сям’я) меў беларускія карані], *расійскага консула, айцец Левін быў пасланы на параход, які адправіўся ў Панаму ў мінулую сераду, не маючы магчымасці звязацца са сваімі сябрамі ці сваякамі. Пунктам прызначэння гэтага чалавека быў адзін з манастыроў пад Санкт-Пецярбургам* [па іншай версіі – на беразе Каспійскага мора]*, дзе, як кажуць, святар будзе зняволены за ўдзел у школьным скандале, які ўсхваляваў расійскую калонію каля двух гадоў таму. Байданоўскі сцвярджае, што мае заяву, зробленую айцом Грэнкавічам, што змяніў айца Левіна, якая была напісана да суда, і што заява пацвярджае сцвярджэнні адносна дрэннага стану школы, зробленыя айцом*

Левіным, але што, калі айцец Грэнкавіч заняў [іншую] *пазіцыю, ён супярэчыў напісаным ім заявам. Гэты факт і той факт, што, паводле чутак, абвінавачванням у ілжэсведчанні будзе аддадзеная перавага ў сувязі са школьным скандалам, сцвярджае Байданоўскі, з'яўляюцца прычынай раптоўнага ад'езду айца Левіна"*(Father Levine gone 1892).

9. Протаіерэй Мікалай Грынкевіч, яго нататка і наш праект "Пра школу"

Канчатковая ацэнка "праўды" бакоў, што супрацьстаялі адзін аднаму ў рускім Сан-Францыска на мяжы 1880-х і 1890-х гг., яшчэ павінна быць зроблена з дапамогай большай колькасці сведчанняў. Епіскап Уладзімір і яго прыхільнікі таксама маюць права на дадатковыя апраўданні і контрабвінавачванні ў нашым праекце: "карэспандэнт "Нью-Ёрк таймс" у артыкуле з Сіткі (1890-01-19), які таксама ўшанаваў Уладзіміра як "заснавальніка" "дасканалай" (excellent) школы, назваў яго прыхільнікам амерыканізму: "Адукаваныя сярод чыста амерыканскага атачэння і амерыканскага ўплыву, як у такім горадзе, як Сан-Францыска, ён паведаміў мне, што гэта яго вера, што гэтыя маладыя людзі будуць лепш прыстасаваны да сваіх своеасаблівых задач і абавязкаў, чым многія са старых святароў"" (Simakoŭ, 2018b, с. 48; у "Cerkiewnym Wiestniku" цытуецца ў арыгінале). У другой нью-ёркскай газеце праз два гады: "Так скончыўся пакуль царкоўны інцыдэнт у С.-Францыска. Рускаму ўраду цяпер будзе цяжка аднавіць канчаткова загінуўшы прэстыж духавенства нават у асяроддзі Аляскінскіх дзікуноў. Убачым, наколькі ўдасца гэта пераемніку Уладзіміра, Мікалаю. Удасца ці не ўдасца, несумненна адно, што, дзякуючы гэтай гісторыі ў паралель з лекцыямі Кенана аб "нігілістах", тутэйшыя амерыканцы практычна пазнаёміліся і з the other side – прадстаўнікамі сучаснага рускага ўрадавага ўбоства. Кантраст выходзіць даволі рэзкі і адцяняе карціну" (S., 1892, с. 3).

З асоб, якія сваімі словамі або ў пераказе паведамілі падрабязнасці сваіх і чужых гісторый, звязаных са школай, асабліва вартыя ўпамінання клірык Аляксандр Мартыш, настаўнік і бацька вучняў Васіля (Mazurek, 2018; Simakov, 2016), Мікалая (да і пасля рэвалюцыі – законнік у розных месцах паўднёва-ўсходняй і паўднёва-цэнтральнай Польшчы; лёс у перыяд бежанства не высветлены, але Васіль перакрыжоўваецца ў Валдаі з "нязменным" дырэктарам 2-й жаночай гімназіі з Сасноўца нейкім Мікалаем Мартышам – абодва выязджалі з гэтага горада ў Дамброўскім басейне; у 1937 г. выйшаў на пенсію з пасады віцэ-старшыні Акруговага суда ў Варшаве і прызначаны іпатэчным пісарам пры іпатэчным аддзеле Акруговага суда ў Кельцах; пасля заняцця іх Чырвонай Арміяй арыштоўваўся ў складзе групы юрыстаў СМЕРШам, але быў вызвалены; працягваў там займацца юрыдычнай практыкай і ў 1952 г.) і Рамана (святар, пасля пачатку Першай сусветнай вайны – бежанец з Карошчына каля Брэста ў Сосніцы Чарнігаўскай губерні – такім

чынам, з Мартышаў фізічна найбольш наблізіўся да радзімы Грынкевіча), вучань і рэгент П. Зайчанка, вучні з Аляскі Р. Качаргін, М. Мяркульеў, М. Кінг, а таксама тыя, чые натарыяльна завераныя сведчанні змешчаны ў "Жыціі…": М. Кучаравы, С. Паварчук, У. Ален, А. Вана.

Мы лічым, што публікацыя "Пра школу" ў забароненай у Расіі брашуры, што была выдадзена ў рамках рэвалюцыйнай праграмы, накіраванай на звяржэнне самаўладства, прывяла да канца кар'еры а. Мікалая як высокапастаўленага "аляскінскага місіянера". Гэтаму папярэднічала крытычная згадка яго, без указання імя і прозвішча, у рэпліцы на выхад у свет брашуры Руселя, што з'явілася ў адным з вядучых выданняў РПЦ: (Po povodu odnoj zagraničnoj brošûry,1896, c. 522). Нагодай для пераводу з Арэнбурга ў Бялёў Тульскай губерні, г.зн. з далейшым паніжэннем і "бліжэй да адлучанага" Талстога, магла стаць перадрукоўка "Пра школу" ў Швейцарыі і Англіі ў 1902 г. Яго душэўны стан у новым месцы службы, яго і епіскапа Уладзіміра, яшчэ павінен быць ацэнены. У Арэнбургу адбываліся скандалы практычна яшчэ большай вастрыні – аж да панажоўшчыны (Nikiforova, 2014, c. 210), але гэта адзінае, што мы пакуль можам сказаць у працяг тэмы гвалту на прыкладзе духоўных школ і ў сувязі са слухачамі навучальных курсаў, якімі кіраваў а. Мікалай у Еўразіі. Паліфанічны скандал у Арэнбургскім духоўным вучылішчы ўключаў даносы пра адзюльтэр жонкі Грынкевіча з выкладчыкам і настаяцелем В. А. Коблавым (Nikiforova, 2014, c. 185) і контрданос апошняга (Nikiforova, 2014, c. 214), якія сталі фармальнай прычынай для высылкі двух святароў і епіскапа з Арэнбурга. Праасвяшчэнны выказаў скаргу на адсутнасць "христианской милости и приличия" і права на "altera pars auditor (выслухаць і другі бок)" (Nikiforova, 2014, c. 211) у справе яго перамяшчэння. Больш спакойнымі выглядаюць яго бялёўскі і ташкенцкі перыяды, але настальгія па Каліфорніі наўрад ці адпусціла яго і тым больш яго жонку Аляксандру – ураджэнку Сан-Францыска.

Апошнія вядомыя нам звесткі пра а. Грынкевіча – як пра законавучыцеля Ташкенцкага кадэцкага корпуса ў 1917 г., сакратара Туркестанскага епархіяльнага савета, выбранага ў 1918 г., і мітрафорнага протаіерэя, на якога спадзяваліся мясцовыя абнаўленцы ў пачатку 1923 г., але які, аднак, па стане на красавік 1924 г. быў у ссылцы ў с. або п. (ауле) Кара-Кала Туркменскай вобласці, параўнальна блізка ад граніцы з Персіяй. Прычынай яе стаў ліст у ДПУ 22.07.1923 г. абнаўленчага епіскапа Мікалая Коблава (таксама Аляксеевіч) у ДПУ, у якім Грынкевіч аднесены да "аўтакефалістаў-ціханаўцаў", якія "нацкоўваюць адну частку насельніцтва на другую /сваіх прыхільнікаў на абнаўленцаў, з прычыны чаго апошнія падвяргаліся апляванню, выгнанню, пагрозам расправы/, з'яўляюцца прамымі контррэвалюцыянерамі, палітычнымі злачынцамі […], што натхняюцца да анархіі царкоўнай і да контррэвалюцыйнасці палітычнай самазванцам Лукой"; "выслаць іх з краю або абясшкодзіць нейкім іншым спосабам" (Sìmakoŭ, 2021b). Сасланы туды

ж епіскап Інакенцій (Ціханаў) сведчыў, што гэта “вельмі бадзёры стары, вельмі сур'ёзны і, бадай, суровы. Жыве адасоблена, бо любіць адзіноту і маўчанне” (Innokentij, 2009, с. 107; пераклад фрагментаў з гэтых лістоў: Simakoŭ, 2021b); “настаўнічае па раніцах, а днём ідзе на рыбную лоўлю” на раку Сумбар (Innokentij, 2009, с. 109). “Ён тыповы прадстаўнік лепшай часткі рускага духавенства старога часу. Строгі, старанны, акуратны. Ён ніколькі не палохаўся той статутнасцю службы, якую мы стараліся выконваць. А я вельмі задаволены, што мы маем такога суслужебніка і сумалітвеніка” (Innokentij, 2009, с. 119). Царква Сергія Раданежскага як месца службы да і пасля іх ссылак звязвае а. Мікалая з шырока вядомым епіскапам Лукой (Война-Ясянецкім). Іх імёны сустракаюцца на адной старонцы дакумента, у якім 1.03.1927 г. настаяцель царквы Грынкевіч пацвердзіў запісы пра службу протаіерэя Д. Цярпігорава перад яго пераводам у аднайменную царкву ў Самаркандзе (Posložnoj spisok, л. 2).

Адзіны вядомы нам аўтарскі апублікаваны тэкст а. Грынкевіча – нататка “Пра школу”. Наш праект, заснаваны ў першую чаргу на ёй і закліканы ўшанаваць ролю другога па значнасці беларуса ў Сан-Францыска канца 19 ст., запрашаў у якасці перакладчыкаў, кансультантаў і каментатараў шырокае кола рэспандэнтаў у Беларусі і за рубяжом. Мы бачым у гэтай мікрагісторыі драму сусветнага ўзроўню, у якую яшчэ магчыма ўпісаць сан-францыскія таямніцы з многіх сямейных саг.

У Грынкевіча было шмат братоў і цёзак па прозвішчы з духоўнага саслоўя, якія служылі пераважна ў Магілёўскай губерні, у т.л. у роднай вёсцы дзеда аўтара Бахань Слаўгарадскага раёна. З імі Мікалай мог весці пазнавальную перапіску ў свой каліфарнійскі перыяд. Застаецца загадкай лёс брата Дзмітрыя, які “знік” у Благавешчанску (Simakoŭ, 2011). Вялікі рамантычны патэнцыял маюць падрабязнасці гісторыі ранняй смерці і знікнення прозвішча прадстаўнікоў сям'і жонкі Грынкевіча – Кедраліванскіх, асабліва Лізаветы, выкладчыка-філолага і аўтара дысертацыі “The nature of comedy as tested by comedy endings” (Берклі, 1910).

“М. С. Грынкевіч, ураджэнец Гомельшчыны, член Аляскінскага духоўнага праўлення з лютага 1891 г., выкладаў у царкоўнай школе да яе закрыцця ў 1892 г. (Фармулярны спіс аб службе наглядчыка Бялёўскага духоўнага вучылішча протаіерэя Мікалая Грынкевіча. 1903-1907 // Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (далей – РДГА). Ф. 796. Воп. 436. Спр. 1939). Намаганні па перакладзе нататкі Грынкевіча "Пра школу" і тэкстаў, што яе дапаўняюць, на найважнейшыя мовы, перш за ўсё тыя, што адносяцца да мясцін і народаў, з якімі былі біяграфічна або генеалагічна звязаныя школьнікі, педагогі і блізкія да іх асобы, набылі мэтанакіраваны характар з лютага 2014 г. З гэтага часу ініцыятыва атрымала назву і пачала развівацца як комплексны школазнаўчы праект” (Simakov, 2019 – такім чынам, тут змешчаны ч. 4-6 і 9 праекта; англійскі пераклад: Simakoŭ, 2020).

Тэкст “Пра школу” ў тры этапы арганічна дапоўнілі, пераважна пацвярджаючы паведамленыя ў ім факты, 2 сведчанні самога доктара Руселя (у т.л. пра гісторыю стварэння нататкі), 3 часткі, прысвечаныя вучню школы “беларуска-тлінкіцкага” паходжання М. Саўчанку (лісты яго бацькі Дзям'яна), 2 газетныя публікацыі, якія раскрываюць неадназначную ролю Грынкевіча.

10. Выказванне падзякі; спіс перакладчыкаў

Праект “Пра школу” меў актыўную фазу да кастрычніка 2019 г. Розныя формы ўсіх 9 тэкстаў (2-х – 2 кадры мікрафільма з архіва ў Вашынгтоне, 3-х – 2 старонкі з брашуры Руселя, 4-х – pdf з сан-францыскай газеты) атрыманы пры міжнародным супрацоўніцтве.

Цікавасць да доктара Руселя была першаснай у аўтара, дзякуючы некалькім асноўным, найперш М. Іоську (1929-1986), і вялікай колькасці аўтараў-папулярызатараў. З ёй звязана знаёмства з нашым земляком Мікалаем Грынкевічам (гл. пра “адкрыццё”, “перспектывы”: Simakoŭ, 2018c, "энцыклапедыю": Sìmakoŭ, 2014), якое паскорыў сайт Свята-Троіцкага сабора ў Сан-Францыска holy-trinity.org, пра гістарычныя матэрыялы для якога як энтузіяст асабліва клапаціўся а. В. Сакалоў (1947-2006). Высвятленнем месца нараджэння Грынкевіча мы абавязаны А. Баўкалу (Санкт-Пецярбург). Тэксты з нататкай “Пра школу” скапіраваны для нас у выніку звароту да К. Рагачэўскай (Лондан) і В. Кельнера (Санкт-Пецярбург; 1945-2021). Пецярбургскі калега А. Грынёў, які дзяліўся з намі звесткамі пра беларусаў у працэсе работы над яго даведнікам “Хто ёсць хто ў гісторыі Рускай Амерыкі” (2009), першым у друку ўказаў у ім месца выхаду В. Саўчанкі. Без дапамогі К. Арнт (Фэрбанкс) па капіраванні з мікрафільма архіва “Аляскінскай рускай царквы” ў Бібліятэцы Кангрэса ЗША лістоў Д. Саўчанкі, Л. Сарока (Стэнфард) і Н. Богдан (Тусан) – артыкулаў з “Сан-Францыска кронікл” мы яшчэ доўга не маглі б уключыць іх у праект і карэктна апрацаваць. Выказваем падзяку асобам, якія згадзіліся перакласці, праверыць і пракаментаваць тэксты аднаго або некалькіх частак праекта. Манументальнай асобай для нас з'яўляецца збіральнік матэрыялаў пра рускіх і праваслаўных у Сан-Францыска перыяду 1887-1892 гг. гісторык Т. Эманс, які падтрымаў нашы руселіянскія пачынанні і сімвалічным перакладам – ч. 2 і 3.

Перакладчыкі: І. Альмісры (араб.), І. Андрушкевіч (ісп.), А. Астравух (ідыш), А. Башарымава (швед.), Р. Бланд (англ.), С. Бусата (італ.), І. Варабей (англ., бел. (тар.), Д. Венкаў (балг.), Б. Віслаўскі (панонска-русін.), Б. Гілберт (англ.), У. Грабан (лемк.), К. Граеўскі (пол.), М. Грыгор'еў (укр.), М. Гыек (пол.), А. Жлутка (англ.), М. Кагналата (італ.), Ф. Клімчук (1935-2018) (заходнепал.), Л. Кюмюрджыеў (балг.), М.

Лукша (бел.(тар.), К. Мазурэк (Сімакова) (пол.), Я. Максімюк (падл.), С. Марэль (гал., франц.), С. Мінскевіч (1969-2022) (бел.(тар.)), М. Мялюк (франц.), Ю. Новік (франц.), Ф. Нуска (ням.), Р. Палчанінаў (серб.), Ю. Патлань (эсп.), Т. Паўлавіч (серб.), Печавісты (іераманах Кранід) (укр.), Г. Плішкава (русін.), А. Прасаловіч (ісп.), В. Раўчанка (італ.), П. Рудлінг (швед.), А. Сімакоў (бел., англ.), Г. Судзілоўскі (укр.), Э. Фадэн (магаўк), Д. Хамраева (турк.), Я. Харкевіч (пол.), М. Шэляговіч (заходнепал.), Т. Эманс (англ.).

Руская версія артыкула скончана ў красавіку 2021 г. і з'явілася online ў верасні (Simakov, 2021). У цяперашняй, беларускай версіі дэталізуюцца розныя моманты ва ўводзінах і каментарыях да базавых тэкставых частак праекта, у т.л. кара-калінскі эпізод, выяўлены намі (у рамках пошуку даты і месца смерці протаіерэя) дзякуючы мадэратару сайта "Туркестанская Галгофа", праф. К. Я. Азміцель у маі 2021 г.; выпраўляюцца недакладнасці ў апісанні і OCR артыкула, у якім з'яўляецца "Пол Каркарані".

References / Bibliografia

A church scandal: The Greco-Russian school in trouble. Grave charges of cruelty to children. Two officials arrested and a dozen well-fed boys held as witnesses. (1891). *San Francisco Chronicle,* Jun. 12, 8.

Alexine's foul dungeon: The cell wherein the Esquimau boys were incancerated. What officer Holbrook found. The Græco-Russian Seminary a hotbed of filth – The little Alaskans kicked, cuffed and kept without food. (1891). *San Francisco Chronicle,* Jul 8, 3.

Alexine's pupils: They tell in court about his methods of punishing them. (1891). *San Francisco Chronicle,* Jul. 21, 7.

Boys treated like slaves: Horrible tales of cruelty to the Russian church students. Youths beaten, starved and kept in a rat-infested dungeon on a diet of bread and water – Policemen find them in a filthy condition – Affidavits that support grave charges. (1891). *San Francisco Examiner,* Jun. 12, 3.

Father Levine gone: The deposed priest sent to Russia. His friends anxious about his safety. He was to have appeared before the Grand Jury as a witness. (1891). *San Francisco Chronicle,* Jun. 2, 7.

Formulârnyj spisok o službe smotritelâ Belevskogo duhovnogo učiliŝa protoiereâ Nikolaâ Grinkeviča. 1903-1907. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv* (RGIA), f. 796, op. 436, d. 1939 [Формулярный список о службе смотрителя Белевского духовного

училища протоиерея Николая Гринкевича. 1903-1907. *Российский государственный исторический архив (РГИА),* ф. 796, оп. 436, д. 1939].

Grinkevich, N. (2014). About the school. Trans. from the Rus. by I. Varabei. *Веснік БІТ,* 10 жн. [Vesnìk BÌT, 10 žn.].

Grinkevitsj, N. (2014). De school. Vert. uit het Russ. door B. Moreel. *Веснік БІТ,* 20 ліп. [Vesnìk BÌT, 20 lìp.]

Grinkevič, [N.]. (1895). O škole. Russel′, N. *Žitie preosvâŝennogo Vladimira, byvšego episkopa Aleutskogo i Alâskinskogo, nyne vikarnogo episkopa Voronežskogo*. Moskva: tip. P. Pravdolûbova, 15-16 [Гринкевич, [Н.]. (1895). О школе. Руссель Н., *Житие преосвященного Владимира, бывшего епископа Алеутского и Аляскинского, ныне викарного епископа Воронежского*, Москва: тип. П. Правдолюбова, 15-16].

Grinkevič, [N.]. (1902a). [O škole]. *Iz žizni duhovenstva*. London: tip. «Žizni», 70-71 [Гринкевич, [Н.]. (1902a). [О школе]. *Из жизни духовенства.* Лондон: тип. «Жизни», 70-71].

Grinkevič, [N.]. (1902b). O škole. Lazarev, E. E. *Gavajskij senator i voždi russkogo pravoslaviâ episkop Vladimir i K. P. Pobedonoscev*. Carouge-Genéve: M. Elpidine, libraire-éditeur, 57-58 [Гринкевич, [Н.]. (1902b). О школе. Лазарев, Е. Е. *Гавайский сенатор и вожди русского православия епископ Владимир и К. П. Победоносцев.* Carouge-Genéve: M. Elpidine, libraire-éditeur, 57-58].

Innokentij, arhiepiskop. Pis′ma episkopa Innokentiâ iz Kara-Kala (Turkmeniâ). Aprel′ 1924 goda (2009). Zegžda S. A. *Aleksandro-Nevskoe bratstvo: dobrym primerom, žitiem i slovom*. [Naberežnye Čelny]: Novosti mira, 101-121 [Иннокентий, архиепископ. Письма епископа Иннокентия из Кара-Кала (Туркмения). Апрель 1924 года (2009). Зегжда С. А. *Александро-Невское братство: добрым примером, житием и словом*. [Набережные Челны]: Новости мира, 101-121].

It was Corcorani: The boy who caused the trouble for Alexine. (1891). *San Francisco Chronicle,* Jul. 29, 3.

Mazurek, K. (2018). *Życie i działalność księdza Bazylego Martysza: droga do świętości.* Warszawa: Dom Wydawniczy Elipsa.

Nikiforova, O. V. (2014). *Arhiepiskop Vladimir (Sokolovskij): poslednij nastoâtel′ moskovskogo Spaso-Andronikova monastyrâ*. Moskva: Perehod [Никифорова, О. В. (2014). *Архиепископ Владимир (Соколовский): последний настоятель московского Спасо-Андроникова монастыря*. Москва: Переход].

Po povodu odnoj zagraničnoj brošûry (1896). *Pribavleniâ k Cerkovnym vedomostâm,* 6 apr., 14, 522-524 [По поводу одной заграничной брошюры (1896). *Прибавления к Церковным ведомостям,* 6 апр., 14, 522-524].

Poslužnoj spisok prot. Dmitriâ Terpigoreva. *Central′nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Uzbekistan (CGA RUz),* f. R-429, op. 1, d. 28, l. 1-2 [Послужной список прот. Дмитрия Терпигорева. *Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз),* ф. Р-429, оп. 1, д. 28, л. 1-2].

Russel′, N. (1895). *Žitie preosvâŝennogo Vladimira,byvšego episkopa Aleutskogo i Alâskinskogo, nyne vikarnogo episkopa Voronežskogo,* Moskva: tip. P. Pravdolûbova [Руссель, Н. (1895). *Житие преосвященного Владимира, бывшего епископа Алеутского и Аляскинского, ныне викарного епископа Воронежского,* Москва: тип. П. Правдолюбова].

S. (1892). Poslednie glavy iz Deânij Apostolov. *Progress* (N′û-Jork), 4 marta, 13, 3; 18 marta, 15, 2-3 [С. (1892). Последние главы из Деяний Апостолов. *Прогресс* (Нью-Йорк), 1892, 4 марта, 13, 3; 18 марта, 15, 2-3].

Sìmakoǔ, A. V. (2021a). Ab nazve bagasloǔskaga vučylìšča ǔ San-Francyska. *III Čteniâ pamâti protoiereâ Ioanna Grigoroviča (1792–1852): istorika, arheografa, arheologa: materialy naučno-praktičeskoj konferencii, Minsk: Minskaâ duhovnaâ akademiâ, 13 iûnâ 2019 g. Minsk: Minskaâ duhovnaâ akademiâ, 13 iûnâ 2019 g.* Minsk: Izdatel′stvo Minskoj duhovnoj akademii, 29-40 [Сімакоў, А. В. (2021a). Аб назве багаслоўскага вучылішча ў Сан-Францыска. *III Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852): историка, археографа, археолога: материалы научно-практической конференции, Минск: Минская духовная академия, 13 июня 2019 г.* Минск: Издательство Минской духовной академии, 29-40].

Sìmakoǔ, A. (2018a). Bac′ka tlìnkìta. *Kraâznaǔčaâ gazeta*, 48 (snež.), 6 [Сімакоў, А. (2018a). Бацька тлінкіта. *Краязнаўчая газета,* 48 (снеж.), 6].

Sìmakoǔ, A. (2018b). Carkoǔnaâ škola ǔ San-Francyska (1888-1892) u asobah. *Cerkiewny Wiestnik*, 4, 48-63 [Сімакоў, А. (2018b). Царкоўная школа ў Сан-Францыска (1888-1892) у асобах. *Cerkiewny Wiestnik*, 4, 48-63].

Sìmakoǔ, A. (2009). Ën dbaǔ pra adukacyû dzâcej ìndzejcaǔ: ajcec Mìkalaj Grynkevìč u čatyroh svetah. Patapaǔ A. F. *Vytokì: stanaǔlenne pravaslaǔâ ì ìnšyh rèlìgìjnyh abščyn na Ragačoǔščyne*. Kn. 2. Ragačoǔ, 143-149 [Сімакоў, А. (2009). Ён дбаў пра адукацыю дзяцей індзейцаў: айцец Мікалай Грынкевіч у чатырох светах. Патапаў А. Ф. *Вытокі: станаўленне праваслаўя і іншых рэлігійных абшчын на Рагачоўшчыне*. Кн. 2. Рагачоў, 143-149].

Sìmakoŭ, A. (2011). Grynkevìčy ad Ragačoŭščyny da Pryamur'â, Alâskì ì N′û-Ërka. *Čas* (Jackson Heights, NY), 9 (maj), 8 [Сімакоў, А. (2011). Грынкевічы ад Рагачоўшчыны да Прыамур'я, Аляскі і Нью-Ёрка. *Час* (Jackson Heights, NY), 9 (май), 8].

Sìmakoŭ A. (2017). Holmskaâ grupa: krynìca aptymìzmu. *Cerkiewny Wiestnik*, 2, 45-62 [Сімакоў, А. (2017). Холмская група: крыніца аптымізму. *Cerkiewny Wiestnik*, 2017, 45-62].

Sìmakoŭ, A. (2014). Matèryâly da "Grynkevìčaŭskaj èncyklapedyì" Potapov A. F. *Istoki. Stanovlenie pravoslaviâ i drugih religioznyh obŝin na Rogačevŝine. 4*. Minsk: Izdatel′ Pečenko A.G., 157-168 [Сімакоў, А. (2014). Матэрыялы да "Грынкевічаўскай энцыклапедыі". Потапов А. Ф. *Истоки. Становление православия и других религиозных общин на Рогачевщине. 4*. Минск: Издатель Печенко А. Г., 157-168.]

Sìmakoŭ, A. V. (2018c). Perspektyvy dasledavannâ službyMìkalaâ Grynkevìča ŭ Aleuckaj ì Alâskìnskaj eparhìì // *I Čteniâ pamâtiprotoiereâ Ioanna Grigoroviča (1792-1852): istorika, arheografa, arheologa: materialy naučno-praktičeskoj konferencii, Minsk: Minskaâ duhovnaâ akademiâ, 17 maâ 2017 goda*. Minsk: Izdatel′stvo Minskoj duhovnoj akademii, 268-279 [Сімакоў, А. В. (2018c). Перспектывы даследавання службы Мікалая Грынкевіча ў Алеуцкай і Аляскінскай епархіі. *I Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792-1852): историка, археографа, археолога: материалы научно-практической конференции, Минск: Минская духовная академия, 17 мая 2017 года.* Минск: Издательство Минской духовной академии, 268-279].

Sìmakoŭ, A. (2021b). Rybak na Sumbary, abo Ajcec Grynkevìč znoŭ sustrèŭsâ z gvaûlaj? Mìtraforny protaìerèj u turkmenskìm aule. *Naša slova*, 5 žn., 7 [Сімакоў, А. (2021). Рыбак на Сумбары, або Айцец Грынкевіч зноў сустрэўся з гваюлай? Мітрафорны протаіерэй у туркменскім ауле. *Наша слова*, 5 жн., 7].

Simakoŭ, A. (2020). Savchenko in Alaska and San Francisco: a Belarusian, Creoles, Tlingit. *Journal of the West*, (59), 4, 53-69.

Sìmakoŭ, A. (2018d). Tlìnkìt Saŭčanka ŭ svâtle lìsta z Kadz′âka ŭ San-Francyska. *Kraâznaйčaâ gazeta*, 25 (lìp.), 6 [Сімакоў, А. (2018d). Тлінкіт Саўчанка ў святле ліста з Кадзьяка ў Сан-Францыска. *Краязнаўчая газета, 2*5 (ліп.), 6].

Sìmakoŭ, A. (2012). U ìmknennì služyc′ Alâscy: novae pra Mìkalaâ Grynkevìča // Patapaŭ A. *Vytokì: stanaŭlenne pravaslaŭâ ì ìnšyh rèlìgìjnyh abŝčyn na Ragačoŭščyne* – 3. Mìnsk: Pečanko A. G., 111-121 [Сімакоў, А. (2012). У імкненні служыць Алясцы: новае пра Мікалая Грынкевіча. Патапаў А. *Вытокі: станаўленне праваслаўя і іншых рэлігійных абшчын на Рагачоўшчыне* – *3*. Мінск: Печанко А. Г., 111-121].

Simakov, A. (2020). Amerikanskaâ tragediâ monaha s Afona: igumen Georgij (Čudnovskij) v San-Francisko i na Alâske. *Cerkiewny Wiestnik*, 3, 29-42 [Симаков, А. (2020). Американская трагедия монаха с Афона: игумен Георгий (Чудновский) в Сан-Франциско и на Аляске. *Cerkiewny Wiestnik*, 3, 29-42].

Simakov, A. (2016). Antipody: dva vyezda za okean Vasiliâ Martyša. *Cerkiewny Wiestnik*. 2, 47-55 [Симаков, А. (2016). Антиподы: два выезда за океан Василия Мартыша. *Cerkiewny Wiestnik*. 2016, 2, 47-55].

Simakov, A. V. (2019). Savčenko na Alâske i v San-Francisko: belorus, kreoly, tlinkity. *Slavânskij al'manah,* 3-4, 107-133 [Симаков, А. В. (2019). Савченко на Аляске и в Сан-Франциско: белорус, креолы, тлинкиты. *Славянский альманах,* 3-4, 107-133].

Simakov, A. (2021). Zametka Nikolaâ Grinkeviča "O škole" i dopolnâûŝie ee teksty. *Elpis*, 23, 89-95 [Симаков А. (2021). Заметка Николая Гринкевича "О школе" и дополняющие ее тексты. *Elpis*, 23, 89-95].

Telegram of Priest Joseph Levin to Holy Synod, Mister Pobedonostzeff, Pbg, Russia [received (illegible) 2, 3 or 5].01.1891. *RGIA*, f. 1574, op. 2, d. 76, l. 11 [РГИА, ф. 1574, оп. 2, д. 76, л. 11].

The Alexine trial (1891). *San Francisco Chronicle*, Jul. 22, 3.

Выбраныя публікацыі:

1. Сімакоў, А. (2021). Беларусы на Алясцы – працяг размовы. *Наша слова*, 2 снеж., 7-8.

2. Сімакоў, А. (2021). Добрае літаратурнае імя: Давід Выгодскі. *Палац: літаратурны альманах. 2020.* Гомельскае абласное аддзяленне грамадскага аб'яднання "Саюз беларускіх пісьменнікаў"; рэд. кал.: А. Бароўскі (гл. рэд.) [і інш.]; уклад.: А. Бароўскі, Г. Лапацін. Мінск: Кнігазбор, 178-181.

3. Сімакоў, А. В. (2021). Доктар Русель і індзейцы: крыніцы ведаў, кантакты, публіцыстыка. *Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых артыкулаў удзельнікаў XII Міжнароднай навуковай канферэнцыі, 25–26 чэрвеня 2021 г., г. Магілёў* / уклад. І. А. Пушкін. Магілёў: БДУТ, 345-351.

4. Сімакоў, А. (2021). Зямля зачаравання: жывапісцы з Беларусі ў Нью-Мексіка. *Мастацтва*, 12, 18-19.

5. Сімакоў, А. (2021). Наш Купер (Індзейская сцежка праз Беларусь). *Тэрмапілы*, 25, 61-68.

Aliaksandr Simakou: The note on the School by Nikolai Grinkevich and the texts supplementing it
(webzine "Kultura.Natsyja", issue 31, April 2023, 151-169, www.sakavik.net)

Abstract. The Grinkevich Research and Translation Project "On the School" (active phase from 2014 to 2019) presents its text body for the first time. It reveals cleric Nikolai Grinkevich's ambiguous role. The obvious reason for the "change in public position" of this psalm reader, later a member of the Ecclesiastical Consistory of Alaska in relation to the problems of the church school was the inertial adherence to routine rules and procedures, official subordination and the desire to maintain position, but it was the promulgation of his critical note by the revolutionaries that probably led to the dismissal of the archpriest from the Diocese of the Aleutians and Alaska.

Александр Симаков: Заметка «О школе» Николая Гринкевича и дополняющие ее тексты
(веб-журнал "Культура. Нация", вып. 31, апрель 2023, 151-169, www.sakavik.net)

Аннотация. Научно-переводческий проект Гринкевича «О школе» (активная фаза с 2014 по 2019 год) впервые представляет свою текстовую часть. Выявлена неоднозначная роль священника Николая Гринкевича. Очевидной причиной «изменения общественной позиции» этого псаломщика, впоследствии члена Духовной консистории Аляски, по отношению к проблемам церковной школы было инерционное следование рутинным правилам и процедурам, служебная субординация и стремление сохранить положение, но именно обнародование его критической записки революционерами, вероятно, привело к увольнению протоиерея из Алеутско-Аляскской епархии.

Алесь Сімакоў (Гомель, Беларусь): "Беларуска-індзейская кампаратывістыка: асноўныя катэгорыі этнакультурнай "архаікі"

Анатацыя. *Гэты матэрыял працягвае новым наборам звестак серыю, пачатую тэкстам "Беларуска-індзейская кампаратывістыка: найважнейшыя неэтнаграфічныя рубрыкі" ў № 30 часопіса "Культура. Нацыя" (2022). Дадзенае паведамленне ўяўляе сабой каментаваны збор цытат асноўных груп параўнання рэалій Беларусі і Індзейскай Амерыкі ў дыяпазоне духоўнай і ў невялікай ступені матэрыяльнай культуры. Групы размешчаныя ў алфавітным парадку. Несумненнае першынство па колькасці і аб'ёме параўнанняў належыць тэмам паганства і хрысціянізацыі, вясельных абрадаў, шлюбу. Таксама папулярныя тэмы адносін да смерці, калектывізму, міралюбства, сумленнасці, нізкай схільнасці да злачынстваў сялян і іншае па этнапсіхалогіі.*

Змест: агульнае (гістарыяграфія); веды пра свет; вяселле; каланізацыя Беларусі (лёс імперый); матэрыяльная культура (лукі, медныя вырабы, труба, тамагаўк); паганства; плямёны; расы і назва Беларусь (асіміляцыя, этнагенез); смерць і пахаванне, а таксама здароўе і гігіена; танец і абрады з яго элементамі; хрысціянізацыя; эканоміка (калектыўная праца, збіральніцтва); экспансіянізм і канкіста (заваяванне); этназаалогія і этнабатаніка; этнапсіхалогія; этнаэкалогія.

Дадзеныя па беларуска-індзейскай кампаратывістыцы (БІП) велізарныя ў тым ліку і ў сферы традыцыйнай культуры. У гэтай зборцы, прысвечанай апошняй, яны таксама прадстаўленыя толькі выбарачна, фрагментарна, і гэта практычна першая спроба прадставіць этнакультурны масіў асобна і ў адкрытым доступе. Дадзены тэкст адлюстроўвае галоўным чынам стан выкарыстання крыніц, які быў каля 30 гадоў таму, але мы ўключылі некалькі яскравых прыкладаў, узятых пазней як з крыніц старых, але новых для нас, так і з тых, што апублікаваныя за апошнія дзесяцігоддзі. Праверка ўсіх цытат не рабілася; мы не можам гарантаваць высокую дакладнасць найперш цытат, якія выпісваліся ўручную, а потым набіраліся на камп'ютары.

У асноўным цытаты і каментарыі ўзятыя ў гэтую падборку з нашай манаграфіі па гісторыі беларуска-індзейскіх сувязей (БІС). Актыўная праца над ёй вялася да пачатку 1990-х (а затым з важных дзеянняў адбыліся толькі камп'ютарны набор і спробы рэарганізацыі структуры – з нязначным дабаўленнем у корпус новых фактаў з публікацыяй, што працягвалі фіксавацца ў "Беларуска-індзейскай бібліяграфіі"). Падраздзелы "Параўнанне" служылі часткай прадстаўлення матэрыялу як у храналагічным парадку, так і ў тэматычным. Структура манаграфіі некалькі разоў

радыкальна мянялася, але раздзелы або падраздзелы "Параўнанне" заставаліся лагічнай часткай. Кароткія гістарыяграфічныя агляды кампаратывістыкі даваліся ў главах па перыядах.

АГУЛЬНАЕ

"Беларусь захавала ў абрадзе ўрачыстасць, а ў песнях, што яго суправаджаюць, водгукі самай сівой даўніны, як нідзе ў свеце", сцвярджаў **П. Бяссонаў** (1871).

Гістарыяграфія. Паколькі традыцыйная культура беларусаў змянялася вельмі марудна і асобныя элементы былі амаль цалкам ідэнтычнымі ў 15 і 19 стст., намі ўзяты прыклады з прац аўтараў з дадзенымі па ўсіх пяці стагоддзях, якія характарызавалі беларуса ў даволі статычным стане. "Нашы папярэднікі" ў "неаднаразовым" прадстаўленні гэтай архаікі, якія перш за ўсё прыгадваюцца: **М. Доўнар-Запольскі, С. Нікольскі, П. Кушнер, К. Машынскі, В. Машкоў, М. Чарняўскі, В. Ненадавец, С. Рассадзін.**

П. Кушнер (Кнышоў), адзін з першых у СССР выкладчыкаў гісторыі першабытнага грамадства з пункту гледжання марксізму, у складзенай ім хрэстаматыі "Першабытнае і радавое грамадства" (1925) падаў паралельна з індзейскімі і шэраг беларускіх матэрыялаў (у раздзеле IV "Культ татэма і культ продкаў" гл. пункты 5 "Татэмізм у індзейцаў" і 11 "Перажыткі татэмізму ў беларусаў"). Увага да беларускай этнаграфіі (замовы і нагаворы, прыметы, знахарства, культ продкаў і пахавальны абрад у беларусаў) тлумачыцца і тым, што **П. Кушнер** паходзіў з Беларусі.

Як адзначаў яшчэ адзін ураджэнец Беларусі **М. Касвен**, уяўленні *"аб першабытнасці і адсталых народах"* або *"прымітывізме"*, што складаліся *"ў першабытную эпоху",* былі *"супрацьлеглымі і адначасова спалучальнымі"*. Адкрыццё *"новага этнаграфічнага свету"*, *"Амерыкі ў Беларусі"* адродзіць "традыцыйныя" стэрэатыпы. Параўнанні актыўна рабіліся ў 19 ст., з разумення, што ўсе народы праходзілі адны і тыя ж універсаліі, а яны лепш захаваліся па-за Еўропай і большай часткай Азіі: *"Але ў гэтым напрамку можна і трэба пайсці далей, за межы абраднасці індаеўрапейскіх народаў, у галіну адпаведных абраднасцей самых разнастайных народаў зямнога шара, як старажытных, так і сучасных"*. Даказваючы, што сучасны даследчык *"можа зрабіць па гэтым пытанні не толькі колькасныя дадаткі"*, **М. Нікольскі** абмяжоўваецца некалькімі спасылкамі на цырымоніі "малакультурных плямён", прызнаючы, урэшце, што **М. Доўнар-Запольскі** *"прыводзіць цэлы шэраг вельмі важных і паказальных паралелей з быту малакультурных народаў"*.

Дарэчы аказаўся **Ф. Энгельс**: *"І што за цудоўная арганізацыя гэты радавы лад ва ўсёй яго наіўнасці і прастаце! Без салдат, жандараў і паліцэйскіх, без дваран, каралёў, намеснікаў, прэфектаў або суддзяў, без турмаў, без судовых працэсаў – усе ідзе сваім устаноўленым парадкам. Усялякія спрэчкі і сваркі вырашаюцца супольна тымі, каго яны датычаць, – родам або племенем, або асобнымі родамі паміж сабой; толькі як самы крайні сродак, якім рэдка карыстаюцца, пагражае кроўная помста, і наша пакаранне смерцю з'яўляецца толькі яе цывілізаванай формай, якой уласцівы як становучыя, так і адмоўныя бакі цывілізацыі. Хоць агульных спраў куды больш, чым у цяперашні час, – хатняя гаспадарка вядзецца радам сем'яў супольна і на камуністычных асновах, зямля з'яўляецца ўласнасцю ўсяго племені, толькі дробныя агароды аддадзены ў часовае карыстанне асобным гаспадаркам, – тым не менш няма і следу нашага раздутага і складанага апарату кіравання. Усе пытанні вырашаюць самі зацікаўленыя асобы, і ў большасці выпадкаў векавы звычай ужо ўсе ўрэгуляваў"* (**Ф. Энгельс**, "Паходжанне сям'і, прыватнай уласнасці і дзяржавы").

Гісторык **В. Шчарбакоў**, прыводзячы ў сваім "Нарысе гісторыі Беларусі" гэта месца з кнігі **Ф. Энгельса**, заўважае: *"Несумненна, што ўсе гэтыя рысы рода-племяннога ладу ў індыйцаў* [так!] *былі ў асноўным уласцівы і славянскаму насельніцтву тэрыторыі Беларусі, Расіі і Украіны ў далёкія ад нас часы"*.

У выніку індзейскі матэрыял беларускі савецкі даследчык праз пасрэдніцтва **Энгельса**, а часам і непасрэдна, бярэ і з кнігі "Старажытнае грамадства" **Л. Г. Моргана**, каб даказаць, што складаныя элементы беларускай вясельнай абраднасці – перажыткі шлюбу выкраданнем і купляннем у першабытных народаў.

М. Чарняўскі, расказваючы ў папулярнай кніжцы "З глыбінь тысячагоддзяў" (1978, серыя "Школьнікам аб гісторыі БССР") пра *"жыццё першабытнага чалавека на тэрыторыі Беларусі ў каменным веку*", працягвае традыцыю "параўнальна-гістарычных" этнографаў: прыводзіць прыклады прыстасавання, якое ўжывалі індзейцы для здабывання агню трэннем, спосабу высягання імі, у прыватнасці тубыльцамі Вогненнай Зямлі, агню, а таксама рэкорднай дальнасці бою і забойнай сілы індзейскіх лукаў.

У "мастацка-навуковых" нарысах для вучняў "Страла Расамахі" (1985), "Вогнепаклоннікі" (1989) **М. Чарняўскі** рэканструяваў жыццё людзей на тэрыторыі Беларусі ў каменным і бронзавым веку. І ў наступнай сваёй кніжцы ў той жа серыі ("Бронзавы век на тэрыторыі Беларусі", 1981) ён спасылаўся на індзейскія рэаліі: апрацоўка медзі каваннем, знаёмства з колам толькі пасля прыходу еўрапейцаў.

В. Насевіч, датуючы прыход *"іншага насельніцтва" "пачаткам бронзавага веку"* (паводле сучасных датаванняў – каля 5 тысяч гадоў таму) і прыпісваючы яму добрае веданне жывёлагадоўлі, уключаючы каняводства, земляробства і апрацоўку

бронзавых вырабаў, *"хаця асноўныя прылады па-ранейшаму рабіліся з каменю. Па ўмовах жыцця гэтыя людзі найлепш адпавядалі ваяўнічым індзейцам амерыканскіх лясоў і прэрый. Іх характэрнымі прыладамі былі каменныя баявыя сякеры, вельмі падобныя на індзейскія тамагаўкі, і гліняныя гаршкі, аздобленыя адбіткам шнура. Таму іх культуры археолагі назвалі культурамі баявых сякер і шнуравой керамікі"* ("Таямніцы зніклых народаў", 1993).

У дапаможніку **В. Гарамыкінай** "Гісторыя першабытнага грамадства" апісанню роду і племені ў іракезаў (паводле **Моргана-Энгельса-Райта**) папярэднічаюць звесткі пра пасяленні эпохі мезаліту і неаліту на тэрыторыі Беларусі, насельніцтва якіх мела "мацярынска-радавы" грамадскі лад.

"Рэдукцыя" паняцця "племя" (апошняе ўпамінанне ў летапісах радзімічаў - пад 1169), увядзенне хрысціянства, "заваяванне Літвы" пераарыентавала беларускую народнасць на Еўропу з яе гатоўнасцю распаўсюджваць свае каштоўнасці на ўвесь астатні свет. Вядомыя беларусам народы Еўразіі, якія яшчэ захоўвалі прыкметы плямён, пачалі ацэньвацца калі не як дзікунскія, то варварскія, ніжэйшыя па развіцці.

Да "навуковага" разумення розніцы паміж "дзікунствам" і "варварствам" было яшчэ далёка, але першае паняцце, якое абазначала ніжэйшую стадыю развіцця, ужо было падрыхтаванае для новаадкрытых і напаўрэальных экзатычных народаў. Словы "дзікун" і "дзікунства" спачатку проста канстатавалі ступені развіцця людзей з традыцыйных грамадстваў. У далейшым яны ўсё больш ужываліся ў пераносным значэнні і ўзмацнялася іх прыніжальнае, пеяратыўнае значэнне. Хаця **Н. Гілевіча** наўрад ці можна падазраваць у неталерантнасці да племянных народаў ("Вымiраюць плямёны"), але ён адзін з чэмпіёнаў сярод беларускай інтэлігенцыі па ўжыванні гэтых слоў у адносінах да сваіх супляменнікаў.

Чаму **Гілевіч**? Што выпадковае, а што заканамернае ў беларуска-індзейскай кампаратывістыцы, што можна аднесці да найважнейшых катэгорый этнакультурнага параўнання – пытанні нараджаюць наступныя пытанні.

Нават без прамой згадкі ў адным сказе або абзацы беларусаў і індзейцаў, калі нібыта няма БІП, многія цытаты мы лічым патэнцыяльна важнымі, бо яны адносяцца да архаікі, да "дакалумбавай Беларусі", блізкія да першабытнасці.

Прырода і чалавек, іх узаемаадносіны больш важныя для ранніх грамадстваў. Гэтай катэгорыі параўнанняў неабходна прысвяціць асобны артыкул.

Аб *"неаднаразовых зменах мора сушай і сушы морам, змяненнях клімату і абледзяненнях, старажытных вулканах, зніклых горных хрыбтах, развіцці расліннасці і жывёльнага свету, з'яўленні і рассяленні на тэрыторыі Беларусі чалавека"* расказваюць **А. Махнач** і **Л. Вазнячук** у кнізе "Геалагічнае мінулае

Беларусі" (1959). Такім чынам у комплексе ўзнаўляецца падабенства гісторыі зямлі і чалавека ў Амерыцы і Беларусі, але цяпер мы пакідаем па-за нашым паведамленнем "параўнаўчую" геалогію, фізічную геаграфію.

Выдатны расійскі індзеяніст украінскага паходжання **А. Вашчанка** ўключыў Беларусь у важную паралель паміж фізіка-геаграфічнымі ўмовамі і культурамі ў двух паўшар'ях: "*Геаграфічны "сярэдні пояс" Расіі, што працягнуўся ад Беларускай ССР да Уральскіх гор і далей у Сібір, з пункту гледжання іх прыродных умоў, клімату і культурных рыс вельмі параўнальны з адпаведным наваколлем раёна Вялікіх азёр або, больш шырока, лясным рэгіёнам Паўночнай Амерыкі, у якім знаходзіцца традыцыйнае месцапражыванне многіх алганкінскіх плямён*". Даследчык лічыць, што з гэтага падабенства вынікае адзін з рэальных фактараў, якія спрыялі прыцягванню ўвагі рускай (савецкай) публікі і ўласна індзеяністаў-аматараў да культуры "вудлэнд", асабліва аджыбвэ.

Як гэта "выглядала на практыцы" паказвае і **М. Зарэцкі**, плывучы ў канцы 20-х гадоў 20 ст. па рацэ Арэсе ў *"чыста індзейскай пірозе": "перанёсся ў нейкую чароўную экзатычную краіну, у нейкае казачнае дзікунскае царства. Карціны прыроды, якая нас акружала, дзіўна спрыялі гэтаму ўяўленню. Нізкія, ледзь узнятыя над вадой берагі Арасы былі пакрыты густымі зараслямі чароту і лазняку – яны былі для мяне непраходнымі джунглямі, поўнымі розных драпежных звяроў, а высокія стагі сена, сям-там раскіданыя па берагах, здаваліся мне таемнымі вігвамамі дзікіх індзейцаў. Я наўмысля ўзмацняў у сабе гэта вострае адчуванне, і я дасягнуў таго, што сярод зарасляў лазняку паказваўся мне чырвоны твар індзейца, а з-за высокіх сцяблоў чароту тырчэлі пругкія пруткія, нацягнутыя на цеціву стрэлы".*

У. Бардон і **Л. Матрунчык** сцвярджаюць, што Палессе калісьці было плоскай раўнінай, *"зарослай старажытным трапічным лесам, і было ў агульных рысах падобнае на сучасны басейн ракі Амазонкі".* Параўнанні Палесся з Амазонкай даволі папулярныя.

Мы не ўключаем у гэтае паведамленне і антрапанімію, тапанімію, якія разглядаем у БІП асобнай групай. Можна толькі заўважыць, што, як вядома, беларуская антрапанімія адрозніваецца асабліва вялікім працэнтам прозвішчаў, якія паходзяць ад апелятываў. Прыкладамі падобных імён-мянушак і прозвішчаў могуць служыць "згаданыя" ў беларуска-індзейскіх даследаваннях (г.зн. зафіксаваныя намі аўтары або апісаныя імі дзеячы) "зооантрапонімы", зааформныя антрапонімы: Барсук, Буйвал, Варабей, Вараб'ёў, Верабей, Выдра, Глушакоў, Гусеў, Дзюбайла, Драздоў, Жук, Жураўлёў, Жучкевіч, Зайцаў, Зайчанка, Зуёнак, Кукушкін, Лісікаў, Лось, Налімаў, Пчолка, Рак, Русак,, Рыбак, Сакалоў, Салавей, Сокал, Шчука, Шчупак.

ВЕДЫ ПРА СВЕТ

Уяўленні беларусаў пра свет, геаграфічныя і этнаграфічныя, у канцы 15 ст. былі вельмі абмежаваныя і чэрпаліся з Бібліі і некаторых іншых шырока вядомых у Еўропе крыніц, часта антычнага паходжання. Біблейскія тэксты не паведамлялі пра існаванне людзей з чырвоным колерам скуры, але пэўнае ўяўленне пра неграў і носьбітаў манголоідных рыс беларусы мелі. У будучым індзейцы нагадвалі некаторым назіральнікам беларускіх татараў.

Каб правільна ўявіць сабе тое, як павінна была рэагаваць Беларусь на вестку пра адкрыццё Новага Свету і на пранікненне інфармацыі пра яе, а потым на дзеянні еўрапейскіх дзяржаў, неабходна ўлічыць спецыфіку яе развіцца за стагоддзі, які папярэднічалі "падарожжу **Калумба**". (Іранічна можна гаварыць нават пра "дакалумбавыя кантакты" паміж беларусамі і індзейцамі.)

Памяць пра сваё племяннное мінулае канчаткова страчвалася, але разуменне неаднолькавага ўзроўню развіцця народаў, наяўнасці ў пэўных частках вядомай заселенай прасторы "дзікіх людзей" мела месца.

ВЯСЕЛЛЕ

У даследаванні **М. Доўнар-Запольскага** "Беларускае вяселле ў культурна-рэлігійных перажытках" ("Этнографическое обозрение", 1893) факты, якія датычацца вясельных звычаяў у індзейцаў і іншых народаў, *"якія стаяць на нізкіх ступенях развіцця"*, дапамаглі вучонаму растлумачыць паходжанне асобных абрадавых элементаў.

Тое, *"якім прадстаўляе сабе жаніха беларуская вясельная паэзія",* мае *"поўную адпаведнасць",* напрыклад, з *"песенькай паўн.-амерыканскіх індзейцаў"*, у якой апісваецца ідэал дзяўчыны (паводле Э. Вестэрмарка, на англійскай мове).

Абапіраючыся на даследаванні **М. Доўнар-Запольскага** і заўважыўшы ў іх памылковыя тлумачэнні, вядомы этнограф і рэлігіязнаўца **М. Нікольскі** паказаў, што асобныя элементы вясельнай абраднасці беларусаў з'яўляюцца водгуллем звычаяў, якія існавалі ў першабытнасці.

Для асобных элементаў беларускай вясельнай абраднасці М. Нікольскі знаходзіць, хаця і *"не без цяжкасці"*, ацтэкскія і іракезскія паралелі.

Пры разглядзе цырымоніі злучэння жаніха і нявесты, маючы *"вельмі мала такіх этнаграфічных дадзеных, якія маглі б служыць надзейнымі зыходнымі пунктамі"*, даследчык выкарыстоўвае морганаўскую *"кароценькую даведку аб шлюбнай*

цырымоніі ў ацтэкаў: жрэц звязваў канцы плацця нявесты і плашча жаніха, і да гэтага абраду галоўным чынам і зводзілася заключэнне шлюбнага саюзу". Беларускі этнограф дапоўніў кароткае апісанне **Моргана** ўказаннямі на неабходныя ўмовы ажыццяўлення рытуалу. У 20 з 30 беларускіх апісанняў "злучэння" *"выступаюць найбольш прымітыўныя, архаічныя спосабы выканання абраду. Так, ёсць пяць выпадкаў, у якіх абрад "злучэння маладых" выконваецца праз іх звязванне, падобна да ацтэкскага абраду. Да гэтай жа катэгорыі трэба аднесці таксама адзін выпадак, калі абрад "злучэння" выконваецца праз спляценне валасоў маладых, якое суправаджае таксама адзін выпадак звязвання маладых"*.

Пасад жаніха таксама *"караніцца"* ў глыбокай першабытна-абшчыннай старажытнасці, паходзіць ад аднаго са складаных элементаў складанай цырымоніі прысвячэння юнакоў пры дасягненні імі палавой спеласці, г.зн. з'яўляецца перажыткам ініцыяцыі. Удзельнікі абраду, дакладней *"святадзейства" ("священнодействия")*, беларускага вясельнага каравая выклікалі асацыяцыю з іракезскімі *"захавальнікамі веры"*: *"Яго кіраўнікамі ў гістарычную эпоху былі хросная маці і "стараста", што адпавядаюць бабцы і сахему мацярынскага роду".* У пасадцы каравая ў печ мужчыны *"ўдзельнічалі не проста як "захавальнікі веры", а як выключна магчымыя выканаўцы спецыфічнага магічнага абраду".*

Саджанне нявесты на аўчынным кажусе *"мы сустракаем"*, сведчыць беларускі даследчык, *"у аднаго мексіканскага племені": "Нявесту прыводзяць урачыста ў дом жаніха. Апошні ўводзіць маладую ў асобы пакой, абодва садзяцца на разасланую пасярод пакою асабліва падрыхтаваную цыноўку і запальваюць агонь. Жрэц злучае канец плацця нявесты з канцом адзення жаніха". "Праз чатыры дні гэтую цыноўку і прасціны з пасцелі нясуць у храм і перадаюць у ахвяру ідалам". "Цікавасць мексіканскага звычаю заключаецца яшчэ і ў тым, што ў ім ясная рэлігійная мэта абраду".*

Падстрыганне ж валасоў жанчыны або больш аддалены перажытак – расчэсванне касы і надзяванне галаўнога ўбору – *"служыць адзнакай яе пераходу ў падпарадкаванае становішча"* і мае паралель з вядомым і ў амерыканскіх "дзікуноў" звычаем, паводле якога рабам забаранялася насіць даўгія валасы. **Доўнар-Запольскі**, лічыць цікавым, што *"ў мексіканцаў дзяўчаты, што прысвячаюцца бажаству, – абстрыгаюць таксама валасы".*

Даказваючы, што *"абрад падстрыгання або прыпякання валасоў жаніха" "ўяўляе сабой акт прызнання спеласці маладога члена з боку яго аднаабшчыннікаў"*, **Доўнар-Запольскі** знаходзіць *"цікавую аналогію"* ў Ічкатлане і ў міштэкаў у Мексіцы, дзе жрэц абразае жаніху частку валасоў на галаве.

Беларускі абрад падстрыгання звязваецца ім з *"вельмі распаўсюджанымі звычаямі нявечанняў"*, як спосабаў *"выпрабавання сталасці"*, да якіх адносяць і праколванне дзірачак у вушах чыбча і індзейцамі Каліфорніі, татуіраванне ў абіпонаў (і "гуараяў"), абразанне *"ў многіх абарыгенаў Паўднёвай і Паўночнай Амерыкі".*

Звычай пакрывання галавы нявесты пакрывалам чырвонага колеру звязваецца з *"культам бога-вытворцы"* і *"культам фалічных* бажаствоў". Апошнія *"цесна звязаны з выкарыстаннем чырвонага колеру, як сімвала іх, а таксама выкарыстаннем яго ў набажэнствах"*, у т. л. амерыканскімі народамі. У Бразіліі ўвагу жаніхоў прыцягваюць чырвонай фарбай на твары.

Акрамя таго, "узмужнеласць" даказваецца і ў беларусаў, і ў індзейцаў крык: *"малады чалавек пасылае сваёй каханай сала забітага ім мядзведзя і дапамагае ёй апрацаваць поле, менавіта пасадзіць боб",* а ў індзейцаў Гудзонавага заліва *"існуе звычай біцца за жанчыну, і яна дастаецца пераможцу".*

Радзімічы – самы рамантычны аб'ект БІП з "беларускіх плямёнаў". Апісанні "ілжэлетапісца" **Нестара** "ўваскрашаюць" карціны аналагічных звычаяў у індзейцаў. Мы маем невялікую колькасць "абзацаў", у якіх індзейскія плямёны сустракаюцца з беларускімі, напрыклад, з радзімічамі – як у **Ю. Сямёнава.** Так, у раздзеле, прысвечаным узнікненню і сутнасці прамiскуітэтных аргаістычных свят і ўзроставых ініцыяцый, сярод народаў, у якіх адзначаліся святы і ў час якіх назіралася *"палавая свабода"*, называюцца карокі, юрокі, віёты, кабінапек, керэс, майду, хідатса, плямёны ніжняй Місісіпі і плато, плямёны Мексікі, у прыватнасці тарахумара і ацтэкі, майя, плямёны Нікарагуа, перуанцы, апінажэ, уаўпэ, чароці, тэхуэльчэ, араўканы і, паводле "Аповесці мінулых гадоў", – радзімічы; беларусы аднесены да шырокага кола еўрапейскіх, азіяцкіх і афрыканскіх народаў, у якіх існавалі святы або перыяды часу (або *"іх перажыткі"*), калі звычаем дазваляліся неабмежаваныя палавыя зносіны паміж юнакамі і дзяўчатамі; сляды т.зв. насаманійскага звычаю (дашлюбнай калектыўнай дэфларацыі), які існаваў, у прыватнасці, у шэрагу плямёнаў Цэнтральнай і Паўднёвай Амерыкі, зафіксаваны і ў беларусаў. Прасочваючы ўзнікненне татэмічнай абраднасці, **Ю. Сямёнаў** адзначае зафіксаваны ў беларусаў звычай *"ставіць на вясельны стол свіную галаву, якую не ядуць у першы дзень ці нават да канца вяселля"* і адзначаны *"ў старажытных індзейцаў, антычных грэкаў, рымлян, рускіх, беларусаў, украінцаў"* і іншых народаў абрад саджання маладых на шкуру, шубу або дыван.

Паводле **Нікольскага**, *"вельмі многіх індзейскіх плямёнаў",* у прыватнасці, *"у іракезаў"*, існаваў парадак, па якому яны, як і беларусы, прымушалі сыноў і дачок падпарадкоўвацца матэрыяльнай зацікаўленасці, "*гаспадарчаму абмену".*

Патрыярхальныя адносіны, феадальная сацыяльная структура, што ўсталявалася, не дазволяць беларусам з любых саслоўяў успрымаць сямейна-шлюбныя адносіны індзейцаў без натуральных забабонаў.

КАЛАНІЗАЦЫЯ БЕЛАРУСІ

Важнае значэнне мае пытанне, хто ў ранняй гісторыі больш нагадваў індзейцаў, а хто – заваёўнікаў накшталт іспанскіх канкістадораў. Несумненна, працэсы тэрытарыяльных змяненняў прымусовага характару на пэўных этапах падобныя для ўсіх рэгіёнаў свету. Але эпоха першабытнасці не нараджае такіх яскравых паралелей і такой палемікі, як эпоха феадалізму і ранняга капіталізму, якія суправаджаліся захопам тэрыторый у Амерыцы і на іншай "перыферыі".

К. Тарасаў быў адным з тых, хто ў папулярнай літаратуры выразна адзначыў, што *"каланізацыя напачатку вялася не мірным шляхам"*. *"У часы перасялення крывічоў і дрыгавічоў літоўскія і латышскія плямёны не адступалі самі па сабе да балтыйскага прыбярэжжа, у сучасныя межы. Частка іх загінула ў бітвах з прышэльцамі, але большасць засталася жыць, дзе жыла адвеку, і паступова злівалася са славянскім насельніцтвам, прымаючы нешта ад яго і аддаючы яму ад сваіх адметнасцей як матэрыяльных, так і моўных"*. Паколькі *"выгнання ці знішчэння карэннага насельніцтва – літоўцаў, прусаў, яцвягаў"* не было, то апошняе, на думку **К. Тарасава**, здолела ўсталяваць на пэўнай частцы Русі *"надоўга і цвёрда"* язычніцкую веру, чым тлумачыцца і назва Чорная Русь у адрозненне ад хрысціянізаванай Белай.

З'яўленне чалавека на тэрыторыі Беларусі вучоныя адносяць да перыяду ад 100 тыс. гадоў назад, у той час як першае засяленне Амерыкі датуецца максімум 25 тыс. гадоў.

Пра з'яўленне чалавека на тэрыторыі Беларусі сведчаць знаходкі прылад працы мусцьерскай эпохі каля вёсак Падлужжа Чачэрскага, Клеявічы Касцюковіцкага, Абідавічы Быхаўскага і Свацілавічы Веткаўскага раёнаў. Найбольш старажытнае са знойдзеных паселішчаў – Юравіцкае – датуецца каля 26 тыс. гадамі; Бердыжская стаянка мае ўзрост каля 23 гадоў. **А. Калечыц**, якая прыводзіць гэтыя лічбы з "плюс-мінус" каля 200-400 гадоў, вывучала экалогію палеалітычнага насельніцтва, улічыўшы і дадзеныя, *"звязаныя з высвятленнем геалагічнага ўзросту выкапнёвых гамінід, іх распаўсюджаннем у Старым і Новым Свеце"*, якія сабралі савецкія вучоныя.

Каланізуючы лясную паласу, уступаючы ў цесную сувязь з мясцовым насельніцтвам, славяне набывалі ў пэўнай ступені культурна-этнаграфічныя

асаблівасці абарыгенаў, наследавалі элементы іх матэрыяльнай культуры. Паняцце "славянская каланізацыя" ў любым выпадку больш вядомае і асэнсаванае, чым "балцкая каланізацыя".

Я. Тазбір пісаў у прадмове да прысвечанай 500-годдзю адкрыцця Амерыкі кнізе "Польская слава **Хрыстафора Калумба**" (1991): *"Пад ударамі мяча гінулі ў Еўропе цэлыя плямёны; калі за знішчэнне заходніх славян адказнымі з'яўляюцца перш за ўсё немцы, то да вынішчэння спачатку яцвягаў, а пазней прусаў прыклалі руку таксама літоўцы* [Litwini] *і палякі. З другога ж боку, перад прыбыццём Калумба ў Амерыку адносіны паміж яе першапачатковымі жыхарамі былі далёкія ад ідыліі. На сотнях тысяч ахвяр і знішчэнні іншых плямён былі пабудаваны імперыі ацтэкаў і майя. У сваю чаргу іх культуры нанеслі смяротны ўдар іспанскія канкістадоры".*

Лёс імперый. Чым тлумачацца выказванні тыпу: такі малы народ літоўцы, а таксама змог нас заваяваць, мы трапілі пад яго ярмо? Якія знаходзяцца апраўданні дзеянняў "сапраўдных" або ўласна літоўцаў і "ліцвінаў" – беларусаў у прыкладах з гісторыі амерыканскіх імперый?

Пры пастаноўцы пытання пра "ярмо" выпадак з літоўцамі або "літоўцамі" мае паралелі ў гісторыі інкаў, невялікага народа, які здолеў падпарадкаваць іншыя і стварыць імперыю, пашырэнне якой на ўвесь Андскі рэгіён было спыненае толькі з прыходам іспанскіх канкістадораў.

У заключнай главе (VI. Канец імперый) сваёй кнігі "Інкі. Гістарычны вопыт імперыі" **Ю. Бярозкін**, спрабуючы даказаць падабенства форм кантролю дзяржавы над грамадствам на розных кантынентах у розныя часы, піша пра дасягнутую ў СССР мэту *"выхавання новага чалавека"*: *"Дзесяцігоддзямі прапагандаваўся не знаходзячы сабе блізкіх аналагаў у сусветным фальклоры міф пра **Паўліка Марозава*** [як вядома, беларуса ў Расіі]*, які адлюстраваў, як гэта і ўласціва сапраўднаму міфу (незалежна ад таго, ляжыць у яго аснове сапраўдны трагічны лёс хлопчыка ці цалкам выдуманая гісторыя), у канцэнтраванай, вобразнай і даступнай масавай свядомасці форме тое галоўнае "дасягненне" таталітарызму, якім ён узбагаціў тэорыю і практыку кіравання дзяржавамі імперскага ўзору".*

МАТЭРЫЯЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Лукі, медныя вырабы. Беларускі археолаг і мастацтвазнавец **М. Чарняўскі** ў двух сваіх навукова-папулярных нарысах прывёў у якасці паралельных прыкладаў самаробную медзь у Паўночнай Амерыцы і медныя каваныя вырабы, адсутнасць кола ў Амерыцы, майстэрства індзейцаў хутка распальваць вогнішча *"помпавым свярдзёлкам"* і высяканнем з дапамогай сернага калчадану, дальнасць бою цяжкага

індзейскага лука (450 м), прабіванне наскрозь чалавека за 300 метраў *"індзейцам з племені апачаў"* і прыбіванне *"канквістадораў"* да коней у Цэнтральнай Амерыцы, аздобы (каралі) з зубоў дзікіх жывёл, якія насілі ўніверсальны характар.

Перад характарыстыкай упрыгажэнняў і амулетаў са старажытных паселішчаў Беларусі **Чарняўскі** піша: *"Куды б мы ні трапілі – ці то ў афрыканскую саванну, джунглі Амерыкі, ці то на астравы Ціхага акіяна, або ў паўпустыні Аўстраліі – усюды, дзе яшчэ існуюць першабытныя народы, можна сустрэць у тубыльцаў каралі з зубоў дзікіх жывёл"*.

Музычныя інструменты, труба. **В. Бандарчык** у "Гісторыі беларускай этнаграфіі. Пачатак XX ст." спецыяльна адзначыў артыкул **В. Машкова** "Труба ў народных вераваннях", у якім генерал-этнограф *"упершыню на вялікім параўнальным матэрыяле з быту розных народаў свету даследаваў пытанне аб вераваннях і павер'ях, звязаных з народным інструментам"*. У сваім дэтальным аналізе ён не абмінуў і некаторыя тэхнічныя "сродкі", якія ўжываюцца, напрыклад, для выпраўлення дэфектаў інструмента: *"у Паўднёвай Амерыцы, у нас у Сядлецкай губерні і ў Палессі трубу кожны раз кладуць у ваду і даюць яе дрэву набрыняць. Пры гэтым валокны расшыраюцца ў папярочным напрамку і зацягваюць усе дробныя шчыліны"*.

Тамагаўкі. Праблема этнічнай атрыбуцыі насельніцтва, якое жыло на тэрыторыі Беларусі да прыходу на яе спачатку балтаў, а потым вядомых з летапісаў славянскіх плямёнаў, дагэтуль не вырашаная, бо археалагічныя і асабліва лінгвагеаграфічныя дадзеныя інтэрпрэтуюцца рознымі аўтарамі па-рознаму. Спрабуючы разабрацца з *"балта-славянскай дылемай*", **С. Рассадзін** выказвае меркаванне, што *"буйная міграцыя старажытных балтаў на тэрыторыю сучаснай Беларусі адбылася значна пазней за часы міграцыі воінаў з "каменнымі тамагаўкамі""*. Этнічная прыналежнасць носьбітаў культуры баявых сякер, якія быццам бы пачалі называць балцкімі імёнамі вадаёмы ў іх арэале 2 тысячагоддзя да н.э., мілаградскай культуры і іншых, лакалізаваных на Палессі, цікавіць вучоных у сувязі з гіпотэзай аб прарадзіме славян, якая нібыта ўключала паўднёвую Беларусь.

Прыкладам таго, які адчувальны, хаця і няправільна "інтэрпрэтаваны" ўплыў робіць індзейская матэрыяльная культура на жыхароў сучаснай беларускай вёскі, можа быць выказванне разьбяра са Светлагорскага раёна (в. Коўчыцы) **В. Голуба**, які ў тэлеперадачы назваў сваю сякеру *"беларускім тамагаўкам*".

Варта таксама згадаць, што "лятучыя гусары" стала, а некаторым "адзін да аднаго" нагадваюць у частцы пер'я прэрыйных індзейцаў…

ПАГАНСТВА

Вялікую ступень захаванасці ў беларусаў паганства адзначалі многія аўтары другой паловы 19 і пачатку 20 ст. "Беларускі феномен" вылучаецца / вывучаецца на фоне Расіі, славянства і народаў "усяго хрысціянскага свету", які інтэграваў "племянныя" і "натуральныя".

"Паўсюль у Расіі яшчэ захоўваюцца ў большай ці меншай ступені сляды паганскіх культаў і вераванняў. Аднак беларусу ў гэтых адносінах, бясспрэчна, належыць першынство" (**Д. Шэндрык** і М. **Доўнар-Запольскі**, 1905).

"А я скажу, што ў ніводнага народа хрысціянскага не захавалася так многа, так жывых і ясных слядоў паганства. Беларус хоч хрысціянін і набожны, а між тым ён напалавіну паганец, бо спаўняе верна ўсе абрады паганскія..." (**К. Каганец**, "Яшчэ некалькі слоў пра перажыткі паганства ў беларусаў", 1902).

У 1977 г. гэта падсумаваў "сусветным" абагульненнем і **У. Караткевіч**: "*Рэшткі язычніцкіх вераванняў былі на Беларусі жывучыя, як нідзе"* (як заўсёды, ён не быў арыгінальны, а толькі па-мастацку папулярызаваў ідэі).

Рэлігійныя паралелі па паганстве ўключаюць як раздзелы магію, анімізм, культ прыроды, культ сонца. Таксама рэлігійны гетэрызм і культ фаласа, якія больш выразна выступаюць у культуры індзейцаў, захаваліся ў схаванай форме і ў беларусаў.

ПЛЯМЁНЫ

З беларускіх плямёнаў найбольш прывабнымі ўяўляліся да нас носьбіты мілагучнага і шматзначнага імя радзімічы: нашай юнацкай ідэяй было нават адрадзіць – і не толькі для "патрэб" хабістаў-індзеяністаў – племянную арганізацыю беларусаў – спачатку на "базе" радзімічаў, радзіміцкай тэрыторыі.

Нават загалоўкі публікацый пра радзімічаў – будзяць "племянны дух": "Пахавальны тып магіл радзімічаў"; "Аб раскопках у былой зямлі радзімічаў", "Старажытны помнік "**Воўчага хваста**" ў краіне Радзімічаў", "Паўднёва-ўсходнія граніцы радзімічаў", "Радзімічы", "Адкуль прыйшлі радзімічы і вяцічы на Русь", "Славянскія саюзы плямён па археалагічных матэрыялах VIII-XIV стст. н.э. (вяцічы, радзімічы, севяране)", "Да пытання аб сувязях радзімічаў і вяцічаў", "Да пытання аб прыходзе радзімічаў на Русь", "Язычніцкае свяцілішча ў зямлі радзімічаў" і, нарэшце,

публікацыі ўласна беларускіх аўтараў: "Радзіміцкія скроневыя кольцы" "Работы Радзіміцкага атрада" і інш.

Беларусы страцілі сваю племянную арганізацыю задоўга да адкрыцця Амерыкі, але аж да канца 19 – пачатку 20 ст. іх часам называлі племенем. Напрыклад, у працах **Я. Карскага** "Этнаграфічная карта беларускага племені" (1903), "Мова беларускага племені" (1908-1912), "Нарысы славеснасці беларускага племені" (1916). Аналагічным чынам ужываўся тэрмін "племя" і ў адносінах да іншых еўрапейскіх народаў, асабліва ўсходніх славян. Як тлумачыць **І. Чаквін**, *"У дарэвалюцыйнай этнаграфіі, інш. грамадскіх навуках, л-ры і публіцыстыцы тэрмін "П."* [племя] *ўжываўся ў сэнсе народ"*. У заходнееўрапейскай і амерыканскай літаратуры славяне пасляплемянной эпохі плямёнамі не называліся. Аднак тыя з іх, хто з іншымі *"инародцами"* ўваходзіў у склад насельніцтва нацыянальных ускраін, у некаторых выпадках называліся *"карэннымі расамі"*.

Даследаванні па племянных саюзах, што грунтуюцца галоўным чынам на археалагічных дадзеных, уключаюць, па нашых уражаннях, няшмат пазаеўрапейскай кампаратывістыкі.

РАСЫ І НАЗВА БЕЛАРУСЬ

Хаця беларусы ў многім нагадвалі "дзікуноў", прыналежнасць іх да белай, еўрапеоіднай расы, тым не менш, нікім не аспрэчвалася. Тым больш, што і назва краіны часцей, чым у большасці іншых народаў, нагадвала пра "расавы падзел".

"Антрапалагічным" было і адно з растлумачэнняў паходжання назвы Беларусь: белыя адзенні даўніх людзей, белыя іхнія валасы, белы колер скуры. На гэта звярнуў увагу, напрыклад, **Я. Карскі**, які пісаў, што *"пануючы тып беларусаў – крайнія бландзіны з блакітнымі або светла-шэрымі вачыма"*.

Асіміляцыя. У адрозненне ад рускіх і ўкраінцаў, лічыў **У. Ігнатоўскі**, *"беларускае племя праз увесь час свайго мінулага жыцця не злівалася з народнасцямі другіх рас", "этнаграфічнага ўплыву мангольскай расы на беларуса не было", "турка-мангольская лавіна да іх не дакацілася, а фіна-мангольскія пляменні не былі іх суседзямі*".

Этнагенез. Пра *"змяшэнне славянаў з мясцовымі балтамі",* пішуць многія. **Г. Штыхаў** – адзін з многіх гісторыкаў, якія вывучалі раннія этапы гісторыі беларусаў і пісалі пра гэта. Тым не менш, вяліся спрэчкі адносна значнасці ролі балтаў у этнагенезе народа і "працэнта літоўскай крыві".

СМЕРЦЬ І ПАХАВАННЕ, А ТАКСАМА ЗДАРОЎЕ І ГІГІЕНА

В. Машкоў, зноў спасылаючыся на **А. Дэмбавецкага**, адзначае яшчэ адну рысу, якая асабліва збліжае беларусаў з індзейцамі: *"поўная абыякавасць да смерці"* (*"полное равнодушие к смерти"*). *"Цяжка сабе ўявіць, як бясстрашна і пакорна сустракае смерць беларускі селянін. За рэдкімі выключэннямі, паміраючы робіць вуснае завяшчанне з надзвычайнай падрабязнасцю, прычым ім не будуць забыты не толькі родныя, але і іх наступныя ў тонкіх дробязях"*.

Пры "абыякавасці" да сваёй смерці, беларусы, аднак, паказваюць выдатны прыклад неабыякавасці да смерці сваіх сваякоў і іншых аднапляменнікаў, памяці пра іх.

Адным з лепшых і самых вядомых твораў **А. Міцкевіча** з'яўляецца паэма "Дзяды". Даючы ў каментарыі кароткую даведку пра гэты народны звычай, які *"дагэтуль спраўляецца"* простым народам у многіх мясцовасцях Літвы, Прусіі і Курляндыі, паэт заўважае: *"Належна ўвагі, што звычай частаваць памерлых, відаць, існаваў ва ўсіх паганскіх народаў – у Старажытнай Грэцыі ў часы Гамера, у Скандынавіі, у краінах Усходу і дагэтуль на астравах Новага Свету"*.

А. Замбжыцкая-Свяневіч, ураджэнка купалаўскай Вязынкі, жыла ў Канадзе – нас не здзівіла, што там яна не пакінула без увагі карэнных жыхароў. **Г. Міхей-Харытанюк** цытуе яскравы прыклад БІП, які Алімпія прывяла ў артыкуле "Дзяды, знікаючы народны абрад" (Лондан, 1972): *"Пра звычаі ў канадскай Новай Шатландыі аўтар даведалася, калі прачытала ў мясцовай прэсе апісанне пахавання індзейцаў: "Мяне ўразіла падабенства з беларускімі пахавальнымі звычаямі. Перад тым, як адвезці на могілкі, нябожчыка кладуць на спецыяльнае драўлянае крэсла з высокай спінкай, насупраць стала, запоўненага ежай. У цэнтры стала галава вала, прыгожа аздобленая. Галаву кладуць так, каб нябожчык бачыў, што яму сям'я нічога не шкадавала з гаспадаркі". Індзейцы верылі, што пасля іх смерці памерлыя ўзнагародзяць гаспадароў за такую дабрыню"*.

Мы не можам не працытаваць яшчэ адзін з самых эфектных выпадкаў БІП, выяўленых намі ў апошнія гады, – што да суадносін хрысціянскага і "папярэдняга", хоць ён і не адносіцца строга да параўнання традыцыйных пахавальных звычаяў, а з'яўляецца прыкладам "палемікі".

М. Далбілаў, аўтар кнігі "Рускі край, чужая вера. Этнаканфесійная палітыка імперыі ў Літве і Беларусі пры Аляксандры II", узбагаціў БІП знойдзенымі ім дакументамі, якія "вобразна" апісваюць драмы накшталт "вяртання ў Праваслаўе" - у прыватнасці, селяніна Маладзечанскай воласці Вілейскага павета **М. Гарошкі** і яго землякоў. Гэтую доўгую гісторыю на мяжы 1860-х і 1870-х ён характарызуе так: "*Паказальная,*

*хаця і далёка не тыповая". "Як ясна са справы, якая адклалася ў фондзе Упраўлення Віленскай каталіцкай епархіі, праваслаўны святар патрабаваў "вяртання" ў праваслаўе, акрамя **Гарошкі**, яшчэ каля 200 яго аднавяскоўцаў. У скаргах, якія падаваліся імі і каталіцкім, і праваслаўным духоўным уладам, гаварылася: пасля забароны наведваць суседні з іх сялом касцёл "[мы] жывём з малым адрозненнем ад жывёл" – без здзяйснення таінстваў, а горш за ўсё, што стала немагчымым хрысціянскае пахаванне і "грэшнае цела ў адукаванай краіне аддаецца зямлі без усякіх свяшчэнных абрадаў, накшталт індзейскіх дзікуноў…"".*

Гігіена. Апісваючы цемаскаль, *"на перамену святыню і дом для купання", "універсальнае лякарства індзейцаў з Каліфорніі"*, якое паспяхова выкарыстоўваюць супраць найбольш распаўсюджаных хвароб, рэўматызму і сіфілісу, **А. Галынскі** заўважае: *"звычай гвалтоўнага пераходу з гарачага ў халоднае, агульна практыкаваны, як вядома, ніжэйшымі слаямі ў Расіі, робіць, верагодна, карысны ўплыў на арганізм".*

ТАНЕЦ І АБРАДЫ З ЯГО ЭЛЕМЕНТАМІ

У беларускім танцавальным фальклоры захавалася шмат старажытных элементаў, на якія даўно звярнулі ўвагу даследчыкі. Вядомы беларускі танец з перайманнем скокаў жабы. Рухі многіх іншых жывёл і птушак (казы, жураўля, вераб'я) прысутнічаюць у т.зв. *"ілюстрацыйна-выяўленчых танцах"*, якія адлюстроўваюць таксама з'явы прыроды, паводзіны прадстаўнікоў пэўных прафесій. Распаўсюджаным было пераапрананне ў "казу", "каня", "мядзведзя", якое мае шматлікія аналогіі ў індзейскіх цырыманіялах, прычым рэлігійная функцыя паступова страчвалася і абрады, у якіх з'яўлялася ўсе больш жартаўлівых элементаў,ператварыліся ў гульні.

Нарматыўная мараль адлюстроўвалася як у звычайнай, бытавой, так і ў рэлігійнай "непрыстойнасці". Да "непрыстойных", "распусных" адносілі, у прыватнасці, беларускі танец "Жабка", у якім мужчыны (часам жанчыны) імітавалі рухі жаб. У той жа час *"амаральнымі, парнаграфічнымі, непрыстойнымі, дзікімі"* разглядаліся асобныя рэлігійныя абрады індзейцаў. Падобную пазіцыю займалі такія прадстаўнікі амерыканскай "цывілізацыі", як камісіянер **Ч. Берк (Bourke)**, які назіраў цырыманіяльнае жыццё пуэбла (ён жа вядомы як "афіцэр-этнограф", асабліва ў адносінах да апачаў, а таксама як аўтар працы "Скаталагічныя абрады ўсіх нацый. Дысертацыя аб выкарыстанні экскрэментных лекаў у рэлігіі, тэрапіі, варажбе, вядзьмарстве, афрадызіяках і г.д. ва ўсіх частках зямнога шара" (1891), падкрэсліваем - усіх нацый або народаў).

А. Фядосік спасылаецца на **А. Аўдзеева** і амерыканскага этнографа **Дж. Ф'юкса**, даючы паралельны прыклад з клоўнамі пуэбла (хопі), якія парадзіравалі і *"носьбітаў свяшчэнных масак"*, і белых, якія назіралі за абрадамі.

М. Ваньковіч бачыў у Санта-Моніцы (Каліфорнія) індзейскія танцы ў выкананні школьнікаў. *"Поўны экспрэсіі танец арла і паляўнічага з тамагаўка"* змяняўся нумарам, калі маленькія дзеці, *"апранутыя па-індзейску, са званочкамі на нагах, танцуюць танец з абручамі, які нагадвае мне знойдзены пад Стоўбцамі беларускі рэлікт – танец паміж пакладзенымі накрыж палкамі".* Гэта падобнае на традыцыйны танец "Мікіта".

Акрамя ілюстрацыйна-выяўленчых і гульнявых танцаў, вылучаюцца таксама арнаментальныя, якія выконваюцца *"паводле малюнка"*, у т. л. геаметрычнага.

ХРЫСЦІЯНІЗАЦЫЯ

У 10 ст. на тэрыторыі Беларусі пачало ўводзіцца хрысціянства. Гэта была "некарэнная", прыўнесеная сістэма поглядаў на свет. Хаця яна і ўвабрала ў сябе многія элементы дахрысціянскіх уяўленняў і практык, яе ўвядзенне сярод язычнікаў сустракалася з неразуменнем і пярэчаннем. Нягледзячы на тое, што ў гістарыяграфіі хрысціянізацыі прасочваецца яўная тэндэнцыя згладзіць праблемы, якія ўзнікалі ў місіянераў і кіруючых колаў раннефеадальных дзяржаў, хуткасць і лёгкасць абарачэння протабеларускай народнасці выклікае сумненні. На перашкоды ў аб'ектыўным адлюстраванні падзей, што наўмысна ствараліся раннімі гісторыкамі, звярнуў увагу даследчык эпохі ранняга хрысціянства на ўсходнеславянскіх землях **Г. Філіст**, якому заўчасная смерць не дазволіла дэталізаваць сапраўдную карціну. На думку **Г. Філіста**, *"хрысціянізацыя Беларусі працягвалася да кастрычніка 1917 года".*

Жорсткі наступ хрысціянства на язычніцтва паскорыў "цывілізаванне" Беларусі, садзейнічаў страце племянной арганізацыі. Ёсць сведчанні пра асобныя лакальныя кровапраліцці пры ўвядзенні новай веры, але язычніцтва на Беларусі досыць хутка схавалася ў глыбіні народа, не робячы актыўных спроб супраціўлення. Стаўшы хрысціянамі, продкі беларусаў самі прынялі ўдзел у падаўленні яцвягаў і старажытных літоўцаў, "дзяржаўнае" язычніцтва якіх захоўвалася яшчэ некалькі стагоддзяў, дзякуючы чаму ў 15 ст. яны заставаліся *"апошнім язычніцкім народам у Еўропе"*.

Кожны па-свойму, але беларускі і літоўскі народы збліжаюцца з індзейцамі ў перажытках паганства і ў доўгай гісторыі іх хрысціянізацыі. Літоўцы, на глыбока

народным узроўні, у апошнім пайшлі у выніку далей, нягледзячы на рух неапаганства, які ўсё ж не адлюстроўвае натуральныя традыцыі.

ЭКАНОМІКА

У артыкуле "Эвалюцыя эканомікі ранняга першабытнага грамадства" **Ю. Сямёнаў** правеў прамую паралель камуналістычных звычаяў у індзейцаў і беларусаў: *"асобныя перажыткі даванне-дзялёжных адносін"*, якія працягвалі захоўвацца доўгі час і пасля таго, як узнікла класавае грамадства, *"можна знайсці амаль у любой сялянскай абшчыне"*, у прыватнасці, у даліне Аахака (Мексіка) і Белізе, у майя і ў беларусаў Палесся. Спасылаючыся на артыкулы **Дж. Грэгары** ў "Карэнт антраполаджы", **Р. Білса** ў "Паўднёва-заходнім часопісе антрапалогіі" і **А. Сержпутоўскага** ў "Живой старине", **Ю. Сямёнаў** характарызуе звычаі дзяліцца асобнымі харчовымі прадуктамі з бліжэйшымі суседзямі, *"сябрамі"* і *"ўвогуле аднавяскоўцамі*": да канца 19 ст. на Палессі было неабходна, напрыклад, *"дзяліцца з суседзямі"* рыбай, злоўленай *"у вялікай колькасці"*, а ў вёсцы майя Сан-Антоніа (Беліз) **"чалавек, які налавіў шмат рыбы, частку яе раздаваў сваякам і сябрам".** Праз многія дзесяцігоддзі пасля таго, як беларуская "бонда", сапраўдная "дача-дзяльба", страціла сваю назву, яна *"па-ранейшаму захоўваецца як нар. традыцыя калектыўных узаемаадносін".*

Калектыўная праца. Такія формы калектыўнай бясплатнай працы, як талака ў беларусаў і міта ў інкаў, маючы аднолькавыя абшчынныя карані, яшчэ да прыходу іспанцаў у Амерыку і наплыву чужаземных прыгоннікаў у Беларусь, развіліся як "абавязковыя" з той розніцай, што на талаку збіраліся аднавяскоўцы, каб дапамагчы выканаць разавыя, звычайна аднадзённыя працаёмкія або тэрміновыя работы, а мітай прадугледжвалася строгая чарговасць работ, працягласцю не больш за 90 дзён, якія выконваліся спецыяльна на карысць інкскіх правіцеляў і святароў.

Для параўнання згонаў і міты: "*У час прыгону паны выкарыстоўвалі нар. звычай і ўводзілі прымусовыя Т. для выканання тэрміновых с.-г. работ звыш абавязковых сялянскіх павіннасцей, т.зв. згоны, гвалты". "З прыходам іспанцаў М. – прымус. работа індзейцаў у шахтах і рудніках, а таксама ў гасп-цы або доме землеўладальніка на працягу пэўнага тэрміна за мізэрную плату".*

Збіральніцтва. *"У многіх месцах планеты прырода быццам бы іграла з чалавекам у паддаўкі, падказваючы, дзе ляжыць шлях у будучае. У Паўночнай Амерыцы індзейцы, якія нават не ведалі яшчэ земляробства, збіралі ля берагоў азёр ураджаі дзікага рысу.* [...] *Нават у Беларусі сёння сям-там можна знайсці лапік грэцкага поля, нікім не засеянага, а грэчка ж тут госця – яна з'явілася ва Усходняй Еўропе толькі ў познім сярэднявеччы"* (**Ю. Брамлей** і **Р. Падольны**).

ЭКСПАНСІЯНІЗМ І КАНКІСТА

"Беларуска-літоўская" дзяржава, якая на працягу 13-15 стст. праводзіла беспрэцэдэнтную для Еўропы таго часу экспансію ў паўднёвым і ўсходнім напрамках і ўключала шмат народаў, ужо страчвала свой экспансіянісцкі імпэт і адбываўся адваротны працэс. Карта Вялікага Княства Літоўскага з абазначанымі *"абшарамі Беларусі"* ў кароткім нарысе ваеннай гісторыі "Забытая слава" ўключала мяжу пры **Вітаўце Вялікім** і **Казіміры** з сімвалічным датаваннем *"(1392-1492)"* і *"незаселеныя землі"* ў Прычарнамор'і. У поўным жаху, але мы даслалі газету "Звязда" з нарысам **Я. Тазбіру**, даследчыку нашых агульных "хатніх канкістадораў".

Заваяванне. Заваёўніцкія акцыі **Гедыміна** ў паўднёвым напрамку, якія адбыліся пасля перамог над крыжакамі, што акрылялі, асвятляліся недастаткова выразна, але важныя для "гістарычнай памяці" беларусаў як узор крытыкі ўласнага негатывізму.

Але ВКЛ не прэтэндавала на ўдзел у вялікіх геаграфічных адкрыццях і падзеле "аддаленага свету". У яго толькі пэўны час быў чыста сімвалічны выхад да мора на невялічкім участку ўзбярэжжа Балтыйскага мора на поўдзень ад Клайпеды, а больш шырокі да мора на поўдні меў яшчэ больш "кароткі" і "намінальны" характар.

Варта яшчэ і яшчэ вяртацца да аспектаў з'явы, што канкіста Амерыкі асацыіруецца з "заваяваннем Беларусі". Да канца 80-х гадоў у літаратуры, прысвечанай гісторыі стварэння Вялікага княства Літоўскага, панавала версія, што Літва (мелася на ўвазе тэрыторыя этнічных літоўцаў) заваявала частку тэрыторыі сучаснай Беларусі, т.зв. Чорную Русь з гарадамі Навагрудак, Слонім, Ваўкавыск. Яна моцна замацавалася ў народнай свядомасці. Але гісторык **М. Ермаловіч** на падставе дакументаў і разнастайных публікацый, дэталёва ім прааналізаваных для падмацавання тэоры "беларускай дзяржавы", паказаў, што меў месца факт заваявання Навагрудкам Літвы, якая знаходзілася ў Верхнім Панямонні паміж Полацкай, Турава-Пінскай і Навагрудскай землямі. Такім чынам, ставіцца пад сумненне заваяванне літоўцамі Беларусі і іх панавання. Хаця абсалютная яснасць у пытанне не ўнесенае і ідэя "канкісты" Беларусі суседзямі не стала пераважаць над супрацьлеглым "нелагічным" уяўленнем, прыхільнікі высноў **М. Ермаловіча** "працуюць" супраць аднаго з найважнейшых фактараў беларуска-індзейскага збліжэння – "негістарычнасць" і адсутнасць уласнай традыцыі панавання над іншымі народамі, – спрабуючы як мага паўней увесці беларускі народ у "лона еўрапейскай цывілізацыі".

Той гістарычны перыяд сапраўды характарызуецца спрэчнай трактоўкай. Залішняя гераізацыя антыкрыжацкай "пагоні" змянялася ўслаўленнем найбуйнейшай і наймацнейшай еўрапейскай дзяржавы, межы якога распасціраліся ад мора да мора. На яе прасторы мусіў адбыцца "melting pot", змяшэнне народаў.

ЭТНАЗААЛОГІЯ І ЭТНАБАТАНІКА

Зубр і бізон, "зубр – бізон" – месца гэтых жывёл у жыцці беларусаў і індзейцаў не падобнае з гаспадарчага пункту гледжання, але "ідэйна", "ідэалагічна", эмацыянальна жывёлы блізкія і параўноўваюцца, сярод іншых і стваральнікамі спектакля "Чырвоны лес".

Разважаючы пра людзей, якія 25-30 тысяч гадоў таму стварылі стаянкі каля вёскі Юравічы ў Калінкавіцкім раёне, **В. Вольскі** пісаў, што яны жылі *"каля мамантаў так, як жылі паўночнамерыканскія індзейцы каля бізонаў"*, а прыручыць гэтых *"вялізных жывёлін, як прыручылі яны пазней сабаку, свінню, каня, рагатую скаціну ці як яны прыручылі слана ў Індыі, вярблюда ў Азіі і Афрыцы, ламу ў Паўднёвай Амерыцы, нашы далёкія продкі не здолелі. Яны тады яшчэ да гэтага не дадумаліся"* і *"цалкам знішчылі мамантаў для сваіх патрэб"*.

Можна прывесці прыклады і паралельнага выкарыстання адных і тых жа раслін (этнабатанічная БІП). У тым ліку і ў гумарыстычным афармленні a la "Да Калумба": з "дарамі" антыподаў за пяць стагоддзяў у Беларусі звыкліся настолькі, што не ўяўляюць, як мог **Ф. Скарына**, будучы беларусам, які нарадзіўся прыкладна за два гады да першага падарожжа **Х. Калумба** і ў 1504 г. адправіўся вучыцца ў Кракаў, не ўзяць з сабой у дарогу бульбу, каб пячы яе ў прыску нібыта падобна іншым падарожнікам па Еўропе ў той час, калі *"**Калумб** толькі што даплывае да ўсходніх берагоў Цэнтральнай Амерыкі"*.

ЭТНАПСІХАЛОГІЯ

"А вось і сведчанне пра ляноту і бесклапотнасць сялян, уласцівасцях асабліва характэрных для дзікуна: "Калі ў беларуса няма крайнасці ў жыццёвых патрэбах, ён звычайна мала клапоціцца пра будучае". У беларусаў жа назіраецца і міралюбнасць, якой так адрозніваюцца дзікуны: "Фанабэрлівасць і рэзкія словы суседа не выклікаюць у магілёўскім беларусе такіх жа рэзкіх адказаў нават пры штуршку з боку задзірлівага спрачальніка. Калі іншыя падахвочваюць звярнуцца ў суд і "даць здачы", селянін адказвае: "Няхай яму Бог аддасць". Селянін як бы ні быў пакрыўджаны кімсьці, вельмі хутка забывае нанесеную яму крыўду. Разбоі і грабяжы, якія з'яўляюцца ў іншых мясцовасцях у цяжкія неўраджайныя гады, – зусім невядомыя ў магілёўскіх беларусаў"" (**В. Машкоў**, "Новая тэорыя паходжання чалавека і яго выраджэння", 1907).

Такім чынам, шмат добрага дае пазітыўная "беларуска-індзейская" характарыстыка для беларусаў, якія хочуць, каб іх *"вельмі любілі ў свеце"* – як любяць індзейцаў.

ЭТНАЭКАЛОГІЯ

Экалогія, этнаэкалогія, "сінэкалогія" – папулярная тэма ў БІП.

Адным з лепшых прыкладаў з'яўляюцца балоты. Насельніцтва забалочаных частак Беларусі мусіла вырашаць тыя ж праблемы, што і своеасаблівая *"балотная цывілізацыя майя"*, прыклад якой прыводзіць у кнізе "Геаграфічныя нарысы прыроды Беларусі"(1983) **В. Лукашоў**. *"Майя будавалі свае гарады побач з балотамі, мелі развітую сістэму каналаў і выкарыстоўвалі ў земляробстве балотны глей"*. "Цывілізацыя" Беларусі ўсё ж "адставала" ад майяскай... і шырокамаштабная меліярацыя пачалася ўжо ў новы час (**І. Жылінскі**).

Кола кампаратывістыкі лагічна вярнуць да сувязі чалавека і прыроды, усведамляючы веліч апошняй у параўнанні з вялізнымі будынкамі, транспартнай, прамысловай, ваеннай і іншай "інфраструктурай", створанай для "пакарэння" аднымі людзьмі іншых. Валуны, так характэрныя для беларускага пейзажу, узніклі ў выніку тых жа рухаў ледавікоў, што і ў Паўночнай Амерыцы, і мясцовае насельніцтва абагаўляла іх. Аўтар кнігі пра валуны і звязаныя з імі паганскія ўяўленні, звычаі **Э. Ляўкоў** ("Маўклівыя сведкі мінуўшчыны") адзначае, напрыклад, што ў Паўночнай Амерыцы камені на след чалавека, следавікі, таксама **"ахутаныя легендамі і паданнямі"**.

Ales Simakou (Gomel, Belarus): "Belarusian-Indian comparative studies: the main categories of ethnocultural ‘archaics’"
(webzine “Kultura.Natsyja”, issue 31, April 2023, 170-190, www.sakavik.net)

Abstract. This material continues with a new set of data the series that began with the text "Belarusian-Indian comparative studies: the most important non-ethnographic rubrics" in No. 30 of the magazine "Kultura. Natsyia" (Culture. Nation") (2022). This communication is an annotated collection of quotations of the main groups comparing the realities of Belarus and Indian America in the range of spiritual and, to a less extent, material culture. The groups are arranged in alphabetical order. Undoubted primacy in terms of the number and volume of comparisons belongs to the topics of paganism and Christianization, wedding ceremonies, and marriage. Also, popular topics are attitudes to death, collectivism, peace-loving, honesty, peasants' low propensity to commit crimes, and other ethnopsychology topics.

Contents: general (historiography); knowledge about the world; wedding; colonization of Belarus (the fate of empires); material culture (bows, copper products, trumpet, tomahawk); paganism; tribes; races and the name Belarus (assimilation, ethnogenesis); death and burial as well as health and hygiene; dance and rituals with its elements; Christianization; economy (collective work, gathering); expansionism and conquista (conquest); ethnozoology and ethnobotany; ethnopsychology; ethnoecology.

Алесь Симаков (Гомель, Беларусь): "Белорусско-индейская компаративистика: основные категории этнокультурной "архаики"
(веб-журнал "Культура. Нация", вып. 31, апрель 2023, 170-190, www.sakavik.net)

Резюме. Настоящий материал продолжает новым набором сведений серию, начатую текстом "Белорусско-индейская компаративистика: важнейшие неэтнографические рубрики" в № 30 журнала "Культура. Нацыя" (2022). Данное сообщение представляет собой комментированное собрание цитат основных групп сравнения реалий Беларуси и Индейской Америке в диапазоне духовной и в небольшой степени материальной культуры. Группы размещены в алфавитном порядке. Несомненное первенство по количеству и объему сравнений принадлежит темам язычества и христианизации, свадебных обрядов, брака. Также популярными темами являются отношение к смерти, коллективизм, миролюбие, честность, низкая склонность крестьян к совершению преступлений и другое по этнопсихологии.

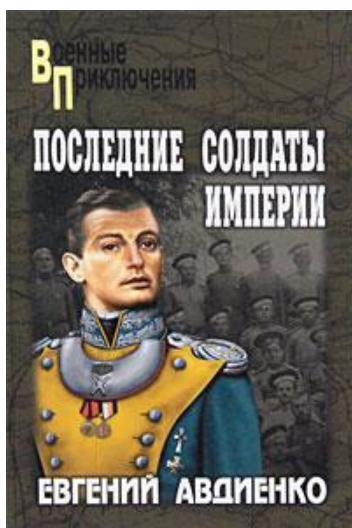
Содержание: общее (историография); знания о мире; свадьба; колонизация Беларуси (судьбы империй); материальная культура (луки, изделия из меди, труба, томагавк); язычество; племена; расы и название Беларусь (ассимиляция, этногенез); смерть и погребение, а также здоровье и гигиена; танец и обряды с его элементами; христианизация; экономика (коллективный труд, собирательство); экспансионизм и конкиста (завоевание); этнозоология и этноботаника; этнопсихология; этноэкология.

Литература

Татьяна Кенько: ВЕЛИКАЯ ЗАБЫТАЯ ВОЙНА, ЧТОБ УЗНАЛИ И ПОМНИЛИ. МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ – У НАС ПОЧТИ НЕИЗВЕСТНОЙ *(продолжение темы, начало в “КН”, №30)*

Аннотация. Вторая Отечественная война… Именно так в 1914 году назвали начавшуюся войну. Существовало и другое название – Великая Европейская война. Потом, в 1918 году ее станут называть мировой войной, а уже после 1941 года – Первой мировой войной. Первая мировая война продолжалась 1 568 дней и ночей, охватив 3 континента. В ней (в той или иной мере) приняло участие 38 государств с общим населением 1,5 миллиарда человек. Потери были огромные – 10 миллионов убитых и умерших от ран, 20 миллионов раненых. До сих пор в лесах нашей страны видны следы сплошной 400-километровой линии фронта, разрезавшей по живому Беларусь в 1915–1917 годах. Однако, события этих дней для нас были почти неизвестны. О них лишь кратко упоминалось в учебниках истории, о них не писалось в художественной литературе. Нет! Не совсем так. Рассказы, стихи, повести писались, но практически не публиковались. Правда, кое о чем можно было фрагментарно узнать из романов, посвященных гражданской войне. Так, что ничего интересного вообще не писали? Наоборот, в мировой литературе отношение к этому периоду было другое. Но часто такие произведения не доходили до жителей СССР. Мы попытаемся восстановить этот пробел для наших читателей воспользововшись данными Интернета и каталога ЦГДБ г. Минска. Рекомендуем особое внимание обратить на подборку материалов «**Писатели-фронтовики**» http://borlib.by/1-mir-voyna/pisateli-frontoviki

Анатацыя. Другая Айчынная вайна... Менавіта так у 1914 годзе называлася распачатая вайна. Існавала і іншая назва - Вялікая Еўрапейская вайна. Пасля, у 1918 годзе, яе сталі называць сусветнай вайной, а ўжо пасля 1941 года - Першай сусветнай вайной. Яна працягвалася 1568 дзён і начэй, ахапіўшы 3 кантынента. У ёй (у той ці іншай меры) прынялі ўдзел 38 дзяржаў з агульным насельніцтвам 1,5 мільярда чалавек. Страты былі велізарныя - 10 мільёнаў забітых і памерлых ад ран, 20 мільёнаў параненых. Да гэтага часу ў лясах нашай краіны бачныя сляды суцэльнай 400-кіламетровай лініі фронту, якая разразала па жывому Беларусь у 1915–1917 гадах. Аднак падзеі гэтых дзён для нас былі амаль невядомыя. Пра іх толькі коратка згадвалася ў падручніках гісторыі, пра іх не пісалася ў мастацкай літаратуры. Не! Не зусім так. Апавяданні, вершы, аповесці пісаліся, але практычна не публікаваліся. Праўда, пра нешта можна было фрагментарна даведацца з раманаў, прысвечаных грамадзянскай вайне. Так, што нічога цікавага ўвогуле не пісалі? Наадварот, у сусветнай літаратуры стаўленне да гэтага перыяду было іншае. Але часта такія творы не даходзілі да жыхароў СССР. Мы паспрабуем аднавіць гэты прабел для нашых чытачоў, скарыстаўшыся дадзенымі Інтэрнэту і каталога ЦГДБ г. Мінска. Рэкамендуем асаблівую ўвагу звярнуць на падборку матэрыялаў «Пісьменнікі-франтавікі» http://borlib.by/1-mir-voyna/pisateli-frontoviki

Авдиенко, Е. Последние солдаты империи: роман

В августе 1914 года началась война, в которую были втянуты многие мировые державы. Долгих четыре года продолжались кровопролитные сражения. Четыре мощные, экономически развитые державы - Россия, Германия, Австро-Венгрия и Османская империя - прекратили свое существование.

Так была ли возможность предотвратить крушение монархии в России и предупредить последующую революцию и террор, направив страну по иному пути? Почему Россия вступила в Первую мировую войну? Какими были истинные отношения Григория Распутина с царской семьей? И какую роль в русской революции 1917 года сыграли германский Генштаб и Александр Гельфанд-Парвус?..

Акунин, Б. Смерть на брудершафт

«Смерть на брудершафт», роман-кино — цикл, состоящий из десяти повестей Бориса Акунина, выполненных в стилизации немого кино начала XX века. Время действия — Первая мировая война (1914—1918 года), главные герои — германский шпион Йозеф фон Теофельс по прозвищу Зепп с его верным помощником Тимо, и русский контрразведчик Алексей Романов с его начальником князем Козловским.

В цикл входят десять повестей:

Младенец и черт: 1914 год – противостояния российской и германской разведок в Первой мировой войне.

Мука разбитого сердца: 1914 год - столкновение разведок в нейтральной Швейцарии из-за «Шпионской биржи».

Летающий слон: о шпионских авантюрах 1915 года, перевернувших историю русской авиации.

Дети Луны: Русский контрразведчик должен раскрыть агентурную сеть. Сможет ли он ради этого стать своим в богемном клубе-кабаре «Дети Луны»? Ведь там собирается особенная публика — декаденты...

Странный человек: 1915 год – хитроумная операция германской разведки в высших кругах петербургского общества.

Гром победы, раздавайся: 1916 год – русский контрразведчик Алексей Романов получает задание, от которого зависит исход гигантского сражения...
Мария, Мария...: 1916 год - тайна таинственной гибели знаменитого линкора.
Ничего святого: 1916 год – покушении на жизнь российского императора.
Операция “Транзит»: 1917 – об отправке из Швейцарии в знаменитом запломбированном вагоне личности, призванной изменить ход русской истории.
Батальон ангелов: 1917 – посвящен трагической истории первого в России женского батальона смерти.

Анфилов, Г. 18 октября 1914 года: стихотворение

Ахматова, А. Июль 1914. Памяти 19 июля 1914. Молитва: стихи

Барбюс, Анри. Огонь: роман

Видный французский писатель и общественный деятель, завоевавший широкую известность реалистическими антивоенными романами. Окончил Сорбоннский университетт и защитил там диссертацию по философии; принимал участие в Первой мировой войне (в чине лейтенанта). Лауреат Гонкуровской премии (1916).

Известность к Анри Барбюсу пришла благодаря антивоенному роману «Огонь» (Le Feu, 1916), посвящённому революционизации сознания масс во время Первой мировой войны. За "Огнем" последовала "Ясность", роман, который может быть понят только в свете Октября. "Правдивые повести" - книга о тяжких испытаниях, выпадающих на долю борцов за свободу, произведение, исполненное непоколебимой веры в победу правого дела. Книги эти составляют своеобразную трилогию о войне и революции, ее великих победах, грозных уроках и светлых перспективах. Под влиянем событий в России вступил в ФКП.

Блок, А. Коршун. Петроградское небо мутилось дождем. Рожденные в года глухие … Я не предал белое знамя… : стихи

Бондаренко, В.В. Небожители: роман

Лето 1917 года, в разгаре Первая мировая война. В русском авиаотряде под Минском орудует предатель, который должен перегнать через линию фронта новейший самолет. Молодому летчику Алексею Чернецову предстоит нелегкая задача - вычислить и обезвредить шпиона. Попутно герой раскрывает тайну загадочной усадьбы и обретает любовь всей своей жизни...

Брехт, Бертольд. Легенда о мёртвом солдате: стихотворение. Ваал; Барабанный бой в ночи: пьесы

Бертольд Брехт в 1917, закончив аугсбургскую гимназию, поступил на медицинский факультет Мюнхенского университета. В 1918 был призван в армию, служил

санитаром в военном госпитале. В 1918-1919 написаны первые произведения, среди них — знаменитая «Легенда о мёртвом солдате», стихотворение, пронизанное гневным антимилитаристским пафосом; пьесы «Ваал» и «Барабанный бой в ночи». Увлеченный идеями немецкой революции 1918 года, стал членом аугсбургского солдатского совета. Поражение революции не помешало Брехту навсегда сохранить интерес к вопросам социального переустройства мира.

Брюсов, В. Я. Последняя война. В Вильно. Всё чаще. Круги на воде. Чаша испытаний. Я вырастал в глухое время. В Варшаве. Западный фронт. На Карпатах: стихи

Бядуля, З. Набліжэнне: аповесць. Ад крыві чырвонай. Вайна. Не мы… І сотнямі тысяч…: вершы

У 1935 г. была апублікавана аповесць Змітрака Бядулі «Набліжэнне», дзе аўтар расказвае пра тыя беды і пакуты людзей, што прынесла на беларускую зямлю першая сусветная вайна.

Ванек, К. Приключения бравого солдата Швейка в русском плену: роман

Продолжение романа о похождениях бравого солдата Швейка (написан уже после смерти Ярослава Гашека). На его страницах Швейк попадает в русский плен, где с разными приключениями его отправляют в Будслав на строительство железной дороги.

Васильев, Б. Дом, который построил дед: роман

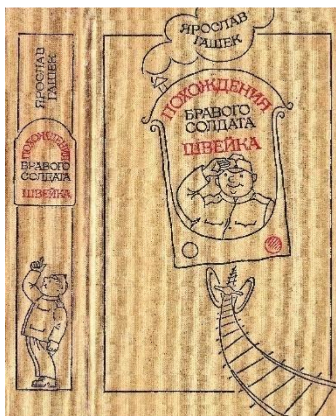
Роман «Дом, который построил Дед» знакомит читателей с молодым поколением дворянского рода Олексиных. Судьбой им были уготованы тяжкие испытания: Первая мировая война, отречение государя, революция, Гражданская война...

Разлом российской государственности повлек за собой и раскол семьи, заставив ее членов стать по разные стороны баррикад. Но главный герой, с честью пройдя через многие мытарства, до конца остался верен себе, своему долгу и своему Отечеству.

Весёлый, А. Россия, кровью умытая: роман-фрагмент

Действие книги начинается описанием картины Первой мировой войны, перерастающей в революции и гражданскую войну.

Гашек, Я. Похождения бравого солдата Швейка: роман

Самое популярное произведение чешской литературы, переведенное почти на все языки мира. Великий, оригинальный и хулиганский роман. Книга, которую можно воспринять и как "солдатскую байку", и как классическое произведение. Это искрометный текст, над которым смеешься до слез, и мощный призыв "сложить оружие", и одно из самых объективных исторических свидетельств в сатирической литературе. История о Швейке получила продолжение в романе Карела Ванека. На его страницах Швейк попадает в русский плен, где его отправляют в Будслав на строительство железной дороги.

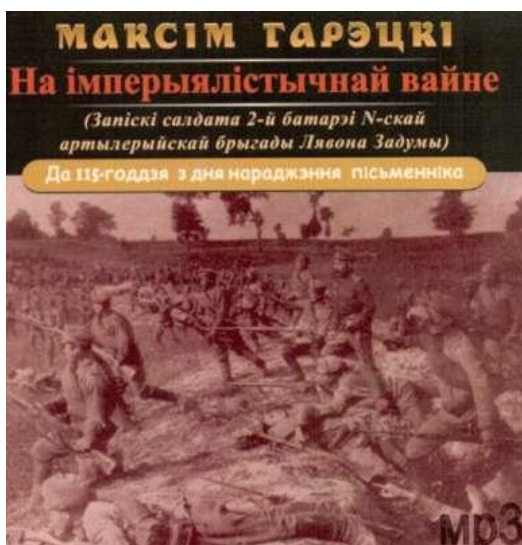
Голубов, С. Когда крепости не сдаются: роман

Автор сам был кавалерийским офицером во время первой мировой войны, командиром полка в Красной Армии в годы гражданской войны.

Роман о жизни и подвиге героя Советского Союза генерала Карбышева, руководителя строительства бастионов Брестской крепости перед Первой мировой войной, героя этой и Второй мировой войн, активного участника Гражданской. Подробно описан штурм крепости Перемышль. и знаменитый Брусиловский прорыв.

Горецкий, М. На империалистической войне. Литовский хуторок. Генерал. Русский. На этапе: рассказы. Виленские коммунары: роман. Тихое течение: повесть. Шутник Писаревич: пьеса

Когда началась Первая мировая война, Максим Горецкий служил вольноопределяющимся. Поэтому ему пришлось участвовать в боях в Восточной Пруссии, он был тяжело ранен, лечился, потом был направлен в Павловское военное училище, служил в Иркутске, Гжатске, а в 1916-1917 годах он снова на фронте, воевал в районе Пинских болот.

На войне он вел дневник, который впоследствии обработал и издал под названием **"На империалистической войне"**. (Записки солдата 2-й батареи N-ской артиллерийской бригады Левона Задумы). Дневниковая форма как основа обеспечила "Запискам" особое доверие ко всему написанному, подчеркнула невыдуманность, предельную правдивость во всем, что автор представил на суд читателя. Писатель неоднократно пересматривал план композиции записок «На империалистической войне», позднее они были даже включены в «**Комаровскую хронику**» – эпопею, в которой был бы выведен не только Левон,

но и весь род Задумов на историческом отрезке от глубины веков, от времен крепостничества до современных писателю дней. Это эпическое полотно не было завершено.

Впечатления участника войны отразились и рассказах 1915-1926 гг. **«Литовский хуторок», «Генерал», «Русский», «На этапе», «Покинутые дома», «Беженцы», «Пленный».** В них автор выражает протест против убийства человека человеком, против превращения войны в игру судьбами миллионов простых людей, не имеющих друг к другу никакой вражды.

Предвоенные годы описаны в повести **«Тихое течение»** через историю жизни мальчика Хомки от его рождения до трагической гибели по дороге к фронту.

Пьеса **«Шутник Писаревич».** Это автобиографическое произведение, главный герой его – прототип самого автора. Действие связано с началом Первой мировой войны, рассказывает о беженцах, их мытарствах. Ни до, ни после него эту тему никто не разрабатывал.

В романе **«Виленские коммунары»** описывается жизнь города Вильно под немецкой оккупацией.

К августу 1914 года – дате начала войны на студии «Беларусьфильм» режиссер режиссер Виктор Аслюк планирует завершить съемку фильма «Первый» по рассказу «Русский».

Городецкий, С. М. Прибытие поезда. Четырнадцатый год: стихи

Сергей Митрофанович Городецкий - русский поэт, наряду с Гумилевым основатель и теоретик акмеизма. Сергей Городецкий родился 5 января 1884 года в Петербурге. В 1902 году поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Увлеченно изучал славянские языки, историю искусств, русскую литературу, рисовал. Проучился до 1912 года, но так и не окончил университета. Писать стихи начал с детства. В годы первой мировой войны Городецкий оказался во власти шовинистских настроений. Это отражает сборник "Четырнадцатый год" (1915). Весной 1916 г., поссорившись с Вяч. Ивановым и А. Блоком, разочарованный в литературной деятельности, Городецкий поехал корреспондентом газеты "Русское слово" на Кавказский фронт. Здесь он осознал несостоятельность своих недавних представлений о войне и здесь написал проникнутые болью стихи (сборник "Ангел Армении" (1918).

Гумилёв, Н. Записки кавалериста

В первые недели после объявления войны Николай Гумилев пошел добровольцем на фронт. Его боевой путь начался в Восточной Пруссии, затем пролегал через Русскую Польшу, а окончился в экспедиционном корпусе во Франции. Стихи Гумилева не только отличаются патриотизмом и яркостью образов, но и отражают реалии военной жизни. Так, например, в «Наступлении» упоминается и немецкое превосходство в артиллерии, и тяжесть военных будней, и перебои с питанием. Обращение к теме женщин на войне и их подвига в качестве сестер милосердия — также одна из линий военной лирики поэта, что в свою очередь перекликается с русской публицистикой того периода. В стихах можно найти и типичные для пропаганды той эпохи религиозные мотивы, стремление приписать начавшейся войне эпитет «священной». Не удивительно и осмысление ее как благотворного конфликта для души нации и для каждого русского: именно так и пыталась показать войну русская патриотическая интеллигенция (спутав человеческий подвиг Героев и братоубийственное действо, посчитав, что путь к всемирному счастью может лежать через кровь и страдания миллионов простых людей).

Принято считать, что «Записки кавалериста» — это отдельные корреспонденции, описывающие разрозненные боевые эпизоды, в которых участвовал Гумилев. (Некоторые публикации сопровождались подзаголовком: «От нашего специального военного корреспондента».) Однако подробное изучение архивных материалов, связанных с боевыми действиями Л.-Гв. Уланского полка на протяжении 1914– 1916 годов, позволяет сделать вывод, что «Записки кавалериста» с самого начала были задуманы автором как документальная повесть, рассказывающая обо всех главных событиях первого года его участия в войне. Фактически «Записки кавалериста» описывают весь период военной службы Гумилева в Лейб-Гвардии Уланском полку.

Дмитрий Борисов

НИКОЛАЮ ГУМИЛЁВУ

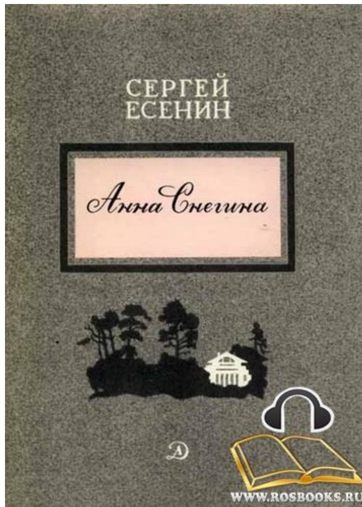
……………….

«Но, если в бою кто-нибудь увидит, что я не исполняю долга,— стреляйте в меня»". Прапорщик Н. Гумилёв солдатам.

……………….

Улан, гусар и кавалер –
Солдатам мужества пример,
И командирам всем пригож,

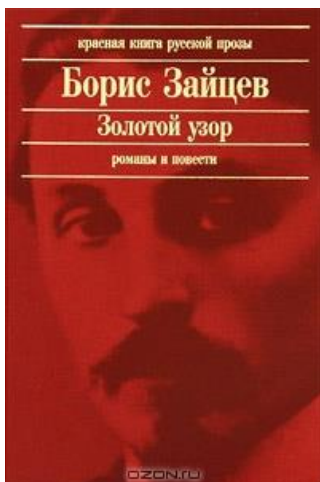
Как офицер. И тем хорош
Что парень славный, для друзей
Всегда найдёт строку к «налей»,
И милой Анечке в письме:
«Твой Коля» — пишет (о себе).
После боя еще напишет,
И закончит рукой своей:
«Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.»
Пощадила судьба Поэта,
Уберег его Бог в войну…,
Прострелили то сердце, не где-то,
А в России, в гражданском пылу.
Мой Поэт, поклонюсь тебе в строках
Мою душу щемит слеза,
Ты прости, что могу в этих кроках
Я пишу, заглянув в Небеса …

Есенин, С. Анна Снегина: поэма

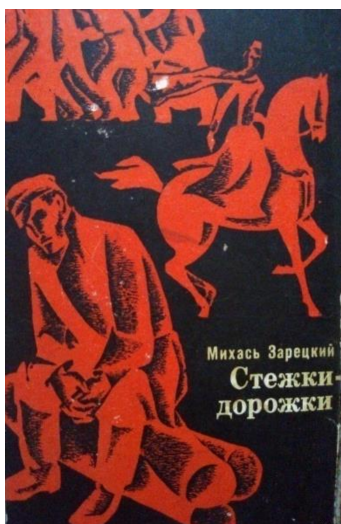
В 1916 году Сергей Есенин призван на фронт. Благодаря хлопотам друзей, он получил назначение («с высочайшего соизволения») санитаром в Царскосельский военно – санитарный поезд №143 Её Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны. Отношение автора к войне отражено в его известной поэме. Война осуждается различными персонажами поэмы и самим автором, который не боится назвать себя "первым в стране дезертиром".

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароют еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щек...

Зайцев, Б. Золотой узор: роман

Роман посвящен жизни интеллигенции в дореволюционной России, осмыслению революции и эмиграции. Написанный в 1930-е гг. в Париже, он является попыткой ответить на вопрос о причинах революции, волновавший тогда умы русской эмиграции.

Зарецкй, М. "Стежки-дорожки" ("Отечество"): роман

Жизнь белорусов в прифронтовой полосе

Зощенко, М. Перед восходом солнца

В ту войну прапорщики жили в среднем не больше двенадцати дней – напишет писатель Михаил Зощенко в книге «Перед восходом солнца».

29 сентября 1914 г. Михаил Зощенко был зачислен в Павловское военное училище юнкером рядового состава на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. 5 января 1915 г. переименован в юнкера унтер-офицерского состава. 1 февраля 1915 г. окончил ускоренные четырёхмесячные курсы военного времени и произведён в прапорщики с зачислением по армейской пехоте.

5 февраля 1915 г. отправлен в распоряжение штаба Киевского военного округа, откуда командирован за пополнением в Вятку и Казань, в 106-й пехотной запасной батальон, как командир 6-й маршевой роты. По возвращении из командировки 12 марта 1915 г. прибыл в действующую армию на укомплектование 16-го гренадерского Мингрельского Его Императорского Высочества Великого князя Дмитрия Константиновича полка Кавказской гренадерской дивизии, к которому был прикомандирован до декабря 1915 года. Назначен на должность младшего офицера пулемётной команды. В начале ноября 1915 г. во время атаки на немецкие траншеи получил лёгкое осколочное ранение в ногу.

7 ноября «за отличные действия против неприятеля» награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. 22 декабря 1915 г. был назначен на должность начальника пулемётной команды, произведён в подпоручики. 11 февраля 1916 г. награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». 9 июля произведён в поручики.

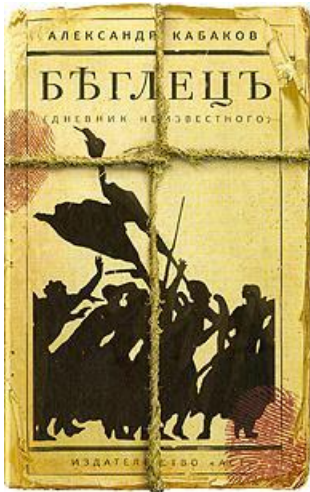
18 и 19 июля 1916 г. в районе местечка Сморгонь дважды отсылает рапорты командиру батальона о подозрительных блиндажах, расположенных за траншеями противника «на самой опушке леса и… высоко от земли», полагая, «что эти блиндажи для штурмовых орудий или миномётов». В ночь на 20 июля в результате газовой атаки, произведённой немцами из обнаруженных Зощенко блиндажей, отравлен газами и отправлен в госпиталь.

13 сентября 1916 г. награждён орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами. В октябре после лечения в госпитале был признан больным первой категории, но отказался от службы в запасном полку и 9 октября возвращается на фронт в свой полк.

9 ноября награждён орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и на следующий день назначен командиром роты. Произведён в штабс-капитаны. 11 ноября назначен временно исполняющим обязанности командира батальона. 17 ноября командирован на станцию Вилейка для работы на курсах временной школы прапорщиков.

В январе 1917 г. был представлен в капитаны и к ордену Св. Владимира 4-й степени. Ни чин, ни орден Зощенко получить не успел в связи с известными событиями, но награждение орденом было объявлено в приказе, поэтому должно признаваться состоявшимся — не получил он только орден на руки. Сам Зощенко считал себя награждённым за Первую мировую пятью орденами.

9 февраля 1917 г. у Зощенко обостряется болезнь (порок сердца — результат отравления газами) и после госпиталя он отчисляется в резерв.

Кабаков, А. Беглецъ: дневник неизвестного: роман

Дневниковые записи банковского служащего, законопослушного гражданина, ставшего не только свидетелем, но и невольным участником исторических событий в начале XX века, провоцируют читателя, поражают удивительными совпадениями с тем, что происходит в наше время. Добротное психологическое повествование, плавно перетекающее в интригующий детектив…

ПИСЬМО

Зимой по утренней заре
Я шел с твоим письмом в кармане.
По грудь в морозном серебре
Еловый лес стоял в тумане.
Всходило солнце. За бугром
Порозовело небо, стало
Глубоким, чистым, а кругом
Все очарованно молчало.
Я вынимал письмо. С тоской
Смотрел на милый, ломкий почерк
И видел лоб холодный твой
И детских губ упрямый очерк.

Твой голос весело звенел
Из каждой строчки светлым звоном,
А край небес, как жар, горел
За лесом, вьюгой заметенным.
Я шел в каком-то полусне,
В густых сугробах вязли ноги,
И было странно видеть мне
Обозы, кухни на дороге,
Патрули, пушки, лошадей,
Пни, телефонный шнур на елях,
Землянки, возле них людей
В папахах серых и шинелях.

Мне было странно, что война,
Что каждый миг – возможность смерти,
Когда на свете – ты одна
И милый почерк на конверте.
В лесу, среди простых крестов,
Пехота мерно шла рядами,
На острых кончиках штыков
Мигало солнце огоньками.
Над лесом плыл кадильный дым.
В лесу стоял смолистый запах,
И снег был хрупко-голубым
У старых елей в синих лапах.

1916
Действующая армия

Валентин Катаев
16.01.1897 — 12.04.1986

Дизайн: Дмитрий Борисов

Катаев, В. Стихи. Под Сморгонью. Кладбище в Скулянах. Ночью: рассказы. Юношеский роман моего старого друга Саши Пчёлкина, написанный им самим: роман

Валентин Петрович Катаев в первую очередь известен как мастер прозы и популярный в советское время драматург. Однако всю жизнь он считал себя в первую очередь поэтом, хотя при жизни так и не выпустил ни одного сборника стихов. В годы Первой мировой войны он добровольцем ушел на фронт, сражался под Сморгонью, был несколько раз ранен, отравлен газами, произведен в чин подпоручика, награжден двумя Георгиевскими крестами и орденом Св. Анны 4-й степени. В его военной поэзии отразилось типичное для того времени ощущение упадочничества, противопоставление мира счастья, гармонии и войны, вторгшейся туда.

Ночной бой

В цепи кричат «ура!». Далеко вправо — бой.
Еловый лес пылает, как солома.
Ночная тишь разбужена пальбой,
Раскатистой, как дальний рокот грома.
Ночной пожар зловещий отблеск льет.
И в шуме боя, четкий и печальный,
Стучит, как швейная машинка, пулемет
И строчит саван погребальный.
1916, Действующая армия

Ранение

От взрыва пахнет жженым гребнем.
Лежу в крови. К земле приник.
Протяжно за далеким гребнем
Несется стоголосый крик.
Несут. И вдалеке от боя
Уж я предчувствую вдали
Тебя, и небо голубое,
И в тихом море корабли.
1917, Румфронт

В возрасте далеко за восемьдесят публикует книгу с длинным названием «Юношеский роман моего старого друга Саши Пчёлкина, написанный им самим». Все понимают, что герой романа, конечно, вовсе не Саша Пчёлкин, а сам молодой Валентин Катаев – в то время недоучившийся одесский гимназист, озорной и влюблённый, по прозвищу Валька – Китаец, а потом – «вольноопределяющийся» на фронтах жестокой Первой мировой войны. Говорят, «Юношеский роман» был восторженно принят писателями, но отзывов критиков не удалось найти ни одного, словно книгу критики обошли молчанием. О Первой мировой войне рассказывают воспоминания Валентина Катаева («Под Сморгонью», «Кладбище в Скулянах»), его замечательные стихи.

Дмитрий Борисов
ВАЛЕНТИНУ КАТАЕВУ

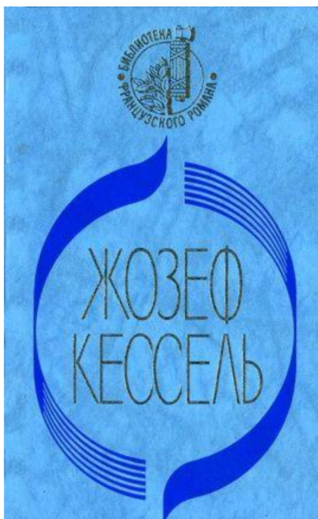
………………………………………………
Русскому Поэту, Офицеру,
Георгиевскому Кавалеру
от русского офицера

………………………………………………
Господин подпоручик, дозвольте слово,

Скорее не слово, признанье Вам,
Скорей извиненье, что мы не готовы
Таланту Поэта отдать свою дань.

Что мы не посмели в поклоне склониться
Солдатскому Долгу, раненьям в боях,
Тому что не может и многим присниться,
Тому где царит уваженье и страх.

Что мы не читали, не ведали в строках,
Что можно Россию любить, так как Вы:
В землянках, в шинелях, и просто обозах,
В разрушенной хате, в дорогах войны.
…………………………………………………….
Нарушив рифму, я весь с вами
Строкою, взятой из стихов:
«…Пехота мерно шла рядами,
На острых кончиках штыков
Мигало солнце огоньками…»*,
И подписаться здесь готов:
Куда же проще о пехоте,
О мирном солнце нет и слов.
16 октября 2013 г.
с. Жигули
* Валентин Катаев, «ПИСЬМО», 1916г.
http://hero1914.com/v-p-kataev-voennaya-poeziya-pervaya-mirovaya-vojna/

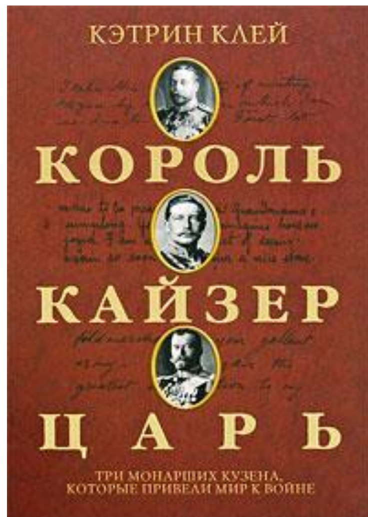
Кессель, Жозеф. Экипаж: роман

Роман об авиаторах первой мировой войны.

Жозеф Кессель родился в Клара, Энтре-Риос, Аргентина в 1898 году. Сын литовского врача еврейского происхождения, выехавшего из России в аргентинское сельскохозяйственное поселение, основанное Еврейским колонизационным обществом. В 1908 г. семья поселилась во Франции. Кессель окончил лицей в Ницце, с 1915 г. выступал с очерками во французских журналах.

Добровольцем поступил во французскую военную авиацию и участвовал в сражениях Первой мировой войны. После войны окончил филологический факультет Парижского университета.

Романы об авиаторах «Экипаж» (1923), «Ветер пустыни» (1929) и «Мермоз» (1938), написанные простым и образным языком, принесли Кесселю успех как беллетристу. Роман «Княжеские ночи» (1928), посвященный жизни российских эмигрантов в Париже, принес писателю славу.
Во время Второй мировой войны - активный участник французского Сопротивления Шарля де Голля, летчик. Поддерживал связь между правительством Свободной Франции в Лондоне и группами Сопротивления. Соавтор (со своим племянником Морисом Дрюоном, тоже участником Сопротивления) слов песни "Марш партизан".
В 1962 его избрали членом Французской Академии наук. Проходя своеобразное причисление к когорте «бессмертных», Жозеф Кессель воскликнул: «Чтобы заменить академика, великолепное имя которого украшало тысячелетнюю историю Франции (Кессель избирался на место герцога де ла Форса), предки которого, великие воины, великие сановники, вельможи, друзья принцев и королей, были частью ее прославленной истории, чтобы заменить его, кого вы выбрали? Знайте, вы выбрали русского, да к тому же еще и еврея, чтобы прославить его на тысячу лет!».

Клей, Кэтрин. Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, котрые привели мир к войне: повесть

Король, кайзер и царь — Георг V, Вильгельм II и Николай II — были близкими родственниками, называвшими друг друга Джорджи, Вилли и Ники. Втроем они правили половиной мира. С раннего детства их жизни текли параллельно, пересекаясь в невыразимо прекрасных дворцах, посреди лести и политических интриг. Они видели в себе своего рода царственный профсоюз, твердо выступавший против революций, республиканских тенденций и социализма. Однако за внешним дружелюбием скрывались раздоры, разразившаяся мировая война заставила их выступить друг против друга. И, наконец, когда захваченный революционной бурей Николай II стал просить убежища для себя и своей семьи, кузены предали его. Предлагаемая вниманию читателя увлекательная повесть, рассказывающая о привилегиях, власти и политических махинациях, ставит своей целью понять, чьи ошибки стали поводом для начала войны и конца самодержавного монархического правления.

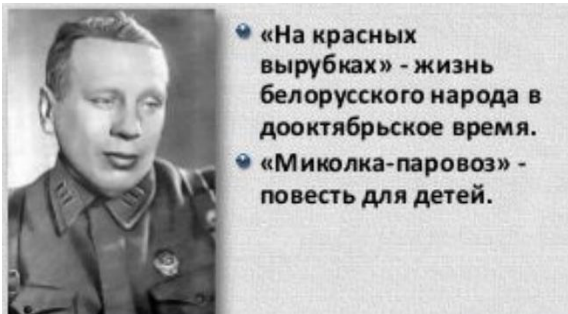
Крапива, К. Мой сосед: рассказ

Кондрат Атрахович (Крапива) в августе 1915 был призван в армию и направлен в гатчицкую школу прапорщиков. Весной 1916 года был отправлен на Румынский фронт. Сюжет войны отразился в рассказе «Мой сосед».

Кулешов, А. Обида: поэма

Поэма имеет подзаголовок "На империалистической войне», написана в 1931-м году. Поэт рассказывает в ней об инвалидах той войны. Она не только напоминание, отголосок той страшной трагедии , что на лоне нашего края пролили они свою кровь, но и также жуткое предвидение забвения страшных жертв войны:

Их кладбища цветение
Истоптано ногами тогда...
Шумит оно сегодня овсами
Об их боевых годах ...
Их люди иногда вспомнят,
Когда поле стригут серпы ...

Лыньков, М. На красных вырубках: повесть

У М. Лынькова в 30-е годы прошлого столетия возникла масштабная затея художественного произведения о народной жизни дореволюционной поры. Писатель справедливо посчитал, что в произведения о прошлом намного меньше риска опасаться идеологической цензуры, и можно раскрыть свои писательские способности с большей полнотой и совершенством. Таким произведением и стала повесть «На красных вырубках» (1933). В ней Лыньков рассказал о жизни накануне войны в небольшом местечке (его прототипом было местечко Свержень). В повести выведен ряд интересных типажей, представителей различных слоёв общества. Своих персонажей автор намеревался провести через события гражданской войны, коллективизации. Но повесть осталась неоконченной, потому что была жёстко раскритикована.

Мамонтов, С. Неприятель

Сергей Мамонтов – сын известного предпринимателя и мецената Саввы Мамонтова был очень одаренным человеком. Автор мозаичных произведений и портретов, он экспонировал свои работы на выставке Союза русских художников. Написал интересные воспоминания о И. С. Тургеневе и одиннадцати статей о В.А.Серове, рассказы, стихи. Его пьесы «В сельце Отрадном», «Сочельник», «1812», «Ценою крови» шли в московских театрах.

Участвовал в Первой мировой войне, о которой написал пьесу “Неприятель”, и в 1915-м году он погиб на фронте в городе Тарнаполе.

Маяковский, В. В. Война объявлена: стихотворение

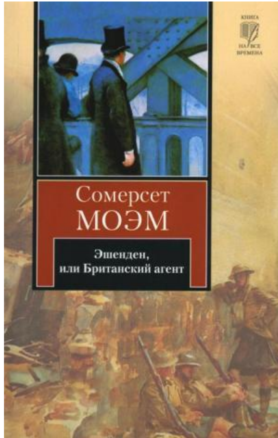
Морпурго, Майкл. Боевой конь. Рядовой Мирный: роман

История о дружбе и преданности, рассказанная от имени лошади. После того как отец Альберта продал Джоуи, любимого коня сына, в британскую кавалерию, чтобы расплатиться с долгами, мальчик принимает решение во что бы то ни стало отыскать друга, с которым вместе вырос, и отправляется на фронт. Пронзительной нотой в повествовании звучит жалость ко всему живому, вера в самое лучшее в человеке. Автор предлагает читателю взглянуть на войну глазами лошади - беззаветно преданного человеку существа, почувствовать абсурдность войны, ответственность перед "братьями нашими меньшими". Роман экранизирован Стивом Спилбергом и дважды номинирован на Золотой глобус 2012 – лучший саунд-трек и лучший драматический фильм.

Рядовой Мирный – грустная история о двух братьях на полях Первой мировой.

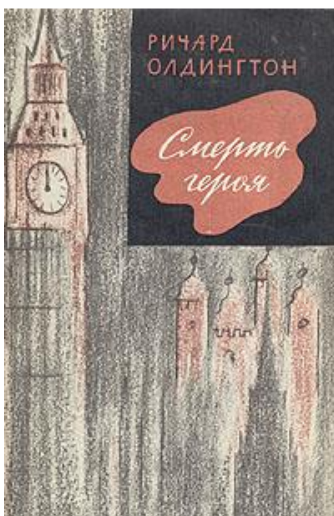
Майкл Морпурго (Michael Morpurgo) — автор более ста двадцати книг для детей и подростков, глава пятнадцати благотворительных фондов и фестивалей. Это милейший человек с приятным голосом и лицом довольного Винни-Пуха. В юности он мечтал стать актером, как его родители, а стал школьным учителем, пусть и

ненадолго. Поставленный голос и отсутствие страха перед большими аудиториями пригодились в дальнейшем: сегодня он главный исполнитель собственных романов. "Рядового Мирного", грустную историю о двух братьях на полях Первой мировой, он читает на Уэмбли под гитарный аккомпанемент рок-группы. Во всех его книгах обязательно присутствуют либо война, либо животные, а чаще все вместе. Люди — и львы, обезьяны, собаки, кошки, совы, альбатросы, дельфины, киты и слоны. Ну и, конечно, лошади.

Моэм, Сомерсет. Эшенден, или Британский агент

В этом сборнике рассказывается о карьере английского шпиона первой четверти XX века. Кое-какие зарисовки касаются Европы времен Первой мировой войны, кое-какие написаны о работе агента на территории находящейся в хаосе и разрухе России, уже не царской, но еще не коммунистической. Ни для кого не секрет, что Моэм сам служил тайным агентом, работал на МИ-5 и посещал Россию со вполне определенной миссией: не дать ей выйти из войны. Он прибыл во Владивосток и оттуда поездом добирался до Петербурга. В свете вышесказанного, становится очевидно, что этот сборник отражает реальную биографию автора, называя Моэма Эшенденом. Миссия в России, с дипломатической точки зрения, окончилась полным провалом. Но польза для творчества была неоценимой. Рассказы, которые посвящены пребыванию британского агента на территории нашей страны и описание российских реалий и типажей просто восхитительны.

Олдингтон, Р. Все люди – враги. Смерть героя.

Смерть героя. История короткой жизни молодого человека, убитого на войне. Жизни частной, пытавшейся в замкнутом кругу пробить свой путь, собственную дорожку: были искания, бунтарские порывы, была приверженность идеалам. И вдруг все оборвалось.

Все люди – враги. Самый яркий и жестокий роман в литературной истории английского "потерянного поколения". История Антони - человека, для которого жизнь безжалостно разбита на полонимы - "до войны" и "после". "До" были чувства, надежды и иллюзии, вера и духовные искания - словом, все, что характерно для интеллигентного юноши из привилегированного класса. "После"... не осталось ничего, кроме горечи, разочарования и недоверия людям. Любовь? Болезненная

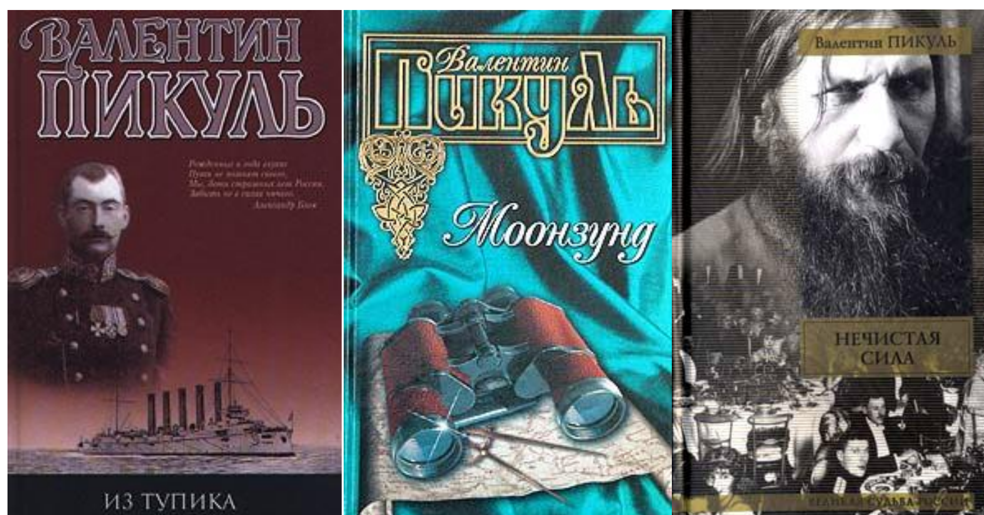
плотская страсть. Дружба? Непонимание и взаимное одиночество. Основной инстинкт самосохранения по-прежнему заставляет Антони искать в жизни какого-то смысла, какого-то наполнения...

Пастернак, Б. Доктор Живаго: роман

События начала XX века. Трагическая судьба героя романа, слившись с судьбой самого автора, стала символом поколения, к которому они оба принадлежали.

Петников, Г. Стихи о войне 1914-1917: стихотворение

Пикуль, В. Моонзунд. Из тупика. Честь имею. У последней черты: романы

Роман **"Моонзунд"** посвящен героическим действиям русских моряков на Балтике против германского флота в канун Октябрьской революции.

В романе **«Из тупика»** отражен сложный период истории, связанный с созданием Мурманской железной дороги и формированием флотилии Северного Ледовитого

океана, из которого позже родился героический Северный флот. Русский крейсер «Аскольд» начал боевую службу.

«Честь имею". Один из самых известных исторических романов В.Пикуля. Вот уже несколько десятилетий читателя буквально завораживают приключения офицера Российского Генерального штаба, ставшего профессиональным разведчиком и свидетелем политических и дипломатических интриг, которые привели к Первой мировой войне.

« У последней черты» или второе название **«Нечистая сила».** Книга, которую сам Валентин Пикуль назвал «главной удачей в своей литературной биографии». Повесть о жизни и гибели одной из неоднозначнейших фигур российской истории – Григория Распутина – перерастает под пером Пикуля в масштабное и увлекательное повествование о самом парадоксальном, наверное, для России периоде – кратком перерыве между Февральской и Октябрьской революциями…

Ремарк, Э.М. На западном фронте без перемен

Одно из наиболее ярких литературных произведений о Первой мировой войне. Тема книги, ставшая темой всего творчества Ремарка, — судьба "потерянного поколения", жизнь тех, кто уцелел на войне, но вернулся домой искалеченным и физически, и морально.

Роллан, Ромен Пьер и Люс

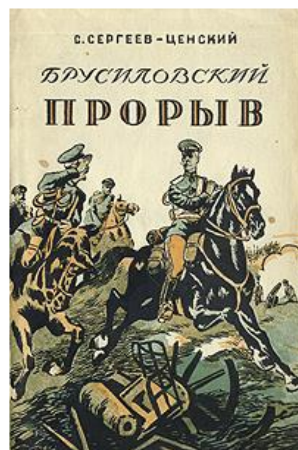
"Пьер и Люс" Простая, как парижская уличная баллада, повесть рассказывает о любви парня, уже призванного на фронт, и девчонки с рабочей окраины – любви страстной и заведомо обреченной на трагический финал...

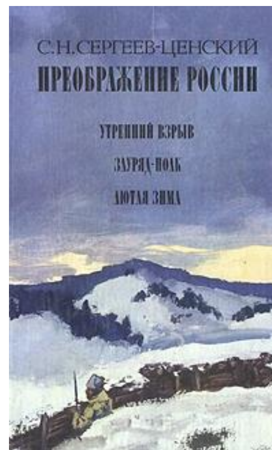

Селин, Луи-Фердинанд. Путешествие на край ночи

Этот роман написал человек столь же необычный, как и его книга. Врач, в течение трех лет пишущий свою первую книгу урывками, используя часы, украденные у ночи, сна, у больных и поликлиники. Писал наспех, как и жил, рассказывал о годах своей юности, о пребывании на Первой мировой войне, в Африке и Америке, о своей работе врачом в парижском пригороде - одним словом, об одиноком страннике, одержимом собственными химерами и находящемся в вечном конфликте с окружающим миром. Вышедший в 1932 году роман имел оглушительный, хотя и скандальный успех, и сразу же был переведен на многие языки. И сегодня он способен шокировать читателя правдой о войне и мире, о человеке, который, избавившись от всех иллюзий, никак не может найти себя.

Луи-Фердинанд Детуш, более известный под псевдонимом **Селин**, родился в 1894 году. Первый его роман — «Путешествие на край ночи» — был опубликован в 1932-м.. После были десяток романов и четыре памфлета. Но даже не напиши Селин после «Путешествия...» ни строчки, все равно он остался бы в истории литературы, и, очень вероятно, — на первых ролях. Селин начал писать роман «Путешествие на край ночи» в 1929 году в 35 лет. За спиной служба в армии и три месяца боевых действий в 1914 году, ранение, инвалидность, медаль и вечные головные боли, которые будут преследовать его до смерти. В 1929 году уже практически никто не вспоминает Первую мировую. «Так мы и вернулись на войну. А потом случилось столько всякого, что сейчас нелегко рассказать: сегодняшние люди уже не поймут», — пишет Селин в «Путешествии...». Он ничего не забыл. Он отягощен прошлым. Три года воспоминаний, выплеснутых на бумагу, складываются в пронзительное повествование.

Сергеев-Ценский, С. Зауряд-полк. Массы, машины, стихии. Брусиловский прорыв. Преображение России.

Художественным воплощением темы Первой мировой войны писателя стали романы «Зауряд-полк» (1934) и «Массы, машины, стихии...» (1935). Сергеев-Ценский раскрыл в романе «Зауряд-полк» судьбу обычного рядового зауряд-полка от его формирования до гибели. Контрастно изображены Сергеевым-Ценским солдатская масса и военное руководство, а также стоящая за ним бюрократическая верхушка во главе с «зауряд-царем»

Николаем II. Сергеев-Ценский внимателен к деталям, характеризующим быт армии. Большая часть событий в «Зауряд-полке» и «Лютой зиме» показана через восприятие бывшего учителя и математика прапорщика Николая Ливенцева, человека честного и думающего.

Эпический цикл «Преображение России» (1914—1958), создававшийся более 40 лет и включающий двенадцать романов, три повести и два этюда. Время действия всего цикла сосредоточено на периоде от начала Первой мировой войны и до Февральской революции; все произведения, входящие в цикл, объединены между собой несколькими действующими лицами. При этом пять романов, написанных в 1934—1944 годах и повествующих о событиях войны, отличаются тем, что в них приведены различные исторические документы, выдержки из газет и комментарии.

Книга «Брусиловский прорыв», состоящая из двух частей "Бурная весна" и "Горячее лето", была написана в самый разгар Великой Отечественной войны в 1943 году, и, конечно, ее главной целью было поднятие морального духа солдат.

Во время Первой мировой войны наступательная операция Юго-Западного фронта в 1916 г. под командованием генерала от кавалерии А.А. Брусилова имела важное военно-политическое значение. Являясь частью общего стратегического плана Антанты, наступательная операция армий Юго-Западного фронта была тщательным образом подготовлена. При её разработке генерал А.А. Брусилов решил произвести по одному прорыву на фронте каждой из четырёх своих армий. Выбранная тактика лишала противника возможности своевременно перебросить резервы на направление главного удара. Наступление войск Юго-Западного фронта проходило с 22 (4 июня) мая по август 1916 г. В результате организованной военной операции было нанесено серьезное поражение войскам Четверного союза. Действия русских армий в Брусиловском прорыве являлись важным фактором в захвате Антантой стратегической инициативы в 1916 г.

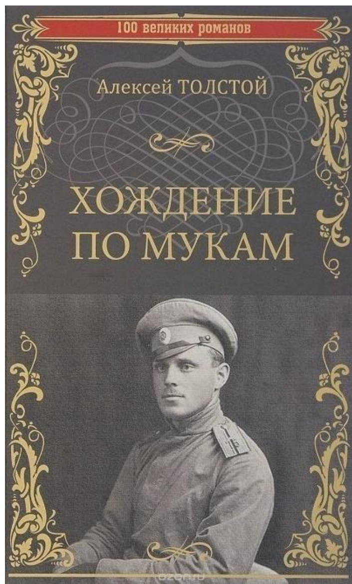
Солженицын, А. Красное колесо
Роман-эпопея Александра Солженицына о России 1914—1917 годов, о Первой мировой войне, февральской и октябрьской революциях 1917 года. Одно из основных литературных произведений Солженицына.

Степанов, А. Порт-Артур. Семья Звонаревых: романы
"Порт-Артур" о подвигах простых русских солдат во время обороны города от японской армии в войне 1904-1905 годов. Второй роман продолжение о судьбе героев. Речь идет о дальнейших исторических событиях, связанных с Первой мировой войной. Оба романа являются воплощением судьбы писателя в литературной форме.

Тихонов, Н. Военные кони
Об использовании лошадей во время Первой мировой войны

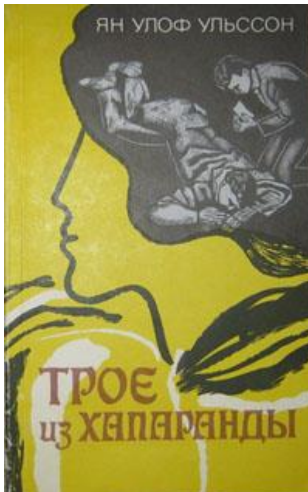

Толстой, А. Письма с пути: статьи и рассказы. Хождение по мукам: роман

Чувства А.Н. Толстого военной поры созвучны многим, он ощущает грандиозные изменения в ходе истории: «всколыхнулся человеческий мир. И всех нас разметало, как щепки по волнам. Молодые писатели, которые толком ничего не знали, кроме литературных салонов, вдруг очутились среди народных страданий и народного гнева».

Писатель отправляется на фронт корреспондентом «Русских ведомостей». Статьи создавались как путевые заметки под общим названием «Письма с пути» (подзаголовок «От нашего корреспондента»), их принято называть циклами. В названиях передан ход военных действий, т.е. обозначены географические места боев: «По Волыни», «По Галиции», «На Кавказе». Позже были присоединены очерки «В окопах», «Пленные», «Париж», «Макс Вук».

Событиям Первой мировой войны посвящена также 1 часть известного романа «Хождение по мукам».

Ульссон, Ян Улоф. Трое из Хапаранды: романтическая история времен Первой мировой войны

Остросюжетный роман в жанре политического детектива, принадлежит перу известного шведского писателя Яна Улофа Ульссона (1920-1974).

Успенский, Л. 1916: роман

Лев Успенский автор научно-художественных книг по языкознанию и культуре речи: «Слово о словах», «Ты и твоё имя», «Имя дома твоего», «Загадки топонимики», адресованные преимущественно юному читателю. Активно печатался в журналах "Чиж" и "Еж", был редактором журнала "Костер", членом редколлегии научно-художественного альманаха "Хочу все знать", одним из основателей и руководителей Дома занимательной науки.

В годы Отечественной войны - военный корреспондент на Ленинградском фронте, на Ораниенбаумском пятачке, капитан на флоте.

Уникальный роман-эпопея писателя, не увидевший свет в 1937 году, возвращается к читателям спустя десятилетия. Удивительна для того времени история этого неизданного текста. Рукопись романа была разрешена к печати 13 октября I937 года. В том же году роман должен был увидеть свет в издательстве "Советский писатель", но... Редакторский состав издательства был арестован и сгинул безвозвратно. Лев Успенский полгода ложился спать одетым в ожидании ареста. Чудом удалось сохранить рукопись романа. События романа разворачиваются в предреволюционной России и в Европе: брожение умов. Первая мировая война, тайные интриги, направленные против Империи... и калейдоскоп человеческих историй – предательство, любовь и заблуждения, подлость и геройства... И все это скоро теряет смысл. Все это рухнет, все будет сметено невероятным потоком времени... И кто из живших в том, 1916-м, мог предположить, что же случится потом. Что там грядет, и кто из них останется жить - после потопа...

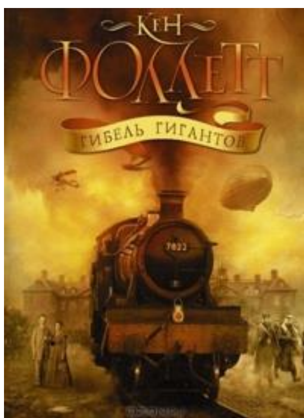
Фолкнер, Уильям. Притча: роман

Одна из легенд Первой мировой гласит, что немецкие и французские солдаты однажды вдруг поняли: они не враги, а обычные люди, что на свете есть вещи сильнее искусственно навязанной ненависти. Такова легенда. Но под пером Фолкнера легенда обретает неожиданно правдивые черты...

Фолкс, Себастьян. Пение птиц: роман

Это один из самых читаемых современных британских авторов. В список самой любимой книги Британии вошел его роман «Пение птиц». Действие в нем разворачивается на Западном фронте Первой мировой войны. Молодой английский офицер Стивен Рэйсфорд направлен в окопы Сомма. Именно там – перед лицом смерти – он в уме восстанавливает повороты и перипетии своей довоенной любовной связи.

Фоллетт, Кен. Гибель гигантов

Действие романа английского писателя относится к началу XX века и охватывает события, происходящие в канун Первой мировой войны, а также военное и послевоенное время. Главные его герои - заводские рабочие и интеллектуалы, шахтеры, политики и аристократы России, Германии, Англии и США, чьи судьбы переплелись в затейливый и непредсказуемый узор. На их глазах рушится старый мир и гибнут империи, а их жизни вмещают в себя и эпохальные события, и неисчислимые беды, и тихие радости.

Хемингуэй, Эрнест. Прощай, оружие!: роман

История несчастной любви американского добровольца и английской медсестры, развивавшейся на фоне войны, на которой наивные мальчишки становились «пушечным мясом» — и либо гибли, либо ожесточались до предела. О войне — о которой хочется забыть, но нельзя не помнить!..

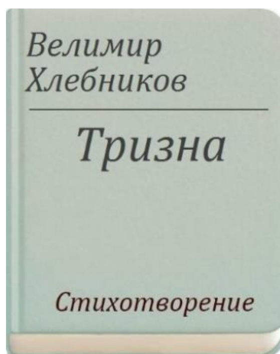
Когда началась Первая мировая война, Хемингуэй хотел служить в армии, однако из-за плохого зрения ему долго отказывали. Но он всё-таки сумел попасть на фронт в Италии, записавшись шофёром-добровольцем Красного Креста. В первый же день его пребывания в Милане Эрнеста и других новобранцев прямо с поезда бросили на расчистку территории взорванного завода боеприпасов. Через несколько лет он опишет свои впечатления от первого столкновения с войной в своей книге «Смерть после полудня». На следующий день

молодого Хемингуэя отправили в качестве водителя санитарной машины на фронт в отряд, дислоцировавшийся в городке Шио. Однако почти всё время здесь проходило в развлечениях: посещении салунов, игре в карты и бейсбол. Эрнест не смог долго вытерпеть такой жизни и добился перевода на реку Пьяве, где стал заниматься обслуживанием армейских лавок. А вскоре он нашёл способ оказаться и на передовой, вызвавшись доставлять продукты солдатам прямо в окопы.

8 июля 1918 Хемингуэй, спасая раненого итальянского снайпера, попал под огонь австрийских пулемётов и миномётов, но остался жив. В госпитале из него вынули 26 осколков, при этом на теле Эрнеста было более двухсот ран. Вскоре его перевезли в Милан, где простреленную коленную чашечку врачи заменили алюминиевым протезом.

21 января 1919 Эрнест вернулся в США героем — о нём писали все центральные газеты как о первом американце, раненом на итальянском фронте. А король Италии наградил его серебряной медалью «За доблесть» и «Военным крестом». Сам же писатель позднее скажет: «Я был большим дураком, когда отправился на ту войну. Я думал, что мы спортивная команда, а австрийцы — другая команда, участвующая в состязании».

Его роман «Прощай, оружие!» стал первой и лучшей книгой о «потерянном поколении» англоязычной литературы. Книга имела в Америке небывалый успех — продажам не помешал даже экономический кризис.

Хлебников, В. Тризна: стихотворение

Чорный, К. Бацькаўшчына (“Родина”): роман

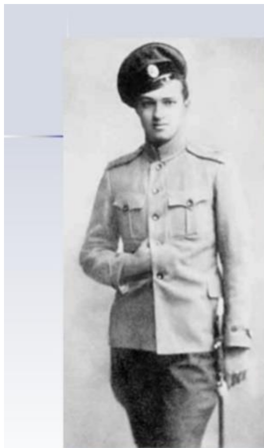
Жизнь белорусов в прифронтовой полосе в годы первой мировой войны

Шкловский, В.
Сентиментальное путешествие

Виктор Борисович Шкловский - писатель, литературовед, критик, киновед и киносценарист. Лауреат Государственной премии СССР (1979)... Осенью 1914 года ушел добровольцем в армию. Сменил несколько военных специальностей и в 1915 году вернулся в Петроград, где служил в школе броневых офицеров-инструкторов. Как помощник комиссара Временного правительства был направлен на Юго-Западный фронт, где 3 июля 1917 лично возглавил атаку одного из полков, был ранен в живот навылет и получил Георгиевский крест 4-й степени из рук Л. Г. Корнилова. После выздоровления в качестве помощника комиссара Временного правительства был направлен в Отдельный Кавказский кавалерийский корпус в Персию, где организовывал эвакуацию российских войск и вернулся с ними в Петроград в начале 1918 года.

С апреля 1922 до июня 1923 жил в Берлине, где издал мемуарную книгу «Сентиментальное путешествие» (1923), название которой позаимствовано у книги Лоренса Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768). В ней нашли подробное изложения и события военных лет.

Шмелев, И. Карусель. Суровые дни. Лик скрытый

Мировую войну И.С. Шмелев воспринял как тяжелое испытание для русского народа, откликнувшись на нее циклом рассказов

Шолохов, М. Тихий Дон: роман
События в “Тихом Доне” начинаются в 1912 году, перед первой мировой войной, и заканчиваются в 1922 году, когда отгремела на Дону гражданская война.

Элюар, Поль. Обязанность и тревога: стихи
Поль Элюа́р настоящее имя Эже́н Эми́ль Поль Гренде́ль французский поэт, выпустивший более сотни поэтических сборников. В 1912 у юного Элюара был обнаружен туберкулёз, он был вынужден прервать свою учёбу в Париже и уехать лечиться в Швейцарию. Там в санатории он познакомился с Еленой Дьяконовой, которую называл Гала. Она стала его музой, именно тогда он начал писать стихи. В 1917 году Поль Элюар и Гала поженились, через год у них родилась дочь Сесиль. Поэт участвовал в Первой мировой войне как санитар в госпитале, на фронте он написал сборник стихов, впервые подписавшись именем Поль Элюар. В своих стихах он отразил впечатления участника войны. На снимке Швейцария 1912 год. Поль и Гала

Составитель Татьяна Кенько

Источники:
Каталоги ЦГДБ г. Минска
http://www.livelib.ru/selection/5594#books
http://vk.com/topic-6671020_19424347
http://otvet.mail.ru/question/71980280
http://www.mir.donpac.ru/daid_2014_1.htmhttp://библиотека32.рф/files/bibgr/1mir.pdf

ИБО Центральной городской детской библиотеки г. Минска, 2014-2022 год

Татьяна Кенько: ВЕЛИКАЯ ЗАБЫТАЯ ВОЙНА, ЧТОБ УЗНАЛИ И ПОМНИЛИ. МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ – У НАС ПОЧТИ НЕИЗВЕСТНОЙ *(продолжение темы, начало в “КН”, №30)* ***(веб-журнал “Культура. Нация”, вып. 31, апрель 2023, 191-221, www.sakavik.net)***

Аннотация. Вторая Отечественная война… Именно так в 1914 году назвали начавшуюся войну. Существовало и другое название – Великая Европейская война. Потом, в 1918 году ее станут называть мировой войной, а уже после 1941 года – Первой мировой войной. Первая мировая война продолжалась 1 568 дней и ночей, охватив 3 континента. В ней (в той или иной мере) приняло участие 38 государств с общим населением 1,5 миллиарда человек. Потери были огромные – 10 миллионов убитых и умерших от ран, 20 миллионов раненых. До сих пор в лесах нашей страны видны следы сплошной 400-километровой линии фронта, разрезавшей по живому Беларусь в 1915–1917 годах. Однако, события этих дней для нас были почти неизвестны. О них лишь кратко упоминалось в учебниках истории, о них не писалось в художественной литературе. Нет! Не совсем так. Рассказы, стихи, повести писались, но практически не публиковались. Правда, кое о чем можно было фрагментарно узнать из романов, посвященных гражданской войне. Так, что ничего интересного вообще не писали? Наоборот, в мировой литературе отношение к этому периоду было другое. Но часто такие произведения не доходили до жителей СССР. Мы попытаемся восстановить этот пробел для наших читателей воспользововшись данными Интернета и каталога ЦГДБ г. Минска. Рекомендуем особое внимание обратить на подборку материалов «**Писатели-фронтовики**» http://borlib.by/1-mir-voyna/pisateli-frontoviki

Tatyana Kenko: THE GREAT FORGOTTEN WAR TO KNOW AND REMEMBER. WORLD LITERATURE ABOUT THE FIRST WORLD WAR
(continuation of the topic, beginning in “KN”, No. 30)
(web-magazine “Culture. Nation”, issue 31, April 2023, 191-221, www.sakavik.net)

Abstract. The Second Patriotic War... That is how the outbreak of war was called in 1914. There was another name - the Great European War. Then, in 1918, it will be called the World War, and after 1941 - the First World War. The First World War lasted 1,568 days and nights, covering 3 continents. 38 states with a total population of 1.5 billion people took part in it (in one way or another). Losses were huge - 10 million killed and died from wounds, 20 million wounded. Until now, traces of a continuous 400-kilometer front line that cut Belarus in 1915-1917 to the living are visible in the forests of our country. However, the events of these days were almost unknown to us. Stories, poems, novels were written, but almost never published. True, some things could be learned in fragments from novels devoted to the civil war. So, that nothing interesting was written at all? On the contrary the attitude towards this period was different in world literature. We will try to restore this gap for our readers using the data from the Internet and the catalog of the Central City Children's Hospital in Minsk. We recommend that you pay special attention to the selection of materials "Front-line writers" http://borlib.by/1-mir-voyna/pisateli-frontoviki

Сяргей Панізьнік: “У бяседзе – суседзі”

Мае шчырыя вясеннія віншаванні з хрысьціянскімі сьвятамі Вербніцай, Вялікаднем! «Хрыстос уваскрос, сын Божы!»

Гаспадару, сьлічны пану!
Глянь на двары што дзеіцца,
што дзеіцца-лялеіцца -
раса пала медавая:
ў тваім дварку
як у райку!

Валачобнік Андрыян Кісьляк з жонкай Ядзьвінняй
на ганку свайго двара ў Лявонпалі

Валачобнікі

- Жыві, маіх бароў “А—у!” -
імя майго кахання.
(Верасень 1969. Лявонпаль.
Сяргей Панізьнік з прыберагу Волты ў Віцебскай вобласці)

- Думкі, думкі, думкі!
Срэбраныя іскры!
(Ліпень 2020. Атава.
Пётра Мурзёнак з прыберагу Мядзелкі ў Віцебскай вобласці)

- *** -

- Хоць на прамень, але падрос мой дзень -
і з ім жыццё надзеіцца паволі…
І хоць ідзе ён па скалелым полі,
але імкнуцца промні дабрыні
да продкавай спрадвечнай вышыні.

Расту і я, бо для маёй крылатасці
патрэбен хоць адзін праменьчык радасці.

- Дзе ішлі вякі ўразброд,
мы знайлі абновы...
Ветаховы наш народ
стаў маладзіковы!

- Між Мядзелкай і Волтай – сонцацвет!
А жыць без утрапення немагчыма…
І зёлкі верацъ у Паралельны Свет*…
…Між дзвюх лагчынаў.

- Не вычарпаны дух зямлі да дна.
Канца няма ў падзорным Небакраі.
Вяртання зыкі: “Вунь Дзвіна відна!”,
“Краіну прыкарытнікі не скралі
і не звялі ў чужынскі закутон…”
- Ім не паддаўся мужны аўтахтон!*

- Што раньш было – вярну нанова,
бо не зляцела ў вырай Слова.
Яго ўтрымаць на дабрыні

вучыла Мова дзень пры дні.
- "Карэнні продкаў не скрані!"

- Пішу не ў стол, а на сталец,
як земскі пісар жвавы.
Ты не паэта, а сявец,
абуджанай зямлі жылец,-
яшчэ не цьвік іржавы.
- Вастру зубец – падняць вянец
над кронаю Дзяржавы.

- Мой Травень – схрон
упоравень высокіх крон,
дзе Лета распасцёртыя абдымкі…
Складае вершы ён?
- Да не! Сам дастаю са скрынкі.
У Травеня я толькі паштальён.

- Лам'ё ад весніц, ад садоў – карчы.
Старыя хутары няшчадна паляць.
А што пакінуў хутар твой?
- Ключы! Я імі адмыкаю сёння Памяць.

- Усцешаны чужым жыццём пагодным,
падобным на неспазнаны Рай.
Усцешаны ты ўсмешлівым і родным
акрайчыкам маўлення – словам "Край"?
- Устрапянецца мой Крывіцкі гай!
Ад слова роднага мы зноў пачнем
дужэць і выяўляць, хто "глух і нем".

- Заціхла непагадзь. Суняўся шторм.
Шукае чайка ў водарасці корм.
І ты збіраеш рыфмы над прыбоем,
каб у пяску падумка не завязла?
- Ратуе верш –натхнення перавясла,
бо словы сталі творчасці прыбоем.

- Не пара нам ля двара сумаваць-маркоціцца.
Залатая ўжо зара над зямлёю коціцца.
Будзем так мы жыць, як зара бяжыць,-
каб здароў быў дзень – Радасці Прамень!

- Любоў не спажыва – крэсіва!
Не насалода, не:
гэта надзея: ўваскрэсне
Прапрарадзіма ўва мне.
Гэта ратунак: голаў
не схіліцца на крыжы.
- Любоў – гэта вечны голад
няўтомнай нашай душы.

- Засмуціўся: была ніўка, а пожанька стала.
Разамкнецца маё сэрца: чуць не перастала…
Адгукнецца пры сустрэчы, не згубіўшы скоку.
Навіну нясе, дарэчы, на хвасце сарока…
- Ты не кайся рана ўстаўшы, маладым жаніўшыся.
Спіць залюбленая жонка, у клубочак звіўшыся.
Не маркоцься, маладзён мой, пры такой удачы:
Цераз голаў і жарэбчык, далібог, не скача.

- Нам святла і ў спраты!
Ажывайце, Страты!
- Узламай, Араты,
з нашай пашы латы!

- О, багатыя ў нас весьці,
бо запас не просіць есьці…
Не за тое мы галелі,
што пілі і многа елі.
- Праўды, Веры мала мелі.
Але мы не акалелі:
цьверазець у час паспелі.

- Кожны з нас, айчынны па прыродзе,
мае карані ў сваім народзе.
Не забыты намі енкі, свары -
помняцца для Божай кары.
- Беларусы – гэта дзеці Мары.

- Для досціпа – выслоўі
народнае гадоўлі!
І забадуць нас рогі
намёкаў, засьцярогі?

- Дражнілкі, прыбабунькі
з патэльні ад бабулькі.

- Калі і вецер падганяе,
мая не збочыцца сцяжына,-
бо крок напрамак не мяняе.
Напятая жыцця спружына!
Мяне мой мацярык натхняе.
Прырода тых укараняе,
з кім сцежка Нацыі здружыла.
- Малой Радзімы не бывае!

- Жывецца табе свядома?
Вядома: я – дома!
Форма жыцця не дзеліцца.
- Без Мовы – адно мычанне…
Беларусь анікуды не дзенецца,
не сплыве Беларусь у маўчанне.

- Чужое ем – і глух, і нем…
А калі маё ядуць -
у мяне слёзы цякуць.

- Вам –“Дзякуй вялікі!”
А мне – яшчэ большы:
“вялікі” за большага
нікольkі не горшы.

- Песня – мура… Шкадаваў:
не пабеглі “мурашкі” ў рукаў.
А зрух для душы быў магчымы.
-- На Бацькаўшыне сустракаў:
“З мелодыямі Айчыны
не скоцімся мы ў лагчыны!”
“Мурашак” загонім у стаў…
Дзяржаваю стане анклаў*.

- Анёл-ахоўнік – праваднік-настаўнік.
Абараняе ён ад наслання
і ад нашэптаў заўтрашніх і даўніх…
Калі ж пануе ў целе толькі страўнік, -
зноў нада мною д’ябла даланя.

- Агонь патух. Абух апух:
ссякаў сукі, зразаў цвікі,
часаў дубы… Цяпер – тупы…
Плыве сляза: няма ляза.
Ва ўсіх – звон струн, а ён – Калун.
Ва ўсіх - ілбы! А ён – слабы…
- І як тут быць?
Пад лаўкай выць?

- Ачомалася Паклоніца:
“У Талента няма сястры?”
А цэнзараў было аж тры,
і першая – Палюбоўніца.

- Пратараніў Мовы краты
лексікі пусты снарад:
“Я вам сёння – Ма-дэ-ра-тар!*”
А Ластоўскі* быў бы рад?
Слоўнік генія – карат!

- Тое не ўстыд, што дадзена…
Тое мне ўстыд, што скрадзена.

- Пра воўка памоўка? Баюся самлець…
Твой госьць замест воўка і косьці аб’есьць.

- Сто летаў, зімаў, вёснаў,
і новых творчых вёслаў!
Наведаць новы востраў
і ў Космас зазірнуць:
мо й НАШЫ там жывуць?

- Я не жыў “на лебядзе”*,
шніткай* не карміўся…
Віламі ты па вадзе
не пісаў?
- Узвіўся! Выдых-верш над галавой
з кнігаўкай здружыўся!

- Так сказалі: “Піў з гарла…”
Быў пракол з Міколам…
Пад кусты мятла змяла?

- А на пешага арла
і сарока з колам.

- Нядзелька – тыдня пасьцелька?
Не! Суботы стаптанай сьцелька…
- А мо панядзелка кудзелька?
Ой, дайце калаўрот
накруціць на шпульку содняў карагод.

- Ёсць народныя сакрэты, дзе і продкаў запаветы:
“Не маніся, а Богу маліся”,
“Якое дрэва, такі і клін. Які бацька, такі і сын”…
Для службы Айчыне свой шлях выбірай:
“Вольнаму - воля! Багатаму – рай!”

- Хтосьці ў краме сваё шчасцейка купляе…
Хто мяняе – знай: па тым хамут гуляе.
- Дагаджуся я суседзям – і мяне пагладзяць…
За чужое лычка, ведай: раменьчыкам плацяць.

- Да паўдня я з ім балакаў…
Ну а вынік?
- Чорт наплакаў…
А Гарэлік?*
- Гэны можа…
Ён як стрэліць, то пацэліць,--
І не ўсклікнеш: “Божа! Божа!”

- Адбярэ Божа стыд, а ці буду я сыт?
Адбярэ Божа сорам, і ты знойдзеш пракорм?
- Распусціўся, хапуга, як старэцкая пуга…
А жыццё пралайдачыш – і святых не аббачыш.

- Кубел мудрасці адкрыўся
для сівога Гуся:
“З галавой не дагаварыўся,-
то й да ног ня сунься”.
Стукну, Гусь, у звонкі кубел,
слоў набраўшы ў глотку,-
і з Гусыняй лягу ў лодку.
Паміж ног і галавою буду пасяродку.

- Варажэя кажа ў верадзе:
"Шчасце, мілачка, наперадзе,-
будзеш мець усладу!"
Муж цыганкі не зняверыўся.
Паглядзеў, нібы прымерыўся:
"Тваё шчасце – так, на перадзе,
а сагнешся – ззаду…"

- А скажыце: хто з намі жыў у жыце?
Жыцень!* Ім даражыце, сядзібамі акружыце,
на вязьмо палажыце, па жніву кружыце…
- Сноп жыцця мне старажыць -
Памяць продкаў асвяжыць!

- Гаспадару, сьлічны пану, глянь – на двары што дзеіцца!
І што дзеіцца-лялеіца?
- Раса пала медавая: ў тваім дварку як у райку!
Ўваскрос Хрыстос! І верыцца:
на Радзіму Лета вернецца!

- Ранкам што пілі? Варголы?
Гэта ж браце, кіпень голы!
- І не сцішыць калом буры,
дзе дражнілкі, каламбуры,
показкі, адкляцці…
Будзь дарадцам для дзіцяці!

- Разам зможам, пераможам.
Будзе новы год наш – гожым.
Стане яшчэ больш прыгожым
і больш дужым і заможным!
- Скарбы мы яго прыўмножым,
а нуду сваю стрыножым.
І дарунак Божы на чало узложым.
Волю не скарожым: Слава стане збожам!
- Ніва ўся засеяна – Нацыя заселена.

- Не падганяй гадоў наплывы: на ўсё свой час.
І дзень імклівы цябе агорне і ўзнясе.
Ты не адзін ля цёплай грывы:
імчым, шчаслівыя, мы ўсе.
- Каб не было пустоты ў працы,--

не будзем у прагал вяртацца:
пад Поўняй будзем нараджацца
іскрынкамі ў густой расе.
Прабудны дзень – каб не баяцца,
свабоднай Нацыяй азвацца,
дзе мы – узнёслыя – усе!

- Зацягнулі жарсці без пары і мяне на “чортавы віры”.
Я, пакуль раса на корч не ўпала, закруціў вітoк на барадзе…
Прымаўка ад мамы перапала: “Не жыві, сыночак, як папала:
прападзеш, як булька на вадзе”
Булька тая лопнула, прапала. Чортавых віроў няма нідзе…
- Прарадзімы мне заўсёды мала:
Да яе – з любоўю – ў чарадзе.

- Муж суседу на парозе жаліўся, няўтома:
“Ты ня вер каню ў дарозе, сваёй жонцы – дома.
Конь пад лейцамі сьціхае; жоначка бяз іх – ліхая…”
А ў абдымках заціхае… Гэта мне вядома!

- “Каб гонар на цябе напаў!” “Сваіх каб не аббачыў…”
Праклёны сціхлі. Не прапаў:
жыццё я не злайдачыў.
- Зычэнні Бога – ува мне, бо злыдні не ўраклі мяне…
А ўсё ты ім прабачыў?

- “Тук-тук!” Затрапятаў крук.
“Ох-ох!” Любая на парог.
- “Бух-бух!” Рушылі -- у катух…
“Цмок! Цмок!” І дзеры на замок.

- Унукам трэба веды. Я прачытаў – і змогся…
На “веды” напароўся?
- Прысуд энцыклапедый: “Народ… панік…”
Збярогся!

- Весняцца не лесвіцы, ля сядзібы – весніцы.
І хто з ласкай лесьціцца, у застолле змесціцца.

- Мой Сцяг – “Незалежнасць”!
І я не за лежнасць…

- Слова – крутая Спіца: ёй днём і ўначы не спіцца.
Яе харчы мяне не ўрачы:
Слова – смелая Чараўніца!

- Дзядзя выйшаў на балкон:
гэта значыць – выйшаў вон…
Дзядзя вельмі мала піў,
а балкон пераступіў.

- Прылёг сініцай…
Бо выпіў да донца…
- І яму з-пад спадніцы
выпаўзала сонца.

- Быў бог-каваль Сварог*.
Даўно ён знік з дарог.
Не зьнік Папар: вунь лог,-
вяду з ім дыялог.

- Святкаваць нядотыкі* пад мурамі готыкі -
прызнавацца ў роднасці пад бажніцай годнасці.
На пустыя нагаворы накідай густыя шторы!

- Скрыжніца не лыжніца – ледаход!
Кажаш: “Гол сакол”? На крыгах - Новы Год!
- Перацерпім мы і ўсполу навадненне.
Прычакаем спадзяванняў абадненне.

- Вып’еш?
- Калі ласка!
- Ласку не калі,-
будзе табе гразка…
- То яшчэ налі!

- Пан* сахі і касы быў глухі і касы?
Многа ў вершах расы…
Там зьвісалі насы,
дзе пяклі маразы…

- Жарты ў полымі пякуцца. Рукі як прыжымы…
- Добра ў жар - сваімі ткнуцца,
жар зграбаць – чужымі.

- А нашаму сваточку -
  свацця ветлая ў куточку…
        - А вашаму кубельніку*
          сучачка ў ельніку!

- Караля пакаралі: каралі скралі.
      - І з трона перадалі яго кралі…

- Так сказала Сцепаніда:
   "Віліжынец – падшыванец"…
        - А дзе Плюндра*, там і Гніда.
           Сам Гярэлік* – Лярвы* малец.

- Не замежная, а заможная…
       - Не сумежная – падарожная.
          Прыналежная – не парожняя,
          Непарушная і не скрушная…
               - З кожнай вестачкай асцярожненька,
                  як нявестачка – ідзе пожанькай…
                      - Мову зоўную даў нам Божанька!

- Ты не мечнік ваяўнічы, не крыжак напору злога…
        - Мне пасуе да аблічча светлая кальчуга Слова!

- У мацярык нам трэба - урастацца,
   каб на карэннях продкаў распрастацца.
        - Для светласці і чыннасці,
           але не адзічыннасці…
                - Бо няма даражэй
           С у а й ч ы н н а с ц і.

Тлумачэнні: *Паралельны Свет – свет прыдумак, ілюзій; аўтахтон – мясцовы жыхар; анклаў – тэрыторыя дзяржавы, акружаная з усіх бакоў тэрыторыяй другой дзяржавы; мадэратар - арбітр, пасярэднік, кантралёр, адміністратар; В. Ластоўскі - аўтар кнігі "Падручны расійска-крыўскі Слоўнік", 1924 г. "На лебядзе" – у прогаладзь; Шнітка – зёлка сныць; Гарэлік – чорт; Жыцень – бог вясны, урадлівасці, спрыяе росту і выспяванню збажыны; Сварог – верхні бог усіх славян, бог-каваль, Нябесны агонь; Святкаваць нядотыкі – не прызнавацца ў роднасці; Кубельнік – вясельны чын, які запаўняе кублы пасагам; Плюндра – нячысцік; Лярва – зубаскалка; Пан – першавобраз прыроднай энергіі, бог прыроды, пладароднасці; Трасянка – чаўпня; "Чорт наплакаў" - марны дабытак", Зьніч – святы агонь продкаў, першавыток жыцця, святла, цеплыні.*

Сяргей Панізьнік: “У бяседзе – суседзі”
(вэб-часопіс “Культура. Нацыя”, № 31, красавік 2023, 222-233, www.sakavik.net)

«Хрыстос уваскрос, сын Божы!» Паэт дасылае свае шчырыя вясеннія віншаванні з хрысьціянскімі сьвятамі, Вербніцай і Вялікаднем! І прыкладае адпаведныя гэтым святам вершаваныя народныя мудрасці.

Сергей Панизьник: «Соседи разговаривают»
(веб-журнал «Культура. Нация», № 31, апрель 2023, 222-233, www.sakavik.net)
«Христос воскрес, сын Божий!» Поэт шлет искренние весенние поздравления с христианскими праздниками, Вербницей и Пасхой! И сопровождает их стихами, отражающими народные мудрости, соответствующие этим праздникам.

Siarhei Paniznik: "Neighbors are in conversation"
(webzine “Kultura.Natsyja”, issue 31, April 2023, 222-233, www.sakavik.net)

"Christ is risen, son of God!" The poet sends his sincere spring congratulations on Christian holidays, Verbnitsa and Easter! And he adds verses of folk wisdom corresponding to these holidays.

Паэзія

Перадкалядны верш-пажаданне Лявона Карповіча, беларускага філатэліста і актыўнага ўдзельніка нядаўняй міжнароднай канферэнцыі "Беларуская нацыя вачыма дыяспары і суайчыннікаў (12 лістапада 2022 года)
(вэб-часопіс "Культура. Нацыя", № 31, красавік 2023, 234, www.sakavik.net)

Лявон Карповіч: Верш

Падзякуем Богу, што год пражылі,
За ўсё, што змаглі мы і што не змаглі,
За хлеб наш штодзённы і ўсё, што да хлеба,
За сонца, за месяц, за зорнае неба,
За дождж і за снег і за ўсе нашы справы,
За добрыя словы і светлыя мары,
За шчырыя сэрцы, за родныя вочы,
За светлыя дні і за цёмныя ночы,
За добрых людзей, што прыйшлі з дапамогай,
За свет, што нам мілы.
За ўсё дзякуй Богу!

7 снежня 2022 года

Лявон Карпович: Стихотворение-пожелание
(веб-журнал "Культура. Нация", вып. 31, апрель 2023, 234, www.sakavik.net)

Предновогоднее стихотворение-пожелание Лявона Карповича, беларусского филателиста, активного участника недавно прошедшей международной конференции «Беларусская нация глазами диаспоры и соотечественников» (12 ноября 2022 года).

Ljavon Karpovich: Poem
(webzine "Kultura.Natsyja", issue 31, April 2023, 234, www.sakavik.net)

Pre-Christmas poem-wish by Ljavon Karpovich, Belarusian philatelist and active participant of the recent international conference "Belarusian nation through the eyes of the diaspora and compatriots" (November 12, 2022).

Стихи о Первой мировой войне – подборка Татьяны Кенько

Глеб Анфилов (1886 – 1938)

18 октября 1914 года

Бомба взорвалась в кипящем котле,

с ревом взметнула

солдатскую пищу…

Трое остались хрипеть на земле,

десять ушли

к неземному жилищу…

Вечером в поле туманно-нагом

ухали выстрелы русских орудий.

Долго куски собирали кругом

и навалили на мёртвые груды.

В яме дорожной в версте от огня

их забросали землёй прошлогодней,

Гасли осколки осеннего дня…

Фельдшер сбивался в молитве Господней…

http://polyarnik.org/archives/851

Анна Ахматова

Июль 1914

1

Пахнет гарью. Четыре недели

Торф сухой по болотам горит.

Даже птицы сегодня не пели,

И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,

Дождик с Пасхи полей не кропил.

Приходил одноногий прохожий

И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро

Станет тесно от свежих могил.

Ждите глада, и труса, и мора,

И затменья небесных светил.

Только нашей земли не разделит

На потеху себе супостат:

Богородица белый расстелет

Над скорбями великими плат».

2

Можжевельника запах сладкий

От горящих лесов летит.

Над ребятами стонут солдатки,

Вдовий плач по деревне звенит.

Не напрасно молебны служились,

О дожде тосковала земля!

Красной влагой тепло окропились

Затоптанные поля.

Низко, низко небо пустое,

И голос молящего тих:

«Ранят тело твое пресвятое,

Мечут жребий о ризах твоих».

20 июля 1914, Слепнево

http://slova.org.ru/ahmatova/ijulpakhnet/

Памяти 19 июля 1914

Мы на сто лет состарились, и это

Тогда случилось в час один:

Короткое уже кончалось лето,

Дымилось тело вспаханных равнин.

Вдруг запестрела тихая дорога,

Плач полетел, серебряно звеня...

Закрыв лицо, я умоляла Бога

До первой битвы умертвить меня.

Из памяти, как груз отныне лишний,

Исчезли тени песен и страстей.

Ей — опустевшей — приказал Всевышний

Стать страшной книгой грозовых вестей.

Лето 1916, Слепнево

http://slova.org.ru/ahmatova/pamjatimyna/

Молитва
Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар -
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.
1915

http://www.akhmatova.org/verses/verses/405.ht

Д. Борисов

ПАМЯТЬ РЕЖУ БЕЗ НОЖА…

«Мировая…» — эко слово,

А «Великая…» — как много,

Много смерти, жизней в нём,

Не простых. Так что почём?

Кто расскажет пацану

Про Великую войну,

Про Героев той войны,

Кто расскажет как не Мы –

Мы с пером у той войны.

На листах строчишь и ты,

Память режешь без ножа,

А История свежа,

Что сто лет: я тут и там,

Рвусь к Брусилову, к войскам,

Не успел своим в подмогу…

Подниму сейчас Тревогу!

Бью стихом в колокола!

В пальцах боль с ума свела.

Чти и помни, и поймешь,

Для того не нужен нож.

………………………………………………..

У Иконы и свечи

Я молчу, и ты молчи.

Пламя — душ солдатских тишь…,

Я молчу, и ты молчишь…

19.12.2012 21:20

Д. Борисов — поэтам Первой мировой

АРСЕНИЮ НЕСМЕЛОВУ

Поэту, русскому офицеру

от русского офицера

Любовь к России – всё что есть,

Погоны, Доблесть – это Честь,

Не описать, не передать,

Что с молоком впитал, и мать

С отцом вложили в разум твой.

И ты идёшь в кровавый бой,

И сотоварищи твои –

Солдаты, Родины сыны,

Плечом к плечу, в атаку, в смерть,

Рядами стройными как есть,

Штыком упрямо путь кладут,

На неприятеля идут.

Сомкнувшей цепью ты идёшь,

Клинком направо – смертен бош,

Удар налево – нет уж двух,

Кровавых брызг алеет пух!

Окончен бой. И многих нет,

И переполнен лазарет…

А ты закончил новый стих

Строками мирными о них:

«*…А лес зашумел не глуше,

Был прежним осенний лес.

И заяц, наставив уши,

На кочку картинкой влез.»

*строки из стихотворения Арсения Несмелова

«Раненый». 08.10.2013

НИКОЛАЮ ГУМИЛЁВУ

« Но, если в бою кто-нибудь увидит,
что я не исполняю долга, —
стреляйте в меня»».
Прапорщик Н. Гумилёв солдатам.
Улан, гусар и кавалер –
Солдатам мужества пример,
И командирам всем пригож,
Как офицер. И тем хорош
Что парень славный, для друзей
Всегда найдёт строку к «налей»,
И милой Анечке в письме:
«Твой Коля» — пишет (о себе).
После боя еще напишет,
И закончит рукой своей:
«Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.*»
Пощадила судьба Поэта,
Уберег его Бог в войну…,
Прострелили то сердце, не где-то,
А в России, в гражданском пылу.
Мой Поэт, поклонюсь тебе в строках,
Мою душу щемит слеза,
Ты прости, что могу в этих кроках,
Я пишу, заглянув в Небеса…
09.10.2013 6:41, с. Жигули
* из стихотворения Н.Гумилёва «НАСТУПЛЕНИЕ»1914г.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

«…Вот, если мы будем говорить военным языком, то мне кажется, что «генералов» среди теперешних поэтов нет.

— Ну нет, почему так — Блок вполне «генерал-майора» вытянет.

(из разговора поручика В. Карамзина и прапорщика Н. .Гумилёва в 1916 году)

Не бывал ты в ратном деле,

Не водил в атаку строй

Русских воев-кавалеров,

Не обрёл в бою покой.

Значит так России надо,

Было велено судьбой,

Что б рука твоя строчила

За пришедшей в Дом бедой.

В век Серебряный багряно

Полилась Отчизны кровь,

В строки стиший заливала

Смерти поступи-шагов.

Твой призыв к народам, к Миру

Не услышан, начат Бой.

За четыре военных года

Многих нас породнит с землёй.

А в начале кровавой схватки,
Ты уже поминал друзей,
Что покинули без оглядки
Мир, которого нет милей:
«…Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.
А вблизи — всё пусто и немо,
В смертном сне — враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.*»

………………………………………………………

Не забыт ты, как многие в летах,
Ты наш Блок, ты в России один,
Благодарностью русского сердца,
Ты и мною, спасибо, чтим.

11 октября 2013 г., с. Жигули

…………………………………………………..

**А. Блок, « Я не предал белое знамя», декабрь 1914г.*

ВАЛЕНТИНУ КАТАЕВУ

Русскому Поэту, Офицеру,
Георгиевскому Кавалеру
от русского офицера
………………………………………………
Господин подпоручик, дозвольте слово,
Скорее не слово, признанье Вам,
Скорей извиненье, что мы не готовы
Таланту Поэта отдать свою дань.

Валентин КАТАЕВ

Что мы не посмели в поклоне склониться
Солдатскому Долгу, раненьям в боях,
Тому что не может и многим присниться,
Тому где царит уваженье и страх.

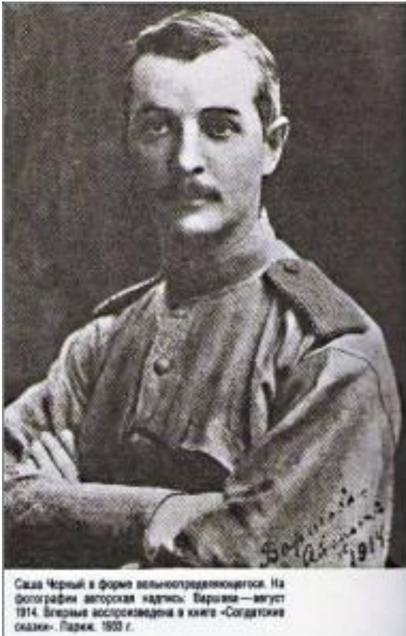
Что мы не читали, не ведали в строках,
Что можно Россию любить, так как Вы:
В землянках, в шинелях, и просто обозах,
В разрушенной хате, в дорогах войны.

Нарушив рифму, я весь с вами
Строкою, взятой из стихов:
«…Пехота мерно шла рядами,
На острых кончиках штыков
Мигало солнце огоньками…»*,
И подписаться здесь готов:
Куда же проще о пехоте,
О мирном солнце нет и слов.

……………………………………………………….
16 октября 2013 г., с. Жигули
* Валентин Катаев, «ПИСЬМО», 1916г.

 ISSN 2562-950

САШЕ ЧЁРНОМУ

Саша Черный в форме вольноопределяющегося. На фотографии авторская надпись: Варшава — август 1914. Впервые воспроизведена в книге «Солдатские сказки». Париж. 1933 г.

Усталый хирург…, Каторжный труд!

У сестры дрожит подбородок,

Как дрова, их сегодня несут,

Несут и несут без конца…

Саша Чёрный, «В ОПЕРАЦИОННОЙ»,1914г.

Вот так по-свойски, просто Саша,

Окутав имя в серебро,

Поверх одев шинель солдата,

Ты убыл к фронту – повезло

Тебе – сатиру и кумиру

Столичной публики в стихах,

Освоив званье рядового,

Быть в медицине, при войсках.

Ты видел смерть, увечья, крики,

Боль и мольбу солдатских глаз,

И чьи-то ноги, бёдра, руки

До ямы общей нёс не раз.

Ты рассказал нам о хирургах,

Сестрицах милых, юных лет.

Как отрезали, что пилили,

Чем жил на фронте лазарет…

Война – тяжелая работа,

Здесь смерть пасёт нас до поры,

И кто нас вырвать с пасти может,

С зубов кровавых у войны?

Тебя, простого санитара,

Хирурга, девочку-сестру,

Не раз бойцы боготворили,

За жизнь спасенную свою.

17 октября 2013 г., с. Жигули

СЕРГЕЮ СУЛИНУ

Памяти донского поэта,казака,офицера
и героев его стихов – российских солдат

Назваться братом по перу

И тем кто видел смерть, войну,

Поставить в ряд с тобой, Поэт,

Себя не в праве я, о нет.

Воспел героев ты в стихах

Войны Великой, что в боях

Покрыли славой жизнь и смерть,

Что за Россию умереть

Нет выше Чести. Их судьба

К вратам небесным привела,

И Пётр, и Павел бьют поклон -

Герой пришел. И славен он,

Что друга выручил в беде,

Что командира спас – вдвойне,

И слов Присяги не забыл,

Не ныл, не плакал, не скулил.

Солдатский долг – есть высший долг!

Поэта голос не умолк,

За век прошедший с той войны

Тебе, Поэт,

в моих стихах – мои цветы…

05.10.2013

http://hero1914.com/d-borisov-poetam-pervoj-mirovoj/

Бертольд Брехт
ЛЕГЕНДА О МЕРТВОМ СОЛДАТЕ
Перевод С.Кирсанова

1
Четыре года длился бой,
А мир не наступал.
Солдат махнул на все рукой
И смертью героя пал.

2

Однако шла война еще.
Был кайзер огорчен:
Солдат расстроил весь расчет,
Не вовремя умер он.

3

На кладбище стелилась мгла,
Он спал в тиши ночей.
Но как-то раз к нему пришла
Комиссия врачей.

4

Вошла в могилу сталь лопат,
Прервала смертный сон.
И обнаружен был солдат
И, мертвый, извлечен.

5

Врач осмотрел, простукал труп
И вывод сделал свой:
Хотя солдат на речи скуп,
Но в общем годен в строй.

6

И взяли солдата с собой они.
Ночь была голубой.
И если б не каски, были б видны
Звезды над головой.

7

В прогнившую глотку влили шнапс,
Качается голова.
Ведут его сестры по сторонам,
И впереди - вдова.

8

А так как солдат изрядно вонял -
Шел впереди поп,
Который кадилом вокруг махал,
Солдат не вонял чтоб.

9

Трубы играют чиндра-ра-ра,
Реет имперский флаг...
И выправку снова солдат обрел,

И бравый гусиный шаг.

10

Два санитара шагали за ним.
Зорко следили они:
Как бы мертвец не рассыпался в прах -
Боже сохрани!

11

Они черно-бело-красный стяг
Несли, чтоб сквозь дым и пыль
Никто из людей не мог рассмотреть
За флагами эту гниль.

12

Некто во фраке шел впереди,
Выпятив белый крахмал,
Как истый немецкий господин,
Дело свое он знал.

13

Оркестра военного треск и гром,
Литавры и флейты трель...
И ветер солдата несет вперед,
Как снежный пух метель.

14

И следом кролики свистят,
Собак и кошек хор -
Они французами быть не хотят.
Еще бы! Какой позор!

15

И женщины в селах встречали его
У каждого двора.
Деревья кланялись, месяц сиял,
И все орало "Ура!"

16

Трубы рычат, и литавры гремят,
И кот, и поп, и флаг,
И посредине мертвый солдат
Как пьяный орангутанг.

17

Когда деревнями солдат проходил,
Никто его видеть не мог -
Так много было вокруг него
Чиндра-ра-ра и хох!

18

Шумливой толпою прикрыт его путь.
Кругом загорожен солдат.
Вы сверху могли бы на солдата взглянуть,
Но сверху лишь звезды глядят.

19

Но звезды не вечно над головой.
Окрашено небо зарей -
И снова солдат, как учили его,
Умер как герой.

http://lit.peoples.ru/poetry/bertolt_brecht/poem_2989.shtml

*В 1914 году, с началом Первой мировой войны, **Валерий Брюсов** отправился на фронт военным корреспондентом «Русских ведомостей». Патриотические настроения первых месяцев скоро сменяются у Брюсова разочарованием в «освободительных» целях войны.*
1914—1916 годы многие исследователи считают периодом духовного и, как следствие, творческого кризиса поэта (М. Л. Гаспаров. Брюсов-стиховед и Брюсов-стихотворец // Избранные статьи. — М., 1995. — С. 103.)
Подборку предоставил Д. Борисов

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Свершилось. Рок рукой суровой
Приподнял завесу времен.
Пред нами лики жизни новой
Волнуются, как дикий сон.

Покрыв столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.

По пажитям Европы древней
Идет последняя война.

И все, о чем с бесплодным жаром
Пугливо спорили века.
Готова разрешить ударом
Ее железная рука.

Но вслушайтесь! В сердцах стесненных
Не голос ли надежд возник?
Призыв племен порабощенных
Врывается в военный крик.

Под топот армий, гром орудий,
Под ньюпоров гудящий лет,
Все то, о чем мы, как о чуде,
Мечтали, может быть, встает.

Так! слишком долго мы коснели
И длили Валтасаров пир!
Пусть, пусть из огненной купели
Преображенным выйдет мир!

Пусть падает в провал кровавый
Строенье шаткое веков,-
В неверном озареньи славы
Грядущий мир да будет нов!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть с гулом падают столбы;
Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы!
17 июля 1914

В ВИЛЬНО

Опять я — бродяга бездомный,
И груди так вольно дышать.
Куда ты, мой дух неуемный,
К каким изумленьям опять?

Но он,- он лишь хочет стремиться
Вперед, до последней поры;
И сердцу так сладостно биться
При виде с Замковой Горы.

У ног «стародавняя Вильна»,-
Сеть улиц, строений и крыш,
И Вилия ропщет бессильно,
Смущая спокойную тишь.

Но дальше, за кругом холмистым,-
Там буйствует шумно война,
И, кажется, в воздухе чистом
Победная песня слышна.

Внизу же, где липки так зыбко
Дрожат под наитием дня,
Лик Пушкина, с мудрой улыбкой,
Опять поглядит на меня.
15 августа 1914, Вильно

ВСЕ ЧАЩЕ

Все чаще по улицам Вильно
Мелькает траурный креп.
Жатва войны обильна,
Широк разверзнутый склеп.

Все чаще в темных костелах,
В углу, без сил склонена,
Сидит, в мечтах невеселых
Мать, сестра иль жена.

Война, словно гром небесный,
Потрясает испуганный мир…
Но все дремлет ребенок чудесный,
Вильно патрон — Казимир.

Все тот же, как сон несказанный,
Как сон далеких веков,
Подымет собор святой Анны
Красоту точеных венцов.

И море все той же печали,
Все тех же маленьких бед,
Шумит в еврейском квартале
Под гулы русских побед.
17 августа 1914, Вильно

КРУГИ НА ВОДЕ

От камня, брошенного в воду,
Далеко ширятся круги.
Народ передает народу
Проклятый лозунг: «мы — враги!»

Племен враждующих не числи:
Круги бегут, им нет числа;
В лазурной Марне, в желтой Висле
Влачатся чуждые тела;

В святых просторах Палестины
Уже звучат шаги войны;
В Анголе девственной — долины
Ее стопой потрясены;

Безлюдные утесы Чили
Оглашены глухой пальбой,
И воды Пе-че-ли покрыли
Флот, не отважившийся в бой.

Везде — вражда! где райской птицы
Воздушный зыблется полет,
Где в джунглях страшен стон тигрицы,
Где землю давит бегемот!

В чудесных, баснословных странах
Визг пуль и пушек ровный рев,
Повязки белые на ранах
И пятна красные крестов!

Внимая дальнему удару,
Встают народы, как враги,
И по всему земному шару
Бегут и ширятся круги.
2 декабря 1914, Варшава

ЧАША ИСПЫТАНИЙ

Будь меж святынь в веках помянута
Ты, ныне льющаяся кровь!
Рукой властительной протянута
Нам чаша испытаний вновь.

Она не скоро опорожнится,
Струясь потоком с высоты…
И вот — в руках врагов заложница,
Сирена польская, и ты!

Так что ж! с лицом первосвященников
Спокойно жертву принесем!
Оплакивать не время пленников,
Ряды оставшихся сомкнем.

Одно: идти должны до края мы,
Все претерпев, не ослабеть.
День торжества, день, нами чаемый,
Когда-то должен заблестеть.

И пусть над Бугом — каски прусские;
Он от того чужим не стал;
И будем мы все те же русские,
Уйдя за Волгу, за Урал.

Под Нарвами, под Аустерлицами
Учились мы Бородину.
Нет, мало овладеть столицами,
Чтоб кончить Русскую войну!
Июль 1915

* * *

Я вырастал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих.
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был не нужен стих.

Но смутно слышалось мне в безднах
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен.

И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.

Год Пятый прошумел, далекой
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен февраль.

Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали.
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.
Март 1920

http://hero1914.com/brusilov-v-poslednyaya-vojna/

А также стихи:

В Варшаве

А.Р. Ледницкому
В первый раз по улицам Варшавы
С легким сердцем прохожу один.
Не гнетет меня кошмар кровавый
Темной славы роковых годин.
Всё, что было, — нет, не миновало,
И веков мгновенью не сломать;
Но, быть может, нынче день начала,
Нынче солнце в небе — как печать.
Пусть оно наш день запечатлеет,
День, когда, как братья, мы могли
Всё сказать, о чем язык немеет,
Что мы долго в душах берегли.
Мы сошлись не по тропинке узкой,
Как к поэту близится поэт;
Я пришел путем большим, как русский,
И, как русский, слышал я привет.
А на улице, как стих поэмы,
Клики вкруг меня сливались в лад:
Польки раздавали хризантемы
Взводам русских радостных солдат.
24 августа 1914, Варшава

http://www.chistylist.ru/stihotvorenie/v-varshave/bryusov-v-ya

На Карпатах

Уступами всходят Карпаты
Под ногами тает туман.
Внизу различают солдаты
Древний край — колыбель славян.

Весенним приветом согрета
Так же тихо дремала страна…
На четыре стороны света
Отсюда шли племена.

Шли сербы, чехи, поляки,
Полабы и разная русь.
Скрывалась отчизна во мраке,
Но каждый шептал: «Я вернусь!»

Проносились века и беды,
Не встречался с братьями брат,
И вот, под грохот победы,
Мы снова на склонах Карпат.

Вздохни же ожиданным мигом,
Друзей возвращенных встречай,
Так долго под вражеским игом,
Словно раб, томившийся край.

Засветился день возвращенья,
Под ногами тает туман…
Здесь поставьте стяг единенья
Нашедших друг друга славян!

http://liricon.ru/na-karpatah.html

Западный фронт

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Протянута лентой бесцветной и плоской,
Прорезала Францию узкой полоской.

Все мертво на ней: ни двора, ни куста;
Местами - два-три деревянных креста,
Местами - развалины прежних строений,

Да трупы, да трупы, - тела без движений!

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
И справа и слева, - на мили, на мили, -
Валы и окопы ее обтеснили.

С них рушатся гулко, и ночью и днем,
Удары орудий, как сумрачный гром,
И мерно сверкают под эти раскаты
То белые вспышки, то свет розоватый.

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Прошла, разделила две вражеских рати
И стала дорогой вражды и проклятий.

Сменяются дни; но, настойчиво, вновь
Здесь блещут штыки, разливается кровь,
И слушают люди, сгрудясь в миллионы,
Лязг сабель, свист пуль и предсмертные стоны.

30 ноября 1914

http://moudrost.ru/stikhi/bryusov/stikhi-bryusov-61.html

Змітрок Бядуля

Вайна 1914-1918

Мяцежнік

Смерць...

Бура...

Трывога...

Не йдзі...

Ой, не йдзі ты,

Асілак-юнача!

Бо перад табою

Страшная дарога,

Пагінеш...

Пагінеш...

Няйначай...

Пад небам імчацца чырвоныя коні,

Пярун з навальніцай

Рагочуць на гонях.

І страх

І дрыготы

Абшар абвілі,

Віхорыцца ўсё на зямлі...

І кроў...

І руіны...

Ой, горная будзе, дзяцюк, твая доля! –

Смерць зрэжа касою,

Бы кветку-расліну,

Груган знясе косці па полі...

……………………………….

Пайду я!

Злавацца!

Хмялець!

Загарэцца!

Ўсім светам магу кіраваць я, здаецца!

Як пушчаны некім,

Імпэтнай стралой.

Памчуся ўгару!

Над зямлёй!

Мне полымя! Крыллі!

Я —

Сокалам вольным у тыя абшары,

Дзе громы ў высотах пуціну прарылі!

Сусветнасць

Я кіну ў пажары...

Хай граюць,

Буяюць

Віхровыя хвалі!

Хай плачуць,

Хай скачуць —

Ім вольніцу далі.

А мора мяцежнае —

Маткаю мне.

А бура —

Ў грудзях у мяне.

Я – гнеуны паустанец

Я – вольны мяцежшк

Я – славай кірую

Я – сонечны воін!

Я – гром-зоратканец!

Я – з цемрай вячыстай ваюю!

Я – волю з жалезных клыкоў вырываю!

Я – гнеў гарапашных!

Я – злосць агнявая!

Я – помста

За здзекі,

За кроў,

За шмат слёз!

Мне — крок

Ад зямлі да нябёс!

……………………

Памчаўся

Далека...

Прапаў...

І не вернецца смелы

Ніколі!..

Яго не ўбача ўжо матчына вока...

І грудзі парвуцца ад болю.

Яму за адвагу

Пахвалы не трэба.

Яму шлях бунтарскі –

Зарніца у небе.

Ён –

Шчасце,

Ён –

Мара

Адважных людзей.

Ён — песня

Старых і дзяцей.

Ад крыві чырвонай

Ад крыві чырвонай фарбаваўся Нёман.

Гаціліся гаці з трупаў па вадзе.

Дзікі свіст і бразгат. І выццё і гоман.

Бітва, як ніколі... бітва, як нідзе...

Людзі, коні разам гойдаліся ў сечы,

Малаціў галовы алавяны град...

Вочы непрытомны. Крык нечалавечы.

Смерць прымала строга жудасны парад.

Затуманіў неба шыза-дымны порах.

Жорлішчы гарматаў кархалі агнём.

Ціхія сялібы нішчыў «свой» і «вораг».

Працу, пот гаротных панясло віхром.

У зямлі глыбока рылісся шрапнелі,

Над зямлёй высока віўся самалёт,

Чорным шумным стадам груганы ляцелі,—

На крывавым полі ладзілі свой злёт.

Груганню спажыва вельмі ўжо багата.

Трунак хмельны льецца хмельнаю ракой.

Ой, крыві залішне. Ой, крыві занадта,

Ажна ахмялелі, патанулі ў ёй...

Вільня, 5 кастрычніка 1914 г.

Не мы ...

Не мы выпівакі

На гэтым на балі,

Не мы граем вальсы

На жудкіх цымбалах,

Не мы захацелі

Крывавай забавы, —

А дзікая зграя.

Аднекуль з вяршалін

Пачуўся шэпт-шолах,

Аднекуль заслепіў

Паганы дым-порах

Над краем.

Не мы вінаваты,

Што кроў пацякла.

Не мы вінаваты,

Што гібель прыйшла.

Не мы...

Вайна

Ад людскіх ад трупаў нівы пасыцеюць;

Буйны град з жалеза хлыне на зямлю.

Ад крыві гарачай скалы памякчэюць.

Смерць пачне ігрышча, дзікую гульню.

Пойдзе вой на воя, пойдзе брат на брата;

Так удзень да ночы, уначы да дня.

Будуць, як ніколі, пошасці багаты,

Будзе, як ніколі, дзікая разня.

Ад разрыўнай кулі бацька з крыкам ляжа,

Апаганяць жонку, возьмуць у палон.

А далей што будзе, час сляпы не кажа,

Пакуль што на свеце толькі плач і стогн.

****

І будзе на палях трывожная работа.

І будзе працы шмат на гонях, па шнурах.

І не паможа тут гультайства, неахвота,

І не паможа страх.

Спякота або дождж, пагода — непагода,—

Ты вырваны карэнь з радзімай стараны.

Ты вырваны з гнязда — не трэба тваёй згоды —

Пагналі бізуны.

Давай зямлю араць гранатамі тым часам,

А тысячамі куль пасля баранаваць,

Гнаіць крывёй людской і дымным цёплым мясам,

Штыхамі растрасаць.

І пойдзе так сяўба — жалеза і патроны,

І буйны колас-смерць пад сонцам зашуміць.

Пагібель будуць жаць — і пошасці і стогны,

Пакуту малаціць.

І дзень і ноч працуй — о, дзе спачын пасцелі?

З вачэй тваіх зірне шаленства каламуць.

Кашуля пагніе на адзічалым целе,

І чэрві загрызуць.

Зайграе на гумне агнёвае вяселле,

Замест вясновых руж захмеліць пах гнілля.

Над яблыняй вясной гарматная капела

Заменіць салаўя.

У яме будзеш жыць на многа міль ад хаткі,

І нават твой пясок разбурыць лётагуб.

А голад, як той воўк, у грудзі роднай маткі

Запусціць востры зуб.

Браты

Два браты пайшлі ўначы

Цікаваць, дзе вораг.

Сцерагліся, ціха іплі,

Каб не чуўся шолах.

Два браты далей-далей

Сыпалі паволі.

Шалясцелі дзераўцы,

Цёмна было ў полі.

Два браты пачулі шэпт:

«Вораг нейкім чынам...»

І прыпалі да зямлі,

І прыпалі шчыльна.

Два браты сустрэлі тут

Ворага разведку.

І са стрэльбаў раз і два

Выпалілі метка.

Два браты стралялі так

На чужым загоне,

Аднаму пачуўся стогн:

«Гэта брат мой стогне...»

Два браты — давай назад.

Гора, а не надта:

Брат паранены ляжыць

На плячах у брата.

Брату ўпоцемках лягчэй
Вырвацца з бядоты.
На плячах цяжар жывы
Дадае ахвоты.

Брата брат нясе далей;
Млеюць ногі, рукі.
Трэба роднага свайго
Ратаваць ад мукі.

Брат пацее і нясе.
Кроў ільецца з потам.
Трэба брата данясці —
Палягчэе потым.

Брату цяжка. Зараз вось
Будзе адпачынак.
Да акопаў да сваіх
Прывалок хлапчыну.

Павіднела навакол.

«Што гэта за дзіва?» —

Родны брат астаўся там,

А на ім — праціўнік...

Арліхі

І луналі ў бяскраі

Сталёвыя дзве

Самалёткі-арліхі.

То былі не палёты,—

А ліха.

І –

Скрыгаты,

Рогаты,

Рыпаты,

Хрыпаты

У лёце.

То былі не палёты —

Страхоцце.

Бы гулі

Плоймы гулкіх

Вялізных чмялёў.

Аж аглохнуць маглі бы.

То былі не палёты —

Пагібель.

Яны

Бомбы кідалі

З гары —

З вышыні

Сотняў метраў.

Аж дрыжэла зямля

І паветра.

Грух і грух,

Грох і грох

На галовы людзей

І на спіны.

Што за страшныя, лютыя кпіны.

Непакоілі

Грудзі зямлі

Зусім новым,

Нязведаным страхам,

Непакоілі

Воблачным шляхам.

А гарматы

Зенітныя,

Нібы з вады —

З глыбіні —

Кракадзілы,

Падымалі насы што ёсць сілы.

І плявалі агнём —

Не трапялі

У магутныя крыллі.

Угару

Свой праклён гаварылі,

І ляцелі праклёны

Арліхам

У зычную летнюю просінь —

Нібы хмаркі-дымкі з папяросаў.

А тым часам

Арліхі мільгалі,

Бы уранні зарніцы.

Сваім гульням

Не знали граніцы.

Іх смяшылі

З зямлі

Алавяныя грозныя гукі,

Іх смяшылі

Смяротныя мукі.

Эх, стральцы вы,

Стральцы!

Вы страляеце знізу

Дарэмна!

Хіба толькі на жарт

Ды нікчэмны...

Што ім значаць —

Асілкам —

3 зямлі

Прытка-лёгкія пчолы?

Лепей кіньце —

Не выйдзе нічога!

……………………

Але

Раптам,

0, шчасце,

0, лебедзік-шчасцейка,

Дзе ты?

Тым арліхам

Змяніла планета...

Нешта

Крыллем круць-верць...

Нешта

Цягне на пругкую глебу...

Ім апрыкрыла яснае неба?

Гэтак падае ўніз

Злы груган

На слабую афяру.

Так кідаецца

Воўк

На атару.

Ой,

Упалі

З высот!

Пацямнелі

Сталёвыя

Блескі...

Разляцеліся

Крыллі

У трэскі.

Аграмады абломкаў

Уткнуліся

У пухкае поле —

І з зямлі

Не паднімуцца болей.

Нежывымі ляжалі пілоты —

Адважныя людзі.

Пакалечылі

Твары і грудзі.

А наводчык-стралец

Паглядаў на здабычу

Паволі,

Нібы ведаў заране

Іх долю.

* * *

...І сотнямі тысяч

Ратаяў ляглі там,

Гніюць у зямлі без пары.

Каго баранілі,

Каго яны білі —

Не знаюць і самі яны...

Дубы маладыя,—

Краса і надзея,—

Падрэзаны вострай пілой,

Вясновыя кветкі

Зялёнага поля

Сарваны крывавай рукой.

І маці старая

Б'е грудзі аб камень.

І корчыцца з плачу стары.

І ластаўка так

Над разбітым гняздом

Канчаецца з плачу.

Юда жэніцца ...

Юда жэніцца на полі,

Маладуха яго — смерць.

Злыдні носяцца ў раздоллі,

Ладзяць гульні — круць і верць.

Гэй, бярыся, зух, у бокі!

Жвава рухайся, народ,

Ў заварожаныя скокі

Сып, ідзі, шалёны зброд!

Пустамельны прапаведнік,

Купчык — важнаю гарой,

Бочак золата наследнік,

Клічце кліч у стройны строй!

Ў карагод у свой пякельны,

У разгойданы віхор

Зацягніце цягай хмельнай
Плойму цел у сотні гор.

Замест він у коўш атруту
Лі з ачумленых катлоў!
Слёз, крыві, хвароб, пакуты
Не шкадуе душалоў.

Хтосьці ўпрысядкі на цыпках
Дробным крокам прабярэ,
Хтосьці гіцлем дзікім цыкне,
Вышэй голаў задзярэ.

Кінь свой сорам, чалавеча!
Чэсць сваю не сцеражы!
Бо раз’юшанае веча
Тут не ведае мяжы.

Чалавечыя законы
Тут не хочуць панаваць.
Болей мукаў... Болей стогнаў...
Болей жыццяў перарваць...

Няма сэрца. Няма жалю.

Няма людскасці ў душы,

Бо ніжэюць смерці шалі,

Звер пануе — так пішы.

Хтосьці плача, хтось смяецца,

Шле праклёны на прастор.

І гуляе ў ліхалецце

Незакелзаны віхор.

Мора полымя і крыкаў,

Мора слёз, крыві, касцей.

Нейкі страх і гнеў вялікі.

Гэй, у скокі! Гэй, хутчэй!

Юда жэніцца у полі,

Маладуха яго — смерць,

Злыдні носяцца ў раздоллі,

Ладзяць гульні — круць і верць.

23 сакавіка 1915 г.

Шатан смерці

Над зямлёй лунае чорны шатан смерці,

На кані крылатым перуном грыміць.

Неба заналала, неба разарвецца,—

А зямля ў трывозе, як дрыгва, дрыжыць.

Над зямлёй лунае жудасная смага,

Туманом вільготным ахапіла свет.

Злыдні разгарнулі цвета ночы сцягі;

Смерць касою піша мсцівы свой завет:

«Кроў, агонь і гібель на палі-абшары!

Стогн, кананне, трупы — асалода мне.

Мне, як сведкі, служаць страшныя пажары,

Трупы-галавешкі ў непрабудным сне.

Чалавек няшчасны, выпі коўш паўнюткі!

Гэй, хутчэй за працу, гідкі, дзікі кат!

Кроў, агонь і гібель, запануйце хутка!

Забівай адважна брата свайго, брат!»

*** * ***

То не хаты, а курганы.

То сляды вялікіх станаў.

То не дрэўцы на мяжы —

Крыжы... крыжы...

Адзінокія магілы,

Маладыя нашы сілы.

Стрэл глушыў апошні стогн —

І сон... і сон...

Сонца — сэрца па-над гаем.

Сіні вецер тут гуляе.

Уначы сава-пугач

У плач... у плач...

Нібы серп з чырвоным кантам,

Свеціць месяц на курган той.

Зорка зорцы на мігі:

«Зірні... зірні...»

І куды ні кінеш вокам,—

Ці то блізка, ці далека,—

Свет курганамі багат.

Іх шмат... іх шмат...

Сухавеі

Скачуць-плачуць сухавеі.

Стогне поле. Рэчка млее,

Апаўночы ўсходзіць сонца —

То пажарышчы ў старонцы.

Стрэлы, смерці адгалоскі —

Бежанцы брыдуць па вёсках.

Плуг сталёвы з'есць іржа,

А сялібу з'есць пажар.

Скачуць-плачуць сухавеі.

Па шнурах ваўкі завылі,

У самотнай сумнай далі

Шмат магіл параскідалі.

Ходзіць голад па дарогах,

Гоніць пугай гурт убогіх.

І канца вайне няма.

Цэлы свет — адна турма.

Скачуць-плачуць сухавеі.

Хто зямельку пажалее?

Эх вы, людзі... эх вы, людзі...

Што вы робіце? Што будзе?

Ці то ўвечары, ці ўранні

У вачах адно пытанне:

Тры гады ўжо праплылі...

І калі канец, калі?

***

Ты слязамі і крыжамі

Адзначаў пакутны шлях.

Гнаўся голад, гнаўся холад,

За табою гнаўся страх.

І старыя і малыя

Уцякалі хто куды,

А пажары па абшарах

Нарабілі шмат бяды.

Ад краіны да краіны

Разбрыліся ўцекачы.

Стогн нядолі ў пустым полі,

Стогн удзень і па начы.

І баракі для прымакаў

Будавалі ў гарадах.

І капалі дзе папала

Долы-ямы ў пустырах.

Маці лямант па-над ямай:

«Ой, і жыў ты, як не жыў...»

Эх, занадта, забагата

Тут раслі твае крыжы...

А мацнейшы, адбарнейшы

У акопах дзесь гніе.

Па ім кулі спевы-гулі

Там заводзяць на вайне.

Мінск, 1917 г.

Бядуля, З. Збор твораў у 5 т. Т.16 вершы, паэмы. – Мінск, 1985. – С.83-96.

№31, красавік 2023 ISSN 2562-950

Николай Гумилев – «И воистину светло и свято// Дело величавое войны»

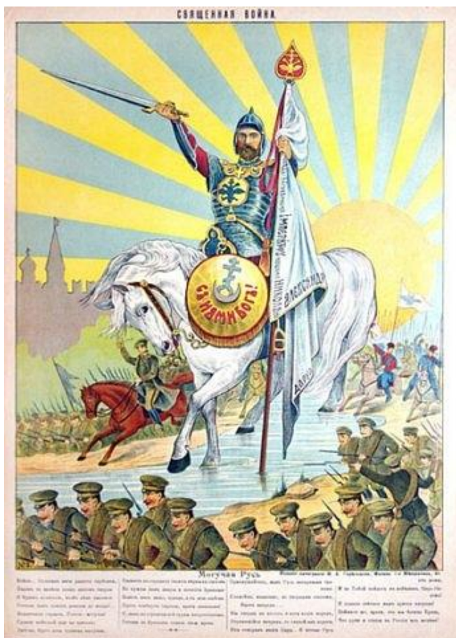
Автор admin, Четверг, января 27 2011.

Николай Гумилев оказался одним из немногих поэтов эпохи Первой мировой войны, который решился внести не только поэтический вклад в будущую победу, но непосредственный — он в первые недели пошел добровольцем на фронт. Его боевой путь начался в Восточной Пруссии, затем пролегал через Русскую Польшу, а окончился в экспедиционном корпусе во Франции. Стихи Гумилева не только отличны патриотизмом и яркостью образов, но и отражают реалии военной жизни. Так, например, в «Наступлении» упоминается и немецкое превосходство в артиллерии, и тяжесть военных будней, и перебои с питанием. Обращение к теме женщин на войне и их подвига в качестве сестер милосердия — также одна из линий военной лирики поэта, что в свою очередь перекликается с русской публицистикой того периода. В стихах можно найти и типичные для пропаганды той эпохи религиозные мотивы, стремление приписать начавшейся войне эпитет «священной». Не удивительно и осмысление ее как благотворного конфликта для души нации и для каждого русского: именно так и пыталась выставить войну — увы, недальновидная — русская патриотическая интеллигенция (спутав человеческий подвиг Героев и братоубийственное действо, показав полное моральное банкротство, посчитав, что путь к всемирному счастью может лежать через кровь и страдания миллионов простых людей).

№31, красавік 2023 ISSN 2562-950

Наступление

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрей взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,

Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.
<1914>

Взгляните: вот гусары смерти…

Взгляните: вот гусары смерти!
Игрою ратных перемен
Они, отчаянные черти,
Побеждены и взяты в плен.

Зато бессмертные гусары,
Те не сдаются никогда,
Войны невзгоды и удары
Для них как воздух и вода.

Ах, им опасен плен единый,
Опасен и безумно люб,
Девичьей шеи лебединой
И милых рук, и алых губ.

Война

М. М. Чичагову

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

А «ура» вдали — как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это — мирное селенье
В самый благостный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны.

Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих,
На полях, омоченных в крови,

Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: «Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!»

Солнце духа

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокочущей трубе побед.

Как могли мы… но еще не поздно,
Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

В дикой прелести степных раздолий,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души.

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

Царское Село 1914 г. В. Кн. Ольга и Анастасия Николаевны навещают раненых

Её Императорскому Высочеству великой княжне Анастасии Николаевне ко дню рождения

Сегодня день Анастасии,
И мы хотим, чтоб через нас
Любовь и ласка всей России
К Вам благодарно донеслась

Какая радость нам поздравить
-Вас, лучший образ наших снов,
И подпись скромную поставить
Внизу приветственных стихов.

Забыв о том, что накануне
Мы были в яростных боях,
Мы праздник пятого июня
В своих отпразднуем сердцах.

И мы уносим к новой сече
Восторгом полные сердца,
Припоминая наши встречи
Средь царскосельского дворца.

Сестре милосердия

Нет, не думайте, дорогая,

О сплетеньи мышц и костей,
О святой работе, о долге…
Это сказки для детей.

Под попреки санитаров
И томительный бой часов
Сам собой поправится воин,
Если дух его здоров.

И вы верьте в здоровье духа,
В молньеносный его полет,

Он от Вильны до самой Вены
Неуклонно нас доведет.

О подругах в серьгах и кольцах,
Обольстительных вдвойне
От духов и притираний,
Вспоминаем мы на войне.

И мечтаем мы о подругах,
Что проходят сквозь нашу тьму
С пляской, музыкой и пеньем
Золотой дорогой муз.

Говорим об англичанке,
Песней славшей мужчин на бой
И поцеловавшей воина
Пред восторженной толпой.

Эта девушка с открытой сцены,
Нарумянена, одета в шелк,
Лучше всех сестер милосердия
Поняла свой юный долг.

И мечтаю я, чтоб сказали
О России, стране равнин:
— Вот страна прекраснейших женщин
И отважнейших мужчин.

Ответ сестры милосердия

«…Омочу бебрян рукав в Каяле реце,
утру князю кровавые его раны на жестоцем теле».
Плачь Ярославны

Я не верю, не верю, милый,
В то, что вы обещали мне,
Это значит, вы не видали
До сих пор меня во сне.

И не знаете, что от боли
Потемнели мои глаза.
Не понять вам на бранном поле,
Как бывает горька слеза.

Нас рождали для муки крестной,
Как для светлого счастья вас,
Каждый день, что для вас воскресный.
То день страданья для нас.

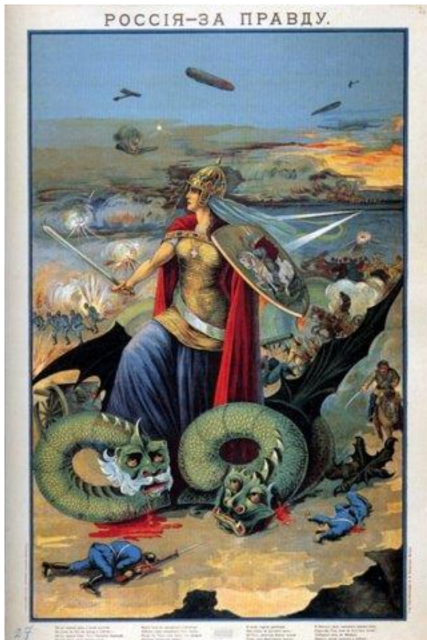
Солнечное утро битвы,
Зов трубы военной — вам,
Но покинутые могилы
Навещать годами нам.

Так позвольте теми руками,
Что любили вы целовать,
Перевязывать ваши раны,
Воспаленный лоб освежать.

То же делает и ветер,
То же делает и вода,
И не скажет им «не надо»
Одинокий раненый тогда.

А когда с победы славной
Вы вернетесь из чуждых сторон,
То бебрян рукав Ярославны
Будет реять среди знамен.

И год второй к концу склоняется…

И год второй к концу склоняется,
Но так же реют знамена,
И так же буйно издевается
Над нашей мудростью война.

Вслед за ее крылатым гением,
Всегда играющим вничью,
С победной музыкой и пением
Войдут войска в столицу. Чью?

И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забытых на полях потоптанных,
И громких в летописи слав?

Иль зори будущие, ясные
Увидят мир таким, как встарь,
Огромные гвоздики красные
И на гвоздиках спит дикарь;

Чудовищ слышны ревы лирные,
Вдруг хлещут бешено дожди,
И всё затягивают жирные

Светло-зеленые хвощи.

Не всё ль равно? Пусть время катится,
Мы поняли тебя, земля!
Ты только хмурая привратница
У входа в Божие Поля.

Дмитрий Борисов
НИКОЛАЮ ГУМИЛЁВУ

……………….
«. Но, если в бою кто-нибудь увидит,
что я не исполняю долга, —
стреляйте в меня»».
Прапорщик Н. Гумилёв солдатам.
……………….
Улан, гусар и кавалер –
Солдатам мужества пример,
И командирам всем пригож,
Как офицер. И тем хорош
Что парень славный, для друзей
Всегда найдёт строку к «налей»,
И милой Анечке в письме:
«Твой Коля» — пишет (о себе).
После боя еще напишет,
И закончит рукой своей:
«Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.*»
Пощадила судьба Поэта,
Уберег его Бог в войну…,
Прострелили то сердце, не где-то,
А в России, в гражданском пылу.
Мой Поэт, поклонюсь тебе в строках,
Мою душу щемит слеза,
Ты прости, что могу в этих кроках,
Я пишу, заглянув в Небеса…
09.10.2013 6:41
с. Жигули
* из стихотворения Н.Гумилёва «НАСТУПЛЕНИЕ»1914г.

Автор admin, Воскресенье, мая 18 2014. Тема: Рукой поэта

Николай Карасев — «Великая война»

(1-я Мировая война 1914-1918 гг.)

Исторический очерк в стихах

К 100-летию начала Великой войны…

Москва 26.01.2014 г.

ПРОЛОГ

Начало века

Двадцатый век своё начало

Отметил бурно! Закачало

Твердыни мира все

В имперской их красе.

Престолы треснули,

Их троны пошатнулись!

Казалось, вечные

Устои содрогнулись…

*****

Два вектора – корысти и свободы –

Определили европейскую погоду:

Корысть – в захватах, поглощеньях,

За счет соседа расширениях;

Свобода ж вовсе от всего –

Налогов, метрополий и законов,

Монархий, власти и канонов

Религий, брака, черт – чего…

*****

Свободы, равенства и братства –

Все требуют наперебой!

Ещё всем поровну богатства,

Иначе: «Все на смертный бой!»

И вот Европа в кумаче,

Крушится старый мир вообще.

Хотят сломать до основания

С большим упорством и старанием.

Выстрел в Сараево

Две стаи недругов-волков

(Зловещий рык, оскал зубов…)

Лишь повод ждут. Таков конфуз:

Антанта – Тройственный союз…

*****

И этот повод подвернулся:

Весь мир к безумству повернулся.

В Сараево убит эрцгерцог –

В упор студентом юным дерзко…

*****

Ах, бедный …герцог Фердинанд!

Коль знал, чему он стал причиной

(Войны – зияющей могилы),

То, верно, застрелился б сам…

*****

И вот депеши, телеграммы –

Предвестники грядущей драмы.

Объявлен сербам ультиматум!

Война придет… И это фатум.

*****

Конфликт коснулся многих наций,

Пошла волна мобилизаций:

«Бросай дела, скорее в строй!

Зелен? И что? Научит бой!»

ВОЙНА

1914 г.

Германия, начав войну ретиво,

Во Францию и в Бельгию вступила.

Нажим силен – поддался фронт,

Француз бежит… Каков афронт?

*****

Для Франции – союзницы спасенья

И сил германских разделения

Россия движет в наступление

Две армии на прусском направлении.

Чреда удач и поражений….

Погиб Самсонов в окружении.

Ценой значительных потерь

Париж французский и теперь.

*****

Зато австрийцев потеснили,

Почём «фунт лиха» объяснили,

Часть территорий захватили

И Перемышль окружили!

1915 г. Великое отступление

Германцы опыт получили,

По-новой силы разделили.

Теперь Россия – главный враг,

Готовят ей большой кулак!

*****

И вот Россия отступает,

Врагу всю Польшу оставляет.

Потери… Горечь и уныние

Царят в душе у русских ныне.

*****

Чтоб дух воинственный поднять,

Сам Царь возглавил свою рать!

Теперь в войсках воодушевление –

Совсем другое настроение!

1916 г. Перелом

Французский фронт опять кипит.

Котёл!.. Вокруг огонь горит,

Для пушек мясо он варИт.

Гремит Вердена мясорубка –

Для сотен тысяч душегубка…

*****

Чудовища ползут по полю…

И кто ж их выпустил на волю?!

Солдаты в панике бегут –

То первый танковый дебют!

*****

Строчат повсюду пулеметы,

Метают бомбы самолеты,

Отрава газовых атак,

Мортиры стонут: «Ох и Ах!»

*****

Плывут по небу цеппелины –

Штрих фантастической картины;

Моря дредноуты утюжат,

В испуге жутком чайки кружат.

*****

Палит округу огнемёт:

Сжигает плоть и топит лёд.

Ах, сколько создано оружия

Смертоубийства равнодушно…

*****

Россия всюду в наступлении,

В порыве страстном, в исступлении…

Идёт Брусиловский прорыв

В германский лопнувший нарыв.

*****

Разбиты турки и бегут…

Как сор, их вон метлой метут.

Захвачен город Эрзурум,

Взят Муш, повержен Трапезунд.

*****

То год великих был побед!

Для немцев ж – безутешных бед.

России – славы боевой!

И сил расклад уже иной.

*****

Год ключевого перелома,

Немецких духа, сил надлома.

Уже амбиции не те:

- Мы просим мира! Нет войне!

- Что ж, братец Вилли, подождите,

Вы по счетам-то заплатите,

Тогда придет конец войне,

И все ответят… по вине.

1917-1918 гг. Внутренний враг

У немцев силы на пределе…

Все планы рушатся на деле.

Сплошная лента неудач.

На грани краха! Плач – не плач…

*****

Германия в клещах блокады:

Забыто мясо, шоколад,

Повсюду голод, нищета.

Близка последняя черта…

*****

Победа рядом, очевидно,

И даже швабам это видно.

Ещё нажим, ещё рывок

И будет сдан войны клинок…

Вручён на милость победившим…

*****

Беда пришла там, где не ждали…

Пока в боях мы побеждали,

Пророс в тылу особый враг –

И поднял бунта красный флаг!

В России возбудил брожения!

Устали все от напряжения,

Войны и голода, лишений.

Врагу же на-руку волнения…

*****

Германцы денег не жалея,

Одной надеждой на спасение –

В России видят насаждение

Революционного движения.

И золото пошло рекой –

Нарушить внутренний покой

России новою напастью:

Свержением законной власти!

*****

Февраль – предвестник революций,

Российской славы экзекуций,

Дебош в тылу, бардак в войсках,

Не до войны… Ликует враг!!!

«Авроры» выстрел прозвучал,

И Враг восстание начАл –

Правительства переворот.

Война другая у ворот:

Гражданской жуткий хоровод…

*****

Ещё был брестский мир позорный,

Наймитской шайке – незазорный.

Германии звучит ангажемент –

В России нынче правит их агент.

*****

Германия сдалась, однако.

Была, видать, смертельна рана…

России ж лавры не достались,

Она поверженной осталась…

Коварным внутренним врагом –

Предательски, исподтишка, тайком…

ЭПИЛОГ

Войны масштабней мир не знал,

Никто не ждал такой финал:

Погибло двадцать миллионов –

Ужасных жертв войны законов,

И пятьдесят ещё – калек,

Больных и немощных навек…

*****

Четыре домика из карт

Войны разрушил жуткий фарт:

Свалил имперские державы,

Раздул волнения, пожары…

Монархия навечно пресеклась –

Расстрела кровью запеклась…

Мир изменился неузнАнно –

Стал много злее, как ни странно…

*****

Посев Добра – Добро рождает,

А семя Зла — Зло порождает!

И через двадцать лет опять

Мир снова станет воевать…

Друг друга люди убивать…

*****

Так получилось, мы забыли

Героев той большой войны:

Их славу, честь перечеркнули,

И нету в этом их вины…

Ведь той истории страницы

Порвали в спешке коммунисты!

Но в силах это мы исправить,

И точки все над «И» расставить.

Давайте вспомним их сейчас!

Тот славный для России час!

«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Её корабль пошёл ко дну, когда гавань была в виду. Она уже претерпела бурю, когда всё обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Самоотверженный порыв русских армий, спасших Париж в 1914 году; преодоление мучительного безснарядного отступления; медленное восстановление сил; брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо. Держа победу уже в руках, она пала на землю, заживо, как древле Ирод, пожираемая червями.»

Уинстон Чёрчилль, http://hero1914.com/nikolaj-karasev-velikaya-vojna/

Валентин Катаев – «Стучит, как швейная машинка, пулемет // И строчит саван погребальный»

Автор admin, Четверг, января 27 2011.

Валентин Петрович Катаев в первую очередь известен как мастер прозы, для некоторых — как средней руки драматург (хоть и популярный в советское время). Однако всю жизнь он считал себя в первую очередь поэтом, хотя при жизни так и не выпустил ни одного сборника стихов. В годы Первой мировой войны он добровольцем ушел на фронт, сражался под Сморгонью, был несколько раз ранен, отравлен газами, произведен в чин подпоручика, награжден двумя Георгиевскими крестами и орденом Св. Анны 4-й степени. В его военной поэзии отразилось типичное для того времени ощущение упадочничества, конфликт романтизма и реализма, противопоставление мира счастья, гармонии и войны, вторгшейся туда.

В апреле

В апреле сумерки тревожны и чутки
Над бледными, цветущими садами,
Летят с ветвей на плечи лепестки,
Шуршит трава чуть слышно под ногами.
С вокзала ль долетит рассеянный свисток,
Пройдет ли человек, собака ли залает,
Малейший шум, малейший ветерок
Меня томит, волнует и пугает.
И к морю я иду. Но моря нет. Залив,
Безветрием зеркальным обесцвечен,
Застыл, под берегом купальни отразив,
И звезды ночь зажгла на синеве, как свечи.
А дома — чай и добровольный плен.
Сонет, написанный в тетрадке накануне.
Певучий Блок. Непонятый Верлен.
Влюбленный Фет. И одинокий Бунин.

Бой французскаго дозорнаго миноносца съ германскимъ крейсеромъ «Эмденъ», предательски напавшимъ на русскій крейсеръ «Жемчугъ» въ бухтѣ острова Пенангъ въ Малакскомъ проливѣ.

Крейсер

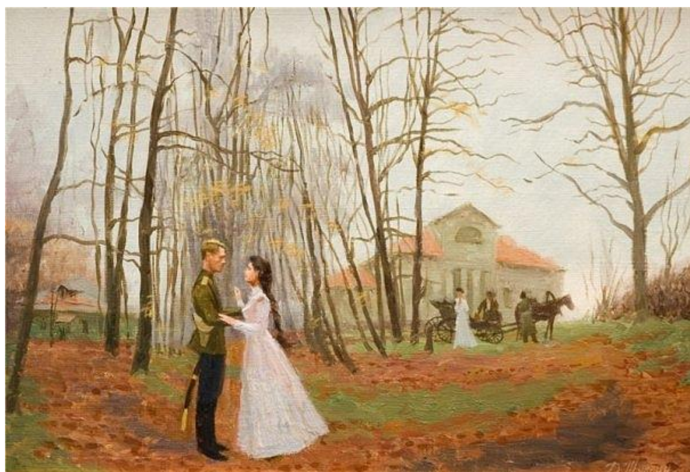
Цвела над морем даль сиреневая,
А за морем таился мрак,
Стальным винтом пучину вспенивая,
Он тяжко обогнул маяк.
Чернея контурами башенными,
-Проплыл, как призрак, над водой,
С бортами, насерозакрашенными.
Стальной. Спокойный. Боевой.
И были сумерки мистическими,
Когда прожектор в темноте
Кругами шарил электрическими
По черно-стеклянной воде.
И длилась ночь, пальбой встревоженная,
Завороженная тоской,
Холодным ветром замороженная
Над гулкой тишью городской.
Цвела наутро даль сиреневая,
Когда вошел в наш сонный порт
Подбитый крейсер, волны вспенивая,
Слегка склонясь на левый борт.
1915

Вечер

В монастыре звонят к вечерне,
Поют работницы в саду.
И дед с ведром, идя к цистерне,
Перекрестился на ходу.
Вот загремел железной цепью,
Вот капли брызнули в бурьян.
А где-то над закатной степью
Жужжит, как шмель, аэроплан.
1915

№31, красавік 2023 ISSN 2562-950

Письмо

Зимой по утренней заре
Я шел с твоим письмом в кармане.
По грудь в морозном серебре
Еловый лес стоял в тумане.
Всходило солнце. За бугром
Порозовело небо, стало
Глубоким, чистым, а кругом
Все очарованно молчало.
Я вынимал письмо. С тоской
Смотрел на милый, ломкий почерк
И видел лоб холодный твой
И детских губ упрямый очерк.
Твой голос весело звенел
Из каждой строчки светлым звоном,
А край небес, как жар, горел
За лесом, вьюгой заметенным.
Я шел в каком-то полусне,

В густых сугробах вязли ноги,
И было странно видеть мне
Обозы, кухни на дороге,
Патрули, пушки, лошадей,
Пни, телефонный шнур на елях,
Землянки, возле них людей
В папахах серых и шинелях.
Мне было странно, что война,
Что каждый миг — возможность смерти,
Когда на свете — ты одна
И милый почерк на конверте.
В лесу, среди простых крестов,
Пехота мерно шла рядами,
На острых кончиках штыков
Мигало солнце огоньками.
Над лесом плыл кадильный дым.
В лесу стоял смолистый запах,
И снег был хрупко-голубым
У старых елей в синих лапах,
1916, Действующая армия

Туман весенний стелется. Над лесом
Поплыл, курясь, прозрачный сизый дым.-
И небо стало пепельно-белесым.
Каким-то близким, теплым и родным.
Тоска и грусть. С утра на воздух тянет.
И я иду куда глаза глядят:
В леса, где даль стволы дерев туманит,
На речку снежную, где проруби блестят.
Мечтаю. Думаю. Брожу среди развалин
Разбитого снарядами села.
Повторены зеркалами проталин
Остатки хижин, выжженных дотла.
Стволы берез с оббитыми ветвями.
Меж них — прямые остовы печей.
Зола и мусор серыми буграми
Да груды обгорелых кирпичей.
Орешник, елки, тонкие осины
Сплошь в воробьях. Все утро в голове
Стоит веселый щебет воробьиный
И тонет взор в неяркой синеве.
От ветра жмуришься, слегка сдвигаешь брови.
Снег сходит медленно, и, на земле сырой
Оттаяв, проступают лужи крови,
Следы боев, гремевших здесь зимой.
1916, Действующая армия

У орудия

Взлетит зеленой звездочкой ракета
И ярким, лунным светом обольет
Блиндаж, землянку, контуры лафета,

Колеса, щит и, тая, — упадет.
Безлюдье. Тишь. Лишь сонные патрули
Разбудят ночь внезапною стрельбой,
Да им в ответ две-три шальные пули
Со свистом пролетят над головой.
Стою и думаю о ласковом, о милом,
Покинутом на теплых берегах.
Такая тишь, что кровь, струясь по жилам,
Звенит, поет, как музыка в ушах.

Звенит, поет. И чудится так живо:
Звенят сверчки. Ночь. Звезды. Я один.
Росою налита, благоухает нива.
Прозрачный пар встает со дна лощин,
Я счастлив оттого, что путь идет полями,
И я любим, и в небе Млечный Путь,
И нежно пахнут вашими духами
Моя рука, и волосы, и грудь.
1916, Действующая армия

Ночной бой
В цепи кричат «ура!». Далеко вправо — бой.
Еловый лес пылает, как солома.
Ночная тишь разбужена пальбой,
Раскатистой, как дальний рокот грома.
Ночной пожар зловещий отблеск льет.
И в шуме боя, четкий и печальный,
Стучит, как швейная машинка, пулемет
И строчит саван погребальный.
1916, Действующая АРМІЯ

Ранение
От взрыва пахнет жженым гребнем.
Лежу в крови. К земле приник.
Протяжно за далеким гребнем
Несется стоголосый крик.
Несут. И вдалеке от боя
Уж я предчувствую вдали
Тебя, и небо голубое,
И в тихом море корабли.
1917, Румфронт

Дмитрий Борисов
ВАЛЕНТИНУ КАТАЕВУ

Русскому Поэту, Офицеру,
Георгиевскому Кавалеру
от русского офицера

Господин подпоручик, дозвольте слово,
Скорее не слово, признанье Вам,
Скорей извиненье, что мы не готовы
Таланту Поэта отдать свою дань.

Что мы не посмели в поклоне склониться
Солдатскому Долгу, раненьям в боях,
Тому что не может и многим присниться,
Тому где царит уваженье и страх.

Чтомы не читали, не ведали в строках,
Что можно Россию любить, так как Вы:
В землянках, в шинелях, и просто обозах,
В разрушенной хате, в дорогах войны.

....

Нарушив рифму, я весь с вами
Строкою, взятой из стихов:
«…Пехота мерно шла рядами,
На острых кончиках штыков
Мигало солнце огоньками…»*,
И подписаться здесь готов:
Куда же проще о пехоте,
О мирном солнце нет и слов.
16 октября 2013 г., с. Жигули
* Валентин Катаев, «ПИСЬМО», 1916г.

http://hero1914.com/v-p-kataev-voennaya-poeziya-pervaya-mirovaya-vojna/

Кулешов Аркадий

Обида, *поэма*

Часть первая

НА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

1

И кони ржали, и люди кричали,
И выли волки в пролеске,
И мчались первые эскадроны
В первое пожарище войны,
Где порохом боя дохнуло щедро.

Рыжие деревья звенели ключами,
Листы свои слали вдогон экспрессу;
И на вершине широкой кроны
Кости сучьев были видны,
Податливо гнулись они под ветром.

……………………………………

Соловьи отпели, кукушки откуковали,
Откричали сизоворонка и удод,
Надвигалась осень из осеней скучнейшая.
А на фронте шли работы:
Офицерье сивуху глушило,

Казаки кур воровали,

Натягивал колючку саперный взвод,

А пехота портянки на кустах развешивала,

Мокрые сапоги подбивала пехота,

И усталые ноги у костра сушила...

А когда зашумит широкий дуб,

Передумает солдат много долгих дум:

Распрощался солдат с женой молодой,

Не видеть ей больше своего законного,

Осталась она за рекою за Доном,

Будут слезы ее падать на плес,

Будет плакать она, много будет,

А солдату не видеть дороги домой.

Тоскует по солдату конь его —

Ведь не жить солдату на земле долго,

Не ходить ему полем полос,—

Никто солдата от смерти не разбудит.

И нету солдату от нее спасенья,

А мало ль по нем проливали слезы...

Старая мать — вся жизнь подкошена,

Слезы ее горькие, как сок вербы...

Спал бы ты, солдат, на свежем сене;

Резал бы ты, солдат, на болоте лозы;

Плел бы ты, солдат, белые лукошки,

Не ходил бы ты, солдат, защищать сербов;

Не покидал бы ты хаты своей спозаранок,—

В лесу бы скрывался, здоровый и целый,

Любила б тебя жена твоя Анна,

Тешила б тебя молодым телом...

Когда зашумит широкий дуб

И вершина дрожит и ноет,

Передумает солдат много долгих дум,

Перед кем и в чем он виновен.

Казалось ему,

осень звенит ключами

И хвоя глаза колет,

А тем временем

кони ржали, люди кричали

И выли волки в поле.

2

То, что воют волки в поле,

То, что хвоя глаза колет,

То, что осень звенит ключами,

Такое —

бывает часто.

А не бывает привычным такое,

Когда начинают шалеть кони,

И долго молчат по окопам солдаты,

Когда начинают реветь снаряды,

Когда свинцовые дождики шпарят

На целом восточном полушарье.

Когда...

когда...

когда...

Ссорятся императоры и господа

За чужие угодья и города,

За нефть в Персии, за свободные воды,

За нетронутые в недрах породы,

За все, что жаждет буржуй иметь,—

За нефть, за уголь, за медь.

Тогда начинает трудиться охранка,

Тогда сгодится любая приманка,

Тогда начинают брехать газеты,

Продажные оды писать поэты,

Ибо нельзя и поэтам без прозы —

Хрустящих в карманах новеньких пачек...

Тем временем высыхают на травах росы,

Сохнут нивы и меленький дождик плачет.

И ждет земля здорового человека,

А здоровые, где они?

Все загублены.

И приходит возделывать землю калека,

Со слепыми глазами, поломанный, изрубленный

И на теле его молодом видны

Свежие раны войны.

Но опять начинают брехать газеты

И продажные оды писать поэты...

Все на благо идет — фельетоны, хореи...

И начинают архиереи...

И поп с кадилом на раздорожье

Стенает, очи воздев горе.

Он будет дождя и битвы пророком.

И сам он... святого стана.

Продается не даром небесная манна.

Ибо слово его — слово божье,

И он кончит, когда, уже догорев

Над плесом холодным и полем широким,

На западе рыжей покроется охрой день,

И домой прибредет голодное стадо...

Тогда напоследок он грозно станет

Накликать на австрийцев и немцев смерть,

И слова его будут бурей греметь:

«Изыдите вы, воины во Христе»...

Тогда калеки падут на колени,

Расскажут ему, как росли они сильными,

Как имели здоровые руки и ноги,

И глаза, что теперь отравлены газами,

И любимых, что стали в девичестве вдовы...

И будут просить у него исцеленья,

Чтоб больше не жить им слепыми слизнями,

Чтоб видеть им небо, жита и дороги,

Чтоб свадьбы играть да крестины праздновать,

Чтоб хлеба и радости было им вдоволь.

Он им слова не скажет, ничего не сбрешет,

Хоть они подползут к нему на коленях

И будет судорога тела их корчить...

Он, как вор, сторонкой уйдет от них,

Он уйдет от них, хоть они не заразные...

У голодной собаки — зубов скрежет,

У голодного человека — собачье скуленье,

У безногого человека — глаза волчьи,

У безглазого человека — нищенский лик,

У таких людей — думы в узел завязанные.

Такой человек не развяжет свой узел,

Ибо в искренность обиженного не поверишь,

О своем утешенье он будет стараться...

Обидишь его — затаит он горечь,

И долго обиды своей не забудет,

Суда не найдет — так сам рассудит,

Ходить будет зверем, глядеть будет зверем,

Долго будет в горячке метаться,

А все отомстить за раны, за горе,

За все обиды стараться будет.

То, что волки воют в поле,

То, что хвоя глаза колет,

То, что осень звенит ключами,

Такое —

бывает часто;

А то, чему только пушка свидетель,

Такое —

редко на свете.

3

Леса при больших дорогах горели,

Падали с дымных дичек паданцы,

В пепле горячем пеклись...

И шепотом пламени полнился сполох

Широких звериных глаз:

Зубры и волки от огня зверели

И летели из зарослей за листопадами...

И плакали ветры о рыжем лисе,

Что кровь молодую свою, словно порох,

Испепелил и угас.

Леса эти были зверьем богаты,

Ходило зверье по звериному следу,

Где стояли высокие, крепкие сосны.

Медвежата за пчелами присматривали в стороне

И не обижали диких пчел от века.

У каждого зверя была своя хата,

Ласкало солнце звериных деток,

Сновали пауки прозрачные кросна,

Над озером чистым играли поденки,

А жизни их было — с утра до вечера.

Стояли солдаты, дивились долго,

Чего это лес так горит буйно,

По чьей это воле рушились ясени,

Ловили озера горячий пепел,

В зарослях резко кричали крачки.

Почему осыпана углем дорога,

И небо сделалось тусклым, бурым?

Вылетали из лесу языки ясные

И лизали звезды,

Что в мутном небе,

То там, то здесь зажигались и гасли...

И, может, им загадкой и ответом сразу

Загремели пушки, пулеметы застрекотали.

И навстречу пополз туман странный

(Медленно ползет, а ветер засвищет —

Туман заколеблется и подымется выше).

И этот туман называли газом.

От него солдаты в траве повстречали смерть,

От него были очи озер отравлены,

От него в лесу и в полях опустело,

У солдата горело тело.

4

Вот он идет, недомерок — солдат,

Тот, что верит в заступника-бога...

Смерть в глазах затаилась — глотает даль,

Ветра из-под ног вырывают дорогу...

Вот он идет. Тропинки горят...

(Каждый человек смерти не желает).

Из-под тучи прилетел и лопнул снаряд...

И в глазах его молнии темень слепая.

Темень...

темень...

Солнце — где?

Солнца нету...

Солнце в крови?!

Мати! Мати!

Принеси свой светлый день

От лесов голубых и чистых криниц.

Мать!

Напоследок сыну

Принеси воды и вихры пригладь...

Будет рад твоим очам он синим:

Чистая очей твоих успокоит гладь.

...Но мать не услышит,

она не почует...

Тело его с вороньем заночует...

То, что воют волки в поле,

То, что хвоя глаза колет,

То, что осень звенит ключами,

Такое — бывает часто;

А то, чему только пушка свидетель,

Такое —

редко на свете...

Часть вторая

ДЕСЯТЬ

1

Жизнь их печальнее, чем листопад,—

Безногие, безрукие, слепые,

Валялись они на лазаретных койках,

Ковыляли они по путям знакомым

И тело свое костылем подпирали...

Лежали они на шляхах и выли

Под ветром,

под снегом,

под дымом,

под пылью.

Лежали они под конем конника;

И каждый был как последний обломок...

И за все это горе, за все эти раны,—

Где их утешение, где их радость,

Никто не открыл им, никто не сказал...

И кто из них пахарь теперь и жнец,—

Репейник сожнет и терновник скосит?

Какие им боги помогут иль мощи?

Ходили они аж до Китежа-града,

Топтали дорогу в святую Казань,

Ходили они к староверам в Керженец,

Показывали им свои хворые кости,

Рассказывали им про ослепшие очи...

Где их утешение, где их радость,

Никто не открыл им, никто не сказал...

Ходили и вместе десять человек,—

Девять человек — хромых калек,

У десятого глаза отравлены газом...

Утомленные, вместе валились наземь,

Глядели вместе на солнца заход,

Как реки седым туманом кроются,

И утки летят над болотным простором,

И начинает свой поход

Ветер —

Набок осины клонятся,

И стелется дым от печей под забором.

...Много вместе они прошагали,

И стали они дружны,

И пути их отмечены посошками,

Что взяты еще с войны.

Долго ходили они,

Следили они долго,

Долго они слушали,

К земле приложив ухо:

Год за годом с весны до весны,

Год за годом с осени до осени

От разрывов темнели просини,

Заревом пылала дорога.

И землю пахали снаряды —

И глухо гудела земля,

Мерли на фронте солдаты

Или шли по шляхам ковылять...

...И внимали болота пресные,

И внимали все птицы лесов,

И внимали озера и долы,

И по селам старухи на призбах,

И дикие травы росные

Солдатской печальной песне,

Походной песне шляхов —

И песне солдатской доли,

И песне солдатской обиды,

И песне солдатской родины.

2

Проходили дни и недели,

Они работали в пуще,

И жили над озером отзвуки.

И вдруг над далями теми,

Где в колючке окопы и пушки,

Где газов полотна полощутся в воздухе

И гром орудийный стих,

И конницы топот стих.

Всю работу свою побросали,

Пошли на шляхи поглядеть,

Чтоб слышать шляхи отчетливо,

И десять смогли почуять,

Услышать смогли тогда:

Как рыбаки из озер подымали

Полную холода сеть,

Как тихо в лугах растет трава,

Как тихо озерное дно ночует

И долго гремят города.

И долго стояли тогда они,

Приснилась им доля шляхов,

Горячее солнце скитаний

Позвало их в новый поход,

Опять постучались к ним в окна,

И им захотелось пойти

Туда, где от ливня намокли

Песок и суглинок пути.

3

О боли забыли все десять,

Покинули в пуще покой,

Идут они целый уж месяц

И обиду несут за спиной.

И девять не знают привала,

Одним только живы они:

Добраться б до тех генералов,

Что залили кровью их дни.

Неделю идут они пятую

И пятый вдобавок день...

Не зря они были солдатами —

Привычны ко всякой беде.

Десятый ступает угрюмо,

Все грезит он полем хлебов,

Иную он думает думу.

Десятый товарищ, слепой.

Проходит неделя шестая,

Шестой в добавление день...

И вот она — росстань пустая,

Где ветер качает их тень.

Бредет им навстречу стадо —

Десятый все бредит серпом,

И вот говорит десятый,

Друзьям говорит слепой:

— Я с вами иду, бедолага,

А нет у меня глаз,

Какой я вам, хлопцы, вояка?

Теперь уж война не для нас...

Слепым только бредить про жито,

Не ведая ночи и дня,

Мне век остается прожить так,

И вы уж простите меня.

И девять сказали:

— Пустим!

И девять сказали:

— Иди!

Гляди там за нашею пущей,

За нашею хатой гляди!

Десятый ответил на это:

— Теперь уж война не для нас,

Заплакал бы я напоследок,

Да нет у меня глаз.

Вот больше не встретимся... жалко.

И палке сказал:

— Веди!

…………………..

И землю ощупывал палкой,

И слушал поход девяти.

Шагают неделю седьмую,

Седьмой в добавление день...

Идут, ни о чем не бедуют,

Не знают привала нигде.

А ворог молчит их заклятый,

Следы заметает он...

Ходило их девять —

солдаты

Без песен,

знамен

и имен.

4

Обрубкам войны этой долгой

Не знать утешенья вовек...

Прошло по шляхам и проселкам

Бездомное племя калек.

Где гром свой орудия стелют

И мертвые ждут новину,—

Вздымалось живучее тело

Войною идти на войну.

Селяне усадьбы палили,

До неба вставали огни,—

Где бога калеки молили,

Где прокляли бога они.

А толков о них было столько...

Твердили еще про калек:

Они разбросали листовки

У русла великих рек.

Была далека их дорога,

Несли на разбитых костях

Обиду на старого бога

И новую песню про стяг.

5

Не ведаю, не угадаю,

Где был он, последний их кров,

Где в лоно родимого края

Пролили они свою кровь.

То лето ли было иль осень,

Когда реки растут в ширину,

Смерть, настигнув, швырнула их оземь

Только дуб листвою встряхнул.

И, может, тогда, когда солнце заходит,

Воронье их клевало в пыли...

Всякое бывает в походе,

А они ведь в поход пошли.

То лето ли было иль осень,

Когда реки растут в ширину,

Смерть, настигнув, швырнула их оземь –

Только дуб листвою встряхнул.

Где землею их смерть забросала,

Затоптала ногами тогда?..

Но шумит это поле овсами

Про их боевые года.

Их людям случается вспомнить,

Когда поле стригут серпом...

И долгую эту повесть

Расскажет десятый, слепой.

1930-1931

Владимир Маяковский
«Война объявлена»

"Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!"
И на площадь, мрачно очерченную чернью,
багровой крови пролилась струя!

Морду в кровь разбила кофейня,
зверьим криком багрима:
"Отравим кровью игры Рейна!
Громами ядер на мрамор Рима!"

С неба, изодранного о штыков жала,
слёзы звезд просеивались, как мука в сите,
и подошвами сжатая жалость визжала:
"Ах, пустите, пустите, пустите!"
Бронзовые генералы на граненом цоколе
молили: "Раскуйте, и мы поедем!"
Прощающейся конницы поцелуи цокали,
и пехоте хотелось к убийце - победе.

Громоздящемуся городу уродился во сне
хохочущий голос пушечного баса,
а с запада падает красный снег
сочными клочьями человечьего мяса.

Вздувается у площади за ротой рота,
у злящейся на лбу вздуваются вены.
"Постойте, шашки о шелк кокоток
вытрем, вытрем в бульварах Вены!"

Газетчики надрывались: "Купите вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!"
А из ночи, мрачно очерченной чернью,
багровой крови лилась и лилась струя.

http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/m-stih36.html

Григорий Петников

Стихи о войне 1914-1918 г.г.

И век меча, и век секиры новой

Плывёт над европейской ночью,

И залпами шестнадцатидюймовок

Покровы лицемерья рвутся в клочья.

Их заменяют пафосом удушья

Завесы газов. Танки зашивают саван.

И запахом гниющей туши –

Биржёвок бюллетень, военных сводок слава.

Окопы сторожат огромные мешки.

И сейфы ширятся. Под проливнем свинца

Качаются столы. Трёхцветные флажки

Рифмуют – «до победного конца!»

Хлопочут на амвонах, зажигая свечи.

Ракеты освещают небеса.

И, задыхаясь, выпускают печи

Стальные стаи в тёмные леса.

В конторах банков и военных складов

Ведётся прибылей подсчёт.

И в пamoроке – за звериным садом

Поют полки запасных рот.

Линяет небо. И под звук оркестров

Тут навзничь падают. Им выдают кресты.

В тылу с балконов повисает пестрядь.

Но... хмурятся предместья нищеты.

Она выходит из фабричных зданий,

Забоев, кузниц, начиная раздувать

Высокий пламень молодых восстаний:

Тяжёлый воздух потрясён до дна! *1918*

Велимир Хлебников

Тризна

Гол и наг лежит строй трупов,

Песни смертные прочли.

Полк стоит, глаза потупив,

Тень от летчиков в пыли.

И когда легла дубрава

На конце глухом села,

Мы сказали: «Небу слава!» —

И сожгли своих тела.

Люди мы иль копья рока

Все в одной и той руке?

Нет, ниц вемы; нет урока,

А окопы вдалеке.

Тех, кто мертв, собрал кто жив,

Кудри мертвых вились русо.

На леса тела сложив,

Мы свершали тризну русса.

Черный дым восходит к небу,

Черный, мощный и густой.

Мы стоим, свершая требу,

Как обряд велит простой.

У холмов, у ста озер

Много пало тех, кто жили.

На суровый, дубовый костер

Мы руссов тела положили.

И от строгих мертвых тел

Дон восходит и Иртыш.

Сизый дым, клубясь, летел.

Мы стоим, хранили тишь.

И когда веков дубрава

Озарила черный дым,

Стукнув ружьями, направо

Повернули сразу мы.

Между 1914 и 1916; http://slova.org.ru/hlebnikov/trizna/

Стихи о Первой мировой войне – подборка Татьяны Кенько
(веб-журнал “Культура. Нация”, вып. 31, апрель 2023, 235-332, www.sakavik.net)

Представлена подборка стихов известных как русских, так и беларусских (З.Бядуля, А. Кулешов) поэтов о первой мировой войне.

Poems about the First World War - a selection by Tatyana Kenko
(webzine “Kultura.Natsyja”, issue 31, April 2023, 235-332, www.sakavik.net)

A selection of poems by well-known Russian and Belarusian (Z. Bjadulja, A. Kuljashou) poets about the First World War is presented.

Пераклады

Міхась Кенька: Пераклад трох апавяданняў Карэла Чапэка

Анатацыя. Прапаную ўвазе чытачоў тры апавяданні Карэла Чапэка (1890-1938) – аднаго з самых вядомых чэшскіх пісьменнікаў. Творчасць Карэла Чапека ахоплівае практычна ўсе літаратурныя жанры. Ён пісаў фельетоны і нарысы, апавяданні і казкі, раманы, перакладаў вершы еўрапейскіх аўтараў на чэшскую мову. Але найбольш ён вядомы як сатырык, драматург і аўтар сацыяльна-фантастычных твораў. Стварыў унікальны жанр мікрадэтэктыва, у які арганічна ўпляталася сатыра на розныя з'явы рэчаіснасці.

Карэл Чапэк

Паэт

Гэта было звычайнае крымінальнае здарэнне: а чацвёртай гадзіне раніцы аўтамабіль, які на вялікай хуткасці імчаў па Жытняй вуліцы, збіў п'яную старую і знік без знаку. Нядаўна прызначанаму начальніку паліцыі Мэйзліку даручылі высветліць, што гэта быў за аўтамабіль. Малады слуга закону аднёсся да справы з усёй сур'ёзнасцю.

-Ну, – звярнуўся Мэйзлік да паліцэйскаго нумар 144, – значыць, вы ўбачылі на адлегласці трыста крокаў аўтамабіль, які ехаў вельмі хутка, а на зямлі – нерухомага чалавека. Вашы дзеянні?

–Я тут жа падбег да збітай, – адрапартаваў паліцэйскі, – каб аказаць ёй першую дапамогу.
–Першым чынам трэба было паглядзець услед машыне, – прамармытаў Мэйзлік, – а потым ужо клапаціцца пра тую бабу. – Але так магло быць, – дадаў ён, пачухаўшы алоўкам патыліцу. – На вашым месцы і я зрабіў бы тое самае. Ну, зразумела, нумара машыны вы не заўважылі. А што ўвогуле вы пра яе скажаце?
–Я так думаю, – прамовіў паліцэйскі, вагаючыся, – гэты аўтамабіль быў нейкі цёмны. Можа быць, чорны, а можа, і чырвоны. Цяжка было разгледзець: ён узняў столькі пылу!
–Божа літасцівы! – са скрухай прамовіў Мэйзлік. – Як жа нам цяпер вызначыць, што гэта была за машына? Па-вашаму, я павінен бегаць па горадзе і пытацца ў кожнага шафёра: “Скажыце, калі ласка, ці не вы пераехалі старую бабу?” Што нам, даражэнькі, рабіць далей?
Паліцэйскі пацiснуў плячыма.
–Можа быць, выслухаць сведку? Загадайце паклікаць яго, ён чакае ў прыёмнай.
–Ну што ж, давайце яго сюды, – сказаў засмучаны Мэйзлік, марна стараючыся вычытаць хоць што-небудзь у кароткім пратаколе здарэння, які ляжаў перад ім.
–Ваша прозвішча, месца жыхарства? – завучана спытаў ён, не гледзячы на сведку.
–Кралік Ян, студэнт механічнага факультэта, –цвёрдым тонам адказаў сведка.
–Дык значыць вы, пане, былі на месцы здарэння і бачылі, як сёння раніцой а чацвертай гадзіне невядомы аўтамабіль збіў Бажэну Махачкаву?
–Так, і я хачу сказаць, што вінаваты шафёр. Уявіце сабе, пан камісар, на вуліцы нікога не было. Калі б шафёр прытармазіў перад скрыжаваннем…
–Вы былі блізка ад таго месца? – перапыніў яго Мэйзлік.
–У дзесяці кроках. Я праводзіў свайго сябра з піў… з кавярні, і як толькі мы павярнулі на Жытнюю вуліцу…
–Што яшчэ за сябра? – зноў перапыніў сведку Мэйзлік. – У мяне пра яго нічога не напісана.
–Яраслаў Нерад, паэт, – прамовіў сведка з адценнем гордасці. – Але ён вам нічога не раскажа.
–А чаму не? – ажывіўся Мэйзлік, спрабуючы ўхапіцца за апошнюю саломінку.
–Таму што ён… як і ўсе паэты, ён вельмі чуллівы. Калі ўсё гэта здарылася, ён расплакаўся, як дзіця, і пабег дадому. А я памятаю толькі тое, як мы ішлі па Жытняй вуліцы і ззаду на яе вылецела нейкая легкавушка…
–Нумар вы не запомнілі?
–Прабачце, не. Ды я і не паспеў бы. Я толькі падумаў: “Хто гэта так шалёна носіцца па горадзе?” і сам сабе сказаў…
–А што гэта была за машына? –
–Чатырохтактны рухавік унутранага згарання, – аўтарытэтна засведчыў студэнт, – А ў марках аўтамабіляў я не разбіраюся.

–А які быў яго колер? Адкрыты ці закрыты кузаў? Хто ў ім сядзеў?
–Не ведаю, – збянтэжана адказаў сведка. – Мне здаецца, ён быў чорны, але я ў гэтым не ўпэўнены, бо якраз тады, як гэта здарылася, я павярнуўся да Нерада і сказаў: "Падумай, якія нягоднікі – пераехалі чалавека і не спыніліся".
–Ну што ж, гэта зусім правільная думка і нармальная эмацыянальная рэакцыя, – у задуменні прамовіў занепакоены Мэйзлік. – Але для мяне больш важна ведаць нумар і колер машыны. Калі б вы іх запомнілі, было б больш толку. Вы сабе не ўʼяўляеце, пане, да чаго людзі развучыліся запамінаць. Так, ваша праўда, вінаваты шафёр, вы зусім слушна сцвярджаеце, што ёсць яшчэ на свеце нягоднікі, а вось нумар – не запомнілі… Разважаць можа кожны, а глядзець на падзеі так, каб ад гэтага была карысць – зусім іншая справа. Дзякуй вам, пане Кралік, у мяне больш няма пытанняў да вас.
Гадзінай пазней паліцэйскі нумар 141 пазваніў каля дзвярэй дома паэта Яраслава Нерада. Пан паэт быў дома, але спаў. Разбуджаны званком, ён заспанымі вачыма зірнуў праз адчыненыя дзверы на паліцэйскага, пакутліва ўспамінаючы, ці не натварыў ён учора нечага лішняга.
Паліцэйскаму з цяжкасцю ўдалося растлумачыць паэту, навошта яго выклікаюць у паліцыю.
–А што, мне абавязкова ісці туды? – з недаверам спытаў ён. – Наўрад ці я нешта ўспомню. Учора ўначы я быў крыху…
…пад газам – спачувальна дапоўніў паліцэйскі. – Шаноўны, я добра ведаю вас, паэтаў. Апранайцеся, пане, я пачакаю.
Ідучы па вуліцах, паэт і паліцэйскі размаўлялі пра начныя забягайлаўкі, пра жыццё ўвогуле, пра таямнічыя знакі на небе, а таксама і пра многія іншыя цікавыя рэчы, толькі палітыку ніводзін з іх не чапаў. У такіх прыемных размовах яны неўпрыкмет дайшлі да паліцэйскага ўчастка.
- Вы пан Яраслаў Нерад, паэт? – спытаў Мэйзлік. – Мы выклікалі вас як сведку. Ці бачылі вы, як невядомы аўтамабіль пераехаў Бажэну Махачкаву?
–Так, – пацвердзіў паэт і ўздыхнуў.
–А ці не маглі б вы сказаць мне, якая гэта была машына? Адкрытая, закрытая, якога колеру, хто ў ёй сядзеў, а можа, і нумар запомнілі?
Паэт хвіліну-другую засяроджана ўспамінаў, а потым сказаў: "Не ведаю. На ўсё гэта я неяк не звярнуў увагі".
–Дык можа, прыгадаеце хоць якую-небудзь дэталь, дробязь? – настойліва дапытваўся Мэйзлік.
–На жаль, не магу! – са шчырым спачуваннем адказаў паэт. –Паверце, я ўвогуле не надаю ўвагі падрабязнасцям.
–Ну хоць што-небудзь жа вы бачылі? – з іроніяй у голасе спытаў Мэйзлік.

–Ды так, нічога асаблівага, толькі агульнае ўражанне, – неяк няпэўна адказаў паэт. – Памятую гэту апусцелую вуліцу… бязлюдную… такую доўгую… світанне… І жанчына ляжыць на зямлі…

Тут паэт усхапіўся з месца:“Чакайце! Я ж пра гэта верш напісаў! Потым, калі прышоў дамоў”.

Ён пачаў выграбаць з кішэняў розную дробязь, канверты, пакамечаныя паперкі.

–Не, не тое, і гэта не тое, і гэта… А, вось ён, той верш! – усклікнуў Нерад і пачаў засяроджана ўзірацца ў радкі, накрэмзаныя на нейкім канверце.

–Пакажыце мне, – з нецярплівасцю папрасіў Мэйзлік.

–Ды тут нічога асаблівага, – аднекваўся паэт. – Але калі хочаце, я вам пачытаю. І ён, узвёўшы вочы ўгору, пачаў чытаць:

Шмат цмяных гмахаў шэрагам стаяць.
На мандаліне золак грае.
Дзяўчына, годзе чырванець.
Аўто ў 120 конскіх сіл імчыцца на край свету,
А можа ў далёкі Сінгапур?
Спыніце, спыніце шпаркую машыну!
Каханне наша пакрывае пыл…

Цудоўная кветка жорстка зламана…
Лебедзя шыя, пругкія грудзі, палачкі з бубнам,
Вы – бяды знакі.

–Вось, гэта ўсё, што тады напісалася, – прамовіў паэт.

–Скажыце, калі ласка, – папрасіў Мэйзлік, – што ўсё гэта значыць? Пра што тут гаворыцца?

Як пра што? Гэта ж пра той выпадак з машынай, – здзіўлена вымавіў паэт. – Хіба гэтага нельга зразумець?

–Бадай што не, – крытычна заўважыў Мэйзлік. – З усяго гэтага я ніяк не магу з пэўнасцю вызначыць, што “пятнадцатага дня чэрвеня месяца ў чатыры гадзіны раніцы на вуліцы Жытняй аўтамабіль нумар такі і такі збіў п’яную жабрачку шасцідзесяцігадовую Бажэну Махачкаву. Цяжка параненая ахвяра была адвезена ў гарадскую бальніцу, знаходзіцца ў небяспечным стане” – працытаваў ён напісанае ў пратаколе. Нічога з гэтых звестак у вашых вершах, пане паэт, не паведамляецца. Хіба не так?

-Вы згадваеце грубую рэальнасць, пане, – прамовіў паэт, пачосваючы нос, – а верш – гэта рэальнасць тонкая, унутраная. Зразумейце – сутнасць паэзіі складаюць вольныя падсвядомыя вобразы, якія рэальнасць спарадзіла ў свядомасці творцы. Іх называюць зрокавымі і слыхавымі асацыяцыямі. Яны разлічаны на ўспрыняцце чытача. Чытач павінен ужыцца ў іх, тады ён усё зразумее, – павучальным тонам тлумачыў Нерад.

–Ніколі б не здагадаўся, – задумаўся Мэйзлік. – Што ж, дайце мне гэты ваш опус. Дзякуй. Паспрабуем разабрацца, што тут да чаго.
-Ну, ну… “Шмат цьмяных гмахаў шэрагам стаяць”… Чаму “шэрагам”? Растлумачце, калі ласка.
–Дык гэта ж пра Жытнюю вуліцу, – цярпліва патлумачыў паэт. – Дамы там, як салдаты ў шарэнзе, разумееце?
–А чаму гэта не можа быць Нацыянальным праспектам? – скептычна пацікавіўся Мэйзлік.
–А таму, што ён не такі прамы, – упэўнена адказаў Нерад.
–Пойдзем далей. “На мандаліне золак грае”. Хай сабе. “Дзяўчына, годзе чырванець”. Адкуль, выбачайце, узялася дзяўчына?
–Зара, – лаканічна паясніў паэт.
–Так, так, выбачайце. “Аўто ў 120 конскіх сіл імчыцца на канец свету”. Гэта што?
–Так я ўспрыняў той аўтамабіль. – зазначыў Нерад.
–А 120 конскіх сіл? Можа, гэта быў гоначны аўтамабіль?
–Не ведаю. Проста, ён дужа хутка імчаўся. Нібыта спяшаўся на край свету.
–Ну, так. Няйначай, у Сінгапур. Сапраўды, дзеля ўсяго святога, чаму менавіта ў Сінгапур?
Паэт паціснуў плячыма.
– Не ведаю. Можа таму, што гэта краіна малайцаў.
–Аўтамабіль і малайцы. Якая тут сувязь? Што вы на гэта скажаце?
Паэт крыху сумеўся.
– Няйначай, тая машына была карычневая, – вымавіў ён у задуменні. – А чаму б і не? Штосьці карычневае там сапраўды было. Іначай адкуль бы ўзяўся той Сінгапур?
–Ведаеце, іншыя сведкі далі паказанні, што машына была чырвоная, сіняя або чорная. Які колер прапануеце выбраць вы?
–Выбірайце карычневы, – параіў паэт. – Ён больш вабіць вока.
-“Каханне наша пакрывае пыл”, – чытаў далей Мэйзлік. – “Зламаная кветка” – гэта ў вас тая п’яная жабрачка?
–Не мог жа я ў вершы напісаць, што гэта была п’яная жабрачка – раздражнёна прамовіў паэт. – Для мяне гэта была проста жанчына, разумееце?
–Так, так! А далей, што гэта ў вас? “Лебедзя шыя, пругкія грудзі, палачкі з бубнам”. Вольныя асацыяцыі, няйначай?
–Пакажыце, пакажыце, – паэт нахіліўся над лістком паперы. “Лебедзя шыя, пругкія грудзі, палачкі з бубнам”… Што б гэта магло значыць?
–Вось і я у вас аб тым жа пытаюся, – ядавіта прамовіў Мэйзлік.
–Чакайце, чакайце, – разважаў паэт, – нешта ж павінна было нагадаць мне гэтыя вобразы. Паслухайце, а лічба 2 хіба не нагадвае вам шыю лебедзя? Вось, зірніце.
Нерад напісаў на лістку лічбу 2.

–Ну, ну! – ажывіўся Мэйзлік, – А што тады значаць гэтыя “пругкія грудзі”?
–Відаць, гэта лічба 3, два пукатыя паўкружжы, ці ж не так? – выказаў здагадку паэт.
–Там ёсць яшчэ “палачкі з бубнам”! – у хваляванні ўсклікнуў паліцэйскі.
–Палачкі з бубнам”… – паэт на хвіліну задумаўся. – “Палачкі з бубнам”… А ці не пяцёрка гэта? Гляньце! – Ён напісаў лічбу 5. – Вось! Паўкружжа нагадвае бубен, а над ім – палачкі.
–Пачакайце! – усклікнуў Мэйзлік і вывеў на лістку лічбу 235. – Па вашаму выходзіць, што нумар машыны быў 235?
–Не памятаю я ніякага нумара, – з упэўненасцю запярэчыў Яраслаў Нерад. – Але ж нешта такое там мусіла быць, бо адкуль іначай узяліся б тыя вобразы? – спытаў ён сам сябе, зноў схіляючыся над лістком. – Па мойму, гэты радок самы ўдалы ў вершы.

* * *

Праз два дні Мэйзлік праведаў паэта; на гэты раз Нерад не спаў. З ім была нейкая дзяўчына і ён марна шукаў яшчэ адно крэсла, каб паліцэйскаму было дзе прысесці.
–Ды я не надоўга, – сказаў паліцэйскі. – Зазірнуў на хвіліну, каб паведаміць, што ў таго аўтамабіля сапраўды быў нумар 235.
–Пра што вы? Які аўтамабіль? – здзівіўся паэт.
–Лебедзя шыя, пругкія грудзі, палачкі з бубнам”, – выпаліў аб адным духу Мэйзлік. – І з Сінгапурам усё правільна.
–А, вы пра той выпадак! – успомніў паэт. – Ну як, пераканаліся, што значыць для паэта ўнутраная рэальнасць? Хочаце, я вам зараз пачытаю пару сваіх новых вершаў? Цяпер то ўжо вы зможаце іх зразумець.
–Прабачце, але лепей іншым разам, – паспешліва адказаў паліцэйскі чыноўнік. – Тады, як у мяне надарыцца падобны выпадак.

Ад перкладчыка. *У гэтым апавяданні Чапэк ў сатырычнай форме прадстаўляе модную ў той час мадэрнісцкую літаратурную плынь “паэтызм”, прадстаўнікі якой, маладыя чэшскія паэты, надавалі ў сваёй творчасці падсвядомаму, зашыфраваным у тэксце асацыяцыям. Вядомымі прадстаўнікамі “паэтызму” былі Вітэзслаў Нерад і Яраслаў Сейферт, імя і прозвішча якіх аўтар скарыстаў у найменні свайго персанажа – паэта Яраслава Нерада.*

Эксперымент прафесара Роўса

Зала была перапоўненая. На сустрэчу з госцем, прафесарам Гарвардскага ўніверсітэта Роўсам, знакамітым амерыканцам чэшскага паходжання прыйшло

шмат народу: міністры ўнутраных спраў і юстыцыі, начальнік паліцыі, некалькі дэпутатаў парламента і вышэйшых чыноўнікаў, вядомыя юрысты і навукоўцы і, вядома ж, прадстаўнікі друку – без іх жа нідзе нічога і ніколі не абыдзецца.

– Джэнтльмены! – пачаў госць, – Эксперымент, які я вам... э-э ... буду хацець паказаць, заснаваны на даследаваннях многіх маіх калег і папярэднікаў. Такім чынам, indeed мой эксперымент не з'яўляецца якім-небудзь адкрыццём. Гэта... э-э... сапраўды... як кажуць чэхі, навіна з барадой, — прафесар узрадаваўся таму, што прыпомніў, як па-чэшску гучыць гэтае параўнанне. Ён ужо некалькі падзабыў родную мову, на якой гаварыў да эміграцыі, і не заўсёды адразу ўспамінаў патрэбнае слова.

– Я, уласна кажучы, распрацаваў толькі метад практычнага прымянення некаторых тэарэтычных адкрыццяў. Прашу прысутных крыміналістаў судзіць аб маіх experiences з пункту гледжання іх практычных крытэрыяў. Well. Такім чынам, мой метад заключаецца ў наступным: я прамаўляю слова, а вы павінны адразу ж вымавіць іншае слова, першае ж, якое вам прыйдзе ў гэты момант у галаву, нават калі гэта будзе глупства, nonsens. У выніку я, на падставе вашых слоў, раскажу вам, што ў вас на розуме, пра што вы думаеце і што хаваеце. Разумееце? Я апускаю тэарэтычныя тлумачэнні і не буду казаць вам аб асацыятыўным мысленні, затарможаных рэфлексах, выкліканых падсвядомасцю і так далей. Я буду сказаць коратка: падчас эксперымента вы павінны цалкам выключыць волю і розум. Гэта дасць прастор падсвядомым асацыяцыям, і дзякуючы ім я змагу пракрасціся ў... э-э... Well, what's on the bottom of your mind...
– У глыбіні вашай свядомасці, – падказаў хтосьці з залы.

– Вось-вось! – задаволена пацвердзіў Роўс. – Вы павінны automatically прамаўляць усё, што вам прыходзіць у дадзены момант у галаву без ўсялякага control. Маёй задачай будзе аналізаваць вашыя ўяўленні. That's all. Свой вопыт я праараблю спачатку на крымінальным выпадку ... э-э ... на адным злачынцу, а потым на кім-небудзь з прысутных. Well, начальнік паліцыі зараз ахарактарызуе нам дастаўленага сюды злачынцу. Прашу вас, пане начальнік.

Начальнік паліцыі ўстаў.
– Панове, чалавек, якога вы зараз убачыце, – слесар Чэнек Суханек, уладальнік дома ў Забегліцы. Ён ужо тыдзень знаходзіцца пад арыштам па падазрэнні ў забойстве шафёра таксі Ёзэфа Чапялкі, бясследна зніклага два тыдні таму. Падставы для падазрэння наступныя: машына зніклага Чапялкі знойдзеная ў хляве арыштаванага Суханека. На рулявым коле і пад сядзеннем шафёра – сляды чалавечай крыві. Арыштаваны ўпарта адмаўляецца, заяўляе, што купіў аўто ў

Чапялкі за шэсць тысяч, бо хацеў стаць шафёрам таксі. Устаноўлена: зніклы Чапялка сапраўды казаў, што думае кінуць сваё рамяство, прадаць машыну і наняцца куды-небудзь шафёрам. Аднак яго да гэтага часу нідзе не знайшлі. Паколькі больш ніякіх дадзеных няма, арыштаваны Суханек павінен быць перададзены ў падследную турму ў Панкрацы... але я атрымаў дазвол, каб наш славуты суайчыннік прафесар Роўс прарабіў над ім свой эксперымент. Такім чынам, калі пан прафесар пажадае…

— Well! – сказаў прафесар пасля таго, як старанна занатаваў штосьці на паперцы. – Калі ласка, пусціце яго ісці сюды.

Па знаку начальніка паліцыі паліцэйскі ўвёў Чэнека Суханека, змрочнага суб'екта, на твары якога было напісана: «Ідзіце вы ўсе да..., мяне голымі рукамі не возьмеш». Відаць было, што Суханек цвёрда вырашыў стаяць на сваім.

– Падыдзіце, – строга сказаў прафесар Роўс. – Я не буду вас дапытваць. Я толькі буду прамаўляць словы, а вы павінны ў адказ казаць першае слова, якое вам заступіць у голаў. Зразумела? Такім чынам, увага! Шклянка.
– Гаўно! – злосна вымавіў Суханек.
– Слухайце, Суханек! – тут жа ўмяшаўся начальнік паліцыі. – Калі вы не будзеце адказваць як след, я загадаю адвесці вас на допыт, і вы прабудзеце там усю ноч. Зразумела? Заўважце гэта сабе. Ну, пачнем спачатку.

– Шклянка, – паўтарыў прафесар Роўс.
– Піва, – прабурчаў Суханек.
– Вось гэта іншая справа, – сказала знакамітасць. – Цяпер правільна.
Суханек падазрона пакасіўся на яго. Ці пастка ўся гэтая задума?
– Вуліца, – працягваў прафесар.
– Вазы, – неахвотна азваўся Суханек.
– Трэба хутчэй. Домік.
— Поле.
– Такарны станок.
— Латунь.
– Вельмі добра.
Суханек, мабыць, ужо нічога не меў супраць такой гульні.
— Матуля.
— Цётка.
— Сабака.
— Будка.
— Салдат.

— Артылерыст.
Пераклічка станавілася ўсё больш хуткай. Суханека гэта забаўляла. Падобна на гульню ў карты. І аб чым толькі не ўспомніш!
– Дарога, – кінуў яму пан Роўс у імклівым тэмпе.
— Шаша.
— Прага.
– Бероун.
— Схаваць.
— Закапаць.
— Чыстка.
— Пляма.
— Ануча.
— Мяшок.
— Лапата.
— Сад.
— Яма.
— Плот.
– Труп!
Маўчанне.
– Труп! – настойліва паўтарыў прафесар. – Вы закапалі яго пад плотам. Так?
– Нічога падобнага я не казаў! – усклікнуў Суханек.
– Вы закапалі яго пад плотам у сябе ў садзе, – рашуча паўтарыў Роўс. – Вы забілі Чапялку па дарозе ў Бероун і выцерлі кроў у машыне мяшком. Усё ясна.
– Няпраўда! – крычаў Суханек. – Я купіў таксі ў Чапялкі. Я нікога не забіваў!
– Памаўчыце! – сказаў Роўс. – Прашу паслаць палісменаў на пошукі трупа. А астатняе ўжо не мая справа. Выведзіце гэтага чалавека. Звярніце ўвагу, джэнтльмены: увесь вопыт заняў сямнаццаць хвілін. Гэта вельмі хутка, таму што казус дробязны. Звычайна патрабуецца каля гадзіны. Зараз я буду папрасіць да мяне каго-небудзь з прысутных. Я паўтару вопыт. Ён будзе існі даволі доўга. Я ж не ведаю гэтага чалавека, яго secrets, як гэта назваць?
– Таямніцы, – падказаў нехта з аўдыторыі.
– Таямніцы! – узрадаваўся наш славетны суайчыннік. — Я ведаю, гэта адно і тое ж. Вопыт зойме ў нас шмат часу, перш чым падыспытны раскрые нам свой характар, мінулае і самыя патаемныя ideas…
– Думкі! – падказалі з публікі.
– Well. Такім чынам, прашу, панове, хто хоча падвергнуцца вопыту?

Наступіла паўза. Хтосьці хіхікнуў, але ніхто не варушыўся.
– Прашу, – паўтарыў прафесар Роўс. – Самі бачыце, гэта не балюча.
– Ідзіце, калега, – шапнуў міністр унутраных спраў міністру юстыцыі.

– Ідзі ты як прадстаўнік нашай партыі, – падштурхоўвалі адзін аднаго дэпутаты.
– Вы – дырэктар дэпартамента, вы і павінны пайсці, — панукаў чыноўнік свайго калегу з іншага міністэрства.
Узнікала атмасфера няёмкасці: ніхто з прысутных не ўставаў.
– Прашу вас, джэнтльмены, – трэці раз паўтарыў амерыканскі вучоны. – Спадзяюся, вы не баіцеся, каб былі адкрыты вашы патаемныя думкі?
Міністр унутраных спраў павярнуўся да задніх шэрагаў і прашыпеў:
– Ну, выйдзіце ж хто-небудзь.
У глыбіні аўдыторыі хтосьці сціпла кашлянуў і ўстаў. Гэта быў худы, пажылы суб'ект у якога хадзіў ад хвалявання кадык.
– Я ... гм-м... – сарамліва сказаў ён, – калі ніхто ... то я, мабыць, дазволю сабе…
– Падыдзіце! – перабіў яго амерыканец. – Сядайце тут. Кажаце першае, што вам прыйдзе ў галаву. Задумвацца і разважаць нельга, кажаце mechanically, несвядома. Зразумелі?
— Так-с, — паспешліва адказаў падыспытны, мабыць збянтэжаны ўвагай такой высокапастаўленай аўдыторыі. Затым ён адкашляўся і спалохана замігаў, як гімназіст, які трымае экзамен на атэстат сталасці.
– Дуб, – кінуў прафесар.
– Магутны, – прашаптаў падыспытны.
– Як? – перапытаў прафесар.
– Лясны волат, — сарамліва патлумачыў чалавек.
– Ага, так. Вуліца.
– Вуліца... Вуліца ва ўрачыстым убранні.
– Што вы маеце на ўвазе?
– Нейкае свята.
– А! Ну, дык трэба было проста сказаць «свята». Па магчымасці кажыце толькі адно слова.
— Калі ласка…
— Значыць так. Гандаль.
— Квітнеючы. Крызіс нашай камерцыі. Гандляры славай.
– Гм ... Установа.
– Якая, дазвольце даведацца?
– Ці не ўсё роўна! Кажаце якое-небудзь слова. Хутка!
– Калі б вы мелі ласку сказаць "установы"…
– Well, установы.
– Адпаведныя! – радасна ўсклікнуў чалавек.
— Молат…
– ...і кавадла. Каваць перамогу.
– Curious, – прабурчаў навуковец. – Кроў!
– Пунсовы, як кроў. Нявінна пралітая кроў. Гісторыя, напісаная крывёю.

– Агонь!
– Агнём і мячом. Адважны пажарнік. Палымяная гаворка.
– Дзіўны выпадак, – збянтэжана сказаў прафесар. – Паўторым яшчэ раз. Слухайце, Вы павінны рэагаваць толькі на самае першае ўражанне. Кажыце тое, што automatically прамаўляюць вашыя вусны, калі вы чуеце мае словы.
Go on. Рука.
– Брацкая рука дапамогі. Рука, якая трымала сцяг. Моцна сціснуты кулак. Нячысты на руку. Даць па руках.
— Вочы.
– Завязаныя вочы Феміды. Бервяно ў воку. Адкрыць вочы на ісціну. Відавочца. Пускаць пыл у вочы. Нявінны погляд дзіцяці. Захоўваць як зрэнку вока.
– Не так шмат. Піва.
– Пльзеньскае светлае. Алкагольны дурман.
— Музыка.
– Музыка будучыні. Заслужаны ансамбль. Чэхі – народ музыкаў. Вабныя гукі. Канцэрт дзяржаў. Мірная жалейка. Баявыя фанфары. Нацыянальны гімн.
— Бутэлька.
– З сернай кіслатой. Няшчаснае каханне. У жудасных пакутах памерла на бальнічным ложку.
— Яд.
– Напоены атрутай і жоўцю. Атручванне калодзежа.
Прафесар Роўс пачухаў патыліцу.
– Never heard that... Прашу вас паўтарыць. Звяртаю вашу ўвагу, джэнтльмены, на тое, што заўсёды трэба пачынаць з самых plain, непасрэдных паняццяў, каб высветліць інтарэсы падыспытнага, яго profession, занятак. Так, далей. Рахунак.
– Баланс гісторыі. Звесці з ворагамі рахункі. Пажывіцца на чужы рахунак.
– Гм ... Папера.
– Папера пачырванела ад сораму, – узрадаваўся падыспытны. – Каштоўныя паперы. Папера ўсё стрывае.
— Bless you, — кісла сказаў прафесар. — Камень.
– Пабіць камянямі. Надмагільны камень. Вечная памяць, – жвава загаварыў падыспытны.
–Бурак.
-Салодкі корань.
– Кукуруза.
– Царыца палёў.
– Ага! — ускрыкнуў вучоны. — That's it! Гарызонт!
– Пахмурны, – з бачным задавальненнем адгукнуўся падыспытны. – Хмары на нашым палітычным гарызонце. Вузкі кругагляд. Адкрываць новыя гарызонты.
— Зброя.

— Атручаная зброя. Узброены да зубоў. З трапяткімі сцягамі. Нанесці ўдар у спіну. Вераломны напад, – радасна бубніў падыспытны. – Запал бітвы. Выбарчая барацьба.

– Бульба.

– Другі хлеб.

— Апладысменты.

— Бурныя і працяглыя. Усе ўстаюць.

– Даволі! – спыніў яго прафесар. – Вы журналіст, хіба не так?

–Абсалютна так, – ветліва адазваўся падыспытны. – Я рэпарцёр Вашатка. Трыццаць гадоў працую ў газеце.

— Дзякую, – суха пакланіўся наш знакаміты амерыканскі суайчыннік. — Finished, gentlemen. Аналізам уяўленняў гэтага чалавека мы усталявалі, што ... м-м, што ён журналіст. Я думаю, няма сэнсу працягваць. It would only waist our time. So sorry, gentlemen!

– Уявіце сабе! – усклікнуў увечары рэпарцёр Вашатка, праглядаючы рэдакцыйную пошту. – Усе высновы прафесара Роўза пацвердзіліся! Паліцыя паведамляе, што труп Чапялкі знойдзены. Закапаны пад плотам у садзе ў Суханека і загорнуты ў скрываўлены мяшок! Гэты Роус – малайчына! Вы б не паверылі, калега: я ні слова не сказаў пра газету, а ён адгадаў, што я журналіст. "Панове, кажа, перад вамі славуты, заслужаны рэпарцёр...” Я напісаў у справаздачы аб яго выступленні так: “У колах спецыялістаў высновы нашага суайчынніка атрымалі высокую ацэнку". Не, пачакайце, гэта трэба падправіць. Скажам так: “У шырокіх колах вучоных спецыялістаў цікавыя высновы нашага славутага суайчынніка атрымалі заслужана высокую ацэнку". Вось цяпер добра!

Апавяданне было створана ў 1928 годзе, а прататыпам яго галоўнага дзеючага персанажа - прафесара Роуса - стаў заснавальнік "аналітычнай псіхалогіі", вучань Зігмунда Фрэйда - швейцарскі вучоны Карэл Юнг. У апавяданні змяшчаецца сатыра на тую катэгорыю журналістаў, мысленне і гаворка якіх перапоўнены штампамі. Матыў стандартызаванага мыслення, высмейваецца пісьменнікам і ў наступным апавяданні – «Блакітная хрызантэма».

Блакітная хрызантэма

– Я хачу вам расказаць, пане Чапэк, – пачаў стары Фулінус, – як у мяне з’явіўся мой самы лепшы гатунак хрызантэмаў – “Клара”. Пачалася ўся гісторыя тады, калі я ладзіў парк у Любянцы, у маёнтку князя Ліхтэнбергскага. А ён, магу засведчыць, ведаў гэтую справу дасканала: выпісаў з Англіі ад вядомага садавода Вейча многа дрэў, ды яшчэ ў Галандыі заказаў для пасадкі ў парку аж сямнаццаць тысяч цыбулін цюльпанаў. Але гэта я так, да слова, бо якраз там, у Любянцы, ішоў я

неяк у нядзелю па вуліцы, а насустрач мне – Клара. Была яна, скажу я вам, глуханямая, крыху не ў сабе, увесь час беспрычынна смяялася. Вы не ведаеце, пане, чаму звар'яцелыя выглядаюць такімі шчаслівымі? Дык вось, толькі я хацеў абмінуць яе, як убачыў у яе руках букет. А ў ім сярод кропу і нейкіх палявых кветак – такое, што вы, пане, нізавошта не ўгадаеце, а я тады ледзь не самлеў. Многа розных кветак я пабачыў на сваім вяку, але каб згледзець у букеце гэтай вар'яткі кветку махровай хрызантэмы, ды яшчэ якой – ***блакітнай***! Блакітнай, шаноўны! Прычым такой блакітнай, якой бывае толькі кветка гатунку Phlox Zaphami – пялёсткі крыху шараватыя, з атласна- ружовай аблямоўкай, а ўсярэдзіне нагадвае Campanula turbunata. Кветка дзівоснай красы! Але і гэта яшчэ не ўсё, пане, бо трэба вам сказаць, што у індыйскіх хрызантэм такое адценне колеру увогуле – дзіва дзіўнае! Калісь быў я ў Лондане ў сэра Джэймса Вейча, і стары хваліўся мне, што ў яго расла блакітная хрызантэма з ліловым адценнем, выпісаная аж з Кітая, але ўзімку яе загубіў мароз. А тут, уявіце сабе, бачу ў букеце гэтага пудзіла агароднага хрызантэму, ды яшчэ блакітную, рэдкай прыгажосці! Не, гэта немагчыма апісаць…

Дык вось, Клара падыходзіць да мяне, нешта весела шчабеча і падае гэты букет мне. Даю ёй крону, паказваю на хрызантэму і пытаюся: "Клара, дзе ты знайшла гэтую кветку?" А Клара адно толькі весела шчабеча і смяецца. Спрабую хоць нешта ад яе ўведаць, а ўсё без толку. Крычу на яе, паказваю на кветку, а яна нічога не цяміць, адно лезе цалавацца.

Тады я кінуўся з гэтай каштоўнай хрызантэмай да старога князя: "Пане, яны растуць недзе тут у наваколлі. Пойдзем, пашукаем!" Стары адразу ж загадаў запрэгчы каня. Клару мы вырашылі ўзяць з сабой. Але як на тое Клара недзе знікла, мы яе доўга шукалі, ды так і не знайшлі. Сталі каля павозкі і пачалі лаяцца. Князь пры гэтым адпальваў такія сакавітыя непрыстойныя слоўцы – ён жа некалі служыў у драгунах.

Лаемся мы гэтак, аж тут прыбягае Клара, засопшыся, з букетам толькі што сарваных са сцяблін блакітных хрызантэмаў. Князь на радасцях даў ёй аж сто крон, але Клара пакрыўдзілася і заплакала. Дзіва што! Яна ж ніколі яшчэ не бачыла, як тыя сто крон выглядаюць. Давялося даць ёй адну крону, абы толькі супакоілася. Тут яна перастала плакаць, пачала танцаваць і крычаць ад радасці. Але мы пасадзілі яе на павозку, паказалі на хрызантэмы, маўляў, вязі нас, Клара, туды, дзе яны растуць.

Клара не супакоілася і там, усё радавалася, і вы не можаце сабе ўявіць, чаго каштавала шаноўнаму князю сядзець побач з ёй, які ён быў злы. Ды яшчэ і коні штохвілінна пудзіліся ад яе крыку і рогату, словам, гэта была не язда, а немаведама

што. Едзем мы гэтак гадзіну, другую, нарэшце я не вытрымаў і кажу князю: “Пане, мы адмахалі ўжо ці не чатырнаццаць кіламетраў!”
– Ды якая розніца, – бурчыць князь, – калі трэба, то і сто праедзем!
– Навошта сто? – даводжу яму. – Клара прыбегла з другім букетам праз гадзіну, калі не меней. Выходзіць, што месца, дзе яна знайшла кветкі, не можа быць далей, чым за тры кіламетры ад Любянца.
– Клара! Дзе ты іх знайшла? Дзе яны растуць? – пачаў дапытвацца князь, паказваючы на блакітныя хрызантэмы.

А Клара ўсё толькі нешта каркае па-свойму ды паказвае, што трэба ехаць далей. Бач, спадабалася ёй катацца! Па праўдзе, я думаў, што князь прыб’е Клару, бо ў гневе ён быў страшны! Коні ўжо былі ў мыле, Клара ўсё крычала і рагатала, князь лаяўся і ледзь не плакаў ад роспачы, а я сядзеў і думаў: дзе ўсё ж адшукаць тыя блакітныя хрызантэмы. Потым сказаў князю, што так у нас нічога не выйдзе: трэба шукаць нам адным. Возьмем карту, абвядзем вакол Любянца круг не далей чым на тры кіламетры, падзелім яго між сабой папалам, і кожны пойдзе шукаць, абыходзячы дом за домам.
– Чым ты толькі думаеш, чалавеча! – кажа мне князь, – У ваколіцах Любянца няма ніводнага нават захудалага парка!
– А чаму хрызантэма павінна быць абавязкова ў парку? Чорта лысага вы там знайшлі б, а не блакітную хрызантэму! У тутэйшых парках лепшае з таго, што вы можаце адшукаць – ageratum або каны. Зірніце, на сцябліне кветкі знізу прыліпла крыху зямлі. Мабыць, гэта не звычайны гумус ці перагной, а клейкая гліна, якую палівалі вадкім угнаеннем. Варта пацікавіцца мясцінамі, дзе водзяцца галубы, таму што на лісціках я заўважыў пырскі ад іх памёту. І яшчэ: растуць яны дзесьці каля плоту, бо вось кавалак аддзёртай яловай кары, я знайшоў яго паміж сцяблін. Так, гэта можа паслужыць нам добрым арыенцірам.
– І што з таго? – не зразумеў князь.
– Як што? – адказваю, – нам трэба агледзець гародчыкі каля кожнага доміка ў ваколіцах. Мы падзелім гэты круг не на дзве, а на чатыры часткі: пойдзем шукаць не толькі вы і я, але і ваш садоўнік і мой памочнік Венцл.

На тым і пагадзіліся. Але назаўтра раніцой, не паспелі мы яшчэ раскатурхацца, як Клара прынесла мне яшчэ адзін букет блакітных хрызантэмаў. Гэта надало мне ўпэўненасці, і я заўзята прачасаў свой участак; не мінаў ніводнай піўной, усюды каштаваў цёплае піва, заядаў яго сыркамі і распытваў пра блакітныя хрызантэмы. Лепш не пытайцеся, пане, як мяне зблажыла пасля гэтых сыркоў! Тады якраз стаяла страшэнная гарачыня. У канцы верасня гэта рэдкасць. І вось па такой спякоце мне давялося цягацца па хатах ды яшчэ нарывацца на лаянку і цярпець, бо я разумеў, што людзі бачылі ўва мне вар’ята або дзівака. А хтосьці думаў нават,

што гэта нешта вынюхвае прадстаўнік улады. Калі я скончыў аглядаць свой участак, пачало цямнець. Але затое я быў упэўнены, што на ім хрызантэмы не растуць. Астатнія таксама на сваіх участках нічога не знайшлі. Затое Клара прынесла новы букет блакітных хрызантэмаў.

Князь Ліхтэнбергскі, скажу я вам, у нашай старане асоба незвычайная: калі за што возьмецца, то паставіць на сваім. І на гэты раз ён тут жа склікаў паліцэйскіх, кожнаму даў па кветцы блакітнай хрызантэмы, паабяцаў немаведама што, калі хто-небудзь з іх знойдзе месца, дзе яны растуць. А паліцэйскія, паверце мне, народ не дурны, яны і газеты чытаюць, і разбіраюцца ва ўсім, да таго ж добра ведаюць, што дзеецца на іх участках. Людзі ім вераць і дапамагаюць. І вось, пане, у гэты дзень шэсць паліцэйскіх, некалькі стражнікаў, вясковыя старасты, школьнікі на чале з настаўнікамі, плойма цыганоў прачасалі ўвесь той лапік зямлі на тры кіламетры ў ваколіцах горада, абарвалі ўсё, што дзе-небудзь цвіло, і прынеслі ў замак. Кветак было столькі, колькі зносяць на свята Божага цела! Аднак сярод іх, вы здагадваецеся, не было ніводнай блакітнай хрызантэмы. У гэты дзень мы не спускалі вачэй з Клары, але надвячоркам яна неяк выслізнула і апоўначы прынесла мне яшчэ адзін букет блакітных хрызантэмаў. Давялося замкнуць яе, каб не абарвала ўсіх кветак. Мы былі ў роспачы. Нібы насланнё нейкае, сапраўды, там жа ўсё як на далоні, куды ні глянь…

Згадзіцеся: чалавек мае права вылаяцца, калі яму дужа цяжка або калі не шанцуе. Вы мяне зразумееце. Калі князь са злосці сказаў, што я гэткі самы дурны, як Клара, я абазваў яго старым аслом і дадаў, што не жадаю мець з ім ніякіх спраў. Пайшоў напрасткі на вакзал, сеў у цягнік і – бывай Любянец! Але вось цягнік рушыў, і я расплакаўся ў вагоне, як малое дзіця, бо, паверце, пане, я ўжо не спадзяваўся знайсці тую блакітную хрызантэму, не верыў, што калі-небудзь убачу яе. Сяджу я каля вакна, румзаю, і раптам бачу ўзбоч чыгункі штосьці блакітнае! Пане Чапэк, гэта было звыш маіх сіл! Я ўсхапіўся з месца і, як у непрытомнасці, ірвануў ручку тормаза. Цягнік здрыгануўся, пачаў тармазіць, а мяне кінула на суседнюю лаўку. Спрабуючы абаперціся, я зламаў сабе палец. Калі ж на мяне наляцеў кандуктар, я пачаў мармытаць, што я нешта забыўся ўзяць у Любянцы. І, што паробіш, давялося заплаціць вялікі штраф.

Іду па шпалах, зноў лаюся, як рамізнік, а ўсё ж прыглядаюся, ці не ўбачу тое, што там сінела. “Ты ёлуп, – лаяў я сам сябе, – калі там што і расло, то, няйначай, асеннія астры, або яшчэ нейкая блакітная дрэнь. А між тым грошы на вецер выкінуў вялікія”! Так я прашкандыбаў метраў пяцьсот і пачаў ужо думаць, што тое сіняе не павінна было расці дужа далёка: ці то я мінуў патрэбнае месца, ці то ўвогуле мне проста нешта выдалася ўваччу. Так і набрыў я на маленькую хатку пуцявога

абходчыка, а за плотам, у гародчыку, сапраўды, бачу нешта блакітнае. Гэта былі два пукі блакітных хрызантэмаў!

Любы дзіцёнак ведае, пане, што звычайна садзяць абходчыкі ў гародчыках каля сваіх будак. Пара качаноў капусты, а то гарбузы, сланечнік, крыху чырвоных ружаў, мальва, настурцыя, часам вяргіні. У тым гародчыку нічога падобнага не расло, затое там была фасоля, бульба, куст бэзу, а ў самым кутку – два кусцікі блакітных хрызантэмаў.
– Скажыце мне, шаноўны, дзе вы здабылі такія кветкі? – праз плот пытаюся ў абходчыка.
– Вось гэтыя, блакітныя? – удакладніў гаспадар. – А, яны засталіся пасля нябожчыка Чэрмака, ён служыў тут да мяне. А што гэта вы тут робіце, пане? Тут жа нельга хадзіць! Бачыце, вунь шыльдачка пастаўлена: “Хадзіць па чыгунцы забараняецца!”
– А скажыце мне, даражэнькі, – распытваю яго, – як жа тады да вас патрапіць?
– Па шпалах, – адказвае. – Але абы каму тут нечага цягацца. Што вы тут робіце? Ідзіце адсюль, ды хутчэй, але не па чыгунцы!
– А па чым жа я пайду, тут жа няма іншай дарогі?
– Мне ўсёроўна па чым, толькі не па шпалах! – узгарэўся абходчык.
Ну, тады я сеў на пясок і кажу яму: “Паслухайце, шаноўны, прадайце мне гэтыя блакітныя кветкі”.
– Не прадам, – адказвае абходчык. – Ідзіце вы лепей адсюль. Тут нельга сядзець!
– Чаму гэта нельга? – пытаюся. – Ні на адной шыльдачцы не напісана, што нельга сядзець. Тут пішацца толькі, што нельга хадзіць, вось я і не хаджу.

Абходчык спачатку сумеўся, а потым пачаў лаяць мяне з-за плоту. Ён быў, няйначай, адзінокі, прывык гаварыць сам з сабой. Праз якую хвіліну ён перастаў лаяцца, супакоіўся, а там яму настала пара збірацца ў абход свайго ўчастка.
– Дык што, пойдзеце вы адсюль, ці не? – спытаўся ён у мяне.
– Як жа я пайду? Па чыгунцы нельга, а іншай дарогі тут няма.
Абходчык нейкую хвіліну думаў, нарэшце сказаў:
– Зробім так: я адыйдуся крыху, потым збочу вунь на тую сцежку, а вы тымчасам ідзіце ў другі бок па шпалах. Я вас адтуль не буду бачыць.

Я сардэчна падзякаваў яму. Калі ж ён завінуў на тую сцежку, то я пералез праз плот і ягонай уласнай лапатай выкапаў у гародчыку абедзьве тыя хрызантэмы. Так, я іх украў, пане Чапэк! А так увогуле я сумленны чалавек: краў усяго сем разоў на жыцці. Прычым, кожны раз гэта былі кветкі.

Праз нейкую гадзіну я зноў сядзеў у вагоне і вёз дадому ўкрадзеныя блакітныя хрызантэмы. Калі цягнік мінаў тую будку, абходчык стаяў каля яе са сцяжком, злы, як чорт. Я памахаў яму капелюшом, але ён, мабыць, не згледзеў мяне.
Цяпер вы, пане, разумееце,чаму мы тады не маглі знайсці кветак. Там была шыльда з надпісам: "Хадзіць забараняецца", а таму ўсе мы – і паліцэйскія, і цыганы, і дзеці, – нават падумаць не маглі, каб паспрабаваць шукаць блакітныя хрызантэмы ў забароненым месцы. Вось якую сілу мае, пане, засцерагальная шыльдачка. Каля той чыгуначнай будкі можа расці што заўгодна: хоць сабе блакітны першацвет, хоць біблейскае Дрэва дабра і зла пазнання, хоць залатая папараць, але там ніхто іх ніколі не знойдзе, таму што па шпалах хадзіць забаронена – і ўсё тут. Адна толькі бядачка Клара патрапіла туды, бо яна была неразумная і не ўмела чытаць.

Вось чаму я даў свайму гатунку хрызантэмаў назву "Клара". Я пакутую з ёй ужо амаль пятнаццаць гадоў. Няйначай, я распесціў яе добрай зямлёй і падкормкай – той нехлямажы абходчык яе зусім не паліваў, і расла яна на цвёрдай, як камень, зямлі. Ці не таму яна ў мяне ўвесну ачуняе, улетку дасць почкі, а ў жніўні ўжо завяне. Вы не можаце ўявіць: у мяне аднаго на ўсім свеце ёсць блакітная хрызантэма, а вось паказаць яе на выстаўцы кветак ніяк не магу. Такім гатункам, як "Брэтань" і "Анастасія" далёка да яе, яны ж толькі крыху сіняватыя. А вось "Клара", пане, гэта зусім іншае. Як толькі ў мяне зацвіце "Клара", я здзіўлю ўвесь свет!

Михась Кенька: Перевод трех рассказов Карела Чапека
(веб-журнал "Культура. Нация", вып. 31, апрель 2023, 333-349, www.sakavik.net)
Резюме. Предлагаю читателям три рассказа Карела Чапека (1890-1938), одного из самых известных чешских писателей. Творчество Карела Чапека охватывает почти все литературные жанры. Он писал фельетоны и очерки, рассказы и сказки, романы, переводил на чешский язык стихи европейских авторов. Но больше всего он известен как сатирик, драматург и автор социальной фантастики. Он создал уникальный жанр микродетектива, в котором органично переплелась сатира на различные явления действительности.

Mihas Kenka: Three short stories by Karel Capek (translation)
(webzine "Culture. Nation", issue 31, April 2023, 333-349, www.sakavik.net)
Abstract. I offer readers three stories by Karel Capek (1890-1938), one of the most famous Czech writers. The work of Karel Capek covers almost all literary genres. He wrote feuilletons and essays, short stories and fairy tales, novels, translated poems by European authors into Czech. But he is best known as a satirist, playwright, and author of social fiction. He created a unique genre of micro-detective, in which satire on various phenomena of reality is organically intertwined.

Краязнаўства

Сяргей Панізьнік: ЗГУКІ РОДНАГА ПРЫДЗЬВІННЯ

Пра духоўную веліч землякоў, скарбы маўлення на міёрска-дзісненскім мацерыку, запісаныя ад насельнікаў Лявонпальскага сельсавета…

Узнятыя з Прыдзьвіння фальклорныя аруды -
напетыя Ядзьвінняй, навітыя Марутай…
Прыняў я запаветы ад Вольгі, ад Альжбеты…
Хто слых свой не губляе – Радзіму-Песьню мае!

На слыху замова мамы Ганны Панізьнік з вёскі Бабышкі:
- Маладзік малады, твой ражок залаты!
Дай, Божа, табе на пастаянне, а мне – на дарогу.
Табе злота карона, а мне – шчасьця й здароўя!

На слыху бабулькі Альжбеты Панізьнік з вёскі Бабышкі:
Ды ўстаньце, буйныі ветры на дварэ,
Ды разьнясіце траўку-мураўку зялёну,
Ды паламайце яловы дошкі на крошкі,
Ды падыміце маю мамульку на ножкі!
(Мамулька Сьцепаніда пражыла сотню гадоў, захаваўшы ўніяцкую веру)

- Трапілася чарвяку на вяку.
- Чалавек сабакі не баіцца, але зьвягі ня любіць.
- Праўды на ногаць, а маны па локаць.
- Дзе была ніўка, там пожанька стала.
- За дурной галавой і нагам неўпакой.

ПРОДКАЎ векавое адчуванне – наша далеч, наша вышыня.

Мудрасьці і ў Слове многа: дабрынёй надзелена.
Наша творчая дарога – золатам засьцелена.
Будзь зямлёй святою, Баць-каў-шчы-на!
Сем дарожак з дому, дадому – адна.

Парады з іскрынак маўлення:
- Не думай, як думаецца, а думай, як давядзецца.

- Без прыгляду толькі мурашы плодзяцца.
- Не кайся, рана ўстаўшы, маладым жаніўшыся.
- Проці ночы сам сабе ня вер.
- Прычыну і канём не аб”едзеш.
- Вольнаму – воля, багатаму – рай.
- З мелодыямі Айчыны не скоцімся ў лагчыны.
- Узнесціся не ўпасці, вярнуцца не прапасці; і нельга мову скрасці: яна ў крыві гарыць.
- Хай нашу Айчыну Любоўю, вялікай Любоўю завуць.
- Хай жа не сівеюць нашыя галовы – залатую помняць сенажаць!

*

Тулюся да свячы, - каб на мяне глядзелі
і продкі па мячы, і продкі па кудзелі.

*

Калі шанцуе, то й Халімон танцуе.

*

Каб не клін, ды каб не мох, то і плотнік бы здох.

*

Кій на кій мо й завадзіць,- абед на абед – не!

*

Кожная зязюля пра сваё кукуе.

*

Шлях не зблудзім – не збэйдзіцца час.

*

Едзьце, сваты, дамоў, не гудзьце нашых двароў.
Нашы двары загудзіце – самі ў лесе заблудзіце.

*

- Ой, сват ты мой сват! Не бяры мяне за зад,-
а бяры за перад: шчупака злаўлю я ў нерат…

*

Чорт па левай руцэ ідзець, анёл – па правай.

*

- Надаеў: стукну, то кумеллю пакоцішся ў магазін за хлебам…
(У літоўскай мове kumele – кабыла, жарабок).

*

- А мой прайдзісвет даў лататы – і толькі яго відзелі…
(Даць лататы – збегчы, уцячы. У літоўскай мове latati – выклічнік азначэння хуткага бегу).

*

- Ды вы хоць намітусь лажыцеся, абы ціха было ў хаце…
(Старарускае митусь – паперамена).

*

На слыху Ядзьвінні і яе мужа Андрыяна Кісьляка:
- Чалавек прапаў – і сабакі не брахалі.
- Нядотыкі святкаваць – радню не прызнаваць; гультаіцца.
- Лезьлі на лес – пярэчылі нам.
- Не тачыце лясы - не рабіце абы што.
- І на свой сьлед не ўспусьціла б…
- З калена выламалі чутку – прыдумалі.
- Як каню дзёрнуць – пра невялікі груз.
- Як рукамі разьвесьці – пра невялікі надзел.
- І ад яйка адалье, умелец такі.
- Жыць – не мяшок шыць.
- Хвінду-хвінду, узяўшы пінду. - Чорт мазуту гоніць…
(Сексуальныя згадкі пра паходку і юрлівасць).
- Старога вучыць – што мёртвага лягчыць.
- Сабаку не перабрэшаш, сьвіню не перабзьдзіш.
- Ранняя птушка цярэбіць зубкі, а позьняя – вочкі.
- З печы ў боты скокнуць – зрабіць удала.
- Жаронцамі церці – віхляць клубамі.

ЧЫН-ЧЫНАРОМ !

Пад Крыжом – чын-чынаром! Кожны стане Званаром!
Праз Дзвіну-Рубон і Волту ёсць паром! Мы ўсе прымаўкі збяром!

- А на пешага Арла і Сарока з колам!
- Ля цябе яна была?
- Цэлы! Я – з прыколам: не люблю быць голым.

- На сум цябе што навяло? Наўкруг – пагода!
- А каб вайны ў нас не было… Народу шкода.

- Гроб. Уквечанае вечка. Ціха думае чарга:
“Хто цяпер ён: Богу свечка, а ці чорту качарга?

- Да паўдня я з ім балакаў…
  Ну а вынік?
  Чорт наплакаў…

ДЛЯ СЛУЖБЫ АЙЧЫНЕ
свой шлях выбірай.
"Вольнаму – воля! Багатаму – рай!"

- Не за тое мы галелі, што пілі і многа елі, Праўды, Веры мала мелі…
Але мы не акалелі: узьнялі нас каруселі--мудрых прымавак займелі.

- У лагодзе мы жылі, ў гумар наш – ня верыцца:
"Мужа толькі пахвалі,-- то й дамоў ня вернецца".

Гута-гута-гута-та! Выйшла кошка за ката:
- А за катом добра жыць – не надабя штаны шыць!

Варажэя кажа ў верадзе: " Шчасьце, мілачка, наперадзе, -
будзеш мець усладу!"
Муж цыганкі не зняверыўся, паглядзеў, нібы прымерыўся:
- Тваё шчасьце - так, на перадзе, а сагнешся – ззаду!

- Ад Слова роднага мы зноў пачнем
дужэць і выяўляць, хто глух і нем.

- Ня вер ні чорту, ні Мамоне! Ты знойдзеш сілу – у гармоне.
А злыдзень будзе -- у палоне, бо смела знішчыш беззаконне.
(Мамона – бог багацця, сімвал пажады, хцівасці).

- Думалася: узлячу і не плачам адплачу валацугу-багачу…
А папала ў заглуш. Эх, зьвёў мяне замуж: сыраваткі хачу…
(Зацяжарыла).

- Ішоў я, ішоў я апаўночы з карчмы. Нашоў я, нашоў я салаўя ў карчы.
Салавей шчабеча, усю праўдачку кажа: зь кім мая мілая спатанькі ляжа..

- А хто гол, як той сакол? Мой мужык нібыта кол -
без мяне пачаў паход: скрыжніцай зьмяў ледаход…

- Лынды біць, гультаіцца я не ўмею, чаіца…
А хто вечарам спаймае – здольнасьці мае спазнае:
на перадок я не слабая.

- Чужое ем – і глух, і нем… А калі маё ядуць, -
у мяне слёзы цякуць…

- Бацька ў Бабышках пра посную вячэру гаварыў так:
- Яглы – гэта калі няеўшы спаць ляглі…

(Слова яглы стала вядомым мне, калі ў пражскай краме прачытаў:
Jahly (націск на першым складзе). Проса – ежа нясытная.

- Зьезьдзіў як цар пад Рыгу!—пацьвельваўся мой бацька Сцяпан , калі сусед сабраўся было ў дарогу, а вярнуўся без дабытку. Цару не пашэньціла, а гэта ці не Івану Грознаму ў гады Лівонскай вайны. Прымаўка ўзнікла на гістарычнй Дзісеншыне, па якой цар вяртаўся з няўдалага паходу.

\- * -

Бадзяк палявы, чабарок паўзучы, сонцацвет заравы, дабраполь гаючы,
сонцагляд-малачай, трава-ключ, сардэчнік, святаяннік, гарчай, зубнік, меч, урэчнік,
мацярдушка, метлужок і браткі, і дзядкі…
Чай-гарбата не вадзіца. Толькі трэба, мае госці, кожнай зёлцы пакланіцца.
/Знаходкі ў зельніку цёткі Ядзвінні з роду Панізьнікаў/

- Мяне мой Мацярык натхняе. Прырода тых укараняе,
з кім сцежка Нацыі здружыла. МАЛОЙ РАДЗІМЫ НЕ БЫВАЕ !

- Любоў не спажыва – Крэсіва! Не насалода, не…
Гэта надзея ўваскрэсне - Прапрарадзіма ўва мне.
Гэта ратунак: голаў не схіліцца на Крыжы.
Любоў – невылечны голад няўтомнай нашай душы.

Дадатак да прыдзьвінскіх згадак ад мамак і татак:
- Гэта “Сват сваці сплёў лапці з тоўстых лык, і сам стаіць надуўшыся, як індык”. А я напоўнены сотнямі песняў гадавога цыклу, якія захаваны на дысках. Гэта на рушніку-абярэгу Белавус Параскі з-пад Дзісны – знак з эпохі неаліту. Памяць продкаў высвечваецца і на вышыўцы Ядзьвінні Кісьляк: там узор з эпохі арыяў…
- А намаўлялі мяне і рэчка Волта (далёкая родзічка пражскай Влтавы, румынскай ракі Олт, львоўскай Полтвы, ручай Лебядзінец між вёскамі Дубавое, Ліпава, Ясёва… А таксама насельнікі вёскі Латышы, мястэчка Лявонпаль – былой рэзідэнцыі графа Лапацінскага. У маўленні – рэха крывіцка-балцкага мацерыка. Каля маёй сядзібы расла *не вярба, а жульвіца,*
бацька насіў не куртку, а шварку…

- Перайшло, мінула,
Што калісь жыло.
Ў курганах заснула,
Зеллем зарасло. Янка Купала “З мінулых дзён”. 1909 г.

А чутно:
- Вам золатам дарога пасьцелена!
- Не трубіць у кулак! / Не жыць у галечы./
- Проці ночы сам сабе ня вер…
- Каб і сьцены ня чулі… / Пра патаемныя размовы./
- І ад яйка адалье! /Падманіць/.
- І зноў “алА-алА…” /Пра пустыя размовы./
- Трон закончыўся… /Мінулася ўдача./
- І зноў палез на лес…/Асмеліўся пярэчыць./
- Лахі пад пахі – і вон з хаты!
- Даў не па конях, а па аглоблях…
- Папраў казе хвост! /Здзеклівая парада./
- Толькі курыца ад сябе грабе…
- Пакідайце слова на дабрыдзень! /Парада маёй мамы./
- Чын-чынаром! /Як найлепш. Так, як трэба./
- Толькі тэртус ідзе! /Неўгамон./
- Каціся ты кубарам! /З галавы на ногі./
- Хто мяняіць, па тым хамут гуляіць.
- Дунай вады вылілі, а галоўку ня вымылі.
- На ціхога вецер навеіць, а радзівый сам набяжыць.
- Яго і ў мяшку ня зловіш!
- Была благая пуга, ды й тая абарвалася. /Пра страчанага мужа./
- На Сонца пальцам не паказвай!
- Бог ведае – хто што робіць і хто як абедае.
- Хопіць лясы тачыць! /Хопіць балбатаць./
- Памяняем баш на баш! /Баш – галава па-татарску./
- Даць падабінкі. /Пераўзыйсці./
- Адкінуць пархі. /Сканаць./
- На цырлах ходзіць! /Важнічае, фанабэрыцца./
- Гамэрня сабралася! /Натоўп./
- Радзіўся ў роўную пару! /У спрыяльны час./
- Дайце падабінкі! /Дайце магчымасць перамагчы./
- Ня тут гукана сто разоў…/Пра неспадзяванае няшчасце./
- Пра воўка памоўка, а мядзьведзь з-пад налуску ды за гуску.//З-пад прыкрыцця./
- Соль табе ў вочы, галавешка ў зубы, клубок нітак паміж лытак, пад хвост памяло, каб аж дух заняло.

СЛОВА – ДЛЯ СУСТРЭЧ КАДЗІЛА.
Будзем вольна дзеіць, ветла, каб з Айчынаю прыветнай
СОНЦА ПА ЗЯМЛІ ХАДЗІЛА.

Не замежная, а заможная,
прыналежная – не парожняя,
не сумежная – падарожная,
непарушная Мова, ўслужная!
Як нявестачка, яна пожнямі
з гаваркімі ідзе падарожнымі.
Насцярожаную, упрыгожаную
і харошанькую даў нам Божанька!

Будзем шчаслівымі ў Новым 2023-м Годзе!
Ваш Сяргей Панізьнік

Сяргей Панізьнік: ЗГУКІ РОДНАГА ПРЫДЗЬВІННЯ
(вэб-часопіс "Культура. Нацыя", № 31, April 2023, 350-356, www.sakavik.net)

Пра духоўную веліч землякоў, скарбы маўлення на міёрска-дзісненскім мацерыку, запісаныя ад насельнікаў Лявонпальскага сельсавета, Беларусь …

Сергей Панизьник: Звуки родного Придвинья
(вэб-журнал «Культура. Нация», № 31, апрель 2023, 350-356, www.sakavik.net)
О духовном величии земляков, сокровищах речи на Миорско-Дысненском материке, записанной среди жителей Лявонпольского сельсовета, Беларуси.

Siarhei Paniznik: The sounds of beatiful Dvina
(webzine "Kultura.Natsyja", issue 31, April 2023, 350-356, www.sakavik.net)

About the spiritual greatness of the countrymen, the treasures of speech on the Miory-Dysna mainland, recorded from the inhabitants of the Ljavonpal village council, Belarus.

З жыцця беларускіх суполак

Аляксандра Логвін: Святкаванне 105-угодкаў БНР у Атаве

Здымкі Аляксандра Каралькевіча і прагpама свята прыкладаюцца

25 сакавіка 2023 года — важная гістарычная дата для беларусаў. Яна адзначаецца 105-й гадавінай абвяшчэння незалежнай Беларусі, стварэннем Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР). БНР існавала як незалежная дзяржава да таго часу, пакуль Беларусь не стала рэспублікай у складзе Савецкага Саюза.

Беларусы Атавы разам з іншымі дыяспарнымі арганізацыямі і суполкамі адзначылі гэтую значную дату 19 сакавіка адмысловым мерапрыемствам, прымеркаваным да гэтай гістарычнай падзеі. Мерапрыемства было праведзена сумесна Згуртаваннем Беларусаў Канады і Беларускім Інстытутам Навукі і Мастацтва ў Канадзе (БІНіМ).

На імпрэзе выступілі спадарыня Івонка Сурвілла, старшыня Рады БНР, ураду ў выгнаньні, Беларуская царква ў Канадзе, прадстаўленая сьвятарам а. Вячаславам Кучуком з Беларускай Аўтакефальнай Праваслаўнай Царквы, парафіі Сьвятога Кірылы Тураўскага ў Таронта, і доктар Пётра Мурзёнак, прэзыдэнт БІНіМу і дырэктар Згуртавання Беларусаў Канады. Дакладчыкі з іншых арганізацый і суполак уключалі спадара Маркуса Колгу, прэзідэнта Савета Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў Канадзе, спадара Андрыса Крэстэрыса, прэзідэнта Латышска-Канадскага Савета, былога прэзідэнта Балтыйскай Федэрацыі ў Канадзе, спадарыню Ларэту Гудынайтэ-Савіч, прэзідэнта Грамады Літоўцаў Канады ў Атаве, і спадара Барыса Біланюка, скарбніка Атаўскага аддзялення Кангрэсу Украінцаў Канады. На мерапрыемстве таксама прысутнічалі спецыяльныя госці — сябры ўкраінскай суполкі ў Атаве, якія таксама выступілі перад прысутнымі. З Таронта на імпрэзу прыехала таксама старшыня Згуртаваньня Беларусаў Канады спадарыня Алена Лявончанка.

Пасля афіцыйнай часткі прысутных чакаў канцэрт, які ўключаў у сябе шэраг музычных нумароў у розных жанрах, і ў якім выступілі многія музыканты з Атавы, якія паходзяць з Беларусі, Украіны, Чэхіі і Канады.

Alexandra Logvin: Celebration of the 105th anniversary of the BNR in Ottawa

Images by Alexander Karalkevich; Program of the event is attached.

March 25, 2023 is an important historical date for Belarusians. It marks the 105th anniversary of the proclamation of independent Belarus, the Belarusian Democratic Republic (also known as "The Belarusian People's Republic" / *Bielaruskaja Narodnaja Respublika*, in Belarusian). It existed as an independent state until Belarus became a republic in the Soviet Union.

Belarusians in Ottawa, joined by other diaspora organizations and communities, celebrated this important date in a special event on March 19, 2023, commemorated to this history. The event was jointly held by the Belarusian Canadian Alliance and the Belarusian Institute of Arts and Sciences, Canada.

Speakers at the event included Madam Joanna (Ivonka) Survilla, President of Rada of the Belarusian Democratic Republic, the government in exile, Belarusian church in Canada represented by Priest Fr. Viachaslau Kuchuk from the Belarusian Autocephalous Orthodox Church, Parish of St. Kiryla of Turau in Toronto, and Dr. Peter Murzenok, President of the Belarusian Institute of Arts and Sciences, Canada, and a director of the Belarusian Canadian Alliance. Speakers from other organizations and communities included Mr. Marcus Kolga, President of the Central and Eastern European Council in Canada, Mr. Andris Kresteris, President of the Latvian Canadian Council, former President of the Baltic Federation in Canada, Ms. Loreta Gudynaite-Savitch, President of the Lithuanian Canadian Community in Ottawa, and Mr. Borys Bilaniuk, Treasurer of the Ottawa branch of the Ukrainian Canadian Congress. The event also welcomed as special guests' members of the Ukrainian community in Ottawa, who also addressed the audience. Ms. Alena Liavonchanka, President of the Belarusian Canadian Alliance, also attended the event from Toronto.

After the official part, the audience enjoyed a concert, which comprised several musical performances in various genres and which featured many Ottawa-based musicians originally or with roots from Belarus, Ukraine, the Czech Republic, and Canada.

Перад аўдыторыяй выступае Старшыня Рады БНР, сп. Івонка Сурвілла

Старшыня Рады БНР, сп. Івонка Сурвілла

Сп. Аляксандра Логвін, старшыня Атаўскага аддзела ЗБК і вядучая на свяце

Агульны здымак удзельнікаў свята

Праграма урачыстага сьвяткаваньня Дня Волі, 105-х угодкаў Абвяшчэньня Незалежнасьці Беларускай Народнай Рэспублікі

Celebration of Freedom Day, The 105th anniversary of the Declaration of Independence of the Belarusian Democratic Republic

Афіцыйная частка / Official part:

1. Віншавальнае слова сп. Івонкі Сурвілы, старшыні Рады БНР, ўрад у выгнанні. Statement of Mrs. Ivonka Survilla, President of Rada of the Belarusian Democratic Republic, Belarusian government in exile.

2. Прывітальнае слова доктара Пётры Мурзёнка, старшыні БІНіМ, Канада, дырэктара Згуртаваньня Беларусаў Канады Remarks by Dr. Piotra Murzionak, President of the Belarusian Institute of Arts and Sciences, Canada (BINiM), director of the Belarusian Canadian Alliance

3. Віншаванні ад лідараў нацыянальных суполак: Remarks/statements by the leaders of diasporas:

- Маркус Колга (запіс) - прэзідэнт Рады Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў Канадзе. Спадар Колга таксама з'яўляецца ганаровым прэзідэнтам Цэнтральнай рады Эстоніі ў Канадзе. Савет Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў Канадзе - гэта нацыянальная рада абраных прадстаўнічых груп канадцаў цэнтральна- і ўсходнееўрапейскага паходжання. Разам, Савет і яго члены прадстаўляюць інтарэсы больш за 4 мільёнаў канадцаў. Згуртаванне Беларусаў Канады ўваходзіць у РЦУЕ. Marcus Kolga (recording) - President, Central and Eastern European Council in Canada. Mr. Kolga is also President Emeritus of the Estonian Central Council in Canada. The Central and Eastern European Council in Canada is a national council of elected representative groups of Canadians of Central and Eastern European heritage. Together, the Council and its members represent the interests of over 4 million Canadians. The Belarusian Canadian Alliance is a member of the CEEC.

- Андрыс Крэстэрыс - прэзідэнт Латышска-Канадскай Рады, былы прэзідэнт Балтыйскай Федэрацыі ў Канадзе Andris Kresteris - President of the Latvian Canadian Council, former President of the Baltic Federation in Canada

- Ларэта Гудынайтэ-Савіч - старшыня Супольнасці літоўцаў Канады ў Атаве Loreta Gudynaite-Savitch - President of the Lithuanian Canadian Community in Ottawa

- Барыс Біланюк - скарбнік Атаўскага аддзелу Кангрэсу Ўкраінцаў Канады Borys Bilaniuk - Treasurer of the Ottawa branch of the Ukrainian Canadian Congress.
- Прывітальнае слова ад кіраўнікоў Эстонскага таварыства ў Атаве, спадароў Tõnu

Onu i Paul Laanemets (пісьмова). Congratulatory statement from the leaders of the Estonian Society in Ottawa, by Tõnu Onu and Paul Laanemets (in writing).

4. Уручэнне узнагарод БІНІМ, Канада - доктар Пётра Мурзёнак. Awards of the Belarusian Institute of Arts and Sciences, Canada (BINIM, Canada) - Dr. Piotra Murzionak

Канцэрт / Concert:

1.Міхал Клеафас Агінскі. Паланез "Развітаньне з Радзімай" Уладзя Шамецька (скрыпка), Міхась Рыкаў (гітара)

Паланез "Развітанне з Радзімай" знакамітага Міхала Клеафаса Агінскага, які доўгі час пражыў у радавым маёнтку Залесьсе Гародненскай вобласці Беларусі і пасля паўстання Касцюшкі быў вымушаны пакінуць радзіму. Але менавіта тут, у Залесьсі, Агінскі напісаў свой знакаміты на ўвесь свет паланез, прасякнуты пачуццём шляхецкага гонару і бязмежнай любові да роднай зямлі, роднага краю. Michał Kleofas Ogiński. Polonaise "Farewell To Homeland" Uladzia Šamiećka (violin), Mikhas Rykau (guitar) Polonaise "Farewell to the Motherland" by the famous Michał Kleofas Ogiński, who lived for a long time in the family estate of Zalessia in the Grodno region of Belarus and was forced to leave his homeland after the Kosciuszko uprising. Here, in Zalessia, Aginsky wrote his worldfamous polonaise, imbued with a sense of noble pride and boundless love for his native land.

2.Ігар Лучанок, Якуб Колас. “Мой родны кут” аранжыроўка Ніны Гордан Ванда Працышын (сапрана), Уладзя Шамецька (скрыпка), Ніна Гордан (віяланчэль), Аляксандра Голад (фартэпіяна)

“Мой Родны Кут” - вядомая беларуская песьня, напісаная ў 1976 годзе кампазітарам Ігарам Лучанком на верш беларускага паэта Якуба Коласа, які быў напісаны ў 1923. Выконваюць Ванда Працышын у суправаджэнні інструментальнага трыа: Уладзя Шамецька, Ніна Гордан, Аляксандра Голад. Некалькі слоў пра Ванду. Яна вядомы педагог па вакале, саліст, харыст і камерны музыкант. Ванда ўкраінскага паходжання, мае карані ў канадскіх прэрыях. Гэта вялікае задавальненне слухаць, як Ванда спявае на беларускай мове. Igar Luchanok, Yakub Kolas "Мой родны кут"/ “My Native Place” arranged by Nina Gordon Wanda Procyshyn (soprano), Uladzia Šamiećka (violin), Nina Gordon (violoncello), Alexandra Golod (piano) “My Native Place” is a famous Belarusian song written in 1976 by Belarusian composer Ihar Lučanok based on the verses written in 1923 by classical Belarusian poet Yakub Kolas. Wanda Procyshyn is a well-known voice teacher, soloist, chorister, and chamber musician. She is of Ukrainian heritage, with roots in the Canadian prairies. It is a great pleasure to listen to Wanda singing in Belarusian.

Мой родны кут, як ты мне мілы!.. Забыць цябе не маю сілы! Не раз, утомлены дарогай, Жыццём вясны маёй убогай, К табе я ў думках залятаю, І там душою спачываю І там душою спачываю Вось як цяпер, перада мною Ўстае куточак той прыгожа, Крынічкі вузенькае ложа І елка ў пары з хваіною, Абняўшысь цесна над вадою, Як маладыя ў час кахання Ў апошні вечар раставання. Люблю цябе, мой бераг родны, Дзе льецца Нёман срэбраводны, Дубы дзе дружнай чарадою Стаяць, як вежы, над вадою. Мой родны кут, як ты мне мілы, Забыць цябе не маю сілы ! Мой родны кут, як ты мне мілы, Забыць цябе не маю сілы!

My native land, how dear you are to me! I have no strength to forget you! More than once, tired of the road, the life of my poor spring, to you I fly in my mind, and there I rest my soul. Now, like before, I see my native

land in front of me. I see the streambed and spruce paired with pine, hugging tightly over the water, how would young people hug in love on the last evening of parting. I love you, my native shore, where the Neman flows with silver waves, where oak trees in a large number, friendly, stand like towers close to the water. My hometown, how dear you are to me, I have no strength to forget you! My hometown, how are you dear to me, I have no strength to forget you!

3.Дзмітрый Даўгалеў, Уладзімір Пецюкевіч. "Пажадай мне, мама" аранжыроўка Ніны Гордан Марцін Перглер (барытон), Ванда Працышын (сапрана), Уладзя Шамецька (скрыпка), Ніна Гордан (віяланчэль), Аляксандра Голад (фартэпіяна)

Дуэт прыгожых і яскравых выканаўцаў Ванды і Марціна спявае прасякнутую любоў'ю да маці-радзімы, верай у росквіт роднага краю, яго шчаслівую будучыню, беларускую песню "Пажадай мне, мама" – кранальную, душэўную, а таму вельмі лёгка пазнавальную ў сваіх пачуццях як беларускую.

Dzmitry Daugaleu, Uladzimir Petyukevich. “Wish me, mom” arranged by Nina Gordon Martin Pergler (baritone), Wanda Procyshyn (soprano), Uladzia Šamiećka (violin), Nina Gordon (violoncello), Alexandra Golod (piano) The Canadian duet of beautiful and bright singers Wanda and Martin sings this Belarusian song imbued with love and faith in the prosperity of their motherland, and its happy future. The song is touching, soulful, and therefore easily recognizable in its feelings as Belarusian.

Пажадай мне, мама, пажадай мне Ясных дзён і самых светлых сноў! — Я іду ў нязведаныя далі Вечным полем горкіх палыноў. Я іду на кліч світальнай чайкі — Недзе там світае ранак мой, Недзе там спаткаю вечнасць бацькі, Што ўзышла курганнаю гарой. Недзе там, за той гарой святою, Наталю душу з жывых крыніц І знайду я, мама, краску-долю У святле купальскіх зараніц. Недзе там, за той гарой святою, Я не раз згадаю твой наказ: — Помні, сын, і ты, як бацька, волю Заслані сабой у грозны час!.. Пажадай мне, мама, пажадай мне Ясных дзён і самых светлых сноў! — Я іду ў нязведаныя далі Вечным полем горкіх палыноў.

Wish me, mom, wish me Clear days and brightest dreams! - I'm going to unknown distances Across the eternal field of bitter wormwood. I'm going to the call of morning seagull - Somewhere there are my morning dawns, Somewhere there I will meet the eternity of my father, That ascended like a mountain. Somewhere behind that holy mountain, I will satisfy my soul from streams And I will find, mom, the paint of fate In the light of the Kupala dawns. Somewhere behind that holy mountain, I will remember about your order: - Remember, son, to protect your country’s freedom in terrible times, like your father did! Wish me, mom, wish me Clear days and brightest dreams! - I'm going to unknown distances Across the eternal field of bitter wormwood.

4.Франц Шуберт, Трыо # 2 Op. 100 - 2 частка (урывак), Юрась Шамецька "Хлопчык" Юрась Шамецька (апавядальнік), Уладзя Шамецька (скрыпка), Ніна Гордан (віяланчэль), Аляксандра Голад (фартэпіяна).

Калі аўтар Юрась Шамецька пісаў верш "Хлопчык", у яго галаве гучала мелодыя, якую ён не мог прыгадаць. Пазней Юрась даведаўся, што гэта мелодыя з другой часткі Трыо # 2 Опус 100 Франца Шуберта. Некалькі месяцаў назад музыканты дапамаглі Юрасю аб'яднаць музыку і верш. У гэтай кампазіцыі шмат супадзенняў вобразаў: апісанне горада, прыроды і хлопчыка, які задае пытанні і знаходзіць адказы.

Franz Schubert, Trio Number 2, Opus 100 - 2nd movement (excerpt), Juraś Šamiećka "Хлопчык"/"A boy" Juraś Šamiećka (narrator), Uladzia Šamiećka (violin), Nina Gordon (violoncello), Alexandra Golod (piano)

When the author, Juraś Šamiećka, wrote his poem "A Boy", a melody sounded in his head that he could not recall. Later, Yuras found out this was a melody from the second part of Franz Schubert's Opus 100 trio. A few months ago, musicians helped Juraś to merge music and poetry. This composition unites many coincidental meetings of images: images of the city and nature, and a boy, who asks questions and finds answers.

Хлопчык. Калі я вярнуся? Не ведаю, можа, к зіме. Горад астылы, поўны спакою, цёмны, забыты, зімовы, – будзе належыць мне. Дрэвы вялікія, дужыя, наладжаныя на цішыню... Недзе на вуліцы хлопчык знаёмы, стрыманы, бескаляровы, сустрэнецца – не абміну. Спытаюся: “Як справы?“ Убачу вочы і чуб, і шапку, што мама вязала (нітак яшчэ не хапала...) Пазнаю... Бо гэта цуд... Упэўнена зразумею, што хлопчык гэты ёсць я... Грукатам трамвай мне ў такт цяжкім, каваным, сонным – пацвердзіць, што гэта так. Калі я вярнуся? Ведаю, гэтай зімой, – адчую мой горад знаёмы, прыгожы, нястомлены, новы, – той хлопчык будзе са мной.

A boy. When will I be back? I am uncertain, maybe by winter, when the city is cold, tranquil, somber, forgotten, frozen… I unite with my city again. The trees are immense, powerful, fine-tuned to silence... Somewhere on the street,I meet a familiar boy - unassuming, inconspicuous, - I can’t pass him. I ask: "How are you doing?" As I look at his eyes and face, and his hat, like my mom used to knit (and had not enough yarn...) I recognize it... It’s a miracle... I realize that this boy is me... The steady, heavy, metallic rumble of the city tram confirms this. When will I be back? I know – it will be this winter. I’ll feel my city - beautiful, tireless, fresh, - and that boy will be with me.

5.Напалеон Орда. «Накцюрн» соль мажор. Аляксандра Голад (фартэпіяна). Napoleon Orda. "Nocturne” in G Major Alexandra Golod (piano)

Напалеон Орда - знакаміты мастак, кампазітар і піяніст, жыццё і творчасць якога звязаны з Беларуссю. У музычным мастацтве Напалеон Орда вядомы як заснавальнік беларускай школы піянізму і таленавіты педагог па тэорыі музыкі. Быў дружны з Фрэдэрыкам Шопенам і Ферэнцам Лістам. Яго творы гучалі на сцэнах многіх краін Еўропы.

Napoleon Orda is a famous artist, composer, and pianist, whose life and work are connected to Belarus. In musical art, Napoleon Orda is known as the founder of the Belarusian school of pianism and a talented teacher of music theory. He was friends with Frederic Chopin and Franz Liszt. His works were played on the stages of many European countries.

6. Яўген Глебаў. «Адажыо» з балета «Маленькі прынц» Аляксандра Голад (фартэпіяна).

Яўген Глебаў (1929-2000) – выдатны беларускі кампазітар, дырыжор, педагог. Пачаўшы творчы шлях даволі позна у сэнсе таго часу (яму было 20 гадоў), ён пакінуў вялікую спадчыну ва ўсіх музычных жанрах. Сярод яго знакамітых балетаў быў «Маленькі прынц» па матывах вядомай навелы Антуана дэ Сэнт-Экзюперы. Сёння мы прадстаўляем фартэпіянную апрацоўку сцэны з гэтага балета, зробленую славутым беларускім піяністам Ігарам Алоўнікавым. У гэтай сцэне Маленькі прынц успамінае сваю асаблівую ружу, якую ён вырошчваў на сваёй маленькай роднай планеце, і гаворыць аб сваёй глыбокай любові да яе.

Eugene Glebov (Y.Hliebaŭ). "Adagio" from the ballet “The Little Prince” Alexandra Golod (piano) Evgeny Glebov (1929-2000) was a remarkable Belarusian composer, conductor, and teacher. Starting his career rather late at the time (he was 20 years old), he left a great heritage in all musical genres. Among his famous ballets was "The Little Prince" after Antoine de Saint Exupéry's well-known novel. Today, we present a piano

arrangement of a scene from this ballet, made by esteemed Belarusian pianist Igor Olovnikov. In this scene, the Little Prince reminisces about his special rose, which he cultivated on his tiny home planet, and speaks of his deep love for it.

6.Ніна Гордан, Якуб Колас. “Каляды”, урывак з паэмы “Новая зямля” Міхась Рыкаў (апавядальнік), Ванда Працышын (сапрана)

Прасодыя - гэта тэрмін, які выкарыстоўваецца, сярод іншага, для апісання мадэляў націску і інтанацыі ў вуснай мове, у прыватнасці, музычнага аспекту паэзіі. Вы адчуваеце прасодыю, калі слухаеце паэзію і ўспрымаеце яе як музыку. Так здарылася з Нінай Гордан, якая стварыла гэты вакаліз, каб аб’яднаць музыку са словамі вялікага беларускага паэта Якуба Коласа з яго паэмы “Новая зямля”, напісанай у 1911-1923 гадах. Nina Gordon, Yakub Kolas. “Yuletide,” excerpt from poem “New Land” Mikhas Rykau (narrator), Wanda Procyshyn (soprano) Prosody is the term used to describe, among other things, the patterns of stress and intonation in spoken language, particularly the musical aspect of poetry. You’ve experienced prosody if you’ve listened to poetry and perceived it as music. This is what happened to Nina Gordon, who composed this vocalize to blend music with the words of the great Belarus poet Yakub Kolas, from his poem “New Land” written between 1911 and 1923.

Каляды. Прыйшлі піліпаўкі, Мікола, Дзянькі праходзяць больш вясёла, Бо хоць зіма і крэпіць дужа, І хоць бушуе яе сцюжа, Бы тое дзікае ігрышча, І вецер жудасна засвішча, Як на дудзе ці на кларнеце На нейкім злыдневым банкеце, — Ды ўсё ж святлеюць даляў вочкі І іх бялюткія сарочкі. Ёсць хараство і ў гэтых зімах І ў мёртва-белых тых кілімах, Што віснуць-ззяюць хрусталямі Над занямелымі лясамі. — Гуляй, зіма, твая часіна! Ды скора будзе палавіна, А там цяплом табе павее. А ўдзень і сонейка прыгрэе!

Philip-tide. Then St Nicholas. More merrily the days now pass. For thought the winter presses harshly, And its dread chill rages vastly Like some wild and savage revel. And the wind howls and whistles ever Like clarinet or bagpipe wailing At some monstrous banquet playing – Yet eyes of distances gleam brightly, And their garments glisten whitely. Beauty dwells in those winters chilly, And in the dead-white of their kilims That hang and shimmer as with crystals. Over the dumbstruck forests glistening. It’s your hour, winter, revel, larking! Soon Candlemas, the half-way mark, comes. The warmth will start to blow you from us, Bright sun by day begin to warm us.

8. Генрых Вагнер. “Накцюрн” Галіна Рэзаэйпур (скрыпка), Аляксандра Голад (фартэпіяна).

Генрых Вагнер — беларускі кампазітар, педагог і піяніст, які нарадзіўся ў Польшчы, але быў вымушаны пакінуць краіну пасля нашэсця нацыстаў у пачатку 2-й сусветнай вайны, і пераехаў у Беларусь, якая ў выніку стала яго другой радзімай. Вучыўся кампазіцыі ў вядомага кампазітара і педагога Анатоля Багатырова. Вагнер вызначыўся ў стварэнні вакальнай і сімфанічнай музыкі, балетаў і музыкі да кінафільмаў, натхненнем для чаго знаходзіў у беларускім фальклоры і літаратуры. Genrikh Vagner. "Nocturne" Galina Rezaeipour (violin), Alexandra Golod (piano) Heinrich Vagner, a Belarusian composer, teacher, and pianist, who was born in Poland, but was forced to leave the country after the Nazi invasion at the beginning of World War II and moved to Belarus, which became his second motherland. He studied composition with well-known composer and educator Anatol Bahatyrou. Vagner excelled in composing vocal and symphonic music, ballets and music for movies, the inspiration for which he found in Belarusian folklore and literature.

9. Дзмітрый Камінскі. "Раманс" Галіна Рэзаэйпур (скрыпка), Аляксандра Голад (фартэпіяна)

Дзмітрый Камінскі - кампазітар, педагог, ветэран Другой сусветнай вайны, заснавальнік канцэртаў для беларускіх цымбалаў, фартэпіяна, скрыпкі, віяланчэлі і аркестра, а таксама паліфанічнай музыкі для фартэпіяна. Аўтар кантат, сімфоній, музыкі для хораў, кінафільмаў і дзяцей, папулярных песень. Большасць яго твораў навеяны беларускім фальклорам, якім ён захапляўся. Пасля таго, як яго падчарка эмігравала ў Канаду, яго музыка была забаронена ў Беларусі, і часам пазней ён далучыўся да сваёй сям'і за мяжой. Зараз яго музыка вярнулася ў краіну яе стварэння. Dzmitry Kaminsky. "Romance" Galina Rezaeipour (violin), Alexandra Golod (piano) Dzmitry Kaminsky, a composer, educator, and veteran of the Second World War, was a founder of concertos for Belarusian cymbaly, piano, violin, cello and orchestra, as well as polyphonic music for piano. He authored cantatas, symphonies, music for choirs, movies and children, and popular songs. Most of his works were inspired by Belarusian folklore, which he adored. After his step-daughter immigrated to Canada, his music was banned in Belarus and sometimes later he joined his family overseas. Currently his music is back in the country of its creation.

10. Музыка Юліі Санінай и Валерыя Бебко, словы Юліі Санінай. “Жураўлі” Вольга Кірчанава і Юрый Саідмамбетаў, Украінскі дуэт (вакал, фартэпіяна, гітара) music by Yulia Sanina and Valery Bebko, lyrics by Yulia Sanina. "Cranes" Olha Kirchanova and Yuriy Saidmambetov, Ukrainian duet (vocal, piano, guitar)

11. Святослав Вакарчук. "Не твоя війна" Вольга Кірчанава і Юрый Саідмамбетаў, Украінскі дуэт (вакал, фартэпіяна, гітара) Svyatoslav Vakarchuk. "Not Your War" Olha Kirchanova and Yuriy Saidmambetov, Ukrainian duet (vocal, piano, guitar)

12. Мікола Равенскі, Наталля Арсеннева. "Магутны Божа" Mykola Ravensky, Natalia Arsenneva.

Магутны Божа! Уладар сусветаў, Вялікіх сонцаў і сэрц малых! Над Беларусяй, ціхай і ветлай, Рассып праменні свае хвалы. Дай спор у працы штодзённай, шэрай, На лусту хлеба, на родны край, Павагу, сілу і веліч веры, У нашу праўду, у прышласць — дай! Дай урадлівасць жытнёвым нівам, Учынкам нашым пашлі ўмалот! Зрабі магутнай, зрабі шчаслівай Краіну нашу і наш народ!

O God almighty, O Lord of creation, Of splendid suns and of humble hearts, To Belarus, peaceful and patient, The radiance of Thy glory impart. O bless our daily toil, performed soundly, For native land and for bread to live, Honour and dignity and faith abounding In our cause, in our future - O give! The fruitfulness of our fields do Thou foster, Good winnowed grain give as toil's reward, O make them free, O make them prosper - Our people and our country, O Lord!

https://belarusians.ca E-mail: bca@belarusians.ca Telegram: https://t.me/belcanalliance https://binim.org E-mail: info@binim.org Telegram: https://t.me/binim_canada

Аляксандра Логвін: Святкаванне 105-угодкаў БНР у Атаве
(вэб-часопіс "Культура. Нацыя", № 31, красавік 2023, 357-367, www.sakavik.net)

Падаецца інфармацыя аб святкаванні 105-й гадавінай абвяшчэння незалежнай Беларусі, якое адбылося ў Атаве 12 сакавіка 2023 года. Прыкладаюцца здымкі Аляксандра Каралькевіча і праграма свята.

Alexandra Logvin: Celebration of the 105th anniversary of the BNR in Ottawa
(webzine "Kultura.Natsyja", issue 31, April 2023, 357-367, www.sakavik.net)

Information is provided on the celebration of the 105th anniversary of the declaration of independence of Democratic Republic of Belarus (BNR), which took place in Ottawa on March 12, 2023. Images by Alexander Karalkevich and the program are attached.

Александра Логвин: Празднование 105-летия БНР в Оттаве
(вэб-журнал «Культура. Нация», № 31, апрель 2023, 357-367, www.sakavik.net)

Приведена информация о праздновании 105-летия провозглашения независимости Беларуской Народной Республики, которое состоялось в Оттаве 12 марта 2023 года. Фотографии Александра Каралкевича и программа праздника прилагаются.

Каляндар памятных дат

Сяргей Панізьнік: БУДЗЕМ ПАМЯТАЦЬ МЫ - НЕ ЗАБУДУЦЬ І НАС

У Календары-Чысленніку творчых асобаў на 2023 год унесены даты, якія заканчваюцца на лічбы 3 і 8 - для напамінку пра юбіляраў і даты Памяці творцаў.

Даты звонкія мы ўносім
чым? Чароўнай лічбай – 8.
Юбілярам у сябры
просіцца і лічба – 3.

1 жніўня 2003 года паэт **Уладзімір Скарынкін** пакінуў такія пажаданні:

Тым, хто вандруе з грэкаў у варагі,
няўрымслівасці зычу і адвагі !

А мае зычэнні чытачам такія:

Сто летаў, зімаў, вёснаў і новых творчых вёснаў,
каб кожны зведаць востраў,
Планету павярнуць і ў Космас зазірнуць:
мо й НАШЫ там жывуць?

Але – што трэба найперш?

Каб з новай патрэбай жыць і шчыраму сэрцу парадзіць --
самога сябе адкрыць Веку, Радзіме, Праўдзе.

…Варта нам не забыцца прытуліцца да класікаў:

ЯНКА КУПАЛА: *І няма на свеце так вялікай меры,*
І няма на свеце так каваных дзвераў,
Каб хоць на часіну ў будні ці нядзелю
Беларусь са мною разлучць пасмелі.

Таму кожны раз пры сустрэчы пытаюся:

- *Хто ахвочы, каб сустрэліся на Ўзвыссі?*
Вочы ў вочы! Сэрца ў сэрца! Мысьлі ў мысьлі!

Сяргей Чыгрын, народжаны 24.09.1958 года, першым азваўся са Слоніма…

Глыток-радок паднёс Чыгрын: матае не на вус – на дрын…
І кожны том яго – з іскрын, каб мёрскі малец лез на тын.

Малец з Мёраў падтрымаў:

Вам зычэнні, каб шчырэць, бегчы, несьціся, гарэць,
радавацца, не паддавацца,
шчыра каб зычэць-гучаць, Бацькаўшчыну велічаць. /30.Х1.2020/
Велічаць – пад ясну зарыцу!

2 кастрычніка 2013 года ў Празе адбылося прадстаўленне дыска маіх фальклорных запісаў "Пад ясну зарыцу" (запіс 1968—69 гадоў), дзякуючы спрыянню **Сяргея Доўгушава**, народжанага 17.04.1983 года.

Прага. Прабіліся з памяці і маркотныя даты: 21.08.1968—1981 – аперацыя *Дунай*. Акупацыя Чэхаславакіі войскамі Варшаўскай дамовы.

А суседка Чэхіі – Сербія. Там нарадзілася 12.03.1993 года **Даяна Лазарэвіч**,

Памяць – Вір пастаяны, непагаснасці Зьніч.
Дзе Гучанне Даяны, там і Сербіі кліч! / 15.Х.2017 /.

У 2019 г. Даяна выдала зборнік перакладзеных ёю маіх вершаў пад назвай *Вішні цвітуць*. Я апублікаваў стос перакладаў вершаў Даяны разам з перакладамі вершаў Эвы Панізнік з Польшчы ў зборніку "На падкове Дзвіны" (2019).

На планеце ля дзяржаўных межаў / весніца сваяцкая душа,--
І няма – у роўнасці – замежжа, і знікае – ў роднасці – мяжа.

Паўлычка Дмытро Васільевіч нарадзіўся 28.09.1929 года –украінскі паэт, перакладчык, літаратурны крытык, дыпламат, Герой Украіны. На яго зборніку вершаў*Гранослов* я атрымаў аўтограф у г. Мікалаеве 8.У!!.1968 г. А 6.02.2009 г.. – дарчы надпіс у Мінску. Запомнілася, што Дмытро Васільевіч адрасаваў аўтограф мне, свайму беларускаму брату, * з вялікай надзеяй на заўтрашні дзень твайго жыцця і жыцця Беларусі*.

Убарадулены!
*Каму *камы-клёцкі*, а наш Алесь Камоцкі*
Заслужыў – і не ўчора – Дабраслаў ад Рыгора! 9.УІ.2008.

Мірановіч Міхаіл Канстанцінавіч, народжаны 18.лютага 1948 года. Сатырык, мемуарыст, парадыст. У 2003 г. стаў лаўрэатам прэміі імя Кандрата Крапівы.

З віншаваннем Міхасю / шлю мяцеліцу – усю!
Каб круцілася фарсіста ля паэта-парадыста.
І прысядзе тоўсты Слон на яго зыбучы ўслон. (18.02.2016)

1.03.1943 г. нарадзіўся **Уладзімір Пецюкевіч**. На вершы паэта напісалі песні кампазітары М. Алешка, Дз. Даўгалёў, Я. Захлеўны, П. Ярмоленка…

Пад зоркай Мілавіцай / жыві з любоўю ты.
Хай песні з-пад званіцы / ткуць ветразь малады. (26.01.2010)

1.03.1948 г. нарадзіўся **Анатоль Сідарэвіч**. Прапанова на яго ганцавіцкі выгук:
Ёсць выхад адсуседзіцца, узвысіцца адлупамі…
І ў Нацыю з Насельніцтва з ахвотаю патупаем. (31.У.2012)

Эсьпіноза Руіс Анхэла нарадзілася ў 1993 годзе ў Гіспаніі. Паэтэса, літаратуразнаўца, перакладчыца.

Эдуард Гашынец, славацкі славіст, нарадзіўся 29.XI.1923 года.

17.01.1953 г. нарадзілася **Ірына Жарнасек**, паэтэса, празаік пякучай тэмы.
Ад'язджае Каляда… Для Ірыны не бяда:
І Вадохрышча спаткае. Святы Юзаф прывітае.
Ну, а я не Ледасек. Вам дарунак маю – лек
- Будзь шчаслівым, Творчы Век! (17.01.2018)

3.У.1953 г. нарадзіўся **Франц Сіўко** – празаік, публіцыст. Лаўрэат прэміі *Гліняны Вялес* (2015).

1998 г. Ордэнам Трох Зорак (Тріс Звайгзнэ) ад прэзідэнта Латвійскай Рэспублікі ўзнагароджаныя **Васіль Сёмуха, Рыгор Барадулін, Сяргей Панізьнік**.

25.1Х.1938 г. нарадзіўся **Вячка Целеш** – мастак, педагог, выдавец, фалькларыст, краязнавец, заснавальнік Аб"яднання мастакоў-беларусаў Балтыі "Маю гонар", Рыжскай нядзельнай школы…
Вячка! Дружа! Жменю ружаў пасылаю праз прасцяг.
Будзь жа дужы, як наш Сцяг. З верасьнёвых новых дзей
Маеш гонар! Маладзей!
27.Х!.1988 г. Вячка Целеш заснаваў Латвійскае таварыства беларускай культуры *Сьвітанак*. *Скарына Рыгу не забудзе --*
нам зорыстым дазорам будзе!
На дзвюх мовах выдаў Вячка Целеш анталогію *Беларускія мастакі ў Латвіі 1920—1990*.—па-латышску і па-беларуску.

1158 год. Нямецкія купцы заснавалі гандлёвае паселішча ў вусці (рыгве) Дзвіны. Узнікла Рыга, сталіца Лівоніі. Узбагацеў гандлёвы Шлях з Грэкаў у Варагі.

1888 год. **Андрэй Пумпур** апублікаваў латышскі гераічны эпас *Лачплесіс*.
Ачнуўся люд. Адчуў ён сэрца зрух: / – З адвагаю і вернасцю жывіце!
Уваскрасае гераічны дух, / калі гадуе нацыю Будзіцель.

17 – 30.У.1988 год. Экалалагічную экспедыцыю па Дзвіне-Даўгаве правёў **Васіль Якавенка** (5.05.1936—22.01.2018) – празаік, публіцыст, выдавец. Удзельнікі – вучоныя з Латвіі, Расіі, Беларусі.

19.01.1518 г. Убачыла свет *Премудрости Божией книга*Францішка Скарыны.

Per aspera ad astra
/ Праз церні да зорак /.

27.02.1958 год. Рэабілітаваны **Юрка Гаўрук** (6.05.1905—18.02.1979)—аўтар першай на Беларусі анталогіі паэтычных перакладаў *Кветкі з чужых палёў* (1928).

30.06.—7.07.1968. У Мікалаеве на Украіне праходзіў Другі фестываль паэтаў братніх рэспублік. Прысутныя **Алесь Разанаў, Мікола Маляўка, Сяргей Панізьнік.**

4.Х.1498 г. Полацку – сталіцы першай дзяржавы на беларускай этнічнай тэрыторыі нададзена Магдэбургскае права. Упершыню згадваеца Полацак у 962 годзе.

Веча гудзе. Сёння з продкамі сталі мы ў шэраг.
Дабраслаўленнем у сэрцайку кожным гарыш,
Полацак! Ты радаводны наш бераг,
Вечны як наш Еўфрасінеўскі Крыж!

25 сакавіка 1918 года абвешчана Беларуская Народная Рэспубліка.

13.03.2018 г. у парку імя Янкі Купалы (Мінск) адкрыіты памятны знак у гонар ідэёлагаў беларускай дзяржаўнасці **Антона, Івана Луцкевічаў**. Спрыянне Маргарыты Сяргееўнай Пяровай – стрыечнай пляменніцы Луцкевічаў.

Тут браты спазналі
лёс:
Быць на новым старце…
І Купалу не да слёз…
Беларусь – на варце!

Эва Панізьнік-Бах жыве ў Польшчы; нарадзілася 5.01.1988 г. у Гданьску.
А **Вераніка Панізьнік** нарадзілася ў Мінску 9.02.1978 г., Жыве ў Канадзе.

Будзе сёння і пасля, нібы той Скарыны бохан,
Беларусь для ўсіх пад Богам – Веры, Любасьці зямля.

Крук Валянціна Іосіфаўна нарадзілася 9.Х!.1958 г. 23 гады ў Верхнядзвінску працавала кніжніцай рухавай, мая музейная Хата бабкі Параскі была пад яе апекай. У Полацку часта запрашала мяне для выступленняў. На мой расповяд пра прысутнасць на чарнобыльскай зямлі мілая Валянціна Іосіфаўна напісала: “Сяргей

Сцяпанавіч, жывіце доўга, даўга!" Адказаў ёй так:

Будзем жыць як набяжыць? Нам над марамі кружыць,
Бо струна яшчэ дрыжыць! Сэрцу хочацца служыць,
Бацькаўшчынай даражыць. (2.IУ.2018 г.)

9.У.1953 года нарадзіўся **Віктар Хурсік**.

І не ў хроніцы-заслонцы, а пры светленькім ваконцы
Павіншую я суседа, каб тварыў для запавета з Беларусі – на паўсвета.
І пры Поўні, і пры Сонцы – сёння, заўтра і бясконца! (9.У.2019).

Мой зборнік для дзяцей *Літары ў расе*у 2011 г. з*явіўся ў выдавецтве Віктара Хурсіка. У тым жа годзе і зборнік *На ўсе вякі…"—па-беларуску і ў перакладзе на англійскую мову Дагмар Волкат, на французскую – Ніны Дзябольскай.

6.1У.2013 г. **Барыс Уладзіміравіч Кіт** пакінуў такі запіс *…Шкада толькі, што сярод беларусаў ніколі не было паяднання*.

Ёсць наказ любіць не на паказ…А мо лепей, каб упыры вывесілі цэтлікі
Неяднанцы-растапыры, выправім хрыбетнікі! (30.У!!.2013).

Еўфрасіння Полацкая (1104—23.У. /5.У!/ 1173).
У 1883 г. прылічана да ліку святых. У 1931 г. копія Крыжа заступніцы і асветніцы, народжаная Прадславай, была ўстаноўлена ў Яўнлатгальскай царкве (цяпер Абрэнэ на тэрыторыі Расіі).
У 1938 г. **Сяргей Сахараў** выдаў у Рызе кнігу * Преподобная Евфросинія, княжна Полоцкая*.

Мне не суджана пакахаць. / Буду веру аберагаць
ад грахоў. / Цераз полымя гарадоў
Прыплыву да сваіх братоў / па любоў.

(Песню *Споведзь* на мае словы стварыў кампазітар Віктар Войцік).

15.02.1943 г. – пачатак Асвейскай трагедыі пад назвай *Зімовыя чары*.
Стварылі кнігі на гэтую тэму Ірына Жарнасек, Сяргей Панізьнік.
2003 год. Сяргею Панізьніку нададзена званне Ганаровага грамадзяніна Асвеі.

І не мружацца Асвеі / зацярушаныя веі, і не вылюблена выя…
Шэрым воўкам Доля вые… (З *Рэквіяма па ахвярах Асвейскай трагедыі*).

22.03.1943 г.--трагедыя ў Хатыні. Загінула 149 чалавек, з іх 76 дзяцей.
Даты жыцця Камінскага Іосіфа Іосіфавіча: 1887—1973.

А дзе той каваль жыве, / што каваў падковы?
Над Хатыню звон плыве / вечнасці суровай.

Валяніна Казлоўская - Лясная Кветка (19.У111.1907 – 31.03.1938) – расстраляная як шпіёнка латвійскай разведкі.

Яснейшых дзёён у Бога дачакаем, / і пройдзе час нялюбасі і зла.
О, знай тады, што для цябе, мой Краю --
Мой шматпакутны, для цябе жыла.
Каб стала Домам Дружбы -- уся Зямля!

Эдуарду Зарыцкаму (9.02.1946—6.У!.2018)– кампазітару, Народнаму артысту Рэспублікі Беларусь, Заслужанаму дзеячу мастацтваў, майму сутворцу:

Габой. Валторна. Пастараль. / Капрычыо і канцэрціна.
Там фартэп"яна, тут – раяль… Зарыцкі – айсберга ільдзіна. (9.02.2010).

Багач. **Уладзіміру Сакалоўскаму** (10.ХII.1930—20.УI.2013)—навукоўцу, перакладчыку.

Я пры жыцці яго падзяку / насіў, бо знаў не дзіваком,
Калі ён Веду і Пазнаку /валок з Еўропы ў мінскі дом.
Падносіў скарб не для бадзягі, а на падоймы тыражу…
Я пры жыцці насіў падзякі,-- паклон і сёння паднашу. (20.У!.2013).

Ліс Арсень Сяргеевіч (4.02.1934 – 28.У.2018)—літаратуразнаўца, доктар філалагічных навук, адзін з укладальнікаў акадэмічнага збору "Беларуская народная творчасць", аўтар кніг пра Я. Драздовіча, М. Гарэцкага… У 2008 г. выдаў кнігу *Gloria viktis*. Імя Арсена Ліса – у кнізе гонару "Руплiўцы твае, Беларусь".

Янка Купала. Мінск, Маладзечна, Вільня -- / Як жа знаёмы шлях гэты!
Змерыў яго я калісьці, / Як шукаў шчасця па светах.

Вольга Грыцук, дачка Васіля Дуброўскага (29.Х.1923—22.IУ.2019)—грамадзянка Канады, аўтар вершаў, успамінаў ...

Жыла ў Дзісне з Дуброўскімі, Ластоўскімі. / Там чула Жаўняровіча псалмы.
Дасюль Дзісна ні крыгамі, ні войскамі / не змецена: там Адзігітрыя і мы.
(6. IX.2013)

10.У.1968 года **Уладзімір Караткевіч** мне параіў правесці Дзень народзінаў у двары дома на вуліцы Веры Харужай, 26, дзе ён меў кватэру. Тады і пазнаёміў мяне з Вацлавам Жыдліцкім, Аляксандрам Баршчэўскім. З **Алесем Барскім** я сустракаўся часта. Запомніўся яго жарт у тэлефоннай размове з паненкай: "О, як вы сёння хораша выглядаеце!" Чуўся вясёлы хохат задаволенай слухачкі. Алесь нарадзіўся на Беласточчыне 2.ХI.1930 года. Беларускі паэт, літаратуразнаўца, публіцыст, перакладчык, Ганаровы доктар БДУ (1993), развітаўся з польскімі прасторамі 28.03.2022 года.

Ніна Янсанэ – Панізьнік (21.Х!.1933 – 11.!Х.2019) – перакладчыца з латышскай мовы твораў Яніса Райніса, Саулцэрытэ Віесэ, Андрыса Веянса, Матыльды Езавітавай, Вілберта Краснайса, Айї Лацэ… Мая родная сястра падрыхтавала для мяне падрадкоўнікі вершаў многіх латышскіх паэтаў. Пакінула лірычныя ўспаміны і вершы пра айчынную зямлю, дзе і Сонца па зямлі хадзіла…
Сястра, зажурынка мая, / і мне ты кладачкі масціла.
Вясной пакормім салаўя, / каб Сонца па зямлі хадзіла.

Леанід Маракоў (15.1У.1958 – 17.Х11.2010)—пісьменнік, журналіст, энцыклапедыст, даследчык гісторыі рэпрэсій на Беларусі. Аднавіў біяграфіі больш як 20 тысяч грамадскіх і культурных дзеячаў.
Імёны катаў акаяных / на свет выводзіў Леанід.
Боль Беларусі – акіянны, / але пад намі ёсць граніт.

Нудзьга Грыгорый Антонавіч (21.01.1913—14.03.1934)—украінскі пісьменнік, фальклрыст, крытык. Аўтар даследавання “Беларуская песня за мяжой”. (Часопіс “Полымя”, №4, 1967 г.)

У 1923 годзе арыштаваны ў Расіі па справе філаматаў **Адам Міцкевіч** (24.Х11.1798 – 26.Х1.1855). Яго жыццёвы шлях ад Завосся каля Наваградка -- да Кракава ў Польшчы. Польскі паэт беларускага паходжання, публіцыст, асветнік. У 1818 г. стварыў першы верш “Гарадская зіма”. Яго вызначалі як аднаго з пачынальнікаў новай беларускай літаратуры, беларускім польскамоўным паэтам. Прафесар славянскай славеснасці на кафедры славянскіх літаратур у Каледж дэ Франс у Парыжы прамовіў: “На беларускай мове, якую называюць русінскай, гавораць каля дзесяці мільёнаў чалавек, гэта самая багатая і самая чыстая гаворка, якая ўзнікла даўно і цудоўна распрацавана.”

Кастусь Каліноўскі /Вінцэнт Канстанцін / (2.02.1838 – 22.03.1864) – нацыянальны герой Беларусі, кіраўнік вызваленчага паўстання 1863—64 гадоў. Публіцыст, паэт, выдавец, аўтар “Лістоў з-пад шыбеніцы”, “Мужыцкай праўды” (1862) – першай у гісторыі газеты на беларускай мове.
Хай жа будзе заўжды пры нас / З добрым імем, каляным, носкім,
Як вось гэты гранітны сказ: “Кастусь Каліноўскі”. (5.IУ.1967)

Абала Мірдза Эдуардаўна (23.02.1923—24.02.2007) – доктар філалагічных навук, перакладчыца, даследчыца беларуска-латышскіх сувязяў, стваральніца “Беларуска-латышскага і латышска-беларускага слоўніка” (З дапамогай Ніны Янсанэ).
О, Мірдза Абала, пішы: / З рыгва Даўгавы латышы
Купалу звалі на прыём… - Laj dzivo! Ў дружбе мы жывём! (28.У!!!.2021)

Белакоз Алесь Мікалаевіч (11.XI.1928 – 1.XII.2016) – стваральнік Літаратурна-этнаграфічнага музея ў Гудзевічах Мастоўскага раёна. Пасля сустрэчы там з вялікай сябрынай апантаных творцаў напісаўся ўзнёслы верш.
Вось некалькі радкоў, народжаных у 1984 годзе:

Слова там на вусенках журкоча, / гоіць і зачарствелы шрам…
Дзе вы, Гуды? Крочу не на ўзбочча, / а на шлях у выратавальны Храм.

Талерка Мікалай Нікандравіч (4 /17/ Х11.1898—3.04.1984) – педагог, паэт, мастак, празаік, фалькларыст, беларускі культурна-грамадскі дзеяч у Латвіі.

Сартакоў Сяргей Венядзіктавіч (26.03.1908—1.У.2005)—рускі пісьменнік, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі СССР (1970). У Віцебску на літаратурнай сустрэчы прамовіў: - А я, браткі, напалавіну беларус. У мяне мама беларуска… (На літаратурнай вечарыне ў Верхнядзвінску прысутнічала дачка Сяргея Сартакова. Адбылося і наведанне вёскі каля старажытнай Дрысы).

=====================================

“На радзіме і дождж сушэйшы!” – прамовіў **Васіль Быкаў** у Пуцілкавічах 16.У!.1985 года, калі мы аглядалі Дом-музей Петруся Броўкі. Незабыўныя сустрэчы адбыліся з ім ў Горадні, на Кургане Дружбы каля Верхнядзвінска… Васіль Уладзіміравіч Быкаў (19.УІ.1924 – 22.УІ.2003) - у сваю дывізію пайшоў, як і Аляксей Пысін. Таму і жыве абаронная раць удзельніка баёў у Румыніі, Венгрыі, Югаславіі, Аўстрыі… Пад час Кіравагградскай аперацыі яго паранілі (памылкова імя запісалі на абеліску загінуўшым 7.01.1944 года).

Але як пісьменніка, грамадскага дзеяча Васіля Быкава не забываюць на мацерыках планеты, памятаюць у нас народнага дэпутата, Ганаровага грамадзяніна Ушацкага раёна… А найперш Васіль Быкаў – Герой Сацыялістычнай працы, лаўрэат Дзяржаўнгай прэміі СССР, Народны пісьменнік Беларусі. З 1966 года у Васіля Быкава часта былі непярэліўкі. З яго гродзенскіх успамінаў вычытаў “…многа мы перажылі ўдвух з Карпюком”. Першы верш, які я прысвяціў Васілю Быкаву пасля ўзрушанай сустрэчы ў чэрвені 1969 года, пачынаўся радком “Трубілі трубачы ў Гародні”. Дазнаўся, чаму сцены гродзенскія стаяць? А каб не ведаць нападу і згубы…

Для численніка з яскравымі лічбамі 3 і 8 далучаю і такія весткі:пра лаўрэата Дзяржаўнай прэміі БССР (1978), лаўрэата Ленінскай прэміі (1988), у 1988 г. Васіль Быкаў стаў адным з заснавальнікаў Беларускага народнага Фронту (прыслухаўся да парады Рыгора Барадуліна). 1968 год быў асвечаны выхадам кнігі Быкава “Праклятая вышыня”, а 1998 год – выхадам кнігі “Крыжовы шлях”.

А я ў кнізе паэзіі ”Чало і век” (1979) Васілю Быкаву прысвяціў верш “У Гродні”. Там ёсць такія радкі:

Як ваяцкая булава / паднялася над горадам сонца.
І жыве абаронная раць, / звонка трубяць гарачыя трубы!
Каб не ведаць нападу і згубы -- / сцены гродненскія стаяць.

І сцены ў літоўскім гарадку Ніда трапяталі пры размове Васіля Быкава з украінскім паэтам Дмытром Чараднічэнкам. Я пераклаў верш Дмытра “Куршская дуга”, прысвечаны Быкаву. Там ёсць і такія радкі:

Так пахла ў паветры Свабодаю . / Калі мы сустрэліся ў Нідзе!

Прытуляю некаторыя цытаты з вершаў-прысвячэнняў Васілю Уладзіміравічу:

Перада мной учэпісты рубеж: / Яго і бураломам не праб’еш…
Чую-чую: у звыклай буднасці / трапяткое крыло… / І верыцца::
не заснула ты, чуйнае сэрца, / да прылётнай абуднасці.
Пад завеяй не задыхнулася, / не знямела яшчэ – і можа
тою гулкаю быць Каложай, / што над Нёманам нахінулася.

Васіль Быкаў: “І жыве абаронная раць…” Артыкул быў змешчаны ў кнізе нататак “Аблічча сустрэчаў” (2017). Друкавалі мае тэксты і ў другіх выданнях. Людміла Хейдарава пра мае высілка адказала так: “Дзякую за ўсе Вашыя згадкі, па якіх можна выбірацца з лабірынтаў мінулага да нашай еднасці, гонару і слав, каб “стаць у шэрагі непахісных”. І гэты неацэнны быкаўскі цуд: “На радзіме і дождж сушэйшы!” – да слёз” (19.06.2018).

Так, светлая Памяць пра атланта Быкава асмельвае нас на ўгаспадаранне яго айчыннага мацерыка.

Сяргей Панізьнік. Снежань 2022 года

Сяргей Панізьнік: БУДЗЕМ ПАМЯТАЦЬ МЫ - НЕ ЗАБУДУЦЬ І НАС
(вэб-часопіс “Культура. Нацыя”, № 30, лістапад 2022, 436-438, www.sakavik.net)

Знакаміты беларускі паэт і актыўны аўтар часопіса “Культура. Нацыя” сп. С. Панізьнік ужо па традыцыі падае ў часопіс каляндар памятных дат - як напамінак пра юбіляраў і даты Памяці творцаў. У Каляндар пра творчых асобаў на 2023 год унесены даты, якія заканчваюцца на лічбы 3 і 8.

Сергей Панизник: МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ – НЕ ЗАБУДУТ И ПРО НАС
(вэб-журнал «Культура. Нация», № 31, апрель 2023, 368-377, www.sakavik.net)

Известный беларусский поэт и активный автор журнала «Культура. Нация" Сергей Панизник по традиции представляет в журнал календарь памятных дат, как напоминание о юбилеях и датах Памяти Творцов. В Календарь включены даты о творческих людях на 2023 год, которые заканчиваются цифрами 3 и 8.

Siarhei Paniznik: We will remember – They will not forget us
(webzine "Kultura.Natsyja", issue 31, April 2023, 368-377, www.sakavik.net)

By tradition, famous Belarusian poet and active author of the magazine "Culture. Nation" Mr. S. Paniznik submits a calendar of commemorative dates to the magazine, as a reminder of anniversaries and dates of the creators. The Calendar includes dates about creative people for 2023 that data end with the numbers 3 and 8.

Наступны 32-гі нумар часопіса «КУЛЬТУРА. НАЦЫЯ» выйдзе ў лістападзе 2023 г.